

SELECTA

XXXIV

Владимир Александрович Козлов,
фото из семейного архива

ИСТОРИЯ
С С С Р
И РОССИИ
архивная революция

Научный сборник
памяти В. А. Козлова

Редактор-составитель О. В. Эдельман

Модест Колеров
Москва 2025

ББК 63.3(2)я43
УДК 94(470)(082)
И90

SELECTA

серия гуманитарных исследований под редакцией М. А. Колерова

На обложке — фотография Ф. М. Колерова

**И90 История СССР и России: Архивная революция : научный сборник
памяти В. А. Козлова / ред.-сост. О. В. Эдельман. — Москва : Модест Ко-
леров, 2025. — 344 с. — (SELECTA. Т. XXXIV).**

ISBN 978-5-905040-98-6

ББК 63.3(2)я43
УДК 94(470)(082)
И90

ISBN 978-5-905040-98-6

© Авторы статей, текст, 2025

© О. В. Эдельман, составление и редакция, 2025

Содержание

Введение. Памяти В. А. Козлова (29 сентября 1950 — 19 сентября 2023)	7
<i>О. В. Хлевнюк.</i> Архивная революция и новые источники для изучения массовых настроений в СССР. Начало пути	10
<i>А. Р. Томилин.</i> Почему не был взят Константинополь в 1878 году?	22
<i>А. М. Лаврѐнова.</i> «Систему зубатовских собеседований переняла новая порода прокуроров, вроде негодяя Трусевича ... »: Неизвестное письмо Г. А. Гершуни	72
<i>М. М. Горинов.</i> Кто после Ленина? Болезнь, завещание и несостоявшийся наследник большевистского вождя	88
<i>М. А. Колеров.</i> Шаг к мировой революции в наследстве Ленина: национальное государство УССР в составе СССР / Мировой ССР (1922–1923)	169
<i>А. И. Казанков.</i> Колхоз в повседневности западно- уральских крестьян 30-х годов XX века	186
<i>А. Р. Дюков.</i> Большой террор 1937–1938 годов в Белорусской ССР: статистические данные	223
<i>О. Л. Лейбович, Ю. С. Колчанова.</i> «Склоняют и славословят войну, а работают не по-военному ... »: Стенографическая запись доклада секретаря Молотовского обкома ВКП (б) Н. И. Гусарова на пленуме областного комитета партии 20 октября 1941 г.	233

<i>П. М. Полян. Обреченные погибнуть, но сумевшие уцелеть: заметки о миграционной истории и Холокосте горских евреев</i>	<i>288</i>
<i>О. В. Эдельман. Надзорные производства прокуратуры СССР как исторический источник</i>	<i>320</i>
<i>Избранная библиография трудов В. А. Козлова</i>	<i>337</i>

Введение

Памяти В. А. Козлова

(29 сентября 1950 — 19 сентября 2023)

Владимир Александрович Козлов — выдающийся ученый, мастер работы с источниками, оригинальный мыслитель, яркий, неординарный, обаятельный и ироничный человек, выпускник исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, с 1972 по 1988 г. работал в Институте истории СССР АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию. В годы перестройки в 1988–1991 гг. был заведующим сектором политической истории 1920–1930-х гг. Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, участвовал в газетной и журнальной полемике тех лет, связанной с переоценкой взглядов на советскую историю. Однако, самый плодотворный период в его и административной, и творческой работе начался с мая 1993 г., когда Владимир Александрович возглавил Центр изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В то время в архив пришло новое руководство, новая команда во главе с директором С. В. Мироненко. В традиционный и несколько специфичный, профессионально обособленный и замкнутый архивный мир пришли люди из академической науки, которые прежде, конечно, ходили в архивы, но как исследователи со стороны читального зала. Теперь же они возглавили процесс решительных перемен, открытия бескрайних советских спецхранов, открытия заново истории советского (да и дореволюционного) периода. И если еще за несколько лет до того, в пылу перестроечных дискуссий, казалось, что в целом советская история известна, просто имеет «белые пятна», запретные темы, которые достаточно просто вы-

вести из-под запрета, то открытие архивов, тогда же окрещенное «архивной революцией», быстро показало, что ничего подобного: вся история СССР предстала в совершенно ином виде.

Трудно переоценить личный вклад В. А. Козлова в этот процесс, и как руководителя, под началом которого стали выходить фундаментальные документальные сборники, и как автора исследований, без преувеличения, проложивших новые направления в науке. Владимир Александрович являлся основателем и руководителем публикаторской деятельности ГА РФ. В. А. Козлов, что нетипично для гуманитарного ученого, внес огромный вклад в развитие архивных компьютерных технологий, электронных баз данных. Он был инициатором издания серии каталогов «Особых папок» Сталина, Молотова, Берии, Хрущева (т. е. папок, в которые Секретариат НКВД—МВД СССР подшивал сообщения и доклады ведомства советскому руководству); работы над темой антисоветских выступлений в послесталинском СССР, результатом чего стали каталог дел Генеральной Прокуратуры СССР «58-10», написанная под его руководством книга «Крамора» и знаменитая книга самого В. А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР»; подготовки многотомной документальной истории сталинского ГУЛАГА, два тома которой были составлены им как научным редактором (за это издание В. А. Козлов был награжден медалью Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Спешите делать добро»); пофондовой публикации «Советская военная администрация в Германии», а также создания электронного каталога фондов СВАГ. Среди множества его неординарных работ монография «Где Гитлер?» о «деле “Миф”» — повторном расследовании обстоятельств смерти Гитлера. Ряд новаторских статей на материалах СВАГ был написан Владимиром Александровичем в соавторстве с его супругой Мариной Евгеньевной.

Владимир Александрович пользовался огромным уважением и любовью сотрудников архива, ценивших его блестящий ум, иронию и доброту. Для многих подчиненных он стал учителем и примером несуетного служения интеллектуальному научному поиску. А еще многие бывшие подчиненные помнят с благо-

дарностью о том, как Владимир Александрович — который мог быть и резким, и насмешливым, и непредсказуемым — приходил на помощь в трудных житейских ситуациях. Наконец, это был большой начальник, к которому можно было просто зайти поговорить, обсудить научные проблемы и архивные изыскания. Для многих сотрудников добрым другом была и Марина Евгеньевна, часто бывавшая в архиве, много работавшая, всегда сердечная и приветливая.

О. В. Хлевнюк

АРХИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МАССОВЫХ НАСТРОЕНИЙ В СССР. НАЧАЛО ПУТИ

Архивная революция в России, общеизвестный, но все же недостаточно изученный феномен, означала не просто расширение доступа к ранее преимущественно закрытым российским архивам, но также целый комплекс научно-организационных мероприятий и творческих усилий историков, нацеленных на поиски и освоение архивных источников¹. Многие направления историографии советского периода благодаря архивной революции получили существенное развитие. Значительное место среди них занимала социальная история, ставшая с самого начала своеобразным символом новых возможностей для понимания советского прошлого. Чрезвычайно важная и увлекательная задача реконструкции массовых настроений и анализа практик, скрытых за общеизвестными стереотипами советской пропаганды о единстве советского народа, сплотившегося вокруг партии, становилась по мере открытия архивов все менее умозрительной, приобретала источникивые основания².

¹ Одна из первых комплексных оценок архивной революции в России дана в статье: В. А. Козлов, О. К. Локтева. Архивная революция в России (1991–1996 гг.) // Свободная мысль. 1997. №1. С. 113–121; №2. С. 115–124; №4. С. 116–128. См. также: Р. Г. Пихоя. Записки археографа. М., 2016.

² Об общих масштабах публикации документальных материалов разного рода на начальном этапе архивной революции дают представление имеющиеся справочные издания. Так, за 1985–1996 гг. были зафиксированы

Одним из первых шагов на этом пути был проект «Неизвестная Россия. XX век», организованный группой историков под руководством В. А. Козлова на базе Московского городского объединения архивов в самом начале 1990-х годов³. Проект отражал характерные черты процесса первоначального освоения архивов: сосредоточенность на выявлении и публикации документов по тем вопросам советской истории, которые вызывали как научный, так и общественный интерес. На этом этапе речь еще не шла о глубоком анализе новых источников. Скорее решалась задача стимулирования освоения архивов и демонстрации содержательного многообразия и значимости новых источников. Заметное место в альманахах «Неизвестная Россия» занимала социальная проблематика. Альманахи открывали для читателей и исследователей такие новые комплексы документов, как перлюстрация частных писем военной цензурой, информационные материалы ОГПУ, НКВД и МГБ о настроениях различных групп населения в связи с важными событиями, происходившими в стране, мемуары, письма во власть из разных архивов и частных коллекций⁴. Такие мозаичные публикации помимо всего проче-

более 3,2 тыс. публикаций документов и источников личного происхождения в советских и российских журналах и альманахах. Большая часть из них относились к советскому периоду (Открытый архив: справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной журнальной периодике и альманахам. 1985–1996 гг.). 2-е изд. / Сост. И. А. Кондакова. М., 1999.) За 1990–2000 гг. в СССР и России было опубликовано свыше 1,2 тыс. сборников документов и источников личного происхождения. Многие из них также относились к советскому периоду (Открытый архив-2: справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг. / Сост. И. А. Кондакова. М., 2005).

³ Неизвестная Россия. XX век / Ред. серии В. А. Козлов. Т. 1–4. М., 1992–1993.

⁴ См., например: Частные письма эпохи Гражданской войны. По материалам военной цензуры (Публикация И. Давидян, В. Козлова) // Неизвестная Россия. Т. 2. М., 1992. С. 200–252; Последняя болезнь Сталина. Из отчетов МГБ СССР о настроениях в армии весной 1953 г. (Публикация В. Лазарева) // Там же. С. 253–260; Как снижали цены в конце 40-х — начале 50-х годов (Публикация А. Краюшкина, Н. Тепцова) // Там же. С. 282–

го позволяли лучше понять состав архивов советского периода, многие из которых тогда еще не имели удовлетворительных путеводителей и доступного научно-справочного аппарата.

Новые возможности для публикации документов появились в начале 1990-х годов в связи с организацией значительных международных проектов, объединявших усилия историков из различных стран, а также российских архивистов. Инициаторами таких проектов выступили в первую очередь российские историки-аграрники, имевшие значительные научные заделы и навыки работы с архивами, сложившиеся в советский период. Под руководством В. П. Данилова были реализованы два проекта, один из которых полностью посвящался публикации комплекса информационных материалов органов госбезопасности о советской деревне за 1920–1930-е годы⁵. Аналогичные информационные материалы по городам публиковались еще в одной серии документальных сборников⁶. Несмотря на то, что в документах госбезопасности содержались многочисленные данные о поддержке населением общего курса и отдельных кампаний, проводимых в этот период, основная ранее неизвестная информация касалась антиправительственных настроений и акций. Благодаря этим материалам историки не только узнали, но и смогли достаточно глубоко изучать такие явления, как массовые антиколхозные настроения крестьян и восстания в деревне в начале 1930-х годов, охватившие несколько миллионов человек, забастовки и волнения городских рабочих и т. д. Вскоре последовали также пуб-

296; Обыденный нэп. Сочинения и письма школьников 20-х гг. (Публикация В. Козлова и Е. Семеновы) // Неизвестная Россия. Т. 3. М., 1993. С. 259–323; Смерть Ленина: народная молва в спецдонесениях ОГПУ (Публикация Л. Кошелевой, Н. Тепцова) // Неизвестная Россия. Т. 4. М., 1993. С. 9–26.

⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939 / Под ред. В. П. Данилова, Л. Виолы и др. Т. 1–5. М., 1999–2004; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918–1939 / Под ред. В. П. Данилова, А. Береловича и др. Т. 1–4. М., 1998–2012.

⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1–10 / под ред. А. Н. Сахарова, В. С. Христофорова. М., 2001–2017.

ликации некоторых информационных документов госбезопасности о массовых настроениях в годы Великой Отечественной войны⁷. Однако в дальнейшем это открытие новых источников спецслужб о положении в стране и массовых настроениях застопорилось. До сих пор основной доступный комплекс документов такого рода относится к периоду 1920–1930-х годов.

Помимо материалов из центрального архива госбезопасности в Москве, в оборот начали вводиться также аналогичные информационные сводки чекистских и партийных органов из региональных архивов. Первое монографическое исследование массовых настроений, появившееся на начальном этапе архивной революции, было построено на документах архивов Санкт-Петербурга⁸.

Несмотря на широкое опубликование и использование, информационные материалы госбезопасности не подвергались серьезному источниковедческому анализу. Не были изучены практики их составления, степень достоверности (хотя в целом их относительная достоверность не подвергалась и не подвергается сомнению), вероятность следования в сообщениях и сводках определенному формуляру, схеме, стандартным оборотам и предписанным сверхобразцам. Эти задачи не решены до сих пор.

Гораздо большей аутентичностью отличались письма, заявления, жалобы и доносы населения в различные органы власти, которые нередко объединяли единым термином «письма во власть». Как правило, их действительно писали советские граждане, выступавшие от своего имени или анонимно. Конечно, эти источники также требовалось анализировать на предмет воз-

⁷ Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы / сост.: К. И. Буков, М. М. Горинов, А. Н. Пономарев. М., 1995; Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / Сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачев. М., 2000.

⁸ S. Davies. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997; Русское издание: С. Дэвис. Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М., 2011.

возможного соответствия/несоответствия подлинным настроениям, выясняя цели автора заявления, его попытки манипулировать государством в собственных интересах и т. д. Историки обращали внимание на изучение этих вопросов еще до массового открытия советских архивов, используя материалы советской прессы⁹.

Архивная революция позволила осознать огромные масштабы обращений граждан в различные партийно-государственные структуры. Несмотря на явную тенденцию уничтожать немалую часть таких документов (если не абсолютное большинство из них), историки, приходя в архивы получили возможность использовать значительные комплексы «писем во власть»¹⁰. Эти первые публикации показали, что заявления, жалобы, предложения писало без преувеличения большинство страны. Это была обычная повседневная практика, поощряемая самими властями, но в значительной мере являвшаяся насущной необходимостью для рядовых граждан. В советской централизованной системе государство играло исключительную роль. При отсутствии частной собственности и инициативы большинство даже самых мелких жизненных проблем люди были вынуждены решать через государство, а значит писать жалобы, заявления, ходатайства в различные государственные инстанции. Государство владело практически всеми рабочими местами. Только через государство можно было получить или построить жилье. В государственных магазинах приобреталась значительная часть необходимых для жизни товаров. Только в государственных больницах лечили или отказывали в лечебной помощи. Государство устанавливало категории лиц, которые получали пенсии и различные пособия, а также определяло размеры этих выплат. При отсутствии реальной судебной системы советские люди решали через чиновников все

⁹ См. об этом: *Ш. Фитцпатрик*. Срывайте маски. Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 181.

¹⁰ *Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* / Сост. А. К. Соколов, С. В. Журавлев и др. М., 1997; *Письма во власть. 1917–1927 гг.* / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М., 1998; *Общество и власть: 1930-е годы* / Сост. А. К. Соколов, С. В. Журавлев и др. М., 1998 и другие.

конфликты и споры. Огромный бюрократический аппарат и распространенные злоупотребления чиновников вызывали многочисленные жалобы на чиновников вышестоящим чиновникам. Поскольку аресты, депортации, заключения в лагеря, а в отдельные периоды и расстрелы обрушивались на миллионы людей, постольку в разные инстанции шли многочисленные просьбы и жалобы о смягчении участи жертв репрессий. Писали сами арестованные, их родственники, реже, но все же писали различные поручители, осмеливавшиеся защищать своих знакомых и коллег¹¹.

Помимо личных жалоб и просьб, значительное количество писем имели так сказать «позитивный» характер. Архивы буквально переполнены письмами-инициативами. Они касались реорганизаций государственных органов, проведения тех или иных социально-экономических преобразований, переименований городов, введения новых праздников и церемоний, исправления «ошибок» в прессе и многого другого. Такие письма были способом реализации социальной активности в узких рамках советской дозволенности. Не исключен определенный корыстный интерес авторов таких инициатив — выдвинуться, попасть в поле зрения высоких властей.

Очевидный механизм поощрения со стороны государства действовал в отношении многочисленных доносов и сигналов о злоупотреблениях и «вражеской деятельности». Власти считали такие заявления важнейшим каналом контроля над положением на местах. Доносы, включая анонимные, проверялись. Используя особую заинтересованность режима в «разоблачениях» снизу и почти полную безнаказанность за клевету, многие советские граждане активно использовали доносы как один из немногих способов манипулирования государством. Многие доносчики руками государства решали собственные корыстные задачи — сводили счеты, выселяли из коммунальных квартир соседей, устраняли конкурентов на службе и т. д. Не следует также забывать, что для бесправных и обездоленных «низов» доносы

¹¹ Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998.

были практически единственным способом мести всемогущим чиновникам. Государство толкало людей на то, чтобы использовать в борьбе за свои права такие методы.

Одним из первых обратился к изучению доносов как особого вида коммуникации населения с государством В. А. Козлов, используя документы МВД СССР за 1944–1953 гг.¹² Автор, прежде всего, отметил, что особенностью комплекса заявлений и жалоб, отложившихся в фонде МВД, было наличие не только самих этих документов, но также материалов, свидетельствующих об их дальнейшей судьбе. Действительно, значительная часть публикаций писем в власть отличалась тем, что взятые сами по себе тексты писем не позволяли оценить многие существенные аспекты этого социально-политического явления и его роль в советском политическом процессе как регулятора взаимодействия между населением и властью, как механизма информирования высшей власти о положении дел на местах.

Опираясь на документы МВД, В. А. Козлов провел систематизацию доносов, разделяя их на корыстные и бескорыстные, выделил основные алгоритмы работы этого ведомства с заявлениями, показал, что в недрах сталинской системы, нацеленной на поощрение доносительства как метода получения информации об аппарате и подчинения чиновников, нарастало сопротивление этим практикам, формирования бюрократического противодействия, основанного на принципе круговой поруки.

Таким образом, в историографии начального этапа архивной революции намечались две тенденции анализа новых источников о массовых настроениях. Первая — использование их для исследования собственно настроений, повседневности, политических установок, процессов усвоения/отторжения официальной пропаганды и советских ценностей и т. д. Вторая — рассмотрение заявлений, жалоб, доносов в качестве института связи между государством и народом, способа манипуляции гражданами государством и государства гражданами, каналом получения центром информации о положении дел на местах и контроля над аппаратом.

¹² В. Козлов. Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. №4. С. 100–112.

Первоначально сосредоточенные на информационных материалах органов госбезопасности и письмах во власть, социальные историки сталкивались с определенными сложностями. Прежде всего, эти источники охватывали преимущественно довоенный период, почти иссякая применительно к военным и послевоенным годам. Кроме того, имея ярко выраженный субъективный характер, они нуждались в сопоставлении с другими материалами. Определенные возможности для этого предоставляли такие источники личного происхождения, как мемуары и, главным образом, дневники, в больших количествах ставшие доступными как в государственных, так и в семейных архивах. Большую часть в таких публикациях составляли личные документы представителей творческой интеллигенции. Например, на первом этапе архивной революции начались публикации в журнальных и книжных вариантах известных дневников М. М. Пришвина, К. И. Чуковского, В. И. Вернадского и многих других¹³. Увеличивалось количество публикаций воспоминаний и дневников периода Великой Отечественной войны. В целом, динамичное развитие этого направления послужило основой для последующего создания общей электронной базы дневников в рамках масштабного и чрезвычайно важного проекта «Прожито»¹⁴.

Несмотря на относительное обилие источников социального характера, историки продолжали искать дополнительные возможности для изучения массовых настроений и советской субъективности. В связи с этим внимание было обращено на судебно-следственные дела, в которых отражались многие реальности советской повседневности. Особый интерес представляли надзорные производства, которые содержали не только обвинения против осужденных, но также материалы дополнительного расследования и оценки вынесенных приговоров и материалов дела.

¹³ М. М. Пришвин. Дневники. 1914–1917. М., 1991; М. М. Пришвин. Дневники. 1918–1919. М., 1994; М. М. Пришвин. Дневники. 1920–1922. М., 1995; В. И. Вернадский. Дневники: Март 1921 — август 1925. М., 1999; К. И. Чуковский. Дневник. 1901–1929. М., 1991; К. И. Чуковский. Дневник. 1930–1969. М., 1994.

¹⁴ <https://prozhitto.org>.

Это заметно повышало значимость и достоверность судебных следственных источников, которые традиционно находятся под подозрением у историков.

Первой попыткой обработки документов надзорных производств Прокуратуры СССР с целью выявления и систематизации информации о массовых настроениях в широких хронологических рамках был проект о надзорных производствах по статье 58-10, предложенный В. А. Козловым.

Речь шла о создании базы данных и последующем анализе значительного комплекса документов отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР¹⁵. Надзор за следственными действиями органов госбезопасности, велся в специальных отделах областных, республиканских или союзной прокуратур. Результатом этого были надзорные дела (производство), которые формировались в процессе следствия или задним числом по жалобам осужденного или его родственников. По этой причине надзорные производства могли формироваться позже в связи с пересмотром прежних приговоров.

Надзорные производства состояли из группы документов: жалобы осужденных или их родственников о пересмотре дела; обзорные итоговые документы, составившиеся сотрудниками Прокуратуры по поводу сути дела и возможности его пересмотра; копия прокурорского протеста, направленного в суд, и последующего судебного решения; копии обвинительного заключения, приговора, материалов уголовного дела, в том числе протоколы допросов. Общее число хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации надзорных производств Прокуратуры СССР по делам о контрреволюционных преступлениях превышает 100 тысяч единиц.

Таким образом, эта группа надзорных производств является важным и хорошо систематизированным источником, характеризующим как практики репрессивной политики советского государства по политическим обвинениям, так и массовые настроения, зафиксированные в виде антисоветских высказываний или

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8131. Оп. 31, 36.

письменных заявлений разного рода. Важно отметить также, что этот источник охватывает почти весь период советской истории.

На основании базы данных надзорных производств по делам об антисоветской агитации и пропаганде были подготовлены первые публикации, позволяющие оценить возможности этого источника и проанализировать зафиксированную в нем информацию¹⁶. Ценность этих изданий заключалась также в том, что они охватывали наименее изученный с точки зрения массовых настроений период с 1953 г. Всего в рамках проекта была опубликована база на 4 855 человек, осужденных за антиправительственные высказывания по статье об антисоветской агитации и пропаганде в 1953–1991 гг.¹⁷

Материалы прокуратуры использовались также в других проектах, осуществлявшихся в Государственном архиве Российской Федерации. В их рамках исследовались различные проявления протестных массовых настроений в связи с различными антиправительственными выступлениями¹⁸. Можно отметить, что эти работы оказали определяющее влияние на исследование проблемы. В последующие десятилетия новые столь же значимые научные проекты по теме так и не появились.

Этот небольшой обзор начального этапа освоения новых источников о массовых настроениях в СССР, главной целью которого было показать, какой вклад в этот процесс внесли проекты Государственного архива Российской Федерации, можно допол-

¹⁶ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 — 1991. Аннотированный каталог / Под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. М., 1999; Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. М., 2005.

¹⁷ 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР. С. 6.

¹⁸ В. А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х годов). Новосибирск, 1999; История сталинского ГУлага. Собрание документов : в 7 т. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных / Отв. ред. и сост. В. А. Козлов; сост. О. В. Лавинская. М., 2004.

нить также некоторыми общими наблюдениями об опыте архивной революции.

Прежде всего, целесообразно отметить, что международное сообщество историков сравнительно успешно справилось с вынужденно форсированным освоением архивов после их почти одномоментного массового открытия. Первые десять лет архивной революции, как и последующие годы, были отмечены небывалым ростом числа документальных публикаций, многие из которых имели принципиальное значение и способствовали как расширению доступа к архивам, так и развитию историографии. Тогда были выработаны многие правила публикации новых документов, принципы формирования документальных изданий. Конечно, этот источниковый ренессанс имел определенные издержки. Во многом вынужденная подготовка огромного количества сборников документов отвлекала силы и время от исследовательских задач, реализуемых в виде статей и монографий. Далеко не все документальные проекты подкреплялись соответствующими исследованиями. Хотя, как было показано выше, в ряде случаев это делалось.

В целом вклад документальных проектов в развитие исследований советского периода можно оценить высоко. Они сыграли, возможно, ключевую роль в становлении новой российской историографии. Документальные проекты ввели в оборот большое количество новых документов, снабженных во многих случаях важными комментариями. Сборники документов почти всегда являются также своеобразными путеводителями по тем фондам, на которых они построены. Они демонстрируют возможности и дают адреса для поисков новых источников, позволяя легче ориентироваться в огромных архивных сетях. Широкая публикация документов была одним из факторов реализации новых направлений и методов исследований, в том числе в области социальной истории, изучении практик и ранее скрытых процессов формального и неформального характера.

Документальные проекты позволили изучить систему советского делопроизводства, а значит — лучше ориентироваться в архивных фондах советского периода. Во многом благодаря

этим проектам историки теперь имеют достаточно обоснованные представления о составе закрытых частей архивов или закрытых архивов. Это позволило изжить своеобразный комплекс архивной зависимости, который присутствовал в первый период открытия архивов. Коротко говоря, этот комплекс заключался в том, что историки опасались быстрой девальвации их работы в связи с возможным открытием новых архивных источников. Сегодня любой специалист уже достаточно хорошо осознает потолок такой возможной девальвации, представляет себе, какие источники по его теме находятся вне пределов досягаемости и что они могут изменить в случае введения их в оборот. Знание структуры архивов и их состава позволяет историкам достаточно активно использовать метод взаимозаменяемости документов. Материалы, все еще засекреченные в одних фондах, находят в других фондах, где они доступны.

Масштабная публикация документов оказала немалое влияние на историческую культуру российского общества и массовые исторические представления. Конечно, сборники документов не являются бестселлерами. Однако помимо профессиональных историков и студентов, ими пользуются достаточно широкие слои читающей аудитории. Обращение к архивным документам (для чего теперь нет обязательной необходимости работать в архивах) становится обычной практикой в обсуждениях и дискуссиях на исторические темы в непрофессиональной среде.

Для научной историографии, несмотря на ее существенное обогащение по сравнению с первым десятилетием архивной революции, документальные проекты также остаются актуальным методом исследования и введения в оборот архивных источников. Значительные масштабы все еще не освоенных или недостаточно освоенных фондов центральных и региональных архивов оставляет востребованным опыт работы с источниками, сформировавшийся в основном в первый период архивной революции.

А. Р. Томили

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ ВЗЯТ КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 1878 ГОДУ?

2 (15) ноября 1914 года¹, в ответ на обстрел германо-турецким флотом черноморских портов, Российская империя объявила войну Османской империи. В высочайшем манифесте об объявлении войны император Николай II заявлял: «Безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее исход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря». Вскоре эти «исторические задачи» облекли в более четкую и ясную форму.

В 1915 году поэт С. А. Копыткин в стихотворении «Царьградская легенда» восклицал: «Царьград зовет. Зовет Россия. Царьград звонит в колокола»². В том же году 14 апреля на смотре Гвардейского экипажа и 3-й Кавказской дивизии в Одессе император Николай II напутствовал войска: «Во время последней турецкой войны Гвардейский экипаж занимал Константинополь, уверен, что Господь Бог приведет вам и ныне вступить в Царьград, во главе наших победоносных войск». Тогда же император

¹ Поскольку между Россией и Европой существовала разница в календарях, во избежание путаницы даты, касающиеся событий в России, приводятся следующим образом: число по действовавшему в России юлианскому календарю идет первым, число по григорианскому — в скобках, или же дается дата только по юлианскому календарю. Даты, касающиеся параллельно разворачивавшихся событий в Англии, Турции и вообще в Европе, приводятся с уточнением: «новый стиль» (н. ст.) и для удобства в скобках «старый стиль» (ст. ст.).

² С. Копыткин. Песни о войне. Стихотворения. Пг., 1915. С. 30.

вручил гвардейским морякам медный крест, отлитый в 1854 году, с пожеланием водрузить его на Святой Софии³. Назначенный в 1916 году командующим Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак сказал на допросе: «Мне было дано задание десанта в Босфор для захвата его. Государь, когда я спросил его об этом задании, сказал, что к этому необходимо вести подготовительную работу».

Однако февральская революция поставила крест на планах водрузить крест на Айя-Софию. Вообще, это стремление освободить «второй Рим» из-под власти иноверных турок стало неким общим местом дореволюционной русской культуры и политики. от «греческого проекта» императрицы Екатерины II до русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Начавшаяся как война за свободу балканских славян, она привела русскую армию прямо под стены Константинополя. Ни до, ни после того, русский солдат не подходил так близко к турецкой столице⁴. Однако в истории остался странный парадокс: победоносная русская армия не заняла вражескую столицу.

Современники восприняли отказ от занятия Константинополя и последовавшие сразу после победоносного окончания войны Берлинские соглашения как национальное унижение. Редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков возмущался, что дипломаты дали себя обмануть англичанам, а сами «стараятся быть представителями Европы. Они руководствуются чужеземным мнением под именем европейского и свысока относятся к своей нации, почти не признавая ее», и сделал вывод, что «русская национальная дипломатия» не дала бы себя так провести⁵.

³ Д. Н. Дубенский. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Январь–июнь 1915 г. Пг., 1915. С. 128.

⁴ Исключением можно считать высадку русского отряда на Босфор в 1833 году. Однако оно подтверждает исключительность самой ситуации, когда русской армии ставилась задача защиты Константинополя и султана.

⁵ Р. А. Савчук. Записка М. Н. Каткова по вопросам внешней политики Российской Империи (1878) // Петербургский исторический журнал. 2017. С. 111–117.

Известный славянофил И. С. Аксаков громокипел на собрании Славянского общества 22 июня 1878 года: «Да что же такое случилось? Не потерпели ли мы поражения страшного, поголовного, хуже даже Седана [...] Ничего не случилось, только приотпнул Биконсфильд да Австрия погрозила пальцем: так, по крайней мере, повествуют наши газеты. Русская дипломатия, пожалуй, и могла испугаться, но только она одна и никто больше», клеймил представителей дипломатического ведомства нигилистами, хуже Засулич, обвиняя их чуждости русскому народу⁶. В частном письме к К. П. Победоносцеву он писал о «публичном изнасиловании» России⁷. Редактор газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский писал в воспоминаниях: «И не было солдата, и не было офицера, который в то время не чувствовал, что русские войска в позорном пленении у Европы перед воротами Константинополя»⁸.

Это мнение разделяли не только представители консервативной общественности, но и некоторые высокопоставленные военные. Начальник Азиатской части Главного штаба, генерального штаба генерал-лейтенант Л. Н. Соболев писал 30 мая 1880 года генералу от инфантерии М. Д. Скобелеву: «У всякого из нас, принимавшего участие в турецкой кампании, осталась известная злоба к англичанам, устроившим дело так, что Азия поверила, будто Великобритания вынудила нас не брать Константинополь и затем удалиться вовсе с Балканского полуострова»⁹. Скобелев отвечал ему в ответном письме: «Боже мой, сколько литров крови и чести будет стоять этот тяжелый для русского сердца мир... Сколько стоит он нам и до сего дня внутренних ужасных смятений и внешних оскорблений и разочарований!»¹⁰ 19 ноября 1881 года он

⁶ И. С. Аксаков. Речь, произнесенная 22-го июня 1878 г. В Московском Славянском Благотворительном Обществе // Собрание сочинений И. С. Аксакова. Т. 1. Славянский вопрос. 1860–1886. М., 1886. С. 302–308.

⁷ Люди русской правды: Переписка И. С. Аксакова с государственными и общественными деятелями (1855–1885): Тексты. Комментарии. Адресаты / под общ. ред. А. П. Дмитриева и Б. Ф. Егорова. СПб., 2018. С. 419.

⁸ В. П. Мещерский. Мои воспоминания. М., 2001. С. 408.

⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 38. Л. 35.

¹⁰ Там же. Л. 43.

писал другому адресату про «тяжелое, если не сказать позорное стояние ввиду Константинополя, преступный индифферентизм к русской чести, вынужденное отступление к Адрианополю при громких ликованиях не только врагов, но, что тяжелее, всего нерусского в русских мундирах»¹¹. В письмах И. С. Аксакову он именовал это нерусское в русском мундире «шуваловщиной»¹².

Все вышеприведенные мнения едины в том, что занятие русской армией Константинополя было сорвано исключительно по вине русских дипломатов. Одним из первых виновников называли русского посла в Лондоне генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа П. А. Шувалова.

Болезненное переживание окончания войны было вызвано не столько умалением престижа России на международной арене, сколько крушением завышенных ожиданий. Рупором таких настроений выступал Ф. М. Достоевский, писавший в своем «Дневнике писателя» в марте 1877 года: «Но рано ли, поздно ли, а Царьград снова будет наш»¹³, и продолжал в ноябре месяце: «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими у турок и остаться нашим навеки»¹⁴. 5 марта 1878 года И. С. Аксаков произнес речь по поводу мира, в которой сказал: «Конечно, Восточный вопрос еще не порешен, Царьград не очищен от азиатской скверны и задача России совершена не вполне»¹⁵. Стоит отметить, что до того в его речах Константинополь не особенно фигурировал.

Часто настроения великого писателя и его собратьев по цеху консервативной публицистики выдаются за настроения самой правящей верхушки Российской империи. Однако, какое место на самом деле занимал «Второй Рим» в планах Петербургского

¹¹ Мы не хозяева в собственном доме ... // Источник. 1993. №5–6. С. 61.

¹² Там же. С. 64.

¹³ Ф. М. Достоевский. *Дневник писателя*. 1877. СПб., 1877. С. 59.

¹⁴ Там же. С. 285.

¹⁵ Речь, произнесенная председателем Московского Славянского Благотворительного общества в публичном заседании от 5-го марта 1878 года // Собрание сочинений И. С. Аксакова Т. 1. С. 280.

кабинета, до того не особо и прислушивавшегося к мнению «газетных крикунов»?

Разразившийся 1875–1876 годах кризис на Балканах был неприятным сюрпризом для Петербургского кабинета. В беседе с германским послом генерал-лейтенантом Л. фон Швейницем император Александр II выразил желание ограничиться давлением на Турцию с целью введения автономий для христиан¹⁶. В беседе с британским послом А. Лофтусом император высказался более откровенно: «России приписывают намерение будущего завоевания Индии или присоединения Константинополя. Может что-то быть более абсурдным? В отношении первого, это просто невозможно, что касается второго, я даю клятвенное обещание, что у меня нет ни желания, ни намерения»¹⁷. Доказательством искренности слов императора служит его предложение британскому послу провести демонстрацию держав против Турции, причем британский флот угрожал бы Константинополю с моря. Также император выражал сожаление о «закоренелом недоверии» Англии к русской политике¹⁸.

Министр иностранных дел и канцлер светлейший князь А. М. Горчаков заявил, что Россия не будет вмешиваться во внутренние турецкие дела, однако в случае кровопролития примет участие в деле восстановления порядка¹⁹. Форма этого «участия в делах» раскрывается в письме управляющего министерством иностранных дел А. Г. Жомини к русскому поверенному в делах в Константинополе А. И. Нелидову: заручившись поддержкой великих держав, навязать Турции международное соглашение²⁰. Нелидов был полностью согласен с точкой зрения о необходимости международного соглашения²¹. В октябре 1876 года Горчаков составил мемуар на имя военного министра, в котором

¹⁶ *Лотар фон Швейниц*. При дворе Александра II. Мемуары германского посла. СПб., 2023. С. 191–192.

¹⁷ *A. Loftus. The Diplomatic reminiscences 1862–1879. L., 1894 Vol. II. P. 184–185.*

¹⁸ *Ibid.* P. 183.

¹⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига : в 3 т. Т. 1. М., 1960. С. 63

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Там же. С. 43.

четко оговаривалось: «Константинополь и Босфор с Дарданалями в настоящее время не могут принадлежать ни одной европейской державе. Зависть и недоверие кабинетов тому воспрепятствуют. Следовательно, Константинополь и Проливы должны оставаться за султаном»²². Таким образом, Петербург хотел решить только вопрос о турецких христианах, но никакой мысли о «вековечной мечте занять Константинополь» для императора и канцлера в 1876 году вовсе не существовало.

На петербургском политическом олимпе кроме канцлера было и третье лицо, могущее влиять на внешнюю политику — военный министр генерал-адъютант, генерал от инфантерии Д. А. Милютин. В 1876 году он начинал приобретать все больший вес, и не без помощи своего министерского аппарата.

В военном министерстве после министра вторым по значимости шел начальник Главного Штаба. При нем в качестве исполнительного органа функционировал Военно-ученый комитет Главного Штаба. Ввиду деспотического характера Милютина роль главы Главного Штаба генерала от инфантерии Ф. Л. Гейдена была полностью сведена к функции исполнителя решений министра²³. Однако, на первый план стала выходить до того незаметная фигура начальника канцелярии Военно-ученого комитета, генерального штаба генерал-лейтенанта Н. Н. Обручева.

Согласно его докладным запискам от 1 октября 1876 года и 23 марта 1877 года, принудить Турцию к выгодному для России миру могло только занятие Константинополя²⁴. Скорость продвижения к городу должна была быть максимально быстрой, дабы занять его раньше англичан. В октябрьской записке Обручев писал: «По всей вероятности, мы встретим здесь англичан,

²² М. Газенкамф. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. Приложение 1. С. 1–2; Сборник материалов по истории русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Т. 10 а. СПб., 1898. С. 11–12.

²³ Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. 1846–1896. М., 1991. С. 310; Куропаткин А. Н. 70 лет моей жизни. Челябинск, 2023. Т. 2. С. 225.

²⁴ Сборник материалов по истории русско-турецкой войны на Балканском полуострове. Т. 10 а. СПб., 1898. С. 11–12.

и если они не согласятся исполнить наших требований, а будут упорствовать в поддержке турок, нам придется биться и с англичанами. Как ни грозно это столкновение, но таков естественный ход событий; надо его предвидеть и быть к нему готовым. Нам во всяком случае не избегнуть столкновения с Англией, и лучше встретить ее в Константинополе, чем биться с нею у наших берегов. Если счастье поблагоприятствует нам взять Константинополь, то раз навсегда отделаемся и от Турции, и от Англии»²⁵.

В мартовской записке он утверждал: «Только на берегах Босфора можно действительно сломить владычество турок и получить прочный мир, раз и навсегда решающий наш спор с ними из-за балканских христиан». Развивая мысль о вмешательстве Британии, Обручев приводил расчеты, что за 8–10 недель англичане могут перебросить 50–60 тысяч войска под Константинополь²⁶. Поэтому он рекомендовал готовить 13-ю, 15-ю и 34-ю пехотные дивизии Одесского военного округа к вероятной переброске морем²⁷.

Поданная в октябре 1876 года записка преподававшего в академии Генерального штаба полковника К. В. Левицкого о целях войны указывала, что для поражения могущества турок русские должны занять Константинополь. В качестве препятствий к достижению цели выделялись бездорожье Балкан и возможное прибытие английских войск²⁸. Таким образом, из обеих записок следовал вывод, что России нужно как можно быстрее продвинуться через Балканы к Константинополю, чтобы занять его до прибытия английских сил. Занятие города должно было быть временным и служить одной цели — навязыванию Турции русских условий относительно балканских христиан.

При составлении своей записки Обручев учел как исторический опыт²⁹, так и данные военной разведки. По должности на-

²⁵ Сборник материалов... Т. 10 а. С. 28.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Там же. С. 11–12.

²⁹ Например, он указал на опасность увязания в осадах турецких крепостей. Этот фактор часто тормозил продвижение русских войск в войнах с турка-

чальника канцелярии Военно-ученого комитета Обручев был прямым адресатом рапортов прикомандированных при русских посольствах за границей военных агентов³⁰. Сведения о возможном британском десанте на Константинополь он получил от военного агента в Лондоне генерал-майора Свиты А. П. Горлова.

Как сообщал еще в ноябре 1875 года Горлов: «По общему заверению, Англия имеет в виду в будущем неизбежную войну с Россией, — хотя, конечно, никто не берется определить, когда она вспыхнет. Ввиду такой неизбежной войны, считается необходимым готовить заблаговременно и со всем возможным тщанием все, что может содействовать ее успеху»³¹. В рапорте от 22 января (10 февраля) 1876 года Горлов, предоставляя ведомости по количеству и соотношению английских войск, особо обращал внимание на описание европейских войск Англии, так как «вследствие затруднений в Турции — европейская часть английской армии получила особый интерес»³². Эту армию, как полагал Горлов, англичане готовились выдвинуть против России.

Согласно предварительным расчетам Горлова, изложенным в начале 1876 года, для экспедиции Англии потребовалась бы армия не менее, чем в 50 000 человек³³, причем ему было известно, что озвучивались цифры от 38 000 до 65 000 человек: 42 батальона пехоты, 12 полков кавалерии и 24 артиллерийские батареи³⁴.

В рапорте от 19 (31) января 1877 года Горлов делал вывод: «Английский десант, требующий 2 + 6 + 6 + 14 недель или 1,2–3 месяца прежде, чем вступят в бой, — может появиться на театре военных действий слишком поздно»³⁵. Таким образом, англичанам требовалось около 7–8 недель, что совпадает с приводи-

ми, как в случае осады Очакова (1771, 1788 г.), Рущука и Силистрии (1811, 1828 г.)

³⁰ Свод военных постановлений. Издание 1869 года. СПб., 1869. Кн. I. С. 26.

³¹ РГВИА. Ф. 431. Д. 47. Л. 47.

³² РГВИА. Ф. 431. Д. 48. Л. 2.

³³ Там же. Л. 31 об.

³⁴ Там же. Л. 32.

³⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 6–7.

мыми Обручевым расчетами в записке от 23 марта. На этом основании можно утверждать, что январские рапорты Горлова легли в основу расчетов Обручева о плане движения русских войск к Константинополю на опережение англичан.

Сведения Горлова вполне подтверждаются перепиской британского премьер-министра Б. Дизраели графа Биконсфильда с министром иностранных дел Э. Г. Стенли графом Дерби. Возглавлявший правительство Соединенного королевства с 1874 года лорд Биконсфильд опасался, что выход русских к черноморским проливам станет угрозой для британских торговых коммуникаций в Средиземном море³⁶, и готовился в случае занятия Россией Константинополя объявить ей войну и послать 20 000–40 000 войска в Константинополь и Галлиполи³⁷.

Начало этому плану было положено запиской генерал-лейтенанта Г. Ульслея «Военные аспекты Восточного вопроса», в которой вернувшийся из Африки генерал предполагал следующее: русские в случае войны с турками захватят Проливы, выйдут к Суэцкому каналу и через Армению к Персидскому Заливу. Дабы избежать такого сценария, необходимо выслать минимум 40 000 войска на Проливы и занять Батум для перекрытия путей через Кавказ³⁸. Идея пришла по душе лорду Биконсфильду, заявлявшему, что Константинополь является ключом от Индии³⁹. Опасения лорда крепили ввиду донесений британского посла из Петербурга о росте панславистских настроений общества, что в глазах Дизраели являлось веским доказательством угрозы британским интересам со стороны России несмотря на заверения официальных лиц⁴⁰.

³⁶ Foundation of British Foreign Policy. London, 1938. P. 358.

³⁷ G. L. Buckle. Life of Begamin Disraeli Earl of Beaconsfield. London, 1920. Vol. IV. (1876-1880). P. 103, 105–106, 153–155.

³⁸ A. Preston. Frustrated Great Gamesmanship: Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // The International History Review. Vol. 2, No. 2 (Apr., 1980). P. 239–265.

³⁹ G. L. Buckle. Op. cit. Vol. IV. (1876-1880). P. 83.

⁴⁰ A. Preston. British military policy and the defense of India: a study of British military policy, plans and preparations during the Russian crisis, 1876–1880. L., 1966. P. 105.

Желание лорда не оставалось пустыми угрозами. 12 октября н. ст. (30 сентября ст. ст.) 1876 года в письме военному министру Р. Гартону-Харди Дизраели спрашивал о возможности высадки на Проливах британских войск численностью 40 000 человек. Еще в ходе этих консультаций у обоих выработалось мнение, что защищать Турцию удобнее южнее Балкан, для чего необходимо заняться строительством оборонительной линии, закрывающей подходы к обоим Проливам, и всей сопутствующей ей логистике⁴¹.

Таким образом, занятие Константинополя для России становилось средством к достижению политических целей — прекращению насилия над турецкими христианами путем образования автономий в составе Османской империи⁴². Обе записки Обручева нашли полную поддержку у военного министра. О доверии, существовавшем между ними, свидетельствует то, что министр дал именно Обручеву, а не начальнику Главного штаба или канцелярии военного министра редактировать свою докладную записку на имя императора от 8 февраля 1877 года. Результатом этой редактуры министр остался доволен, записав в дневнике, какое впечатление произвела она на императора⁴³.

Однако, планы Обручева были оптимистичны в расчетах быстрого продвижения русской армии. Несмотря на успешно проведенную в конце 1876 года мобилизацию, войско после пересечения границы повисало на тонкой нитке Одесской железной дороги. Румынские железные дороги не могли этого компенсировать. Служивший в штабе главнокомандующего Дунайской армией генерала от кавалерии великого князя Николая Николаевича генерального штаба подполковник Газенкампф писал в дневнике, что румынские железные дороги стали опаснее турок из-за своего скверного качества⁴⁴. Постоянные крушения из-за поломок паровозов и разрушения полотна вынудили командование

⁴¹ Ibid. P. 116–117, 127.

⁴² Особое прибавление. Политические события предшествовавшие войне. СПб., 1899. Вып. 1. С. 92.

⁴³ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. М., 2009. С. 191.

⁴⁴ М. Газенкампф. Указ. соч. С. 46.

решиться на переброску войск пешим шагом. Все это сильно осложняло реализацию быстрого марша через Балканы.

На пути к Царьграду возникали два препятствия: англичане и собственная логистика. Если первых, благодаря данным военной разведки, собирались опередить по времени, то второе грозило сорвать грамотно выстроенный план.

12 (24) апреля 1877 года Российская империя объявила войну Османской империи. Начало войны послужило для Лондона сигналом к действиям по ограждению своих интересов. В апреле в Константинополь прибыл новый британский посол Г. О. Лаярд в сопровождении военного инженера Р. Хоума. Целью Хоума и бывших с ним офицеров была инспекция укреплений Константинополя. Эта инспекция констатировала полную непригодность существовавших сооружений⁴⁵.

Ввиду этого Г. Лаярд просил у лорда Дерби позволения вызвать в Турцию генерал-лейтенанта К. Диксона, поскольку этот, по его словам, «выдающийся офицер», командуя турками в годы Крымской войны, приобрел знания людей и языка⁴⁶. Британский военный атташе в Константинополе подполковник Ф. Куксона, получивший 8 мая н. ст. назначение вместе с генералом Коллингвудом, в своих воспоминаниях называл целью их пребывания в Турции контроль за укреплением Булаирских позиций, защищающих полуостров Галлиполи с суши⁴⁷. Британский консул в Бухаресте В. Вайт отмечал в мемуарах, что никто не мог спасти Турцию из ее положения лучше Лаярда⁴⁸. Прибытие миссий Хоума и Диксона не ускользнуло от внимания Горлова, который отметил, что англичане отправились в Константинополь с целью подготовки военных складов для английской экспедиционной армии⁴⁹. Так планы Дизраели по-

⁴⁵ Queens ambassador to Sultan. Memoirs of sir Henry A. Layard Constantinople embassy 1877–1880. Istanbul, 2009. P. 60.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ F. Cookson. With the armies of Balkans and Gallipoli 1877–1878. London, 1880. P. 2.

⁴⁸ W. White. Six year ambassador in Constantinople. L., 1902. P. 126.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 94.

лучили свое претворение в жизнь, первым шагом англичан стало устройство защиты Константинополя и базы для прибытия войск.

Одновременно лорд Дерби 12 мая н. ст. (24 апреля ст. ст.) передал через посла в Лондоне графа Шувалова ноту на имя канцлера Горчакова. Англия требовала, чтобы Россия не занимала Константинополь, Галлиполи, Суэцкий канал и Персидский залив⁵⁰. Последние два географических пункта вызвали большое удивление военного министра, так как ни один из них «не имеет для нас в настоящее время ровным счетом никакого значения, и непонятно, как английские государственные люди могут предполагать какие-нибудь с нашей стороны посягательства на эти отдаленные, недостижимые для нас точки»⁵¹. При этом, он счел ноту важным документом, от которого будет зависеть степень участия Британии в войне на Востоке. Нота достаточно точно отразила все страхи британского руководства и предлагала русскому правительству торг за неучастие в войне на условиях неприкосновенности зон британских интересов.

Император Александр не хотел связывать себе руки в угоду английским интересам. Канцлер Горчаков желал достичь договоренностей с Лондоном⁵². Поэтому в инструкциях канцлера графу Шувалову содержалась формулировка будущего турецкой столицы: «Что касается Константинополя, то не имея возможности заранее предрешить заранее развитие и исход войны, императорский кабинет все же повторяет, что *захват столицы не входит в планы его величества императора* (выделено мной. — А. Т.). Он признает, что в любом случае судьба Константинополя является вопросом, который интересует всех и может быть урегулирован только общим соглашением; и если будет поставлен вопрос о владении этим городом, надо сказать, что он не должен принадлежать ни одной из европейских держав. Что касается проливов, то хотя оба берега уже принадлежат одному государю, они явля-

⁵⁰ Foundation of British Foreign Policy. P. 358; The Diplomatic Reminiscences of lord August Lotfus. 1862–1879. London, 1894. Vol. II. P. 218–219.

⁵¹ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 229.

⁵² Там же. С. 231, 244.

ются единственным выходом двух обширных морей, где скрещиваются судьбы всего мира. Для сохранения мира и общего спокойствия важно, чтобы этот вопрос был урегулирован с общего согласия на справедливых и действительно гарантированных началах»⁵³. Не отказываясь от своих слов 1876 года об оставлении Константинополя и Проливов под властью султана, Горчаков обрисовал будущее в туманных фразах о «справедливых началах».

В полученной Шуваловым новой инструкции Горчаков снова говорил о незаинтересованности России в Египте и Суэцком канале, но заявлениям о Константинополе и Проливах придавалась более четкая формулировка, что Россия не будет оккупировать город и даже продемонстрирует Англии желание закончить дело миром, не приближаясь к столице. Инструкция допускала трактовку, как подтверждающую нежелание занимать столицу, так и возможность ее занятия без постоянной оккупации, что согласовывалось с планом военной кампании. В отношении Проливов гарантировалось соблюдение договора 1841 года о закрытии их для иностранных военных флотов⁵⁴.

Обмен нотами между Дерби и Горчаковым в мае 1877 года породил коллизию с разным пониманием фразы «незаятие города» между двумя кабинетами. Петербург в лице императора, Горчакова и Милютина, устами Шувалова гарантировал отсутствие аннексии, оставляя себе свободу маневра в плане временного занятия города. Лондон, в лице Дизраели, с полного согласия королевы Виктории, не допускал присутствия русских войск в турецкой столице в любой форме.

Петербург полагал, что зная о планах Лондона, смог договориться о нейтралитете англичан и тем самым развязал себе руки. Лондон же, несмотря на получение гарантий, готовился к самому неблагоприятному для себя развитию событий.

Параллельно, Дизраели не оставлял подготовку армии к будущей «галлиполийской экспедиции»⁵⁵. В те же апрельские

⁵³ Освобождение Болгарии. Т. 2. С. 82.

⁵⁴ Там же. С. 88.

⁵⁵ *Buckle G. L. Op. cit. Vol. VI. P. 148.*

дни в Петербург на имя военного министра пришло донесение генерала Горлова о том, что в Англии назначены в экспедицию 60 000 человек при 114 орудиях и для их снабжения уже начали заготавливать припасы⁵⁶. В мае он слал сообщения о том, что эти части направились в Альдершотский лагерь, где войска ежегодно проводили боевые учения, и части формируются по боевому расписанию⁵⁷. В июне он известил, что на Мальту из метрополии прибыл отряд в 1 640 человек, что увеличило гарнизон острова до примерно 6 500 человек. Позже, он передал информацию о том, что отдан приказ 4 пехотным и 1 стрелковому батальону при 3 полках кавалерии и 1 артиллерийской бригаде о 3 батареях быть готовыми по приказу собраться в путь за 48 часов⁵⁸. В августе сообщил, что один из его агентов снял копию с карты, на которой обозначались маршруты судов и места высадки войск⁵⁹.

Переписка королевы Виктории с Дизраели ясно показывает, что Лондон не торопился начинать первым, но «держал порох сухим». В письме от 20 июля н. ст. королева напоминала Дизраели, что, по его же мнению, возможно отправить 5 000 человек в Галлиполи, и тогда русские не смогут сделать ни шага к Константинополю, что он сам и в письме к ней и в разговорах с лордом Солсбери на вопрос, что делать, если русские займут Константинополь, отвечал — объявляйте войну. Также королева выражала тревогу, что ничего не готово для немедленной отправки частей в Проливы и просила министра предпринять усилия для готовности хотя бы флота⁶⁰. Совпадение желаний премьера и королевы в войне против России понуждали лорда Биконсфильда активизироваться.

В письме Дизраели королеве от 22 июля н. ст. сообщалось, что на заседании совета министров 21 июня н. ст. было решено объявить войну России, если та займет Константинополь. В связи с этим было принято решение усилить гарнизон Мальты еще

⁵⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 1. Л. 84–85.

⁵⁷ Там же. Л. 114

⁵⁸ Там же. Л. 124–125.

⁵⁹ Там же. Л. 98.

⁶⁰ G. L. Buckle. Op. cit. Vol. VI. P. 153.

на 3 000 человек и отдать приказ войскам в Средиземном море готовиться к возможному выступлению в поход. Кроме того, Дизраели предлагал королеве «приказать своим армиям очистить Центральную Азию от московитов и сбросить их в Каспий»⁶¹.

Угроза британского десанта, о которой с тревогой писал Милютин в дневнике⁶², приобретала все более и более реальные очертания. Таким образом, пока в Петербурге считали, что смогли договориться, в Лондоне готовились защищать свои интересы силой оружия.

В июле русская армия форсировала Дунай и продвинулась за Балканы. Однако внезапный выход корпуса генерала Осман-Нури-паши в русские тылы вынудил русское командование бросить все силы на попытку выбить его войска из болгарского города Плевна. Три неудачных штурма вынудили русских сосредоточиться на осаде города. Дизраели в письме Лаярду 3 октября н. ст. с оптимизмом писал, что усилия турок по защите Плевны дают шанс положить конец войне⁶³, а в частном письме от 6 ноября н. ст. уточнял, что это шанс окончить войну победой Турции⁶⁴. Поэтому 16 ноября н. ст. он написал королеве: «Мы должны сделать все возможное, чтобы предотвратить падение Плевны»⁶⁵. Дизраели строил планы на том, что русские ослабнут в ходе осады и закончат войну, не переходя Балканский хребет и тем самым не угрожая Константинополю.

Падение Плевны 29 ноября (9 декабря) 1877 года вызвало у британских политиков состояние шока. Г. Лаярд писал в мемуарах: «С падением Плевны дорога на Константинополь была открыта, турки не могли ничего противопоставить для защиты от русских полчищ»⁶⁶. В Лондоне опасались, что желание победив-

⁶¹ Ibid. P. 155.

⁶² Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 244.

⁶³ Queens ambassador to Sultan... P. 166.

⁶⁴ G. L. Buckle. Op. cit. Vol. VI. P. 192.

⁶⁵ Ibid. P. 198

⁶⁶ Queens ambassador to Sultan... P. 193.

шей армии занять Константинополь будет столь велико, что преысит гарантии русского императора⁶⁷.

Насколько же были безосновательны опасения Лондона? Главная проблема декабря 1877 — января 1878 г. заключалась в шедших между русскими и турками переговорах о перемирии.

Ввиду русского наступления через Балканы и по забалканской Болгарии великий визирь Ибрагим-Эхдем-паша пытался давить на Дизраели через турецкого посла в Лондоне, требуя какой-нибудь помощи, военной или дипломатической. Лаярд вспоминал, что Дизраели принимал турецкого посла, ободрял и утешал его надеждами на британскую помощь, которую посол раздувал и преувеличивал в своих донесениях⁶⁸. Одновременно лорд Дерби как министр иностранных дел, действовал сдержано, давая сухие и неопределенные ответы на запросы турок. Поэтому великий визирь ввиду русского наступления разразился гневной тирадой в адрес Лаярда, что Англия лжива и труслива и нечего рассчитывать на ее помощь⁶⁹.

Такое разногласие объясняется тем, что в Лондоне премьер-министр и министр иностранных дел по-разному смотрели на Восточный вопрос. Дизраели стоял на радикальных позициях, лорд Дерби — на более умеренных⁷⁰. Однако Дерби не был решающей инстанцией. Дизраели, пользуясь доверием у королевы Виктории, мог проводить свою политику и тем самым оказывать давление на лорда Дерби. Основным исполнителем политики Дизраели становился посол в Константинополе Лаярд.

Лаярд же, видя упаднические и антианглийские настроения в окружении султана, активизировал свои действия. Еще в начале декабря он получил письмо от Дизраели, где премьер кратко обрисовал суть британской политики по отношению к Турции: «Если мы сможем соединить присутствие английского флота в Босфоре и британского корпуса в Галлиполи и Деркесе, и все это без объявления войны России, я думаю, что Османская им-

⁶⁷ The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 227.

⁶⁸ Queens ambassador to Sultan... P. 226.

⁶⁹ Ibid. P. 224.

⁷⁰ R. W. Seton-Watson. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. L., 1962. P. 171.

перия, даже если она потеряет провинцию-две, и каждая держава заявит на нее свои права, сможет выжить, пусть не как перво-классная, но как сильная и независимая». Это имело целью поддержание престижа самой Англии на Востоке, в изложении Лаярда, «если мы займемся приобретением территорий для Англии, которые смогут защитить наше влияние и интересы в Восточной Европе в случае падения Османской империи, или оно уменьшится ввиду состояния слабости и зависимость от России поставит нас в положение, при котором на Англию нельзя будет взирать как на союзника или элемент баланса сил»⁷¹.

Попытка предложить султану такой обмен была встречена отказом. Туркам было важнее добиться от англичан мирного посредничества. Лорд Дерби становился при таком раскладе неудобной фигурой, которую Дизраели попытался «переманить» на свою сторону путем бомбардировок донесениями со стороны Лаярда. Сам посол вспоминал о своем письме 4 декабря н. ст. министру: «Я защищал свою точку зрения на то, что аннексия Россией этой части азиатской Турции, которая принесет ей Карс и Батум, со ссылками на эффект, который это произведет среди мусульманского населения центральной Азии и Индии. Это даст ей в руки средства, которые она приложит для завоевания малой Азии и Персии и будет угрожать нашим коммуникациям с Индией и как итог — британской торговле»⁷². Таким образом, он последовательно проводил политику Дизраели не только по отношению к султану, но и к лорду Дерби.

Аргумент об аннексиях турецких земель как возможной угрозе Индии возымел свой эффект, 14 декабря н. ст. (2 декабря ст. ст.) и 17 декабря н. ст. (5 декабря ст. ст.) были созваны два заседания кабинета. На этих «бурных заседаниях кабинета», как их характеризовал лорд Биконсфильд в письме королеве, по поводу политики нейтралитета и попытки достичь консенсуса по принуждению России к выполнению соглашения Дерби-Горчакова не было принято никакого решения. Лорд Дерби отказывался рассматри-

⁷¹ Queens ambassador to Sultan... P. 191.

⁷² Ibid. P. 194.

вать даже возможность *casus belli*, считая, что нужно дождаться ответа на его ноту, посланную в Петербург⁷³.

Еще до этих заседаний, 13 декабря н. ст. (1 декабря ст. ст.) 1877 года лорд Дерби передал графу Шувалову ноту с требованием не занимать Константинополь и Дарданеллы, ссылаясь на то, что это взбудоражит общественное мнение Англии и тогда кабинет вынужден будет принять меры для защиты своих интересов. Дерби, как и Дизраели, тоже желал защитить нейтралитет Константинополя, но считал, что этого можно добиться более мягкими мерами. Шувалов в тот же день отправил это сообщение в Петербург Горчакову⁷⁴. С другой стороны, не без давления Дизраели, 18 декабря н. ст. лорд Дерби написал Лаярду, что решено взять под защиту британское посольство в Константинополе и настаивать, чтобы в условиях мира присутствовал вопрос о незанятии Галлиполи и другой «жизненно важной точки для Османской империи»⁷⁵ — под которой подразумевались интересы Британии.

Таким образом, лорд Дерби считал, что его личная договоренность с русским послом способна гарантировать неприкосновенность как Константинополя, так и Галлиполи, а значит и Дарданелл. Это не сходилось с планами Дизраели и тем более с взглядами королевы на Восточный вопрос, что вызвало ее гневное письмо Дизраели от 11 января н. ст., в котором она требовала вмешаться: «Нельзя терять ни момента, иначе вся наша вековая политика, наша честь как великой европейской державы получит непоправимый удар!» и указывала Дизраели, чтобы немедленно, завтра же вопрос о занятии Константинополя был рассмотрен как *casus belli*⁷⁶. 12 января н. ст. Дизраели написал королеве, что кабинет решил послать флот в Дарданеллы, если на то будет согласие султана⁷⁷. Такая формула действий удовлетворяла и воинственность королевы, и миролюбие Дерби.

⁷³ G. L. Buckle. *Op. cit.* Vol. VI. P. 200–205.

⁷⁴ Освобождение Болгарии. Т. II. С. 349–351.

⁷⁵ Queens ambassador to Sultan ... P. 199.

⁷⁶ G. L. Buckle. *Op. cit.* Vol. VI. P. 217–218.

⁷⁷ Там же. С. 219.

Однако, давление оказал сам султан, перейдя уже к личной дипломатии и написав 10 января н. ст. королеве Виктории письмо с просьбой о мирном посредничестве⁷⁸. Королева направила 14 января н. ст. (2 января ст. ст.) императору Александру II личную телеграмму с просьбой о начале мирных переговоров с Турцией, полученную на следующий день в Петербурге⁷⁹. Лондон исполнил желание турок и попытался вклинуться в русско-турецкие переговоры в качестве посредника.

При этом Петербург был в курсе истинных намерений Лондона. 7 (19) декабря генерал Горлов писал в донесении № 131, что созыв парламента в Англии намечен гораздо раньше, на 5 (17) января, для того, чтобы проголосовать за кредит на войну с Россией, а в том, что парламент одобрит эти кредиты, Горлов не сомневался, ибо парламентское большинство одобряло воинственную политику лорда Биконсфильда, который, по словам Горлова, впал в нервное настроение⁸⁰. В частном письме Дизраели назвал именно эту дату — 17 января н. ст. (5 января ст. ст.), когда был сделан запрос на военные кредиты⁸¹, и повторил в письме Лаярду, что «обещано значительное увеличение сил»⁸². Милютин записал в дневнике: «Англия затевает что-то против нас, парламент созван ранее обычного срока»⁸³. Таким образом, попытка Лондона желать мира готовясь к войне стала известной в Петербурге.

Донесение Горлова от 11 (23) декабря № 134 сообщало о том, что в британской прессе стали активно обсуждать вероятные сценарии войны с Россией, к донесению он прилагал перевод трех самых значимых статей⁸⁴. Эти статьи вызвали интерес в Главном Штабе, их копии были переправлены начальникам штабов

⁷⁸ The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 227.

⁷⁹ G. L. Buckle. Op. cit. Vol. VI. P. 220; Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 364.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 272.

⁸¹ G. L. Buckle. Op. cit. Vol. VI. P. 207.

⁸² Queens ambassador to Sultan... P. 208.

⁸³ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 351.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927 (1877). Д. 4. Л. 274.

армий на Дунае и на Кавказе⁸⁵. В глазах петербургского кабинета все свидетельствовало о том, что для Англии снова стал актуальным вопрос о давлении силой на Россию с целью защиты своих интересов в Турции.

По сообщениям Шувалова, Дизраели начал агитацию за войну с Россией и якобы для этого он не погнушался использовать заведомо ложное сообщение английского посла в Константинополе Лаярда о том, что русские, будто бы выступили в сторону Галлиполи. Опираясь на эти сведения, Дизраели решился требовать у парламента экстраординарный кредит на войну с Россией и потребовал ввести британский флот в пролив Босфор⁸⁶. На деле же, Лаярд просто запугивал Дерби в письме от 7 января н. ст. (25 декабря ст. ст.): «Альтернатива следующая, или Англия готовится поддерживать Турцию или ее влияние на Востоке будет сокрушено. [...] Если султан согласится на выдвинутые ему русским императором условия перемирия и даже на мир, то русские могут спустя короткое время захотеть занять Адрианополь и там их ничто не сдержит от марша до Дарданелл и Константинополя»⁸⁷.

Ввиду столь активной деятельности премьера Биконсфильда министр иностранных дел лорд Дерби и министр по делам колоний лорд Канарвон, принадлежавшие к партии мира, подали в отставку. Из-за прямой русской угрозы Константинополю и шанса, что Османская империя заключит мир исключительно на русских условиях, Британия начала новый раунд борьбы в защиту своих интересов. Таким образом, акции партии войны в лице Дизраели росли, а с ними и риск начала боевых действий с участием англичан. Император Александр II смотрел на картину происходящего с пессимизмом, заявив графу Д. А. Милютину и князю А. Д. Горчакову, что следует держаться в готовности для возобновления вооруженной борьбы⁸⁸.

⁸⁵ Там же. Л. 289–290.

⁸⁶ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 373.

⁸⁷ Queens ambassador to Sultan... Р. 225; Лаярд там же признается, что пытался запугать свое правительство угрозой русского вторжения.

⁸⁸ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 375.

17 января н. ст. состоялось первое в том году заседание британского парламента, и уже 18 числа в обе палаты поступили меморандумы по Восточному вопросу⁸⁹. В отношении русско-турецких переговоров Лондон занял выжидательную позицию. Парламентское большинство партии консерваторов выражалось обтекаемо: «Позиция правительства ее величества зависит от тех условий, которые Россия предложит Турции»⁹⁰, выжидая и оставляя себе простор для маневра в трактовках. Лорд Солсбери направил британскому послу в Петербурге А. Лофтусу депешу, в которой озвучивалось, что договор между Россией и Турцией должен стать договором всеевропейским, как договоры 1856 и 1871 годов, чтобы гарантировать неприкосновенность британских интересов⁹¹. Лорд Биконсфильд, как и желал в декабре, снова предложил ввести флот в Проливы. Этому категорически воспротивился султан, боясь, что такие меры сорвут переговоры с Россией⁹².

7 (19) января к великому князю прибыли турецкие представители военный министр Север-паша и морской — Намык-паша. Турки отказались сообщить свои условия перемирия, и Главнокомандующий объявил им русские условия, вызвавшие несогласие турок, возразивших, что это приведет к распаду Османской империи⁹³. В тот же день султан спросил Лаярда, будет ли готово британское правительство ввести корабли в Босфор, если русские решатся занять город? Лаярд ободрил султана, что правительство уже готово пойти на такой шаг, и немедленно рапортовал лорду Дерби в крайне паническом тоне: «Захват Константинополя означает его (султана. — А. Т.) низложение с престола и будет угрожать его свободе и жизни». Однако, султан соби-

⁸⁹ Hansards parliamentary debates. Thirs series. Vol. 237. P 154, 156.

⁹⁰ Ibid. P. 366.

⁹¹ The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 244–245.

⁹² Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 369; М. Газенкамф. Указ. соч. С. 393.

⁹³ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 10.

рался найти убежище на британском броненосце только в самом крайнем случае, ожидая исхода переговоров⁹⁴.

Накануне, 3 (15) января, император телеграфировал брату, чтобы тот не останавливал наступление с целью давления на турок для заключения перемирия и начала переговоров о мире⁹⁵. Как вспоминал участник похода Н. А. Епанчин, тогда подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка (с 1903 г. — генерал от кавалерии), войска начиная с 8 января ст. ст. шли ускоренным маршем, преодолевая в сутки за 16–18 часов по 30 верст, часто отрываясь от своих обозов. Однако, по словам Епанчина, войска сильно уставали и трепались в этом изматывающем марше⁹⁶.

Еще раньше, 4 (16) января, Милютин телеграфировал главнокомандующему в Казанлык, что на запрос графа Дерби относительно Галлиполи от 1 (13) декабря был дан ответ, что Россия не имеет намерения занимать полуостров, если турецкие силы не будут стянуты туда⁹⁷. С одной стороны, это ограничивало главнокомандующего, с другой — не отвлекало его от основной цели. Располагая сведениями о гарантиях Лондону, 8 (20) января, великий князь Николай Николаевич телеграфировал императору: «Затягивать переговоры и продолжать военные действия имело бы последствием занятие Адрианополя и движение далее на Константинополь, влекущее за собой неизбежное в военном отношении занятие Галлиполи, что согласно и Твоим указаниям, было бы лишь усложнением дел политических. [...] Наконец, из первого свидания с турками я вынес убеждение, что всякая искусственная затяжка переговоров, при быстроте нашего наступления, может только произвести в Турции, а быть может и в Европе, неблагоприятное впечатление, как будто мы желаем выиграть

⁹⁴ Queens ambassador to Sultan... P. 236–238.

⁹⁵ С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 430.

⁹⁶ Н. А. Епанчин. Очерк действий Западного отряда генерал-адъютанта Гурко. Часть III. Действия за Балканами. СПб., 1893. С. 221–228.

⁹⁷ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Выпуск VI. Документы из секретных бумаг г.-ад. Милютина. СПб., 1911. С. 242.

время для большего захвата неприятельской страны»⁹⁸. В тот же день отряд генерал-майора А. П. Струкова без боя занял Адрианополь⁹⁹. 10 (22) января главнокомандующий бодро телеграфировал императору, что необходимо идти «до Царьграда» и там «кончить святое дело»¹⁰⁰. Тем самым, великий князь обозначал императору свое желание поставить точку в боевых действиях занятием Константинополя. По словам Лаярда, падение этого крупного города на пути к столице, при иллюзии бездействия Лондона, лишило султана и Диван надежды, что Лондон в лице лорда Биконсфильда остановит русских¹⁰¹.

9 (21) января турецкие делегаты ответили, что не могут принять часть условий, на что последовал отказ великого князя, не желавшего согласиться на это компромиссное предложение и настаивавшего на полном принятии русских условий¹⁰². Последовало затягивание переговоров и продолжение русского наступления. В свою очередь, это стремительное наступление ухудшало положение турок, о чем в алармистском тоне передавал Лаярд в Лондон. 10 (22) января великий князь запросил императора в шифрованной телеграмме об инструкциях на случай, если английский или какой другой флот войдет в Босфор, в Константинополе высадится иностранный десант или начнутся беспорядки и резня христиан, которые попросят русских о помощи, и что предпринять в отношении Галлиполи?¹⁰³ Тем самым великий князь демонстрировал осведомленность об угрозе английского десанта, но выказывал оптимизм на этот счет.

Два дня спустя, 12 (24) января, в докладе о ходе переговоров с турками великий князь снова телеграфировал императору: «Занятие Адрианополя, неописанная паника и бегство турецкого населения и совершаемые отсталыми башибузуками и бегущими

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 129. Л. 23, 27.

⁹⁹ Н. А. Епанчин. Очерк действий... С. 225.

¹⁰⁰ С. С. Татищев. Указ. соч. С. 434.

¹⁰¹ Queens ambassador to Sultan... P. 240.

¹⁰² Особое прибавление... Вып. VI. С. 245–246.

¹⁰³ Там же. С. 243; М. Газенкамф. Указ. соч. С. 348.

мусульманскими жителями насилия и грабежи — невольно ведут нас к Византии, и кто знает, не будем ли мы вынуждены в чисто человеколюбивых видах занять как можно быстрее столицу турецкой империи для предупреждения там катастрофы?»¹⁰⁴ Этим он уже снова и откровенно испрашивал разрешения на занятие города. Великий князь не преувеличивал, говоря о катастрофе, случившейся с турецкими беженцами в начале 1878 года. Как вспоминал Епанчин: «Войска наши на всем протяжении от Филиппополя до Адрианополя были невольными свидетелями ужасающей, глубоко трагичной картины: весь путь был усеян погибшими людьми самого разнообразного возраста, преимущественно же детьми и стариками. Никакое поле сражения, с грудой убитых, искалеченных людей не может произвести того подавляющего, тягостного впечатления, как это нескончаемое кладбище; грудные дети, седые старики, молодые истощенные женщины, бесчисленное количество падали — все это почти сплошь покрывало местность у дороги, иногда на значительном расстоянии в стороны от нее. [...] Вперемешку с людьми и падалью валялись груды разного хлама, разломанные повозки, ковры, подушки, одеяла и т. п. Все это сплошь покрывало местность по сторонам шоссе...»¹⁰⁵.

Телеграммы главнокомандующего великого князя вполне откровенно демонстрировали желание Николая Николаевича-старшего войти в турецкую столицу. Чинам штаба он прямо говорил, что в случае отказа турецких парламентариев заключать перемирие на русских условиях стоит продолжать наступление и занять Галлиполи ввиду возможности нахождения там турецких войск, угрожавших флангу русской армии¹⁰⁶, и для воспрепятствования проходу англичан в Проливы¹⁰⁷. Например, 10 января ст. ст. великий князь говорил чинам штаба: «С англичанами церемониться нечего: они сами ни с кем не церемонятся

¹⁰⁴ Особое прибавление... Вып. VI. С. 248.

¹⁰⁵ Н. А. Епанчин. Очерк действий... С. 226–228.

¹⁰⁶ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 350.

¹⁰⁷ Там же. С. 355.

и надо пользоваться редким случаем им отплатить»¹⁰⁸. За вечерним чаем в своем штабе 12 января ст. ст. великий князь выражал опасение, как бы Горчаков с оглядкой на Англию и Австрию не затормозил его движения на Константинополь. Он желал занять не только турецкую столицу, но и проливы по обоим их берегам, чтобы оттуда диктовать султану и державам условия мира¹⁰⁹. В тот же день он писал в Петербург, что «нам будет выгодно иметь в своих руках столь ценный залог как Константинополь и берега Босфора»¹¹⁰. При этом честолюбивые настроения великого князя не выходили за рамки уже предполагавшегося планом войны занятия Константинополя с целью давления на султана.

В переговоры Петербурга со Ставкой вмешались еще и география с логистикой. Газенкамф жаловался в мемуарах, что телеграммы из столицы доходили до станции на Шипке, а оттуда отправлялись в ставку главнокомандующего в Казанлык с нарочным¹¹¹. Как можно видеть из телеграмм от 12 и 13 января, полученных императором 15 числа, от 19 января — полученной 21 числа, и наоборот — великий князь получил телеграммы из Петербурга от 5 января лишь 7 числа, между подачей и приемом сообщения проходило два дня¹¹². Это тормозило своевременное оповещение Ставки о переменах в отношениях с Лондоном, которые ухудшались день ото дня.

Британский посол в Петербурге А. Лофтус постоянно запрашивал у Горчакова условия, на которых заключено перемирие, однако не получал никаких ответов¹¹³ кроме того, что император

¹⁰⁸ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 350.

¹⁰⁹ Там же. С. 360.

¹¹⁰ Особое прибавление... Вып. VI. С. 248.

¹¹¹ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 334.

¹¹² При получении телеграммы от великого князя император сообщал о дне ее получения, например, телеграмма о перемирии от 19 числа пришла в Петербург только 21-го, что устанавливает двухдневный интервал между отправлением и получением телеграмм в один конец. (ГА РФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 129. Л 9 об., 16, 23, 66).

¹¹³ С. С. Татищев. Указ. соч. С. 429.

дал главнокомандующему инструкции для переговоров и велел продолжать наступление¹¹⁴. Затягивание турками переговоров и неизвестность условий перемирия на фоне безостановочного марша русских войск к Константинополю, яствовавших из до-несений Лаярда, давали Дизраели повод, по словам А. Лофтуса, «готовиться защищать свои интересы»¹¹⁵.

9 (21) января граф Шувалов сообщил, что султан все-таки согласился на ввод британской эскадры в Проливы, дабы он мог укрыться на английском корабле в случае взятия русскими Константинополя¹¹⁶. Телеграммой от 12 (24) января Шувалов известил, что в Лондоне готовятся к разрыву с Россией в случае занятия ею Константинополя¹¹⁷.

Ввиду поступавших от Шувалова сведений об ухудшении обстановки, император 12 (24) января ответил великому князю на его телеграмму от 10 (22) числа с вопросом о действиях на случай британского десанта, что одобряет наступление к Константинополю с целью давления на турок для заключения перемирия. При входе иностранной эскадры в Босфор предписывалось завязать дружественные отношения с ее командующим для поддержания совместными усилиями порядка в Константинополе, избегать столкновений с иностранным десантом, оставив русские войска под стенами города. Вход русской армии в город император разрешал только в ответ на просьбу жителей столицы или иностранных представителей, предварительно объявив об этом специальным актом, причем не занимать Галлиполи ввиду обещания Англии также не занимать полуостров, дабы не дать ей предлога для вмешательства¹¹⁸.

Император, располагая сведениями от Шувалова и Милютина о том, насколько Лондон полон решимости вступить в войну, удерживал своего брата от резких и решительных действий,

¹¹⁴ The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 243.

¹¹⁵ Ibid. P. 242.

¹¹⁶ Освобождение Болгарии... Т. 2. С. 414.

¹¹⁷ Там же. С. 419–420.

¹¹⁸ Особое приращение... Вып. IV. С. 249.

дабы не нарушить хрупкий шанс на мир, установленный англо-русским соглашением Горчакова-Дерби. Однако, в тот же день, когда император передал великому князю инструкцию на случай входа иностранной эскадры в Проливы, 12 (24) января, эскадре вице-адмирала Дж. Ф. Горнби поступил приказ войти в проливы¹¹⁹, и тут же сообщение об этом решении получил Лаярд¹²⁰. 14 (26) января приказ был отменен¹²¹.

(12) 24 и (13) 25 января на заседании обеих палат Парламента поднимались вопросы о русских условиях мира и о военных ассигнованиях на армию и флот¹²². 16 (28 января) на заседании палаты лордов прозвучало, что «у нас нет никаких гарантий, что оккупация Константинополя будет временной», из чего делался вывод: «предотвратить оккупацию проще, чем прекратить», а предотвращение позволит формально не нарушать заявленного нейтралитета страны¹²³. Поэтому, по итогам заседаний, парламент одобрил выделение 6 миллионов фунтов стерлингов на военные расходы¹²⁴, о чем в Петербург было немедленно сообщено графом Шуваловым¹²⁵.

29 января н. ст. (17 января ст. ст.) турецкие уполномоченные получили из Константинополя телеграмму с приказанием принять все русские условия перемирия и предварительные условия мира. Об этом они сообщили великому князю в 12 часов дня 18 (30) января¹²⁶. Одновременно султан телеграфировал императору, что принимает все русские условия и готов начать переговоры, умоляя остановить наступление.

¹¹⁹ G. L. Buckle. Op. cit. Vol. VI. P. 230.

¹²⁰ Queens ambassador to Sultan... P. 245.

¹²¹ М. Газенкамтф. Указ. соч. С. 393.

¹²² Hansards Parliamentary debates. Vol. 237. P. 365–367, 373–375, 435–454, 463–472.

¹²³ Там же. С. 511.

¹²⁴ Там же. С. 561.

¹²⁵ П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 // Красный архив. 1933. № 59. С. 89; Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 377; The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 227.

¹²⁶ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 392.

Император отослал телеграмму великому князю с указанием: «Приближение к Константинополю не должно входить в наши виды, коль скоро Порты приняла наши условия»¹²⁷. Таким образом, «военная необходимость» занятия турецкой столицы отпала. В тот же день великий князь получил телеграмму от канцлера с сообщением, что 12 (24) числа Британия собирается ввести флот в Проливы¹²⁸. Эта телеграмма сильно опоздала, так как приказ был уже отменен. На следующий день 19 (31) января, вечером, было подписано перемирие и оглашены предварительные условия мира¹²⁹.

Однако, тот факт, что англичане решились войти в Проливы (об отмене приказа еще не стало известно), перевесил для великого князя приказ императора остановиться. Поэтому в рапорте на имя брата от 22 января ст. ст. он написал, что боясь, как бы турецкие войска не опомнились, отдал приказ войскам идти к Константинополю¹³⁰. Газенкамф еще 12 числа ст. ст. сетовал в дневнике, что после внезапного падения Адрианополя «он так проникся стремлением в Царьград, что и слышать не хочет об осторожности. Непокойчицкий всецело разделяет его взгляды»¹³¹. 24 января ст. ст. главнокомандующий резко умерил свои стремления и телеграфировал императору, что войска выдвигаются к демаркационной линии, *чтобы* занять там удобные позиции¹³².

Грань войны

Новый виток обострения начался 8 февраля (27 января ст. ст.), когда граф П. А. Шувалов получил от лорда Дерби сообщение, что Англия решила ввести в Проливы свой флот под предлогом

¹²⁷ С. С. Татищев. Указ. соч. Т. 2. С. 437.

¹²⁸ Особое прибавление. Вып. II. С. 18.

¹²⁹ Там же. С. 397.

¹³⁰ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 14. Рапорты великого князя Николая Николаевича государю императору. СПб., 1898. С. 146.

¹³¹ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 360.

¹³² Там же. С. 416.

охраны жизни и имущества британских подданных. Граф Шувалов немедленно телеграфировал канцлеру Горчакову, прибавив, что усматривает подлинные мотивы Британии в захвате фортов Босфора раньше России¹³³. Посол в Петербурге А. Лофтус писал, что это решение, несмотря на перемирие, было принято ввиду опасения, что горожане, распаленные передаваемыми беженцами слухами, могут под воздействием мусульманского фанатизма начать погромы европейцев¹³⁴. Лофтус, если иметь в виду донесения Лаярда, точно передал настроения Лондона, но так или иначе второй заход эскадры стал грозить новыми осложнениями в отношениях России и Англии.

Лорд Дерби, желая смягчить эффект от этого известия, в частной беседе оправдывался перед Шуваловым, что находясь под давлением кабинета министров и общественного мнения, не решился вторично отменить инструкции, данные адмиралу Хорнби. Шувалов в ответ заявил, что присутствие британской эскадры в Проливах может освободить Россию от всех данных ранее обязательств относительно Константинополя и Галлиполи. Как вспоминал Шувалов: «Мои патриотические чувства были оскорблены торжествующим видом английских министров и некоторой части публики. Отправка флота решительно пользовалась популярностью: видя англичан и слыша их разговоры, можно было подумать, что эта мера остановила Россию и спасла Турцию»¹³⁵. Поэтому в вышеупомянутой телеграмме Горчакову он сообщил, что пытался остановить разрыв с Англией, пригрозив принятием жестких мер в ответ на их действия, «которые, если на них ничем не отвечать, могут продолжаться и далее»¹³⁶.

Граф был уверен, что это заявление вызвало испуг у лорда Дерби и что вопрос войны или мира в глазах англичан зависел от Галлиполи, поэтому он угрожал занятием только турецкой сто-

¹³³ П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. С. 88.

¹³⁴ The Diplomatic Reminiscences... Vol. II. P. 229, 243; Parliamentary Debates... Vol. 237. P. 469.

¹³⁵ П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. С. 88.

¹³⁶ Там же.

лицы¹³⁷. Русский посол и британский министр были солидарны в том, что для Англии важнее Галлиполи как «засов» в Средиземное море, нежели Константинополь. Лорд Дерби не собирался рассматривать занятие русской армией Константинополя как *casus belli*, о чем сообщил на заседании кабинета министров 14 декабря н. ст.¹³⁸ Если бы проблема Проливов могла быть решена устным соглашением Шувалова и Дерби, то русские получили бы возможность временной оккупации Константинополя. Однако Дерби, как было видно по заседаниям британского кабинета министров декабря–января, оставался в меньшинстве. Опираясь на информацию от Лаярда и турецкого посла, Дизраели уверенно проводил свою политику «недопущения».

9 февраля (28 января ст. с), британская эскадра вошла в Дарданеллы. Но за неимением у коменданта Дарданелл разрешения Порты на пропуск иностранных военных кораблей англичане снова вернулись в Безикскую бухту¹³⁹. При получении известия о новом приказе Дизраели восторженно писал королеве Виктории 9 февраля н. ст. (28 января ст. ст.) 1878 года: «После долгих и оживленных дискуссий, Кабинет решился послать эскадру к турецкой столице [...] Страна наконец-то зашевелилась. Если бы в Галлиполи стоял армейский корпус...»¹⁴⁰ Эта цитата из письма выдает его воинственные настроения, которые подкреплялись действием.

После второго разворота эскадры от Проливов лорд Солсбери заметил, что «если после всего произошедшего флот еще раз вернется в Безикский залив, наше положение станет смехотворным»¹⁴¹. Поэтому настроение кабинета, подкрепляемое твердостью королевы, было решительным. Курс политики Лондонского кабинета оказался всецело в руках Дизраели при полном одобрении королевы. Лондону было необходимо проявить демонстрацию силы.

¹³⁷ Там же. С. 90.

¹³⁸ G. L. Buckle. *Op. cit.* Vol. VI. P. 202.

¹³⁹ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 422.

¹⁴⁰ G. L. Buckle. *Op. cit.* Vol. VI. P. 244.

¹⁴¹ В. Н. Виноградов. Бенджамин Дизраели и Фея на престоле. М., 2004. С. 169.

В тот же день, 28 января (9 февраля), о приказе войти в Проливы стало известно в Петербурге. Император назвал это пощечиной и заявил, что честь России ставит ему в обязанность ввести в Константинополь войска¹⁴², о чем он написал главнокомандующему. На следующий день султану была отправлена телеграмма с извещением о решении войти в Константинополь со ссылкой на решение англичан о вводе флота и необходимость защитить жизнь и имущество христианского населения¹⁴³. Султану было объявлено, что в случае входа английской эскадры в Босфор русские займут Константинополь¹⁴⁴. Император, считая себя задетым, решился на такую меру, несмотря на перспективу обострения отношений. Можно предположить, что отчасти такая готовность императора появилась не без влияния сообщений Шувалова, говорившего о готовности Дерби на временную оккупацию города.

Решение императора было сообщено Шуваловым лорду Дерби. В ответ 30 января (11 февраля) лорд Дерби объявил, что если русская армия из Константинополя двинется на Галлиполи, это будет сочтено шагом к разрыву со стороны России¹⁴⁵. Дерби не прибавил ничего нового к тому, что уже было сказано ранее, действуя целиком и полностью в русле политики Дизраели.

Еще 29 января (10 февраля) в штабе великого князя было получено сообщение из Константинополя от Севера-паши, что в британское посольство в городе поступила телеграмма о новом вводе эскадры в Проливы¹⁴⁶. Располагая и до того сведениями об угрозе десанта, великий князь, возможно под их влиянием, резко переменял свои настроения. 31 января ст. ст. он в докладе императору сообщил об «угрожающем положении», созданным известием о вводе флота в Босфор, и о том, что он не желает нарушать перемирие¹⁴⁷. 1 февраля ст. ст. он рапортовал императору,

¹⁴² Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 377.

¹⁴³ С. С. Татищев. Указ. соч. Т. 2. С. 448.

¹⁴⁴ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 431.

¹⁴⁵ П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878. С. 90.

¹⁴⁶ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 422.

¹⁴⁷ Особое прибавление. Вып. VI. С. 263.

что отдал войскам приказ остановиться там, где их застанет известие о перемирии¹⁴⁸.

1 (12) февраля великий князь получил уже упомянутую выше телеграмму императора от 30 января: «Вступление английской эскадры в Босфор слагает с нас прежние обязательства, принятые относительно Галлиполи и Дарданелл. В случае, если бы англичане сделали где-либо вылазку, следует немедленно привести в исполнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе в таком случае полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем же однакоже, чтобы избежать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно»¹⁴⁹. Однако телеграмма опоздала во всех смыслах, великий князь уже не испытывал такого острого желания занимать Константинополь и Галлиполи, видя непосредственную угрозу. При этом Петербург все еще не собирался делать первый шаг к разрыву, но уже принял меры на случай действий англичан.

11 февраля (30 января ст. ст.), в Дарданеллы в третий раз вошла эскадра вице-адмирала Джеффри Горнби из 7 броненосцев¹⁵⁰. Примечательно, что броненосцем «Султан» командовал герцог Эдинбургский, один из сыновей королевы Виктории, зять императора Александра II¹⁵¹. Помимо формальной инструкции о защите жизни и имущества британских подданных, адмирал имел секретные инструкции, что если русские займут Константинополь, он должен открыть огонь. Это означало бы вступление Великобритании в войну. Решения британских политиков оказались непоколебимыми — русские не должны были занять Константинополь ни при каких обстоятельствах.

Вечером того же дня эскадра адмирала Горнби встала у Принцевых островов в Мраморном море. При встрече с Лаярдом

¹⁴⁸ Сборник материалов... Т. 14. С. 151.

¹⁴⁹ Особое приращение. Вып. VI. С. 261.

¹⁵⁰ О. Р. Айрапетов. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Царствование императоров Александра II и Александра III. 1855–1894. М., 2018. С. 483.

¹⁵¹ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 442.

14 февраля н. ст. Горнби демонстрировал решительность, заявив: «Русские войдут в город, только преступив мое мертвое тело» и намереваясь лично возглавить десант и оборону города¹⁵². Но в Босфор английский флот не вошел, дабы не провоцировать русское командование на занятие города. Этот осторожный шаг адмирала не давал и великому князю повода занять город и демонстрировал решимость Англии действовать силой.

Обе стороны замерли в ожидании, кто сделает первый шаг. Вход эскадры в Босфор стал бы сигналом для русских войск, а если бы русские войска начали занимать город, это послужило бы сигналом для англичан. Тонкая грань едва удерживала две страны от полноценного *casus belli*. Однако, для русского командования и Петербургского кабинета складывалась неприятная альтернатива: занятие города в ответ на английский десант или ради его упреждения в любом случае послужило бы для Лондона поводом объявить войну. Но ни Горнби, имевший четкие инструкции, ни Николай Николаевич, считавший, что в условиях мирных переговоров нет нужды в занятии города, так и не сделали этих шагов. Поэтому у Петербурга оставался маневр для ведения переговоров. Милютин отметил, что главнокомандующий не решился преступить демаркационную линию вопреки просьбам из Петербурга, «он делает благоразумно, отдавая по возможности катастрофу»¹⁵³.

13 (2 ст. ст.) февраля, султан телеграфировал императору Александру, что отослал письмо на имя королевы Виктории с просьбой об отмене ввода эскадры в Босфор и поэтому просит об отсрочке введения войск в Константинополь¹⁵⁴. В тот же день Петербург снова подтвердил Лондону свое решение не занимать Галлиполи, если англичане останутся нейтральными¹⁵⁵. Это должно было успокоить Лондон и продемонстрировать русское дру-

¹⁵² Queens ambassador to Sultan... P. 290.

¹⁵³ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 380.

¹⁵⁴ М. Газенкампф. Указ. соч. С. 432.

¹⁵⁵ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 379; Особое приращение. Вып. VI. С. 260.

желюбие, однако Милютин сомневался, что «эта уступка укротила бы воинственный азарт Биконсфильда»¹⁵⁶.

11 (23) февраля в дневнике министра появилась запись: «Вступление наших войск в Цареград несомненно послужит сигналом для англичан и турок к возобновлению войны и, таким образом, мы сами отречемся от громадных выгод, которые приобрели заключением предварительных условий мира и перемирия»¹⁵⁷. Одновременно великий князь запросил у императора инструкций, что делать ввиду присутствия английской эскадры у Принцевых островов и нежелания турок на занятие русскими Константинополя¹⁵⁸. Таким образом, великий князь сложил с себя ответственность за дальнейшие шаги, запросив указаний у Петербурга.

Из-за порчи телеграфа телеграмма императора от 3 (15) февраля об уступках Англии и с указанием не занимать Галлиполи пришла 4 (16) числа и не полностью. Ее окончание дошло лишь 5 (17) числа вечером и содержало приказ в случае входа англичан в Босфор занять укрепления его европейского берега, с согласия султана¹⁵⁹. С одной стороны, в повторении информации о соглашении между Лондоном и Петербургом, гарантирующем неприкосновенность Галлиполи, для главнокомандующего не было ничего нового. С другой стороны, вторая часть телеграммы в его глазах отчасти противоречила первой, так как занятие Босфора для великого князя означало и занятие Галлиполи, чтобы не допустить британский флот в Мраморное море.

Великий князь считал, как и император, что английская эскадра в виду Константинополя налагает на русских обязательства занять этот город. В штабе великого князя генерал И. В. Гурко при поддержке чинов штаба полагал, что при отсутствии у армии необходимых средств (снарядов, провизии, инженерных приспособлений, флота, возможности подвоза подкреплений со стороны Черного моря) брать город совершенно невозмож-

¹⁵⁶ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 379.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. С. 436.

¹⁵⁹ Там же. С. 437.

но, ибо немыслимо бороться с британским флотом, не имея своего¹⁶⁰.

Однако, почему же великий князь, неизменно в январе отвечавший в телеграммах державному брату: «Будет исполнено»¹⁶¹ и страстно желавший взять Константинополь, вдруг при известии о вводе британской эскадры остановился и не сделал попыток взять город? Отчего такая внезапная перемена взглядов?

М. Газенкампф так комментировал первоначальное намерение великого князя: «План величественный, но неисполнимый. Занять с налету, конечно, все можно, пользуясь теперешней паникой, но удержать — нельзя. [Выделено мной. — А. Т.] У нас нет ни флота, ни артиллерии, ни боевых запасов, ни обозов. Артиллерию и боевые запасы еще можно захватить у турок и подвезти морем из Одессы, но флот — взять неоткуда. [...] На суше мы для англичан неуязвимы, а на морском берегу — беззащитны перед их флотом»¹⁶².

Пессимизм Газенкампфа был более чем оправдан. В отчете императору от 22 января (3 февраля), великий князь описывал материальное положение войска: «Вообще все войска, а в особенности, отряд генерал-адъютанта Гурко, были крайне утомлены форсированными маршами по распутившимся от проливных дождей дорогам. Одежда изношена и истрепана. Вместо фуражек некоторые — в болгарских шапках и даже в чалмах. Обувь в самом жалком виде, у кого сапоги без подошв, у кого опанки, а у многих ноги обернуты разным тряпьем. Белья почти нет. Палаток давно уже нет: или сгнили от дождей или пошли на онучи и портянки. Обоз далеко позади: войска западного отряда не видели его с тех пор, как выступили из Орхании. Вследствие этого, даже большинство офицеров имели при себе лишь то, что могли унести на себе сами или увезти в кобурах верховых лошадей. Артиллерия всех колонн наполовину оставлена позади, так как дожидаться спуска ее с гор было некогда. О парках и говорить не

¹⁶⁰ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 438.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 129. Л. 23.

¹⁶² М. Газенкампф. Указ. соч. С. 360.

чего: все отстали на несколько переходов. Запас зарядов ограничивался лишь тем, что помещалось в передках орудий и передках зарядных ящиков: задние ходы ящиков почти всех батарей пришлось оставить за горами, ввиду невозможности их везти. Запас патронов, не менее 100 на ружье, а в некоторых частях — до 150. Боевая сила слабая: у пехоты — вследствие большого числа отсталых, неизбежного при столь неизменно быстром движении, у кавалерии — от усиленной и продолжительной разведывательной и сторожевой службы и от энергичного преследования неприятеля по трудным горным дорогам и тропинкам, при гололедице. Средним числом было по 500 штыков в батальоне и по 80 всадников в эскадроне»¹⁶³. Столь большой отрывок из донесения приведен здесь, чтобы показать картину расстройств войск и их необеспеченности.

Газенкамф в своем дневнике комментировал: «Нет почти ни одной целой дивизии, не говоря уже о корпусах, все растрепано и разбросано. Вместо постоянных соединений — временные; постоянные начальники заменены халифами на час: сегодня — один, завтра — другой. Все перепутано и перемешалось»¹⁶⁴.

Великий князь не преувеличивал. Епанчин вспоминал, что у солдат вместо фуражек были болгарские шапки и турецкие фески, «а, турки, — обращался он к солдатам в фесках, вызывая их добродушный смех»¹⁶⁵. В своем научном труде он обрисовал положение, в котором оказалась армия во второй половине января. Если марш от Балкан к Адрианополю был вполне успешен из-за еще державшихся морозов и снега, то во второй половине месяца потеплело и пошли дожди. Дороги мгновенно размокли и превратились в такое месиво, что одно орудие тащили 5–6 пар быков или 3 пары буйволов. Темп наступления, таким образом, резко снизился: делали 30 верст за 16–18 часов в сутки в начале месяца и 18 верст за 17 часов в сутки в конце января¹⁶⁶.

¹⁶³ Сборник материалов... Т. 14. С. 144–145.

¹⁶⁴ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 372.

¹⁶⁵ Н. А. Епанчин. На службе трех императоров. М., 1996. С. 124.

¹⁶⁶ Н. А. Епанчин. Очерк действий... С. 237.

Помимо личного лицезрения печального состояния наступающих войск, великий князь получал телеграммы от командовавшего авангардом генерала от кавалерии И. В. Гурко. 8 (20) января Гурко докладывал, что его отряд питается с 4-го числа только отбитыми у турок сухарями¹⁶⁷. 13 (25) января Гурко сообщал что обозы и парки очень медленно движутся через перевалы, дополнительной трудностью становится их переправа через реку Марица по одному временному и ненадежному мосту, а дорог, пригодных для продвижения артиллерии, не оказалось. В штабе Гурко ввиду нехватки патронов было принято решение забирать их у больных солдат в лазаретах для задачи остальным¹⁶⁸. Разъезды кавалерии доносили, что ведущий в Константинополь железнодорожный путь взорван, телеграф уничтожен¹⁶⁹.

Донесения Гурко вполне подтверждаются дневником генерал-лейтенанта П. Д. Зотова, командовавшего 4-м армейским корпусом. 12 января ст. ст. он записал в дневнике, что «река от таяния снегов так вздулась, что переправы у Джувина и Кесарева невозможны». 14 января: «Артиллерия и обозы 24-й дивизии остановились [...] т. к. в Полоновском ущелье вода размывала дорогу, в Джулане и Кесарева переправа производится уже двое суток с величайшими затруднениями». 19 января: «Дорога невообразимо дурна, идет по глинистому грунту и разъезжена донельзя — все обозы и артиллерия 11-й дивизии остались позади, несмотря на то, что взяли в батареях по 4 орудия и только половину обоза»¹⁷⁰. Таким образом, ранняя весенняя погода, помноженная на бездорожье, серьезно влияла на возможность русской

¹⁶⁷ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 69. Действия отряда г.-ад. Гурко с 1 по 9 января 1878 г. включительно. СПб., 1908. С. 289.

¹⁶⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. 71. Действия отряда г.-ад. Гурко с 10 по 31 января 1878 г. включительно. СПб., 1909. С. 47–48.

¹⁶⁹ Там же. С. 50.

¹⁷⁰ Дневник генерала Зотова // Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. М., 2001. С. 131–133.

армии как наступать, так и вообще на ее боеспособность, вследствие полного обвала логистики.

Поэтому на совещаниях в штабе главнокомандующего, Гурко выступил одним из главных противников занятия Константинополя¹⁷¹. Столкнувшись с все еще нерешенной проблемой логистики, из-за которой резко упала боеспособность армии, что делало невозможным занять Босфор для упреждения англичан, главнокомандующий вынужден был согласиться с аргументами генералов и чинов штаба, о чем телеграфировал императору 4 (16) февраля. Одновременно он подчеркивал, что ни русские, ни англичане не перешли демаркационной линии¹⁷², Константинополь, Галлиполи и Босфор остались неприкосновенными, так что он исполнил данные ему указания. Располагая, с одной стороны, информацией от Горчакова и Милютина об угрозе британского десанта, с другой, от Гурко о слабости собственной утомленной наступлением армии, великий князь вторично нарушил волю императора и не решился рисковать и идти на приступ города.

5 (17) февраля вечером у великого князя, в присутствии начальника штаба генерала А. А. Непокойчицкого, начальника дипломатической канцелярии А. И. Нелидова и бывшего посла в Константинополе генерала от инфантерии графа Н. П. Игнатьева состоялось совещание. На нем было решено предложить султану, что русские займут лишь пригороды Константинополя, вплоть до близлежащих к нему деревень и казарм, о чем император был оповещен в телеграмме¹⁷³. Таким образом, русская армия сохраняла лицо и вопрос о занятии города снимался — русские входили только в пригороды, не занимая сам город.

10 (22) февраля пришел ответ из Константинополя, что султан согласен на занятие русскими Сан-Стефано¹⁷⁴. 14 (26) числа великий князь получил пожелание императора, чтобы войска заняли форты Босфора на обоих его берегах, дабы воспрепятство-

¹⁷¹ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 438.

¹⁷² Там же. С. 439.

¹⁷³ Там же. С. 441.

¹⁷⁴ Там же. С. 454.

вать проходу англичан в Черное море. Великий князь в очередной раз воспротивился высочайшей воле и ответил, что это было бы нежелательно ввиду идущих мирных переговоров¹⁷⁵.

В конце февраля в Петербурге по поручению Милютина была составлена докладная записка Обручева о занятии Босфора¹⁷⁶. Обручев считал, что нейтралитет Турции закончится, когда придут английские войска¹⁷⁷. Ожидалось, что в случае возобновления военных действий за 5–6 дней могли прибыть британские войска с Мальты, а за 3–4 недели — английская армия из метрополии¹⁷⁸. Поэтому, дабы опередить англичан, Обручев рекомендовал или вступить в переговоры с Портой, чтобы та совсем сложила оружие, отказалась им пользоваться во вред русским и заявила протест против пребывания британской эскадры в турецких водах, а также позволила бы русским занять укрепления по обе стороны проливов, объясняя это Дивану тем, что тогда русские гарантировали бы султану выполнение обещанных мирных договоренностей¹⁷⁹. В случае отказа Порты от выполнения русских условий, рекомендовалось воспользоваться перевесом сил и атаковать, не считаясь с большими потерями, турецкие войска, число которых Обручев оценил в 30–40 тысяч человек, с целью уничтожения турецких сил и овладения укрепленными пунктами на Босфоре, а опираясь на них, поставить в проливе мины¹⁸⁰.

Важно отметить, что записки Обручева основаны на данных, предоставленных военным агентом Горловым весной-летом 1877 года. Данные о мальтийском гарнизоне, как о передовом отряде будущей британской армии на Балканах, сроки переброски войск из метрополии на театр военных действий послужили для расчетов Обручева. Его опасения столкновения с Англией приобретали реальные очертания, потому он видел гарантию за-

¹⁷⁵ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 461.

¹⁷⁶ Особое прибавление ... Вып. II. С. 103.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. С. 104.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же. С. 106.

щиты от атаки англичан в занятии и минировании Босфора, что гарантировало бы от подхода неприятельского флота и высадки десанта. Интересно, что докладная записка военного министра Д. Н. Милютина от 19 февраля 1878 года на имя императора советовала, в случае разрыва с Англией, удержать пролив Босфор и тем обеспечить защиту черноморского побережья. На записке стояла помета императора, что он разделяет взгляд министра¹⁸¹.

Эти записки отчетливо продемонстрировали, что в Петербурге отошли от политической и оперативной цели занятия Константинополя, как средства давления на Порту, и заменили его на Босфор, занятие которого заодно должно было закрыть Черное море в случае приближения британского или какого-либо другого неприятельского флота.

При этом Обручев был чрезмерно оптимистичен в оценке успеха. Еще на январь месяц, по английским оценкам, гарнизон Константинополя вместе с войсками в Булаирских и Чалтаджинских укреплениях, защищавших подходы к городу и Галлиполи, составляли 113 000 человек¹⁸². Лаярд на 18 февраля оценивал численность войск в городе и на Булаирских укреплениях как 140 000 человек, сверх того вскоре должны были прибыть 50 000 войска Сулейман-паши¹⁸³. Учитывая, что великий князь еще в феврале сообщал, что турки из дунайских крепостей стягиваются под Константинополь¹⁸⁴, численность этих войск возрастала в разы. Перспективы же штурма были неблагоприятны. Обручев в вышеупомянутой записке признавал наличие в городе свежих сил султанской гвардии, угрозу обстрела войск со стороны англо-турецкого флота, а также опасность со стороны фанатично настроенного населения города, что в совокупности грозило поражением¹⁸⁵. Епанчин вспоминал, что греческое население было враждебно настроено к русским, не впуская войска

¹⁸¹ Там же. Вып. VI. С. 271.

¹⁸² Н. А. Епанчин. Очерк действий... С. 243.

¹⁸³ Queens ambassador to Sultan... P. 242–243.

¹⁸⁴ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 435.

¹⁸⁵ Особое прибавление... Вып. II. С. 105.

на ночлег и заламывая цены за провиант, а местами вооружаясь, что приводило к стычкам с местными жителями¹⁸⁶.

Запутанности ситуации прибавляло предположение главнокомандующего, что турки могут использовать Галлиполи как базу для наступления во фланг и тыл русской армии. Поэтому, учитывая более чем явную угрозу английского флота и десанта, необходимо было занять Галлиполи, Константинополь, азиатские берега Проливов Босфор и Дарданеллы, и с этих позиций диктовать условия мира Турции, а также великим державам¹⁸⁷. Для этого он полагал погрузить 13-ю пехотную дивизию из Одесского военного округа на суда и высадить ее на азиатский берег Босфора, заняв позиции вплоть до Мраморного моря¹⁸⁸. Чтобы обеспечить успех такого мероприятия, он распорядился 10 (22) января выслать мины, минную команду гвардейского саперного батальона и все необходимое для устройства минных лодок¹⁸⁹. 13 (25) января великий князь указывал о желательности отправки из Севастополя одной дивизии с тремя батареями трехфунтовых орудий для высадки на азиатский берег Босфора¹⁹⁰. 14-го числа он запросил об этом Петербург, а 15-го — Севастополь.

В Петербург телеграмма пришла 18 января, и Милютин, вместе с генерал-адмиралом Константином Николаевичем возразили против плана главнокомандующего, учитывая превосходство турок на море¹⁹¹. Однако, Милютин в тот же день запросил командующего Одесским военным округом генерала от инфантерии В. С. Семеку о возможности перевезти в Константинополь из Севастополя одну пехотную дивизию с тремя батареями¹⁹²

¹⁸⁶ Н. А. Епанчин. Очерк действий... С. 238–239.

¹⁸⁷ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 350, 355, 360.

¹⁸⁸ Там же. С. 403.

¹⁸⁹ Там же. С. 351.

¹⁹⁰ Там же. С. 381.

¹⁹¹ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 373; О. Е. Алпеев. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 году // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира в XVIII–XXI вв. М., 2019. С. 123.

¹⁹² Особое прибавление... Вып. VI. С. 251.

и получил ответ, что на исполнение нет средств¹⁹³. 22 января Милютину был подан более подробный доклад, в котором указывалось, что флот может предоставить 11 пароходов и 11 паровых шхун, на которые поднимется за раз 10 000 десанта, без части обоза. На сосредоточение войск уйдет 10 дней, на сбор флота — 5, и крайне необходимо иметь разборные пристани для высадки войск и выгрузки обоза¹⁹⁴. Таким образом, опередить англичан с Мальты за 5–6 дней высадкой на Босфоре за 10 дней (не считая времени на преодоление пути от Севастополя и Одессы к Босфору), никак не удалось бы.

16 февраля великий князь Николай Николаевич получил телеграмму из Севастополя от главного командира Черноморского флота адмирала Н. А. Аракса, что в течение 10 дней возможно собрать 11 больших и 14 малых пароходов, которые за раз поднимут 25 000 десанта¹⁹⁵. Из приведенных выше расчетов видно, что это был чрезмерно оптимистичный взгляд. 23 января великий князь получил телеграмму из Николаева, где ему сообщали, что ввиду сильного течения в Босфоре и глубины до 40 сажен (85,2 метра), минирование можно осуществить только гальванодарными минами, что предпринимать крайне опасно¹⁹⁶.

19 марта великий князь Николай Николаевич получил из Петербурга указание озаботиться провозом артиллерии крупного калибра из Севастополя к Босфору. Газенкамф негодовал в дневнике: «Какая возможность, в виду английской эскадры, доставить через все Черное море на не принадлежащий нам Босфор артиллерию большого калибра?»¹⁹⁷

Под влиянием этих данных, взгляды великого князя Николая Николаевича на перспективу занятия Босфора резко изменились, о чем он написал в обстоятельном рапорте на имя императора от 21 марта (2 апреля): «Для полного утверждения нашего на Босфо-

¹⁹³ Там же. С. 253.

¹⁹⁴ Там же. С. 258.

¹⁹⁵ М. Газенкамф Указ. соч. С. 396.

¹⁹⁶ Особое прибавление... Вып. VI. С. 258.

¹⁹⁷ М. Газенкамф. Указ. соч. С. 540.

ре необходимо занять оба берега пролива и положить в нем минные заграждения. [...] Но, как я уже изложил в моем письме, начало движения наших войск вперед будет сигналом к разрыву с Англией [...] Нельзя упускать из виду того, что флот может прибыть в Босфор ранее подхода к берегам его наших войск, так как этим последним нужно сделать около 40 верст и употребить на это около 1,2 суток, а английскому флоту от Принцевых островов — несколько часов. [...] Мины готовы и в достаточном количестве находятся на военных складах, однако, я сомневаюсь, чтобы моряки наши, несмотря на все усилия их и самоотвержение, успели заградить пролив до прихода неприятельского флота, производство же работ под огнем броненосных судов — немыслимо. [...] Переправа наших войск на азиатский берег может быть исполнена только тогда, когда будет устроено надежное заграждение пролива и будет уверенность, что проход по нему броненосцев невозможен, иначе положение переправившихся войск будет крайне опасно. Кроме того, переправа войск возможна будет только тогда, когда будет собрано в проливе такое количество судов, которое могло бы поднять примерно около дивизии пехоты с артиллерией, но как привод наших судов, так и наем их на месте может быть сделан только тогда, когда заграждение пролива будет исполнено. [...] Будут ли названные действия успешны или нет, для противодействия броненосцам и упрочения нашего положения на Босфоре полезно иметь орудия большого калибра. [...] Доставка этих орудий в Босфор, а тем более выгрузка их на берег возможны только при совершенном разрыве [...] во всяком случае нужно иметь в виду, что для совершенного изготовления больших орудий для отправки, требуется не менее двух недель»¹⁹⁸.

Отсюда следует, что для закрепления на Босфоре требовалось как минимум минирование пролива, установка тяжелых батарей и присутствие флота. Осуществить это великий князь признавал невозможным ввиду как присутствия турецкого флота, так и возможности для англичан быстро вернуться к Босфору, прежде окончания заградительных и строительных работ. Для создания

¹⁹⁸ Особое прибавление ... Вып. II. С. 106–110.

оборонительных укреплений на Босфоре с артиллерией и минными заграждениями не было средств и времени, как и возможности получить перевес в живой силе, достаточный для штурма Булаирских укреплений и Константинополя.

Отсутствие должного времени при ежедневной угрозе начала боевых действий останавливало главнокомандующего от решительных мер. Милютин писал, что из-за настоятельных повелений занять Босфор великий князь потерял бодрость духа и видит везде затруднения, действует вяло, что вызывает недовольство императора¹⁹⁹. Газенкампф сетовал 19 марта, что «государь настойчиво требует перехода к решительным действиям, а между тем — исполнение его повелений невозможно без возобновления войны, чего он также не желает. Просто заколдованный круг, из которого нет выхода»²⁰⁰. 18 марта Милютин записал, что император видит необходимость разрыва с Англией²⁰¹. Ввиду этого было принято решение о смене главнокомандующего великого князя Николая Николаевича²⁰².

12 (24) марта император Александр II в Михайловском замке в Петербурге дал аудиенцию новому главнокомандующему Дунайской армией инженер-генералу Э. И. Тотлебену. Результатом аудиенции стала докладная записка Тотлебена о занятии Босфора, в которой он ставил целью запереть вход в Черное море для английского флота. Для этого предлагалось захватить турецкие укрепления на Босфоре — от Буюк-Дере до Черного моря атакой с тыла, загородить пролив минами и соорудить батареи на 50 мортир и 11-дюймовых береговых орудий, что дало бы возможность отражать бомбардировку броненосцев. Также требовалось наладить постоянное сообщение с портами Черного моря путем занятия гавани Килии на черноморском берегу Босфора и прокладки от гавани железной дороги до Буюк-Дере²⁰³. По сло-

¹⁹⁹ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 394.

²⁰⁰ М. Газенкампф. Указ. соч. С. 541.

²⁰¹ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 393.

²⁰² Там же. С. 399.

²⁰³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 5.

вам Милютина, он признавал эту операцию весьма трудной и рискованной²⁰⁴.

Стоит отметить, что у идеи занятия Босфора стали появляться новые сторонники в Петербурге. 18 марта цесаревич Александр Александрович записал в дневнике: «Положение наше все еще весьма неопределенное. Англия кажется решительно отказывается увидиться на конгрессе в Берлине. Делаются решительные приготовления к занятию нами Босфора и Буюк-Дере, чтобы постараться укрепиться на этом пункте и не пропустить английский флот в Черное море. Но когда мы на это решимся, еще не решено, а очень пора бы, чтобы не пропустить благоприятный случай. Лорд Дерби сменен, а на его место назначен маркиз Солсбери. Англия продолжает деятельно вооружаться и сзывает свои резервы... Что-то будет? Дай Господи благополучный исход всему этому»²⁰⁵. Учитывая прежнее возмущение цесаревича британской политикой, он явно одобрял идею занятия Босфора и был настроен решительно.

С весны 1878 года положение Дунайской армии под Константинополем становилось еще труднее. Великий князь телеграфировал императору 2 февраля, что боится весны, ибо небубранные трупы и пададь, оставшиеся после бегства мусульманского населения за Балканы и резни турками болгар, несмотря на меры к их ликвидации, угрожали распространением болезней²⁰⁶. Опасения главнокомандующего были не напрасны. Весной переполненные беженцами и пленными пригороды турецкой столицы охватила эпидемия тифа, перекинувшаяся на русские войска. Одновременно из-за плохой питьевой воды и отсутствия канализации начались желудочные болезни и малярия у солдат, не считая обычной простуды. В марте число больных насчитывало 390 человек, в апреле — 1 648, в мае — 5 733, в июне — 19 333. На полк приходилось по 30–40 больных²⁰⁷.

²⁰⁴ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 400.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 178.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 129. Л. 17.

²⁰⁷ О. Р. Айрапетов. История внешней политики Российской империи... С. 497.

Только 2 (14) апреля, после Особого совещания, на котором присланный от Николая Николаевича генерал-лейтенант А. К. Имертинский передал устно все те же соображения, что великий князь излагал письменно, император сам резко переменяет свое мнение: «Государь говорил уже совсем иначе о возможности захвата нами Босфора. Он увидел, что дело это не только не легкое, но даже едва ли возможное при настоящих обстоятельствах»²⁰⁸.

Общее ухудшение положения, вызванное еще и негативной реакцией общества, способствовало тому, что любивший быть популярным в глазах общественного мнения А. И. Горчаков заявил, что «проучил бы Европу, если бы министр военных сил не заявил о неготовности армии к войне»²⁰⁹. Милютин раздраженно полемизировал с Горчаковым на страницах дневника: «Как ни прискорбны для нас всякие подобные уступки после победоносной кампании, не могу, однако же, не признать, что еще прискорбнее будет рисковать новой войной против половины Европы. Все благоразумные люди понимают, что при настоящих обстоятельствах война была бы для нас бедствием, во всяком случае она не могла бы доставить нам более, чем теперь, выгодный мир и более поддержать «достоинство» России»²¹⁰.

С апреля месяца вопрос о занятии города отошел на второй план перед большими выгодами, которые предоставляла возможность занятия Босфора. Несмотря на напряженность весны — лета, сохранявших риски войны, Берлинский конгресс привел стороны к общему решению, пусть и не удовлетворявшему идеалистов и демагогов, вроде И. С. Аксакова, написавшего крайне бессовестные строки к Победоносцеву: «Знаю все возражения: армия наша тает от болезней, денег нет и проч. Все это соображения мелководных и слабых душ и крайне близоруких политиков»²¹¹.

В целом, казус Константинополя ярко продемонстрировал работу государственного механизма Российской империи. В тре-

²⁰⁸ Д. А. Милютин. Дневник 1876–1878. С. 405.

²⁰⁹ Там же. С. 398.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Люди русской правды... С. 422.

угольнике «император — канцлер — военный министр» Милютин смог занять лидирующее положение и влиять на принятие тех или иных решений. Серьезной опорой в этом для него стал отлаженный им под себя аппарат военного министерства, существовавшая в котором военная разведка стала основным источником информации для министра, что позволило Милютину грамотно оценивать ситуацию и своевременно реагировать, в том числе влияя на императора. Это облегчалось тем, что его положение усиливалось по мере проявления физической и умственной слабости канцлера. Отчасти, Милютин укреплял свои позиции за счет систематизированных данных, предоставляемых ему Обручевым, который, по своей должности, фактически возглавлял разведку и мог на основании ее сведений оценивать ситуацию. Это не гарантировало точность и безупречность анализа Обручева, но даваемая им на основании разведывательной информации оценка положения позволяла Милютину воздействовать на императора. Результатом этого влияния явились договоренности с Лондоном, которые смогли стать инструментом в переговорах во время сложных ситуаций.

Петербург был на грани совершения ошибки, когда излишнее доверился устному обмену мнениями между Дерби и Шуваловым, так как Дерби оказался в изоляции на политическом олимпе Британии, где возобладала партия войны во главе с королевой и премьер-министром и *idee-fixe* «русские не получают Константинополь». К чести Шувалова стоит сказать, что тот вовсе не собирался уступать англичанам и был готов на блеф и демарш ради сохранения достоинства страны на международной арене.

Тем не менее, у великого князя Николая Николаевича имелось два шанса занятия Константинополя. Первый, в конце января 1878 года, не был осуществлен из-за угрозы вступления Англии в войну, к чему уставшая армия с отставшими тылами не была готова. Занять город физически возможность была, но не было возможности там удержаться.

Второй шанс, в феврале-марте, также не был осуществлен ввиду невозможности быстрого подвоза десанта и артиллерии с черноморских портов и отсутствия возможности их высадить где-нибудь, нехватки десантных средств и времени на сбор и пе-

ревозку сил. Минирование также не было осуществлено по недостатку как средств, так времени и возможности. Любой шаг неизбежно привел бы к началу ответных действий со стороны англичан и прибытию британских войск, которые на оборонительных позициях, вместе с турецкой армией могли бы отбиваться от атак русских войск. Это своевременно пришедшее к великому князю понимание ситуации позволило ему, путем игнорирования воли императора, избежать фатальных ошибок. Чуть позже к этому пониманию пришел и сам император под влиянием накапливающихся данных о слабости русских войск у стен Константинополя.

Выбранное в Петербурге не без влияния Миаютиня решение придерживаться политики соблюдения заключенных соглашений, хоть и лишало «сладкого приза» в виде триумфального вхождения победившей армии в древнюю столицу Византии, но позволяло закончить турецкую войну без риска повторить события Крымской войны, к чему серьезно были готовы в Лондоне. Тонкости работы государственного механизма остались для публики под спудом, отчего ситуация выглядела как отступление победоносной армии по окрику из западных столиц, что позволило разгневанной отсутствием ярко выраженного триумфа общественности обвинять дипломатов в государственной измене.

Одновременно, в ходе кризиса января–февраля 1878 года, произошла ключевая переориентация целей внешней политики страны. Вместо оперативного занятия Константинополя оформилась идея десанта на азиатский берег Босфора. Неготовность войск к немедленному ее выполнению определила задачу ее подготовки на ближайшие десятилетия.

Если Достоевский и Аксаков придавали обладанию Константинополем метафизический смысл, то Скобелев в частной беседе говорил о вполне прагматичных целях контроля над городом и Проливами: «Нам, славянам, нужны Босфор и Дарданеллы как естественный выход к морю, иначе, без этих знаменитых проливов, несмотря на весь наш необъятный простор, — мы задохнемся в нем»²¹². Более рационально смотрел на это его началь-

²¹² В. И. Немирович-Данченко. Скобелев. М., 1993. С. 70.

ник штаба, генерального штаба полковник (с 1901 г. — генерал от инфантерии) А. Н. Куропаткин в своей докладной записке по Главному штабу весной 1879 года: «Владея Босфором, мы сделаемся неуязвимыми для Англии и будем иметь более других шансы владеть и всем Балканским полуостровом как в политическом, так и в экономическом отношениях, отсюда вывод не труден: пока у нас есть стремление завладеть Босфором — Англия наш враг»²¹³. Ранее, в 1878 году, Милютин указывал великому князю Николаю Николаевичу: «Утверждение наше на берегах Босфора сделает нас неуязвимыми для Англии»²¹⁴.

Эти настроения в верхах с воцарением Александра III, ставшего в те дни сторонником этой идеи, начали воплощаться в решениях и делах. На Особом совещании 21 августа 1881 года в присутствии императора была принята крупная судостроительная программа для Балтийского и Черного морей, призванная увеличить морские силы России, в том числе на Черном море, с целью будущего десанта на Босфор. Официально говорилось, что десант готовили ввиду ожидаемого распада Османской Империи²¹⁵, но негласно подразумевалась цель недопущения сил англичан в Черное море²¹⁶.

Четыре года спустя, в октябре 1885 года в докладной записке о внешнеполитических целях России тогда уже ставшего начальником Главного штаба генерал-адъютанта генерала от инфантерии Н. Н. Обручева прозвучало: «Только за Босфор и Карпатскую Русь безусловно и стоит лить русскую кровь». О выгодах этих жертв генерал пояснял: «Владея Босфором, мы становимся неуязвимыми на Черном море, обуздываем Англию, сосредотачиваем все сухопутные силы наши на западной границе, и, решив Польский вопрос, навеки, неизбежно обеспечиваем положение России в Европе, как достигаем вместе с тем спокойствия

²¹³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 242. Л. 9.

²¹⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 7447. Л. 2 об.

²¹⁵ Р. В. Кондратенко. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 76.

²¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 587. Л. 5; Особое приращение... Вып. II. С. 103.

и на Кавказе, и в Азии»²¹⁷. Император Александр III, ознакомившись с запиской, написал на ней: «Согласен»²¹⁸.

Так до конца 1890-х годов цель «запереть вход в Черное море», стала приоритетной для Петербургского кабинета. Хотя затем произошла переориентация с Босфора на Квантун, но поражение в войне с Японией вынудило Петербург вновь вернуться к традиционным приоритетам в европейской политике. Триумфом этой идеи однозначно является соглашение 10 апреля 1915 года, достигнутое министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, относительно будущей передачи России Константинополя, обоих берегов Босфора и западного берега Дарданелл с полуостровом Галлиполи²¹⁹. Падение монархии и последовавшее резкое падение боеспособности армии и флота не позволили осуществить давно подготавливавшийся проект взятия Босфора и Константинополя.

²¹⁷ Первая наша забота — стоять твердо в Европе // Источник. 1994. №6. С. 10–11.

²¹⁸ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 136.

²¹⁹ Константинополь и Проливы. М., 1925. Т. I. С. 295; Раздел азиатской Турции. Пг., 1924. С. 118–119.

А. М. Лаврёнова

«СИСТЕМУ ЗУБАТОВСКИХ
СОБЕСЕДОВАНИЙ ПЕРЕНЯЛА
НОВАЯ ПОРОДА ПРОКУРОРОВ,
ВРОДЕ НЕГОДЯЯ ТРУСЕВИЧА...»:

Неизвестное письмо Г. А. Гершуни¹

В начале 1970-х гг. О. Коган, падчерица А. Я. Острогорской, бывшей невесты основателя Боевой организации партии эсеров (БО ПСР) Г. А. Гершуни, обнаружила за рамкой фотографии любопытнейший документ — переписанное рукой своей мачехи письмо «художника террора». Адель Яковлевна Коган (Острогорская), умершая в 1925 г., по-видимому, уничтожила подлинник, однако содержание находки убедительно свидетельствует в пользу её аутентичности. Ныне этот документ хранится в РГАСПИ в фонде Центрального комитета партии эсеров².

Основные описываемые в документе события — II Съезд РСДРП, проходивший в июле-августе 1903 г., самоубийство бывшего шлиссельбургского узника П. С. Поливанова 13 августа 1903 г., а также признание Гершуни, находящегося под следствием, в своей принадлежности к партии эсеров, имевшее место 30 ноября 1903 г., позволяют довольно точно установить время появления этого письма. Как видно из содержания документа, на момент его создания Вера Фигнер все еще была в заключении в Шлиссельбурге, который покинула лишь в конце сентября

¹ Автор выражает глубочайшую признательность Михаилу Дмитриевичу Трухину за его помощь в обнаружении письма Г. А. Гершуни.

² РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 77.

1904 г. И сам Гершуни, как нетрудно догадаться, в рассматриваемый период находился за решеткой: еще 13 мая 1903 г. он был арестован в Киеве, препровожден в столицу и помещен в Трубецкой бастион. В феврале 1904 г. решением военно-окружного суда террорист был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением, каковое ему предписано было отбывать в Шлиссельбургской тюрьме³. Однако, судя по содержанию документа, он был написан еще до перемещения его автора в Шлиссельбург.

По правилам заключенному Петропавловской крепости, с разрешения Департамента полиции, дозволялось иметь свидания и писать родным дважды в неделю⁴. И хотя отправка писем подобного вопиюще-нелегального содержания из царского каземата к товарищам-революционерам, на первый взгляд, должна была казаться затруднительной, но для Гершуни, как-то сумевшего раздобыть морфий, это вряд ли представляло проблему (террорист запасся им на случай неминуемых — как ему казалось — пыток и избавился от него уже в Шлиссельбурге, удостоверившись, что таковых не последует⁵).

Допросы летом и осенью 1903 г. производились жандармами под наблюдением товарища председателя Санкт-Петербургской судебной палаты Максимилиана Ивановича Трусевича, спустя два года возглавившего Департамент полиции. Эта встреча произвела на Гершуни неизгладимое впечатление: «В душе поднимается невероятный ад. Мгновение — и все перед глазами поплыло. Делаешь над собой невероятное усилие, и, сохраняя наружное спокойствие, стараешься возможно скорее отделаться от них. В камеру! Скорее бы в камеру! Гулко гремит засов — ты один. В мозгу поднимается что-то большое, большое, чудовищно безо-

³ С упразднением тюрьмы в январе 1906 г. Гершуни был отправлен в Восточную Сибирь, однако пробыл он там недолго. Бежав из Акатуйской каторжной тюрьмы в бочке с капустой, Гершуни отправился за границу: сперва в Японию, а оттуда в Америку.

⁴ Г. А. Гершуни. Из недавнего прошлого. Париж, 1908. С. 29.

⁵ Там же. С. 79, 92.

бразное. Точно щупальца спрута охватывают тебя всего железными тисками, и какой-то давящий замогильный холод леденит сердце. Знаете ли вы, что такое смертельный ужас? Вот тогда пришлось испытать его!»⁶

Разумеется, маститый революционер не столько переживал о своей судьбе, сколько был поражен известием о даче признательных показаний Фомой Качурой, рабочим, при настоятельном подстрекательстве Гершуни покушавшимся на харьковского губернатора князя И. М. Оболенского. Но если опытный Гершуни знал, как вести себя на допросе, то простой рабочий «поплыл»: его чистосердечное признание в числе прочих⁷ показаний легло в основу обвинительного заключения на судебном процессе Боевой организации ПСР⁸. Это заставило Гершуни из крепости звать к своим товарищам в приводимом ниже письме: «Систему зубатовских собеседований переняла новая порода прокуроров, вроде негодяя Трусевича, и революционеры должны всеми силами вооружиться против этих язв». К слову, не только Гершуни отметил появление «новой породы» прокуроров, специализировавшихся на делах о государственных преступлениях, — аналогичное указание встречается и в мемуарах Э. П. Беннигсена, отмечавшего при этом прохладное отношение к Трусевичу со стороны его столичных коллег по ведомству юстиции⁹.

Так что же представляли собой эти «зубатовские собеседования»? Деятель еврейского рабочего движения в России Б. М. Фрумкин писал, что Зубатов «вел беседы на самые различные темы в непринужденном тоне, далеком от тона допроса. Искусно разыгрываемым увлечением, заражающей искренностью, он вовлекал в беседу и собеседника». Арестованным казалось, что «тут происходит просто столкновение двух мирозозер-

⁶ Г. А. Гершуни. Из недавнего прошлого. С. 33.

⁷ Помимо Качуры признательные показания дали М. М. Мельников, А. К. Григорьев, Т. С. Бартошкин и Ю. Ф. Юрковская.

⁸ Процесс БО ПСР проходил на закрытом заседании Петербургского военно-окружного суда с 18 по 25 февраля 1904 г.

⁹ Э. П. Беннигсен. Записки (1875–1917). Т. 1. М., 2018. С. 185.

цаний, и они горячо отстаивали свою точку зрения и роковым образом приходили к тому, что излагали все, что касалось их личной революционной деятельности»¹⁰.

Качура был не первой и не единственной «жертвой» Трусевича. На протяжении всей своей службы на прокурорском поприще Максимилиан Иванович был причастен к самым громким политическим делам, так что составить представление о стиле его работы и аргументации на допросах, столь волнительных для адептов противоправительственных партий, представляется вполне возможным. Еще на заре своей карьеры, в Риге, Трусевич боролся с латышской социал-демократией, в процессе разгромив один из марксистских студенческих кружков, членом которого был молодой М. М. Пришвин, студент Рижского политехнического института. О Трусевиче писатель вспоминал в своем автобиографическом произведении «Кашеева цепь». Товарищ прокурора фигурирует в нем под фамилией Анацевич: «Он идет определенной дорогой, а не по меридиану, будет непременно прокурором, директором департамента или послом во Франции, и даже в Англии среди лордов Анацевич будет нужным, необходимым человеком»¹¹. Вместе с тем образ его, как и следует ожидать, зловеще-мрачен: «Товарищ прокурора, который должен быть заступником права перед жандармами, сам является худшим из всех жандармов»¹².

Хотя художественное произведение едва ли можно рассматривать в качестве полноценного источника, стоит все же взять на заметку описанные Пришвиным беседы и содержательные споры прокурора с арестантом о ревизионизме Э. Бернштейна¹³, чью книгу он даже приносит заключенному почитать («Коварная книга размыкает постройку, потому что самое дело, пи-

¹⁰ Цит. по: А. В. Куканов. Сергей Васильевич Зубатов // Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX вв. СПб.: М., 2002. С. 430.

¹¹ М. М. Пришвин. Кашеева цепь. М., 1983. С. 226.

¹² Там же. С. 227.

¹³ Идеи немецкого политика и публициста Э. Бернштейна привели к расколу социал-демократического движения. В марте 1899 года статьи Э. Бернштейна вышли отдельной книгой под заглавием «Предпосылки социализма и за-

тающее формулы, ускользнуло из рук»¹⁴), судьбе России («Все совершится обыкновенно, самое же ваше рабочее государство явится обыкновенным порядком») и просто об отношении к жизни («Вы хотите для спасения рабочих отдать свою молодую прекрасную жизнь и делаете это совершенно напрасно. Сейчас я проходил сюда, в тюрьму, грязной улицей, на дороге лежит без сознания какой-то человек, мертвый, больной или пьяный. Я звоню к дворнику и говорю: “Убери!” Он не слушается. Я беру его за шиворот и говорю: “Убери, негодяй, или я сейчас же тебя отправлю в участок”. После того дворник извиняется, свистит извозчика и увозит человека в больницу. Так я делаю, а вы из-за любви к человеку несете его на своих плечах к себе в комнату, пьяница приходит в себя и делает вам же, спасителю, большие неприятности. Вот вы обдумайте это хорошенько, стоит ли идти на Голгофу, если для спасения одного гражданина достаточно взять другого за шиворот и потрясти. Вы это, молодой человек, хорошенько обдумайте, а я как-нибудь еще к вам заверну»¹⁵).

Прослужив в Риге почти десять лет (24 октября 1889 — 21 декабря 1898), М. И. Трусевич снискал признание начальства и был назначен товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда¹⁶.

К этому времени относится известный эпизод допроса Трусевичем С. В. Балмашева, убийцы министра внутренних дел Д. С. Сипягина, описанный в воспоминаниях последнего начальника Московского охранного отделения А. П. Мартынова. На глазах мемуариста развернулось поистине необыкновенное зрелище: Трусевич, с «некоторым простоватым радушием в голосе», пригласил террориста сесть к столу, и, «раскрыв объемистый и очень изящный золотой портсигар, весьма любезно предложил ему папиросу», от которой Балмашев не отказался. Самая манера разговора,

дачи социал-демократии». В России книга переиздавалась трижды. С. В. Зубатов включил её в число книг, рекомендованных для чтения рабочим.

¹⁴ М. М. Пришвин. Указ. соч. С. 230.

¹⁵ Там же. С. 226–227.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Д-1. 1906 г. Оп. 26. Д. 715. Л. 9 об. — 10.

более напоминая тон дружеской беседы, нежели допрос, все это обаятельное обхождение прокурора с убийцей министра шокировали молодого жандармского офицера¹⁷.

Еще более развернутое описание методов допроса Трусевича оставил Абрам-Борух Каплан, молодой человек, арестованный по делу Минской и Нежинской типографий, после содержательного общения с товарищем прокурора отрекшийся от своих революционных взглядов и выдавший правосудию семерых соучастников. Объявленный предателем решением революционного суда, Каплан написал длинное покаянное письмо обществу и товарищам¹⁸, а также прошение на имя министра внутренних дел, в которых объяснял свое «падение». В изрядно отредактированном виде письмо Каплана было опубликовано В. Л. Бурцевым в газете «Будущее» 1911 г. №2 (от 29 октября) в статье, озаглавленной «"Приемы" Трусевича»¹⁹.

А дело было так. В середине апреля 1901 г. Каплан был вызван на допрос, но от дачи показаний отказался, провел в Петропавловской крепости полгода, после чего его снова стали возить на допросы к Трусевичу, «взявшему на себя роль Зубатова в Петербургском жандармском управлении». Обращались с ним очень вежливо, и после расспросов о здоровье, Трусевич приступал к продолжительным задушевным беседам. Вот что Каплан писал об этих допросах министру внутренних дел: «Вместо того, чтобы задавать мне вопросы, касающиеся самого дела, прокурорский надзор затевал со мной принципиальные споры, которые длились часто по шесть-семь часов кряду, и, только окончательно утомив меня, приступал к делу и то не каждый раз. Случалось даже, что продержав меня часов шесть-семь в жандармском управлении, меня отправляли обратно в крепость, совершенно

¹⁷ А. П. Мартынов. *Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // Охранка: воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 72–73.*

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1901 г. Д. 326. Л. 68–72 об. Перлюстрированное письмо с подписью «А. К.» из Москвы к Вильгельму Герделю в Нюрнберг от 3 июля 1902 г.

¹⁹ *L'Avenir* / ред. В. Л. Бурцев. Париж, 1911. №2. С. 2, 4.

не затронув самого дела. В принципиальных спорах, [...] говорили мне, будто русское правительство вовсе не преследует борьбы за экономические интересы рабочих и предлагали мне действовать совершенно легально, выбросив из программы своей деятельности лишь революционные средства борьбы за политическую свободу, не отрицая в то же время, по крайней мере, на словах, возможности достигнуть свободы легальными средствами. Под влиянием этих уверений я написал свое отречение от революционной деятельности»²⁰.

В результате этих бесед воодушевленный Каплан искренне решил стать на путь исправления: «Мысль эта так овладела мной, что у меня явилось страстное желание выйти из тюрьмы и совершенно легализоваться, чтобы иметь возможность проводить свои взгляды в рабочей среде». Трусевич даже предложил юноше, арестованному за постановку нелегальных типографий, поступить в наборщики при жандармском управлении, но прежде возместить ущерб, понесенный правительством от деятельности юного революционера, разъяснив обстоятельства дела и назвав имена своих товарищей, что тот и сделал, но, по-видимому, откровенные показания его оказались недостаточно подробны, т. ч. освобождение из-под стражи не состоялось. Сомнения в содеянном настигли Каплана только в июне 1902 г., в Московской пересыльной тюрьме. Наборщиком Каплан не стал, но и революционный путь его был окончен: он был выслан в Восточную Сибирь в г. Вилюйск под гласный надзор полиции на 5 лет, где поступил на военную службу в Якутскую местную команду, а в апреле 1904 г. «желая заслужить прощение за прежние преступления», подал ходатайство о переводе в действующую армию, что и было исполнено. В 1906 г. Каплан — младший унтер-офицер 23-го Восточно-сибирского стрелкового полка²¹.

Покуда Абрам-Борух Каплан, внемля прокурорским речам, грезил о легальной борьбе за права пролетариата, его коварный

²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. 1904 г. Оп. 102. Д. 580. Л. 5–5 об.

²¹ Там же. Л. 4, 14, 19.

обольститель, в рамках существующего в ведомстве юстиции обычая чинопроизводства²², занял пост прокурора в Новгороде (с 12 ноября 1901 по 18 января 1903 г., фактически по 27 ноября 1902 г.²³). Но и на сонных берегах Волхова Трусевич не выпускал из виду ситуацию в столице. Так, по свидетельству мемуариста А. В. Болотова, новгородский прокурор, «очень способный, дельный и умный, быстро схватывающий... в обществе он почти не показывался, занятый по горло делами, ибо кроме прямых прокурорских обязанностей на нем лежали крупные политические дела, которые он вел в Петербурге при охранном отделении»²⁴.

Как показала действительность, готовность прокурора ввязываться в споры с революционерами о перспективах государственного устройства России развязывали языки арестованных лучше угроз. По свидетельству некоего «Известного», опубликованному в газете «Новая жизнь» и посвященному назначению товарища прокурора директором Департамента полиции, тот «мог вести нескончаемые блудливые разговоры на тему о несовершенствах современного строя», и «редкие уходили без всяких административных кар из дознаний, производимых г[осподи]ном Трусевичем»²⁵.

В приведенном письме Гершуни в качестве единственного средства против мнимого жандармско-прокурорского дружелюбия называет полный отказ от дачи показаний. Именно такую тактику пропагандировал и видный социал-демократ В. П. Мах-

²² Переводу на руководящие прокурорские должности в Санкт-Петербург зачастую предшествовало два-три года работы в качестве окружных прокуроров в Новгороде и Пскове. (Г. К. Жуков. Развитие структуры и кадрового обеспечения российской прокуратуры как факторы повышения эффективности прокурорской деятельности во второй половине XIX — начале XX в. // Труды Института государства и права Российской академии наук: История и археология. 2022. Т. 17. №6. С. 195–196).

²³ ГА РФ. Ф. 102. Д-1. 1906 г. Оп. 26. Д. 715. Л. 10 об. —11.

²⁴ А. В. Болотов. Господин Великий Новгород. Воспоминания. Париж, 1925. С. 55.

²⁵ Новая жизнь. № 485. 30 июня 1906 г. (ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1420. Л. 43–44).

новец в своей брошюре «Как держать себя на допросах»²⁶. Впрочем, тактика революционеров была верна лишь отчасти, ведь, как справедливо отметил тот же А. П. Мартынов, при хорошо налаженном розыске «откровенное показание» на жандармском дознании не только не требовалось, но и могло порой и навредить. Таким образом, известное требование «не отвечать на вопросы при жандармских дознаниях», предъявляемое членам подпольных революционных организаций их лидерами, в каких-то случаях могло сыграть правительственным силам на руку²⁷. Правда, это было справедливо лишь для специалистов политического сыска. Заведующий заграничной агентурой П. И. Рачковский в своей записке «Об условиях деятельности политической полиции» (1902 г.) весьма критически отзывался о подготовке жандармских офицеров к проведению допросов и придавал немалое значение брошюре Махновца. То обстоятельство, что допрашивающий имел дело с всесторонне образованным, интеллигентным преступником, помимо соблюдения процессуальных аспектов, требовало его моральной победы²⁸.

По части моральных побед мало кто мог тягаться с С. В. Зубатовым²⁹, однако методы ведения допроса и вербовки, основанные на разговорах и убеждении, взгляды на перспективы российского пролетариата не были его единоличной прерогативой. Похожие приемы и воззрения были свойственны и будущему директору Департамента полиции М. И. Трусевичу, причем сформировались они не под влиянием сверстника-Зубатова, а как результат

²⁶ В. П. Махновец. Как держать себя на допросах. Женева: Союз русских социал-демократов, 1900.

²⁷ А. П. Мартынов. Указ. соч. С. 74.

²⁸ Политическая полиция Российской империи между реформами: от В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии Е. И. Щербаковой. М.; СПб, 2015. С. 41, 48.

²⁹ Чего только стоила история М. В. Вильбушевич. Зубатов не только убедил девушку оставить революционную деятельность, но и сделал из своей протеже восходящую звезду сионистского движения (Д. И. Заславский. Зубатов и Маня Вильбушевич. М., 1923).

собственной практики. Документы не позволяют говорить о существовании какой-либо прочной связи между ними, хотя эти двое не могли быть незнакомы: Зубатов был переведён из первопрестольной в Петербург в октябре 1902 г. и занимал должность заведующего Особым отделом Департамента полиции вплоть до своей громкой отставки в августе 1903 г., тогда как Трусевич находился в прикомандировании к Санкт-Петербургской судебной палате с конца ноября 1902 г. Это было время, которое полицейский чиновник Г. М. Трутков назвал «самым блестящим в истории розыска»³⁰.

В августе 1908 г. в ходе своих эпистолярных домогательств В. А. Бурцев, сляясь добиться откровений от столь знаменитого соперника, писал опальному Зубатову во Владимир: «Вы, конечно, глубоко сами презираете и Трусевичей, и Гершельманов»³¹. Но здесь «Шерлок Холмс русской революции» явно сгустил краски: презирай Зубатов Трусевича, он не стал бы писать ему двумя месяцами ранее об определении на службу в Департамент полиции одного из своих ближайших соратников, «отца филеров» Е. П. Медникова³².

Парадоксально, однако, что в то время как С. В. Зубатов всегда являлся объектом живейшего интереса современников, публики и прессы³³, а затем удостоился многочисленных исторических исследований³⁴, ничем не уступающий ему ни по масштабу лич-

³⁰ Цит. по: А. В. Куканов. Сергей Васильевич Зубатов // *Жандармы России...* С. 434.

³¹ Б. П. Козьмин. С. В. Зубатов и его корреспонденты: Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928. С. 95.

³² Там же. С. 137. (Е. П. Медников ранее был удален из Департамента полиции в апреле 1906 г., тогда как Трусевич возглавил Департамент только в июне. Вернуться на службу Медников отказался).

³³ М. Р. Гоц. С. В. Зубатов // *Былое* 1906. №6. С. 63–68; К. М. Терешкович. Московская молодежь 80-х гг. и Сергей Зубатов // *Минувшие годы*. 1908. №5–6. С. 207–215; К истории зубатовщины // *Былое*. 1917. №1. С. 86–99. И т. д.

³⁴ Ю. Ф. Овченко. Охранка и зубатовщина. М., 2017; С. В. Медведев. Эксперимент Зубатова. Легализация рабочего движения в первые годы XX в. М., 2018; А. В. Куканов. Сергей Васильевич Зубатов // *Жандармы России...* С. 426–437.

ности, ни по административному дарованию директор Департамента полиции до сих пор не получил и десятой доли внимания, выпавшего на долю легендарного начальника Московской охраны, хотя глубина переживаний, доставленных товарищем прокурора «тигру революции» и его однопартийцам, весьма явно свидетельствует в пользу актуальности дальнейших исследований обстоятельств службы и методов работы «негодяя Трусевича».

Письмо Г. А. Гершуни [А. Я. Острогорской]³⁵.

Не ранее 30 ноября 1903 г.

...³⁶ Усиленно они добивались от меня, чтобы я признал показания Григ[орьева]³⁷ и Кач[уры]³⁸, и т[а]к к[а]к я отказался наотрез от каких бы то ни было показаний, то уже после предания военному суду (в конце ноября) два раза приезжал из Деп[артамен-

³⁵ Письмо, переписанное Острогорской, едва ли было адресовано ей одной, т. к. содержит обращение «Дорогие мои», а также указания: «вы должны обязать всю организацию перейти к мнемоническому способу», «поднимите опять вопрос о необходимости отказа от дачи показаний...».

³⁶ Здесь и далее отточие документа.

³⁷ Евгений Константинович Григорьев — член Боевой организации Партии эсеров, поручик 33-й артиллерийской бригады, слушатель Михайловской артиллерийской академии. Был арестован в ночь на 8 февраля 1903 года и привлечен к дознанию в качестве обвиняемого по 252-й ст. Уложения о наказаниях. На допросе 10 февраля дал признательные показания. С подачи Гершуни Григорьев планировал несостоявшееся покушение на К. П. Победоносцева и осуществлял слежку за В. К. Плеве.

³⁸ Фома Корнеевич Качура — член Боевой организации Партии эсеров, подстрекался Гершуни к покушению на харьковского губернатора И. М. Оболенского, был схвачен на месте преступления. По всеподданнейшему ходатайству Оболенского, смертный приговор заменен бессрочной каторгой. 15 июля 1903 г. написал заявление о своем раскаянии и дал откровенные показания, которые затем подтвердил на процессе и сам Гершуни. «Все это было сделано мною в состоянии какого-то угара, созданного чтением революционной литературы и влиянием агитаторов». Гершуни «настолько подчинил его своей воле, что он стал слепо верить, что убийство Оболенского есть заслуга перед обществом».

та] пол[иции] чин убеждать, что не имеет смысла идти на виселицу, а таковая неизбежна, но что все можно будет уладить, если я признаю правильность оговора. Я, разумеется, просил их не заботиться о моей судьбе, заметив, что наши интересы противоположны, и если им выгоднее, чтобы я не был повешен, то нам выгоднее обратное. Признание оговора им нужно было для того, чтобы прикрыть безнадежно голое дело, а затем для того, чтобы на основании моего признания иметь возможность привлечь лиц, не обличенных в сношениях со мною, к Боевой организации. И я полагаю, что вследствие этого, никто из привлекаемых по участию в Б[оевой] о[рганизации], хотя бы и действительно в ней участвовавших, не должен официально признавать своей принадлежности к ней (кроме, конечно, лиц, выступающих активно от ее имени). Ввиду этого я, несмотря на то, что признанием принадлежности к Б[оевой] о[рганизации] мог бы отклонить смертный приговор для себя лично, не нашел все-таки возможным дать им в руки такое удобное орудие по отношению к имевшим со мной сношения и признал себя только членом партии³⁹.

... Мольба моя к вам — поднимите опять вопрос о необходимости отказа от дачи показаний. Я не могу с достаточной силой выразить вам, насколько это необходимо. Организация должна безусловно запретить дачу каких бы то ни было показаний, даже тогда, когда этими показаниями как будто можно и выручить человека. Систему Зубатовских собеседований переняла новая порода прокуроров, вроде негодяя Трусевича, и революционеры должны всеми силами вооружиться против этих язв. Необходимо прямо заклеить повадку давать показания и ставить отказ обязательным требованием от всех вступающих в какую бы то ни было организацию.

Не менее энергичную борьбу необходимо поднять немедленно и в самых широких размерах против возмутительной привычки хранить адреса. Последнее время опять было несколько провалов из-за этого. Ни бесконечные опыты прожитых лет, ни са-

³⁹ См. Заявление Г. А. Гершуни прокурору Санкт-Петербургской судебной палаты от 30 ноября 1903 г. // ГА РФ. Ф. 124. Оп. 12. Д. 993. Л. 56–57 об.

мые ужасные катастрофы, разыгрывавшиеся на этой почве, все еще не отучили революционеров от этой преступной небрежности. Несчастья, сопряженные с провалами адресов, в сущности, не поддаются даже учету, так как вы никогда не можете знать, что жертвы уже принесены и все восстановлено. Не ужасно ли, что из какого-нибудь легкомыслия совершенно неожиданно рушатся самые сложные предприятия и погибают люди, считающие себя в полной безопасности. Пора понять, что хранение адресов при условиях, не гарантирующих их безусловную безопасность, есть ничто иное, как предательство вследствие легкомысленного отношения к делу, а не несчастная случайность. Шифры нисколько не облегчают дела: все шифрованные адреса разбираются⁴⁰, и вы должны обязать всю организацию перейти к мнемоническому способу. У меня была найдена книжка с 150 адресами, записанными мнемоническим способом. Вы понимаете, как Деп[артамент] пол[иции] интересовался их дешифровкой (между прочим адреса там были все неважные, т. к. серьезные я вообще не записывал), но через несколько месяцев он официально известил жандармское управление, что разобрать не представляется возможным. Привыкнуть к этому способу нетрудно, нужно только дать себе труд не относиться халатно к своим обязанностям и не играть жизнью организаций. До тех пор, пока провал адресов будет считаться в революционных сферах только несчастной случайностью, а не предательством, трудно будет что-либо сделать.

... Слышал я о разрыве Бунда. Какой позор! Тень Александра III может ликовать: его завет единой неделимой России под властью единого неделимого правительства нашел себе подражателей. Я не знаю, нужно ли было Бунду настаивать на федерации, но ведь никто не вправе ему в этом отказывать! Как далеки еще и социалисты от понятия об истинной справедливости! Вообще, я думаю, все мы должны благодарить премудрого создателя, что мы живем не в XV столетии и что Искра не у власти, иначе рядом с кострами

⁴⁰ Криптоаналитиком Департамента полиции был Иван Александрович Зыбин, по воспоминаниям коллег, способный расшифровать почти любой ключ.

святейшей инквизиции горели бы костры святейшей Искры, и мы имели бы сомнительное удовольствие жариться на них. Я по крайней мере благодарю Господа Бога, что моим проводником к нему является русское правительство, а не святейшая Искра. Постановление их съезда, что партия с.-р. — партия буржуазная, меня очень обрадовало: обрадовало за рабочий класс⁴¹. Если уж буржуазная партия так ему предана, так готова бороться за его интересы, то каких же титанических борцов он должен иметь в лице последователь истинной Партии пролетариата! Жаль только, что Деп[артамент] пол[иции] ко всему этому иначе относится и слишком удачно пользуется святейшеством Искры. Если бы они посидели здесь, они бы увидели, что они наделали своей полемикой, какую бодрость они придали жандармерии и какую сомнительную роль они сыграли и продолжают еще играть в поддержании жизнерадостного настроения департаментских сфер. Не сомневаюсь, что вы по-прежнему твердо будете стоять на занятой позиции и неуклонного воздержания от полемики.

... Бесконечно тяжелым ударом было для меня известие о трагической судьбе Поливанова. Весной я провел с ним два дня⁴². Он был полон жизни и бодрости. Я прямо с благоговением смотрел на этого человека, после 20 лет Шлиссельб[урге] оставшегося та-

⁴¹ Съезд постановил, что «социалисты-революционеры» являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, принципиальное отношение к которой со стороны социал-демократии не может быть иное, чем к либеральным представителям буржуазии вообще. Принимая затем во внимание: а) что свои буржуазные тенденции «социалисты-революционеры» преследуют под флагом социализма и б) что, кроме того, или именно потому, как буржуазно-революционные фракции оказываются совершенно несостоятельными, Съезд считает их деятельность вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против абсолютизма». (А. И. Спиридович. История большевизма в России. от возникновения до захвата власти. 1883–1903–1917. М., 2019. С. 71).

⁴² Осенью 1902 г. шлиссельбургский узник народоволец П. С. Поливанов был переведен на поселение в г. Атбасар Акмолинской области, откуда 17 апреля 1903 г. бежал за границу. Через несколько недель он оказался в Париже. Там П. С. Поливанов выразил желание вступить в БО ПСР для участия в покушении на В. К. Плеве.

ким стойким и юным, сохранившим весь пламень веры и жажду борьбы. Он наотрез отказался поехать за границу, и у нас было условлено встретиться в конце мая. Я до сих пор не могу понять, как могла разыгаться эта трагедия, каким образом этот бодрый революционер не нашел для себя ничего лучшего, как застрелиться на бульваре⁴³! Бог мой, как сложна человеческая душа и какой жалкой игрушкой может стать человек под влиянием минутного настроенья! Это будет ужасное потрясение для всех шлиссельбуржцев, если они узнают, особенно для выходящей Веры Николаевны⁴⁴. Страшно становится при одной мысли, как это может на ней отразиться. Сумеют ли подготовить ее, сумеют ли уберечь от потрясения! Очевидно, эти страдальцы выходят оттуда с такой хрупкой душой, что они нуждаются в тщательном уходе преданной любящей души⁴⁵. Дорогие мои, умоляю вас, примите заблаговременно какие-нибудь меры, убедите родных или друзей не оставлять ее одну, оберегать ее от разных случайностей, постепенно приучая к новой жизни. Я не могу отделаться от мысли, что в этих двух жертвах и доля нашей вины есть: к ним надо более бережно относиться. Но Вера! Подумайте, ведь это жемчужина революции! Что если с ней что-нибудь случится! С Поливановым мы все строили планы, как устроить ее. Мой совет и самая горячая просьба — ни под каким видом не оставлять ее в России,

⁴³ П. С. Поливанов застрелился 17 августа 1903 г. во французском городе Лориане. В прощальном письме к товарищам он писал: «Я стал жалким инвалидом, не способным вести нелегальную жизнь в России, а уезжая за границу, я мечтал о скором возвращении на Родину, о скором возвращении к революционной деятельности, ставшей для меня теперь невозможной. [...] Но теперь я не могу быть ни террористом, ни бунтарем по одному тому, что я совершенно разбитый физически человек, а жить вне дела, вне борьбы я не могу и потому убиваю себя» (П. С. Поливанов. Алексеевский равелин: Отрывок из воспоминаний. 2-е изд., СПб., 1906. С. 141–142).

⁴⁴ В. Н. Фигнер была переведена из Шлиссельбургской тюрьмы в Трубецкой бастион Петропавловской крепости 29 сентября 1904 г. (А. В. Воронихин. Вера Николаевна Фигнер. Взгляд на женщину русских революций из XXI века. М. ; Саратов, 2020. С. 233.)

⁴⁵ Кроме П. С. Поливанова, после освобождения из Шлиссельбурга покончили с собой Н. Ф. Мартынов и Л. Ф. Янович.

а во что бы то ни стало добиться возможности уехать за границу: пусть поживет с год, отдохнет, соберется с мыслями, освоится. Если увидите ее — передайте ей от меня дань глубокого преклонения перед ее стойкостью и всепобеждающей верой; такие люди, и сидя в Шлиссельб[урге], влияют на всю Россию.

... У меня сидит в голове мысль, как важно было бы создание евангелия социализма, которое в кратких, ясных, но проникновенных формулах давало бы весь символ веры. Не кажется ли вам странным, что массы все-таки не отдаются социализму с той цельностью и беззаветной страстностью, с какой отдаются религиозным движениям. Я думаю, что социализм должен отвоевать у религии ее здоровый элемент пламенной веры и преданности своему идеалу, элемент, всецело поглощающий личность и нравственно ее перерождающий. Для меня непостижимо, каким образом рационалистические секты состоят почти сплошь из лучших людей, а среди социалистов так много швали! В чем причина, что мы не лучшие и что не все лучшие с нами? Много, много предстоит еще в этом отношении сделать! Беззаветно отдаться здоровые массы могут только истинно величавой и светлой идее. Вопрос, быть может, сводится тут к тому, чтобы перед этой массой ясно предстала идея социализма во всем ее объеме, во всем ее величии, во всем ее блеске, а не в искаженном, урезанном кургузом виде? Идея, долженствующая охватить народные массы, должна быть ясна и цельна, как солнце, и горе, если для, так сказать, интуитивного восприятия ее необходимо штудирование многотомных фолиантов. Настоятельно необходим кристаллизованный экстракт учения, но без окаرنания его и без низведения к одной прозе жизни, без исключения из него чарующего и захватывающего элемента его универсального величия.

РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–3 об. Копия. Рукопись.

М. М. Горинов

КТО ПОСЛЕ ЛЕНИНА? БОЛЕЗНЬ, ЗАВЕЩАНИЕ И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ НАСЛЕДНИК БОЛЬШЕВИСТСКОГО ВОЖДЯ¹

В. А. Козлов одним из первых заговорил об альтернативности развития советского общества. Выдвинул концепцию «критических точек», развилку его истории, когда был возможен выбор различных вариантов последующей эволюции социума. И одновременно предостерег от идеализированного восприятия альтернатив, подчеркнув «зжатость» политики между объективными условиями и состоянием субъективного фактора, соотношением социальных сил»².

Одной из таких «критических точек» советской истории, по нашему мнению, является 1922 — начало 1924 г.: время смертельной болезни В. И. Ленина, его работы над «политическим завещанием»³, включая определение своего политического наследника (наследников).

¹ Настоящая статья публикуется с разрешения редакции Института истории РАН, где готовится издание многотомной «Истории России» и куда будет включена настоящая статья с изменениями и дополнениями.

² Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 56. Данный подход наиболее выпукло продемонстрирован в кн.: История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В. А. Козлов. М., 1991. См. также 1-й том издания: История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. / Сост. С. В. Мироненко. М., 1991.

³ Так называемые «последние работы» В. И. Ленина конца 1922 — начала 1923 г. (См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее: ПСС). Изд. 5-е. Т. 45. М., 1970.).

Владимир Ильич Ленин занимал исключительное место в большевистской партии и советском государстве. Создатель, организатор, ведущий теоретик РКП (б). Под его руководством партия взяла власть, отстояла ее в борьбе с внешними и внутренними врагами, собрала воедино расколотую империю, начала восстанавливать экономику страны на рельсах нэпа. В результате к началу 1920-х гг. в умах партийной массы сложился устойчивый стереотип: при разногласиях в «верхах» — «голосуй с Ильичем, не ошибешься!»⁴

Ленин входил в Политбюро ЦК — руководящую коллегию партии, определявшую важнейшие направления партийно-государственной политики. Он не был председателем Политбюро, такой должности никогда не существовало, но стал его бессменным лидером. РКП (б), в свою очередь, к началу 1920-х гг. стала монопольно правящей партией, несущей конструкцию советской политической системы. Тем самым Ленин *de facto* руководил и советским государством. Возглавлял его и *de jure*, являясь Председателем Совета народных комиссаров (советского правительства). Ленин был и главой Совета труда и обороны (СТО) — коллегии Совнаркома, увязывавшей военные и хозяйственные вопросы, одновременно являвшейся органом оперативного руководства экономикой. Правда, Ильич не был председателем ВЦИК Советов — по Конституции, высшего законодательного органа страны, формировавшего Совнарком. Но к началу 1920-х гг. ВЦИК превратился в декоративный орган, лишь «оформлявший в советском порядке» партийные решения. Подобно Людовику XIV, В. И. Ленин вполне мог бы заявить: «Государство — это Я»!⁵

⁴ См. выступление Е. А. Преображенского: XVII съезд ВКП (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 239.

⁵ Содержательный обзор ленинианы с середины 1980-х гг. до середины 2010-х гг. см.: Е. А. Котеленец. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М., 2017. Важнейшими исследованиями по теме статьи, на наш взгляд, являются: Д. А. Волкогонов. Ленин. Политический портрет : в 2 кн. Кн. 2. М., 1994; В. А. Сахаров. «Политическое завещание» Ленина: реальность истории и мифы политики. М., 2003; С. А. Павлюченков. «Орден

И вот в начале 1920-х гг. он серьезно заболел. Болезнь государственного лидера — всегда фактор политический. Тем более это справедливо в отношении вождя большевиков, добившегося беспрецедентной концентрации власти в своих руках.

Кто должен был ему наследовать? Какие «заветы» выполнять? Насколько адекватен был Ленин в последний период своей деятельности (1922 — начало 1924 г.), в том числе, во время работы над «политическим завещанием»?

Таковы проблемы, рассматриваемые в настоящей статье. Они анализируются не первый год. Им посвящена огромная литература (список важнейших работ дан в тексте). Но убедительных ответов на поставленные вопросы так и нет.

Болезнь Ленина и его наследники

«Ленин принимал ответственные решения, по крайней мере, до зимы 1922–1923 годов, а затем составил в некотором роде завещание. Эти решения и “завещание” нужно рассматривать в свете интеллектуальных возможностей Ленина в данный момент», — справедливо отмечает Э. Каррер д'Анкосс⁶.

Итак, когда и чем заболел Ленин? Как повлияла болезнь на его политическую деятельность в 1920-е гг.? В советской историографии эта проблема замалчивалась⁷. После 1991 г. в СМИ господствовал негативный образ советского вождя как полубезумного сифилитика.

меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008; В. Т. Логинов. В. И. Ленин. Полная биография. М., 2019; Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е.

⁶ Э. Каррер д'Анкосс. Ленин. М., 2010. С. 466.

⁷ Первой серьезной работой о болезни В. И. Ленина, изданной в СССР, стала статья: Н. Петренко. Ленин в Горках — болезнь и смерть (Источниковедческие заметки) // Минувшее : исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. Впервые опубликованная в парижском издании «Минувшего» в 1986 г., она представляет попытку исчерпывающего обзора всех печатных материалов о последнем годе жизни В. И. Ленина.

Что же было на самом деле? В постсоветские годы первым попытался ответить на поставленные вопросы Д. А. Волкогонов. На основе изучения ранее закрытых источников исследователь отметил одержимость Ленина с весны 1922 г. навязчивыми идеями, усомнился в полной сохранности его интеллекта после первого удара, случившегося в конце мая 1922 г. Общий вывод: «Мы, видимо, никогда доподлинно не узнаем, в какой степени болезнь наложила свой отпечаток на многие решения Ленина»⁸.

В 1997 г. вышла книга академика Ю. М. Лопухина — исследование болезни Ильича профессионалом-медиком⁹. Ее материалы широко использованы в работах, пожалуй, лучшего на сегодняшний день знатока биографии Ленина В. Т. Логинова, который их дополнил собственными документами и размышлениями¹⁰. Исследователи выделили основные этапы болезни вождя, описали волнообразный характер ее течения; пришли к выводу, что до 10 марта 1923 г. интеллект Ильича в целом сохранил свою силу, исключая периоды обострения заболевания. Остановимся подробнее на этих наблюдениях.

Прежде всего, в литературе отмечается, что В. И. Ленин не обладал «железными нервами». Его раздражали звуки скрипки, внешний шум, стук за стеной, разговоры на заседаниях. В бумагах будущего вождя за 1900 г. обнаружены адреса немецких врачей по нервным и психическим болезням. В письме к сестре Марии Ильиничне в феврале 1917 г. брат пишет: «Работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая».

А затем авантюрное возвращение из эмиграции в революционную Россию, месяцы колоссального напряжения в борьбе за власть, годы ожесточенной борьбы Советской России с внутренними и внешними врагами. Ленин находился в эпицентре

⁸ Д. А. Волкогонов. Ленин. Политический портрет : в 2 кн. Кн. 2. М., 1994. С. 326–328.

⁹ Ю. М. Лопухин. Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина. Правда и мифы. М., 1997.

¹⁰ В. Т. Логинов. В. И. Ленин. Полная биография. 1-е изд. Кн. 3 «Сим победы». М., 2017.

событий как вождь большевистской партии и глава революционного правительства¹¹. Непомеренные нагрузки сказались после стабилизации большевистского режима: напряжение ослабло, нервная система дала сбой.

Значительные нелады со здоровьем у большевистского вождя начались практически сразу после перехода к нэпу, в середине 1921 г. В начале июня 1921 г. у Ленина утром, когда он одевался, закружилась голова. Владимир Ильич не устоял на ногах и вынужден был, держась за кровать, опуститься на пол. Но сознания не терял. Головокружение продолжалось несколько минут и бесследно исчезло¹². Это случилось с ним впервые. Ленин берет отпуск и переезжает в Горки, подмосковную усадьбу, оборудованную под его загородную резиденцию¹³. С 28 июня по 12 июля в Москве проходил III конгресс Коминтерна, на котором вождь выступал трижды. В результате перенапряжения приступ повторился, причем в более острой форме. Головокружение сопровождалось кратковременной, на 2–3 минуты, потерей сознания. Ленин обратился к врачу Федору Александровичу Гетье, основателю и главному врачу московской Солдатенковской больницы.

Владимир Ильич рассказал профессору, как ужасает его пример Павла Борисовича Аксельрода, чей ум и эрудиция в молодости восхищали его и который со временем «потерял работоспособность настолько, что не мог написать даже небольшой статьи. Вот этот-то страх дойти до такого состояния, — пишет Гетье, — заставил Ленина обратиться ко мне»¹⁴. Федор Александрович, не найдя «никаких уклонений ни со стороны внутренних органов, ни со стороны нервной системы», объяснил происхождение головокружений «большим переутомлением центральной нервной системы».

8 июля 1921 г. Ленин пишет заявление в Оргбюро ЦК РКП (б) с просьбой об отпуске «согласно заключению доктора

¹¹ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 325–326.

¹² В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 746–747.

¹³ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 363.

¹⁴ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 756.

Гетье на один месяц с приездом 2–3 раза в неделю на 2–3 часа в день на заседания Политбюро, СНК и СТО». 9 июля Политбюро принимает более жесткое решение: «Разрешить т. Ленину отпуск на один месяц с правом бывать во время отпуска только на заседаниях Политбюро (но не СНК и СТО, кроме специальных случаев — по решению Секретариата ЦК)».

Но Ленин не следует этим рекомендациям, частенько продолжая председательствовать не только в Политбюро, но и в Совнарком и СТО. Встречается с делегациями. Причем, каждый приезд в Москву занимает не 2–3 часа, как требовал врач, а все 8, а то и 10. Да и в Горках Ленин работает с деловыми бумагами, пишет или диктует ответы своему секретарю Л. А. Фотиевой по телефону. В результате столь насыщенного «отдыха» в начале августа явного улучшения здоровья профессор Гетье не отметил¹⁵.

В декабре вождь снова вынужден уйти в отпуск¹⁶. В середине января 1922 г. он едет сначала в Зубалово, а затем в болшевский совхоз близ д. Костино Московского уезда. Но и там — бесконечные бумаги и телефонные звонки, выезды в Москву на срочные заседания, не позволяющие толком отдохнуть. Снова бессонница, периодические головные боли¹⁷.

1 марта 1922 г. Владимир Ильич возвращается в столицу. А 3 марта пишет Л. Б. Каменеву: «Ухудшение в болезни после трех месяцев лечения явное». Больше всего Ленина беспокоит вопрос о том, сможет ли он выступить 27 марта с докладом на XI съезде РКП (б). Доклад он собирается готовить, «ибо оказалось, что разговоров и заседаний *хуже* не выношу, чем “сказать раз в полгода”». Однако просит готовиться и Каменева, так как надо «себя гарантировать от сюрпризов». (Отметим, что в качестве своего заместителя по выступлению с политическим отчетом ЦК В. И. Ленин в тот момент видел Л. Б. Каменева.)

Ильич завершает свое послание словами, свидетельствующими о крайнем истощении его нервной системы: «Имейте в виду,

¹⁵ Там же. С. 746–749.

¹⁶ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 363.

¹⁷ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 698–700.

что обмен коротенькими записками... *нервы выносят лучшие разговоры* (ибо я могу обдумать, отложить на час и т. д.). Очень прошу поэтому завести стенографистку и чаще посылать мне (перед Политбюро) записки в 5–10 строк. Я подумаю час-два и отвечу».

Письмо, очевидно, серьезно обеспокоило соратников. На следующий день, 4 марта, по рекомендации Ф. А. Гетье Ленину была организована консультация с известным невропатологом Ливерием Осиповичем Даршкевичем.

На вопрос, что его беспокоит больше всего, Владимир Ильич ответил: «Я совсем стал не работник». «Главное, что тяготит его, — писал Даршкевич, — это невозможность для него за последнее время читать так, как он читал раньше... Он прямо проглатывал книги ... ему необходимо прочитывать массу напечатанного, делать постоянно на нее ссылки, изменять свои воззрения и т. д. Вот эта-то работа и сделалась для него невозможной.

Невозможно для него и другое дело — принимать участие на бесчисленных заседаниях различных съездов, — продолжает свою запись Даршкевич. — Он должен являться туда вполне подготовленный, вооруженный конспектами всех тех речей, которые ему будет предстоять говорить, обдумавши хорошо свои позиции и пр. В прежнее время все это было для него делом весьма легким, не вызывало в нем никакого душевного волнения и никогда не требовало от него такого количества времени, которого не хватало бы на все остальные дела. Теперь не то... Участвовать во всех заседаниях с привычной для него подготовкой представляется для него делом совершенно невозможным... Немало мешают ему еще сильные головные боли, которые возникают у него тотчас же, как только он проработает сколько-нибудь лишнее время. Тяготят также и бессонницы».

В ходе беседы Владимир Ильич заметил, что считает, свой, хотя и частичный, отход от дел вполне естественным: все-таки вот-вот стукнет 52 года. «Каждый революционер, — говорил В. И. Ленин, — достигши 50 лет, должен быть готовым выйти за флаг: продолжать работать по-прежнему он больше уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного».

Ливерий Осипович возразил, что ради уменьшения нагрузки надо обзавестись надежными помощниками и переложить на них текущие дела. Ленин согласился: «О, да ведь у меня есть два заместителя — товарищ Рыков и товарищ Цюрупа, я могу их облечь полномочиями». Далее Даршкевич записал грустную фразу Владимира Ильича, мол, «его песня спета» и «свое дело он должен будет кому-то передать». В. Т. Логинов, у которого мы позаимствовали изложение истории с консультацией Л. О. Даршкевича, отмечает: «Патологическим стремлением к власти как таковой, о котором постоянно толковали его противники, пациент явно не страдал».

Его беспокоило другое: не скажется ли болезнь на его умственных способностях, на его интеллекте, не грозит ли ему сумасшествие? Даршкевич успокоил пациента, сказав, что среди «его жалоб нет ни одной, которая служила бы выражением органического заболевания головного мозга; наоборот, все то, что наблюдается у него, является следствием простого переутомления мозга». По свидетельству Даршкевича, «у В. И. были два тягостных для него явления. Во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишивших его возможности работать так, как он работал раньше, а во-вторых, ряд “навязчивостей”¹⁸ ... навязчивости тяжелы для человека только субъективно, но ... они никогда не ведут за собой расстройства психики ... Болезненные явления его несомненно тяжелы, но они не опасны ни для жизни, ни для трудоспособности его в будущем (М. Г.)».

Диагноз, поставленный профессором Даршкевичем, совпал с мнением профессора Гетье: переутомление, вызванное перегрузкой центральной нервной системы. Рекомендации: во-первых, переложить всю текущую работу на замов, «пусть его держат в курсе общегосударственных дел, но без бумаг, которые проходят через канцелярию»; во-вторых, не участвовать в съездах и собраниях; в-третьих, жить вне Москвы. Пусть друзья приез-

¹⁸ Навязчивые состояния («невроз навязчивых состояний») — это абсурдные действия, мысли или страхи, которые возникают помимо воли человека и от которых часто невозможно избавиться самостоятельно. Относятся к области психических расстройств (статья «Википедии»).

жают, но не по текущим делам. Причем профессору Гетье Даршкевич заметил, что надо разрешать пациенту «изредка выступать публично в качестве оратора. Такие выступления должны действовать благотворно на психику В. И., поддерживая в нем уверенность в работоспособности».

После визита Л. О. Даршкевича, продолжавшегося около четырех часов, Владимир Ильич заметно повеселел¹⁹.

6 марта 1922 г. Ленин выезжает в деревню Корзинкино близ села Троице-Лыково Московского уезда, так как, по мнению чекистов, напавших на след белогвардейцев, в Горках стало опасно²⁰.

25 марта 1922 г. Владимира Ильича проконсультировали немецкие профессора О. Ферстер и Г. Клемперер, прибывшие в Москву для осмотра партийно-советской элиты. Они констатировали те же симптомы, что и Гетье и Даршкевич, и рекомендовали Ленину уехать подальше от Москвы — лучше всего куда-нибудь в горы²¹.

С 27 марта по 2 апреля в Москве прошел XI съезд РКП (б), последний, в котором он принял участие²².

Съездовское напряжение не улучшило состояния вождя. 6 апреля Ильич пишет В. В. Адоратскому: «Я по болезни не работаю и еще довольно долго работать не буду». 7 апреля — Г. К. Орджоникидзе: «Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят». 10 апреля Е. С. Варге: «К сожалению, я все еще болен и неработоспособен». 27 апреля Г. Л. Шкловскому: «... я болен, не занимаюсь делами»²³.

Еще 31 марта Ленина вновь осмотрели Ферстер и Клемперер, повторившие свой совет об отдыхе в горах. Ленин решает отправиться на Кавказ, затем на Урал. Профессор Клемперер настаивал, чтобы до отъезда Владимиру Ильичу сделали опера-

¹⁹ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 704–707.

²⁰ Там же. С. 707–708.

²¹ Там же. С. 712–713.

²² См.: Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1961.

²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. М., 1975. С. 228, 229, 232, 246.

цию по удалению двух пуль, оставшихся в теле после покушения 1918 г. Он предполагал, что головные боли и бессонница могут быть вызваны хроническим отравлением от содержащегося в них свинца. Для проведения операции был приглашен хирург Ю. Борхард, еще одно немецкое светило. Пациент согласился на удаление одной пули, которая 23 апреля была извлечена. В первой декаде мая болезнь, казалось, отступила. 11 мая Ильич пишет А. Хаммеру: «... я был очень болен, теперь мне гораздо лучше»²⁴. В двадцатых числах он собрался в длительный отпуск на несколько месяцев. 24 мая сестра, Мария Ильинична, отправилась в Москву за недостающими вещами²⁵.

И тут внезапно происходит новое, беспрецедентно резкое, ухудшение состояние здоровья вождя: в ночь с 25 на 26 мая 1922 г. с ним случился первый удар. Вечером Ленин почувствовал слабость в правой руке. Лег в кровать. Около четырех почувствовал себя совсем плохо. Температура 38,5. Головная боль довела до рвоты. Под утро удалось ненадолго уснуть. Когда проснулся, ощутил какую-то неловкость в правой руке и ноге, не смог писать и читать — буквы поплыли, но еще больше его обеспокоило то, что впервые проявились затруднения в речи. Однако через час все эти ощущения прошли. 26 мая приехали врачи Семашко, Гетье, Левин, Розанов. Версию о желудочно-кишечном расстройстве из-за якобы несвежей рыбы, съеденной накануне, отвергли. 27 мая вновь страшно заболелась голова; усилились расстройство речи, слабость в конечностях.

Утром 28 мая в Горки пригласили известного невропатолога профессора В. В. Крамера²⁶. Тот впервые диагностировал у вождя «не одно только мозговое переутомление, но и тяжелое заболевание сосудистой системы головного мозга»²⁷. Причем, характер заболевания был ему не ясен²⁸.

²⁴ Там же. С. 252.

²⁵ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 749–752.

²⁶ Там же. С. 752–754.

²⁷ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 326.

²⁸ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 754.

Крамером была отмечена у больного «невозможность выполнения самых простых арифметических задач и утрата способности запоминания хотя бы нескольких коротких фраз при полной сохранности интеллекта»²⁹. «В «полной сохранности интеллекта», — справедливо замечает Волкогонов, — приходится, конечно, усомниться. Например, 30 мая, как вспоминала М. И. Ульянова, когда врачи предложили ему помножить 12 на 7, и он не смог этого сделать, то был этим очень подавлен. Но и тут сказалось обычное упорство. После ухода врачей он в течение трех часов бился над задачей и решил ее путем сложения ($12 + 12 = 24$, $24 + 12 = 36$ и т. д.)»³⁰.

Здесь надо сделать одно уточнение. Сомнение Волкогонова в полной сохранности интеллекта вождя справедливо применительно к ситуации конца мая — первой декады июня 1922 г. Затем Ильич пошел на поправку. А к концу июля интеллектуальные способности Ленина в основном восстановились. Как отмечает врач А. М. Кожевников, 30 июля 1922 г. в Горках во время встречи со Сталиным, «В. И. был в прекрасном настроении. Говорили исключительно о делах, преимущественно о партийных, в связи с предстоящей конференцией. Сталин, по-видимому, смотрит на В. И. как на совершенно здорового человека». 1 августа в Горки прибыл Зиновьев, с которым Ленин, по свидетельству того же Кожевникова, говорил «все время исключительно о делах. В. И. был очень оживлен, вспоминал из прошлого иногда даже очень мелкие факты, которые и Зиновьев не помнил». По мнению Зиновьева, по состоянию вождя «трудно даже представить, что В. И. перенес столь тяжелую и серьезную болезнь»³¹.

Но не будем забегать вперед.

28 мая прошел консилиум профессоров В. В. Крамера, Г. И. Россолимо, Ф. А. Гетье и Н. А. Семашко. В тот же день к ним подключился врач-невропатолог Алексей Михайлович Кожевников.

²⁹ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 328.

³⁰ Там же.

³¹ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 769.

Среди других была высказана и версия о сифилитическом поражении головного мозга. Современный исследователь академик Юрий Михайлович Лопухин, посвятивший болезни В. И. Ленина специальную работу, пишет: «Для врачей России, воспитанных на традициях Боткина, который говорил, что “в каждом из нас есть немного татарина и сифилиса” и что в сложных и непонятных случаях болезней следует непременно исключить специфическую (т. е. сифилитическую) этиологию заболевания, такая версия была вполне естественной. Тем более что в России сифилис в конце прошлого — начале текущего века (XIX–XX вв. — М. Г.) в разных формах, включая *наследственную и бытовую*, был широко распространен». Консилиум решил проверить и эту версию. 29 мая у Ленина взяли кровь из вены и спинномозговую жидкость из позвоночного канала для исследования на реакцию Вассермана (на сифилис). Профессор Григорий Иванович Россолимо в разговоре с сестрой Ленина Анной Ильиничной Ульяновой 30 мая 1922 г. сказал: «Положение крайне серьезно, и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов». Так как с этим болезненным явлением медики уже научились бороться. Однако анализы дали отрицательный результат³².

Состояние тогдашней медицины не позволило точно диагностировать болезнь вождя большевиков. Однако главное врачи все же уловили: «наследственное предрасположение к склерозу»³³. Но чем оно объяснялось? Лишь сравнительно недавно «новейшее исследование американских неврологов из Калифорнийского университета в Сакраменто дало им основание утверждать, что причиной болезни Ленина стала мутация гена NTSE, переданная ему по отцовской линии. В результате этого наследственного заболевания сосуды головного мозга накапливают известь и постепенно начинают окаменевать. Именно этот процесс

³² Ю. М. Лопухин. Указ. соч. С. 18–19.

³³ Сообщение о болезни и кончине В. И. Ульянова-Ленина // Правда. 1924. 24 января. Цит. по: Н. Петренко. Указ. соч. С. 190.

и констатировал в 1924 году Николай Семашко»³⁴. По утверждению наркомздрава Семашко, при вскрытии тела умершего вождя обнаружилось, что склероз сосудов был столь сильным, что по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню. Стенки многих сосудов настолько заизвестковались, что не пропускали в просвете даже волоса³⁵.

Наследственный характер заболевания В. И. Ленина подтверждает и судьба его родных. Известно, что Илья Николаевич Ульянов, отец В. И. Ленина, страдал склерозом и скончался 12 января 1886 г. на 55-м году жизни от кровоизлияния в мозг, прожив лишь на год больше сына³⁶. В 1935 г. скончалась старшая сестра Ленина Анна Ильинична Ульянова. Последние три года она была практически недееспособна вследствие развившегося после инсульта в 1931 г. паралича. В 1937 г. от инсульта умерла младшая сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова. В 1943 г. в результате приступа стенокардии умер младший брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов. За несколько лет до смерти прогрессирующее заболевание кровеносных сосудов привело его к ампутации нижних конечностей³⁷.

29 мая 1922 г. консилиум врачей не пришел к окончательному диагнозу, а рекомендации сводились к запрету всякой работы и постельному режиму³⁸.

На следующий день, 30 мая, при его осмотре офтальмологом Михаилом Иосифовичем Авербахом Владимир Ильич, увидев момент, когда они остались с профессором одни в комнате, схватил его за руку и с большим волнением сказал: «Говорят, Вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше? Поймите, для чего и кому я нужен с параличом?» Но в это время вошла сестра, и разговор был прерван³⁹.

³⁴ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 755.

³⁵ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 356.

³⁶ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 755.

³⁷ Н. Петренко. Указ. соч. С. 195.

³⁸ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 757.

³⁹ Там же.

После этого Ленин потребовал, чтобы к нему вызвали И. В. Сталина. Тот прибыл вместе с Н. И. Бухариным. Сталин зашел в комнату Ленина один. При плотно закрытой двери беседовал с вождем в течение нескольких минут. Вышел расстроенный. Вполголоса о чем-то переговорил с Бухариным. По воспоминаниям Марии Ильиничны Ульяновой, когда она вышла их проводить, «во дворе Сталин обернулся ко мне и сказал: “Ей (он имел в виду меня) можно сказать, а Наде (Надежде Константиновне) не надо”. И Сталин передал мне, что Владимир Ильич вызывал его для того, чтобы напомнить ему обещание, данное ранее (вероятно, в марте, при первом приступе болезни. — М. Г.), помочь ему вовремя уйти со сцены, если у него будет паралич... “Теперь момент, о котором я вам раньше говорил, — сказал Владимир Ильич, — наступил, у меня паралич, и мне нужна ваша помощь”. Владимир Ильич просил Сталина привезти ему яду. Сталин обещал».

Во время разговора с Марией Ильиничной Сталину пришло в голову, что Ленин мог понять его согласие в том смысле, что момент свести счеты с жизнью наступил. Обсудив создавшееся положение, решили, что Сталину следует еще раз зайти к Владимиру Ильичу и сказать, что он переговорил с врачами и те заверили его, что положение совсем не так безнадежно и что с суицидом не надо спешить. Так и сделали.

Выйдя от Ленина, Сталин «сказал нам с Бухариным, что Владимир Ильич согласился подождать и что сообщение Сталина о его состоянии, со слов врачей, Владимира Ильича, видимо, обрадовало. А уверение Сталина, что когда, мол, надежды действительно не будет, он выполнит свое обещание, успокоили несколько Владимира Ильича, хотя он не совсем поверил ему: “Дипломатничаете, мол”».

2 июня Ленина консультирует немецкий невропатолог О. Ферстер. 11 июня немецкий же терапевт Г. Клемперер, не отличавшийся особым тактом. В начале июня симптомы болезни стали ослабевать, 11 июня Ленин почувствовал себя совсем хорошо. Несмотря на явное улучшение, отечественные и зарубежные «светила», исходившие из версии о переутомлении,

по-прежнему запрещали Ленину читать и разговаривать о делах.

15 июня вождь не выдержал. «Чувствую себя хорошо, и больницу можно разогнать», — сказал он врачу А. М. Кожевникову, и продиктовал сестре Марии Ильиничне письмо Сталину для членов Политбюро. В нем он требовал отослать назад в Германию немецких врачей Клемперера и Ферстера. Ленин полагал, что находится на пути к выздоровлению, а потому нет необходимости в «этих трагах». В самом деле, услуги иностранных консультантов стоили недешево. В том же июне Сталин инструктировал советского полпреда в Германии Н. Н. Крестинского: «Всеми средствами воздействовать на Германское правительство с тем, чтобы врачи Ферстер и Клемперер были отпущены в Москву на лето... Выдать Ферстеру (Клемпереру выдадут в Москве) пятьдесят тысяч золотых рублей. Могут привезти семьи, условия в Москве будут созданы наилучшие»⁴⁰.

17 июня Сталин ответил больному вождю, что на совещании с участием русских врачей было решено оставить в Москве для дальнейшего наблюдения за течением его болезни Ферстера, а Клемперера, который осмотрит его последний раз, удалить. 20 июня Клемперер снова приехал в Горки. Ленин опять диктует записку Сталину, в которой настаивает на отправке Клемперера и Ферстера из России. Сталин посылает ее по кругу членам Политбюро. Единогласно решили: немцев оставить.

Ленину сообщают о мнении членов Политбюро, и тогда он принимает решение отказаться от установленного режима. 21 июня начинает подготовку к своему предполагаемому выступлению на съезде Советов, запланированному на декабрь; посещает, вопреки запретам, приехавших из Москвы жену и дочку брата Дмитрия Ильича, расположившихся во флигеле. Вечером того же дня Владимир Ильич признался врачу Кожевникову, что ему «без политики жить трудно», что полное безделье лишь угнетает его, необходимо какое-то дело. И для него таким делом может быть

⁴⁰ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 328–329. Об оплате услуг иностранных врачей см. там же, с. 374–375.

только политика. Даже когда он — по болезни — и не занимается ею, все равно его мысли только об этом⁴¹.

Вопреки мнению врачей, нарушение режима не ухудшило положения больного. Несмотря на отдельные рецидивы болезни, его состояние улучшается. 12 июля Ленин впервые не диктует, а сам пишет записку Л. Б. Каменеву⁴². А 13 июля радостное послание Фотиевой: «Лидия Александровна! Можете поздравить меня с выздоровлением. Доказательство: почерк, который *начинает* становиться человеческим. Начинайте готовить мне книги (и посылать списки) 1) научные, 2) беллетристику, 3) политику (последнюю позже всех, ибо она еще не разрешена)»⁴³. А 18 июля с гордостью сообщает Сталину: «Поздравьте меня: получил разрешение *на газеты!* С сегодня на старые, с воскресенья (23 июля. — М. Г.) на новые!»⁴⁴ С той поры он снова, как и прежде, часами «пожирает» периодическую печать. Правда, не без последствий — как-то разболелась голова. Но от чтения газет не отказывается. 26 июля даже настоял, чтобы ему доставили и белоэмигрантскую прессу⁴⁵.

Ленина начинают посещать соратники: 11 июля — Сталин, 14 июля — Каменев, 16 июля — Бухарин, 28 июля — Троцкий, 1 августа — Зиновьев⁴⁶. Правда, доступ к больному вождю жестко контролируется. 20 июля Политбюро постановило: «Свидания с т. Лениным должны допускаться лишь с разрешения Политбюро, без всяких исключений». Следить за исполнением решения поручили Сталину⁴⁷.

Несмотря на отдельные рецидивы, больной явно пошел на поправку. В августе его еще несколько раз посещает Сталин, другие соратники — уже не только члены Политбюро. Председатель

⁴¹ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 763.

⁴² Там же. С. 762, 764.

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 273.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 768.

⁴⁶ Там же. С. 762, 764, 765, 768–769.

⁴⁷ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 334.

ЦИК Азербайджана С. А. Агамали оглы, замнаркома финансов М. К. Владимиров, зампред ВСНХ И. Т. Смилга, нарком внешней торговли Л. Б. Красин и др.

24 августа из Германии вернулся профессор Ферстер. Вместе с невропатологом профессором В. В. Крамером они буквально через день приезжают в Горки наблюдать за выздоравливающим вождем.

Их исследования устойчивости внимания, зрительной и слуховой памяти, запоминания, утомляемости и т. п. давали хорошие результаты. К этой работе привлекли также доктора А. П. Нечаева, разработавшего собственные методы психологического тестирования. И, как записано в книге дежурных врачей, его «результат получился весьма хорошим». Посоветовавшись, врачи удлинili время прогулок, свиданий, разрешили читать научную и иностранную литературу. И главное — пообещали через месяц выписать на работу⁴⁸. 11 сентября консилиум профессоров Ферстера, Крамера, Гетье подтвердил, что с 1 октября 1922 г. В. И. Ленин сможет приступить к работе⁴⁹.

2 октября 1922 г. вождь возвращается в свой кремлевский кабинет, в котором проработает 74 дня⁵⁰.

Рассмотренная динамика болезни В. И. Ленина свидетельствует о том, что она развивалась волнообразно: периоды частичной, а то и полной утраты работоспособности чередовались с явными улучшениями.

Из-за частых и длительных отпусков Ленин уже не может, как прежде, держать руку на пульсе текущей политики.

Суживается объем информации, которую ранее Ильич черпал из самых разных источников: деловых бумаг, научной, политической и публицистической литературы; сведений, почерпнутых во время участия в различных совещаниях, многочисленных встречах, обширной переписки. Ленин привык проверять «прав-

⁴⁸ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 770–773.

⁴⁹ Там же. С. 779.

⁵⁰ Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский. Лев Троцкий. Кн. 2. Большевик. 1917–1924 гг. М., 2012. С. 423.

ду газет» «правдой улиц». Участвуя в совещаниях, конференциях, получая на них множество политически острых вопросов, беседа с массой посетителей, включая «ходовков» из самых низов общества, вождь довольно точно представлял себе реальное положение дел в стране. Теперь «правда улиц» становится для него недоступной.

Кроме того, Ленина стали одолевать мучительные «навязчивости» (в том числе, навязчивые идеи), которые, наряду с нехваткой информации, искажали восприятие им реальности.

В результате, особенно в периоды обострения болезни, вождь стал все более одномерно оценивать политическую ситуацию, преувеличивать (либо преуменьшать) значение отдельных факторов политического процесса, делать в результате политически ошибочные выводы, давать крайне жесткие, а порой жестокие указания, которые соратники вынуждены были, по мере возможности, смягчать.

Попробуем наложить «историю болезни» В. И. Ленина на историю принятых им важнейших политических решений.

В конце января 1922 г., когда Ленин находился в длительном отпуске за пределами Москвы, сессия ВЦИК утвердила состав делегации на предстоящую в Генуе международную конференцию. Ее возглавил В. И. Ленин, хотя было ясно, что по состоянию здоровья он не сможет поехать. В связи с этим заместителем назначили наркома иностранных дел Г. В. Чичерина со всеми правами председателя. 10 февраля находившийся на лечении в Подмосковье вождь письменно инструктирует Чичерина: «Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы конечно. Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы. Надо придумать маневры половчее, чтобы Геную сорвали не мы». На что Чичерин в тот же день резонно возразил: «Вы несомненно ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи... Заем дают не правительства.., а капиталисты, деловые круги. Теперь они видят в нас наилучшее возможное в данных условиях в России правительство. Но если мы будем бить в Генуе стекла, они шарахнутся от нас». Но Ленин предпочел «бить стекла». Через несколько месяцев, 24 октября 1922 г., он так разъяснил

свою позицию Чичерину: «Общая мысль у меня: они разваливаются, мы крепнем». То есть, вождь, явно преувеличивал остроту кризиса на Западе, считал, что со временем, ради выхода на большой российский рынок, европейский капитал вынужден будет предоставить большевикам экономическую помощь на более выгодных условиях, чем та, о которой шла речь в Генуе. Как известно, ленинский прогноз не оправдался⁵¹. Анализируя причины ошибки, Ю. М. Голанд отмечает: «Вероятно, играло свою роль ... отсутствие у Ленина личных контактов с руководителями западных стран»⁵². Иными словами — изоляция вождя.

Дальше — больше. В марте, когда к изоляции Ленина (он вернулся из отпуска, но уже не может прорабатывать, как раньше, огромный объем информации) прибавится серьезное ухудшение состояния здоровья, вызвавшее необходимость консультации у невропатолога (4 марта), вождь делает несколько крайне жестких, если не сказать больше, заявлений.

12 марта в статье «О значении воинствующего материализма» впервые высказывает идею препроводить фрондирующих «преподавателей и членов ученых обществ ... в страны буржуазной “демократии”»⁵³.

19 марта в письме членам Политбюро предлагает жестоко подавить «реакционное духовенство», расстреляв как можно больше из их числа⁵⁴.

27 марта в речи на XI съезде РКП (б) инструктирует суды расстреливать за «публичное оказательство меньшевизма»⁵⁵.

⁵¹ Ю. М. Голанд. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924. М., 2006. С. 181, 184.

⁵² Там же. С. 184.

⁵³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 33. Статья «О значении воинствующего материализма» от 12 марта.

⁵⁴ Об объяснении погрома церкви навязчивой идеей вождя см. у Д. А. Волгонова: Указ. соч. С. 326.

⁵⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 89. «В том, что это сказано не сгоряча и не в шутку, — комментирует Д. Б. Павлов, — убеждает знакомство с ленинскими подготовительными материалами к съезду, где эта же фраза воспроизведена дословно (ПСС. Т. 45. С. 417)» (Д. Б. Павлов. Большевик-

19 мая в письме Ф. Э. Дзержинскому выдвигает уже не идею, а целую программу подготовки акции по «высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции»⁵⁶.

16 июля 1922 г. вождь снова возвращается к своей навязчивой идее, в письме в ЦК ВКП (б) требуя «несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго»⁵⁷. Как мы помним, Ленину только 18 июля разрешат читать старые газеты!

Во всех этих случаях жесткие решения Ленина были следствием скорее навязчивой идеи, чем анализа политической позиции, сил и возможностей противников.

К марту 1922 г. влияние меньшевиков в массах вследствие репрессий ОГПУ было серьезно подорвано, а потому расстреливать «за публичное оказание меньшевизма» было для большевиков политически нецелесообразно. (Мы не говорим здесь о моральной стороне вопроса.) Это осознавали соратники большого Ильича, не ставшие прибегать к крайним мерам в отношении российской социал-демократии. Совсем не продуктивным было и ужесточение репрессий в отношении РПЦ, к тому времени уже вполне лояльной советской власти. Русская православная церковь, как показал опыт, не располагала и теми несметными богатствами, экспроприировав которые Ленин рассчитывал серьезно улучшить финансовое положение государства. Не было никакой необходимости и в высылке за границу нескольких сот «звезд интеллигенции» (как предлагал вождь), чтобы обеспечить лояльность остальных. Оказалось достаточным отправить в вынужденную эмиграцию несколько десятков интеллектуалов и огосударствить сферу деятельности интеллигенции (образование, здравоохранение, печать), чтобы надолго заткнуть ей рот.

ская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 50-х годов. М., 1999. С. 123).

⁵⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 265–266. О том, что этот план — плод навязчивой идеи см. Э. Каррер д' Анкосс. Указ. соч. С. 467–468.

⁵⁷ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК — ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 87.

Ошибался Ленин, как уже отмечалось, и в оценке заинтересованности Запада в налаживании экономических отношений с Советской Россией, а потому было ошибочным его стремление разговаривать с ним с позиции силы.

В. И. Ленин не мог не понимать, что угасает. Выше мы приводили его рассуждения о том, что скоро придется «выйти за флаг»; просьбы к Сталину о яде в случае угрозы паралича. Что будет со страной, коммунистической идеей, которой он целиком и полностью посвятил свою жизнь? Кто продолжит его дело?

Откуда, из какой среды, мог появиться возможный преемник (преемники) угасающего вождя? В Советской России ключевые рычаги управления к лету 1922 г., когда болезнь Ленина приняла крайне серьезный характер, сосредоточились в Политбюро, Оргбюро и Секретариате ЦК РКП (б). Значение Оргбюро постепенно уменьшалось, его реальные полномочия перетекали к Секретариату (об этом подробнее чуть позже). Однако власть Секретариата, в том числе и в первую очередь Генерального секретаря (поста, введенного только в апреле 1922 г. — М. Г.) еще не успела стать «необъятной». То есть руководство всей внутренней и внешней политикой Советской России осуществляло Политбюро. А значит потенциального наследника (наследников) Ленин объективно должен был искать среди его членов. Либо срочно выдвигать в состав Политбюро кого-либо еще.

Кто же входил в 1922 г. в Политбюро ЦК РКП (б)? Пленум ЦК РКП (б), избранного XI съездом партии, 3 апреля 1922 г. утвердил Политбюро в следующем составе. Члены: В. И. Ленин, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий (они уже входили в Политбюро и ранее) + А. И. Рыков и М. П. Томский (они впервые вошли в руководящую коллегию партии, причем сразу, минуя статус кандидатов). Кандидаты: Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, В. М. Молотов.

Думается, из числа возможных в это время наследников можно сразу исключить кандидатов в члены Политбюро. Об этом свидетельствовал сам их статус. Но все же присмотримся к ним внимательнее, ведь в любой момент статус можно было повысить, как это позже и произойдет.

Н. И. Бухарин⁵⁸ был ответственным редактором центрального печатного органа РКП (б) газеты «Правда», считался виднейшим теоретиком и оратором большевиков. «В характере Бухарина, — по оценке Троцкого, — было нечто детское, и это делало его, по выражению Ленина, любимцем партии. Он нередко и весьма задорно полемизировал против Ленина, который отвечал строго, но благожелательно. Острота полемики никогда не нарушала их дружеских отношений. Мягкий, как воск, по выражению того же Ленина, Бухарин был влюблен в Ленина и привязан к нему, как ребенок к матери». «Его областью была теория и публицистика. В этих областях на него, однако, нельзя было полагаться до конца. В области организаторской его никто вообще не принимал в расчет, и он сам не имел в этой сфере никаких претензий»⁵⁹.

Ленин никогда не забывал, что в 1918 г. Бухарин возглавлял фракцию левых коммунистов, чья позиция была близка к позиции Троцкого. Кроме того, во время дискуссии о профсоюзах, острота которой была связана во многом со стремлением Ленина подорвать политические позиции «вождя Красной Армии», в конечном счете, Бухарин опять-таки поддержал Троцкого. То есть в глазах Ленина Бухарин выглядел политическим союзником его единственного в большевистском стане сколь-нибудь реального соперника — Троцкого. Да и слишком молод был Николай Иванович (1888 г. р.) для вождя: он был на 18 лет моложе Ленина (1870 г. р.), на 9 — Сталина и Троцкого (1879 г. р.)⁶⁰, на 5 — Каменева и Зиновьева (1883 г. р.).

В. М. Молотов (1890 г. р.)⁶¹, лишь в 1921 г. попавший в большевистский ареопаг (с марта — кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК), выглядел в партийных верхах и вовсе зеленым новичком. Никому, и в первую очередь самому Вячеславу Михайловичу, не могло прийти в голову претендовать на лидерство.

⁵⁸ С. Коэн. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.

⁵⁹ Л. Д. Троцкий. Портреты революционеров. М., 1991. С. 180–181.

⁶⁰ По официальной версии Сталин родился в 1879 г., фактически в 1878 г.

⁶¹ См.: В. А. Никонов. Молотов: наше дело правое : в 2 т. М., 2016.

М. И. Калинин (1875 г. р.)⁶², хотя и занимал формально высший в Советской России пост председателя ВЦИК, был фигурой в столь же степени декоративной, как и его должность. Выходец из крестьян, до революции рабочий ряда заводов, Михаил Иванович никогда не имел самостоятельной политической позиции, всегда следуя за большинством и блестяще исполняя роль «всероссийского (а потом и всесоюзного) старосты» — выходца из простого народа.

Переходим к членам Политбюро.

Г. Е. Зиновьев⁶³ с 1919 г. занимал формально высший в большевистской иерархии пост Председателя Коммунистического Интернационала. Ведь по Уставу Коминтерна РКП (б) — одно из его подразделений, *de jure* равное остальным. Но это равенство было фиктивным с самого момента основания Коминтерна в 1919 г. РКП (б) единственная из компартий стояла у власти и располагала соответствующими возможностями (финансовыми, военными и др.), а потому была на порядок влиятельнее остальных. После же поражения пролетарской революции на Западе, последним аккордом которой стал крах Германской революции осенью 1923 г., диктатура РКП (б) в Коминтерне становится тотальной. То есть Председатель Коминтерна был столь же призрачным «вождем» как и Председатель ВЦИК.

Но Зиновьев располагал иными, более реальными политическими ресурсами, чем председательство в Коминтерне.

Григорий Евсеевич, прежде всего, считался в российской революционной среде ближайшим соратником большевистского вождя, включая очень трудные в психологическом отношении для Ленина эмигрантские годы. Будучи с 1908 по 1917 гг. в эмиграции, Зиновьев работал в большевистских газетах «Пролетарий», «Социал-демократ», «Звезда», «Правда» под непосредственным руководством Ильича. Именно тогда у него сложилась репутация «верного оруженосца Ленина», идущего за ним «как

⁶² См.: А. В. Толмачев. Калинин, М., 1974.

⁶³ См.: Ю. Н. Жуков. Григорий Зиновьев. Отвергнутый вождь мировой революции. М., 2021.

нитка за иголкой»⁶⁴. По возвращении в Россию после июльских событий 1917 г. вождь большевиков скрывался от Временного правительства в шалаше у ст. Разлив именно с Зиновьевым (факт, замалчивавшийся советской историографией). Ленин постоянно использовал выдающиеся ораторские способности Григория Евсеевича (третьего, после него и Троцкого, по оценке А. В. Луначарского, оратора большевиков⁶⁵). Причем в полемике о Брестском мире и в профсоюзной дискуссии Зиновьев фактически был главным докладчиком фракции Ленина (после него самого) на многочисленных собраниях и митингах, где «верный оруженосец» на равных бился с такими златоустами оппозиции, как Бухарин и Троцкий.

Кроме того, Г. Е. Зиновьев с ноября 1917 г. возглавлял Петроградский Совет, сумев превратить «колыбель Революции» в свою политическую вотчину: все ключевые посты во «второй столице» занимали его люди.

Но были в биографии и характере Григория Евсеевича черты, которые подрывали его лидерские амбиции.

«Зиновьев был человек умный и культурный; ловкий интриган... — аттестует его секретарь Политбюро и И. В. Сталина Б. Бажанов, в 1928 г. бежавший за границу. — Порядочный трус, он никогда не склонен был подвергаться рискам подполья, и до революции почти вся его деятельность протекла за границей». В 1917 г. Зиновьев «также не очень был увлечен риском революционного переворота и занял позицию против Ленина»⁶⁶.

На заседании большевистского ЦК 10 (23) октября 1917 г. Зиновьев (а также Л. Б. Каменев) выступили против курса на вооруженное восстание, не веря в его успех. Более того, о своей позиции они заявили в печати, подтвердив тем самым авторитетом

⁶⁴ А. В. Луначарский. Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский) // Силуэты: политические портреты : сб. ст. М., 1991. С. 296.

⁶⁵ Там же. С. 295.

⁶⁶ Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина // Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина; В. Кривицкий. Я был агентом Сталина. М., 1997. С. 129.

членов ЦК партии большевиков циркулировавшие в Петрограде слухи о большевистском заговоре. Ленин расценил этот поступок, как предательство, предложив исключить обоих не только из ЦК, но и из партии.

В первые дни Советской власти Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, вопреки В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому, выступили за создание «однородного социалистического правительства». Зиновьев допускал возможность замены Ленина на посту председателя СНК и временного выхода из состава ЦК большевистской партии.

Хрестоматийный пример трусости Григория Евсеевича привел Л. Д. Троцкий. В октябре 1919 г. белая армия Юденича наступала на Петроград. Возникла угроза сдачи города. Для предотвращения катастрофы туда отправился Председатель Реввоенсовета Троцкий. «В Петрограде я застал жесточайшую растерянность, — вспоминал он. — Все ползло. Войска откатывались, рассыпаясь на части. Командный состав глядел на коммунистов, коммунисты на Зиновьева. Центром растерянности был Зиновьев. Свердлов говорил мне: “Зиновьев — это паника”. А Свердлов знал людей. И действительно, в благоприятные периоды, когда по выражению Ленина, “нечего было бояться”, Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал. Начиная с семнадцатого года, я мог убедиться, что средних настроений Зиновьев не знал: либо седьмое небо, либо диван. На этот раз я застал его на диване»⁶⁷.

⁶⁷ Л. Д. Троцкий. *Моя жизнь*. Т. 2. М., 1990. С. 158. Свидетельство Троцкого во многом подтверждает Виктор Серж (В. В. Кибальчич) — французский революционер, русский по происхождению, участник левой оппозиции, с января 1919 г. до весны 1921 г. проживавший в Петрограде и постоянно общавшийся с Зиновьевым. Вот каким Серж увидел его сразу по приезде: «Зиновьев, председатель Совета, имел вид чрезвычайно самоуверенный. Тщательно выбритый, бледный, с несколько одутловатым лицом, густой курчавой шевелюрой и серо-голубыми глазами, он просто чувствовал себя на своем месте на вершине власти, будучи самым старым соратником Ленина в ЦК; однако от него исходило также ощущение дряблости и скрытой неуверенности». А вот каким предстал Зиновьев перед Сержем в октябре 1919 г., когда возникла явная угроза падения Петрограда: «Большие ква-

Острому на язык, непримиримому к своим оппонентам, далеко не всегда объективному (как и любой политик. — М. Г.) Троцкому, думается, в этом случае можно верить. Последующие годы внутривнутрипартийной борьбы подтвердили характеристику Зиновьева, как «человека-паники». Он столько раз впадал в эйфорию, потом в прострацию, каялся, снова воодушевлялся, опять каялся «перед партией»⁶⁸!

В общем, на роль преемника вождя Григорий Евсеевич явно не тянул.

Впрочем, как и его постоянный политический партнер Л. Б. Каменев⁶⁹. С 1908 по 1914 г. Лев Борисович, как и Зиновьев, тесно сотрудничал с Лениным в эмиграции, работал в газетах «Пролетарий» и «Социал-демократ». Но в отличие от Зиновьева, Каменев «не трус, идет на риски революционного подполья, не раз арестовывается во время войны в ссылке; освобождается лишь революцией»⁷⁰.

В последние ленинские годы Каменев «становится чрезвычайно полезным для Ленина его заместителем по всем хозяйственным делам. А с болезнью Ленина он и фактически руководит всей хозяйственной жизнью»⁷¹. Каменев являлся замести-

дратные кабинеты [Смольного], уставив окна в пустоту вымершего города, почти обезлюдели. Лишь округлые плечи Зиновьева и его подавленный голос являли некие признаки жизни среди телефонов. Он постоянно связывался с Лениным, без особой убежденности выступая и за сопротивление, и за эвакуацию» (В. Серж. от революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., Оренбург, 2001. С. 90, 115). Серж также оставил блестящее художественное описание Петрограда в 1919 г. в романе «Завоеванный город» (М., 2002).

⁶⁸ Самое объемное «покаяние» Г. Е. Зиновьева — его недавно опубликованные «Тюремные записки», написанные в заключении в феврале 1935 — июле 1936 гг. (Г. Е. Зиновьев, Ю. Н. Жуков, Е. Ю. Спицын. Заслуженный приговор. Ошибки и преступления «зиновьевской» оппозиции. М., 2022).

⁶⁹ О Л. Б. Каменеве см.: Ю. Ульрих. Лев Каменев — умеренный большевик: Судьба профессионального революционера. М., 2013; А. С. Кочетова. Лев Каменев: «Я не согласен». М., 2022.

⁷⁰ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 131.

⁷¹ Там же.

телем председателя СТО. В декабре 1921 г. он также возглавил Высшую экономическую комиссию, созданную тогда «для объединения всех экономических и финансовых вопросов»⁷². В отсутствие Ильича Каменев председательствовал на заседаниях Политбюро. Как мы помним, в марте 1922 г. Ленин предлагал Льву Борисовичу, в случае своей болезни, выступить с отчетным докладом ЦК на 11 съезде партии.

«Человек он умный, образованный, с талантами хорошего государственного работника (теперь сказали бы «технократа». — М. Г.). Если бы не коммунизм, быть бы ему хорошим социалистическим министром в капиталистической стране», — свидетельствует Б. Бажанов⁷³. По оценке А. В. Луначарского, Каменева всегда влекло «к работе в области теории и истории литературы, к перу». «Вне деловых отношений» Лев Борисович обладал «многими очаровательными чертами: прежде всего задушевной веселостью, большим живым интересом ко всем сторонам культурной жизни и редкой сердечностью в личных отношениях»⁷⁴.

Однако у Каменева, как и у Зиновьева, были свои «но».

«Каменев казался слишком интеллигентом, испытывал на себе различные влияния, колебался», — писал А. В. Луначарский⁷⁵. «На свое несчастье, — подтверждает оценку Луначарского Бажанов, — Лев Борисович Каменев находится на поводу у Зиновьева, который вовлекает его и затягивает во все политические комбинации»⁷⁶.

Накануне Октябрьского переворота Каменев занял «предательскую», по выражению Ленина, позицию по отношению к восстанию. После победы Октября Лев Борисович избирается председателем ВЦИК Советов. В то время Советы обладали реальной властью, так что Каменев не только *de jure*, но и во мною гом *de facto* являлся первым человеком в стране. Однако не по

⁷² В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 157.

⁷³ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 132.

⁷⁴ А. В. Луначарский. Указ. соч. С. 299–300.

⁷⁵ Там же. С. 300.

⁷⁶ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 131.

лучив согласия ЦК партии большевиков и Президиума ВЦИК на формирование советского правительства на коалиционной основе с меньшевиками и эсерами («однородное социалистическое правительство»), вышел из ЦК и оставил пост председателя ВЦИК, который занял Я. М. Свердлов. О колебаниях Каменева и Зиновьева в решающий момент взятия власти большевиками В. И. Ленин никогда не забывал.

Кроме того, в «области интриг, хитрости и цепкости Каменев совсем слаб. Официально он “сидит на Москве”⁷⁷ — столица считается такой же его вотчиной, как Ленинград у Зиновьева. Но Зиновьев в Ленинграде организовал свой клан, рассадил его и держит свою вторую столицу в руках. В то время как Каменев этой технике чужд, никакого своего клана не имеет и сидит в Москве по инерции»⁷⁸.

В общем, Л. Б. Каменев — это идеальный зам: умный, культурный, организованный, добродушный. Но никак не лидер.

А. И. Рыков⁷⁹ и М. П. Томский, два новых члена Политбюро, введенных в его состав на XI съезде, по мнению наблюдательного Б. Бажанова, «лидерами не являются и на лидерство не претендуют. Алексей Иванович Рыков до революции вел и подпольную работу в России, был и с Лениным в эмиграции». После революции он стал наркомом «внутренних дел, но это работа явно не для него: революции нужна ЧеКа... Рыков же человек мирный, толковый и способный технократ»⁸⁰. В знак протеста против отказа большинства членов ЦК от создания однородного социалистического правительства он 4 ноября 1917 г. выходит из состава ЦК и Совнаркома. С ноября занимается обеспечением московского региона продовольствием. С февраля 1918 г. Рыков член коллегии наркомата продовольствия РСФСР. С апреля

⁷⁷ Л. Б. Каменев с 1918 г. занимал пост председателя Моссовета.

⁷⁸ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 131–132.

⁷⁹ См.: Д. К. Шелестов. Время Алексея Рыкова: эскиз политического портрета. М., 1990; А. А. Замостьянов Три жизни Алексея Рыкова: беллетризованная биография. М., 2022.

⁸⁰ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 133.

1918 по май 1921 г. председатель ВСНХ. С июля 1919 г. Чрезвычайный уполномоченный Совета Обороны по снабжению Красной Армии и флота⁸¹. Летом 1921 г. болеющий Ленин выдвинул Рыкова своим заместителем по Совнаркому и СТО, временно прервав его работу в ВСНХ. В 1923 г. Алексей Иванович возвращается к руководству ВСНХ (до февраля 1924 г.), одновременно выполняя обязанности зам. председателя Совнаркома. В 1924 г., после смерти В. И. Ленина, Рыков стал его преемником в Совнаркоме, занимая посты Председателя СНК РСФСР и СССР⁸².

То есть Алексей Иванович Рыков — это не потенциальный преемник Ленина, он им и стал! Правда только по Совнаркому, который к 1924 г. уже перестал быть центром реальной власти в России/СССР. Человек технократического склада, Рыков всегда был чужд политическому интриганству и не претендовал на роль вождя.

М. П. Томский⁸³ — единственный в Политбюро, за исключением Калинина, настоящий пролетарий. Прошел суровую жизненную школу. «Незаконнорожденный». Мать, не желая терпеть побои вечно пьяного мужа, питерского слесаря, ушла от него до рождения сына. Старший брат, больной туберкулезом, «зверски дрессировал маленького Мишу, превратив его к 10–11 годам в робкого, забитого ребенка». На казенный счет окончил низшее начальное училище, позже обучался ремеслу у кустика хромолитографа. Работал на питерских и ревельских фабриках. В Революцию 1905–1907 гг. — организатор первых советов и профсоюзов. После ее поражения в подполье в России. Неоднократно арестовывался. После Февраля был преимущественно на профсоюзной работе в Петрограде и Москве. С 1918 г. — Председатель ВЦСПС. На VIII съезде (1919 г.) стал членом

⁸¹ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 537.

⁸² Там же; Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь. Гранат. Репринт. изд. М., 1989. С. 639.

⁸³ См.: О. И. Горелов. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М., 2000.

ЦК РКП (б)⁸⁴. В 1920 г. с конфликта между Томским и Троцким началась знаменитая дискуссия о профсоюзах, Михаил Павлович — активный сторонник Ленина, один из авторов «платформы 10-ти»⁸⁵. Вскоре после X съезда РКП (б) угодил в опалу. В мае 1921 г. на IV Всероссийском съезде профсоюзов Томский не противодействовал принятию коммунистической фракцией съезда резолюции, допускавшей независимость профсоюзов от партии. Взбешенный Ленин отправил его в Среднюю Азию, назначив председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР (Турккомиссии)⁸⁶. В январе 1922 г., по предложению остывшего вождя, Политбюро принимает решение об отзыве Томского из Туркестана⁸⁷. В апреле того же года его вводят в Политбюро. С июня 1922 г. Томского возвращают на профсоюзную работу, а в сентябре вновь избирают председателем ВЦСПС.

М. П. Томский — единственный из членов последнего ленинского Политбюро, оценки которого Б. Бажановым и Л. Д. Троцким диаметрально противоположны. В отношении других взгляды мемуаристов совпадают почти полностью. По оценке Бажанова, Томский «принадлежит к числу осторожных цекистов, в борьбе за власть участия не принимает, переходит на сторону победителей (когда победители уже вполне ясны)»⁸⁸. «Он бесцветен, как бесцветно в советской системе представляемое им учреждение»⁸⁹.

Троцкий, обычно не жалеющий едких слов в отношении своих оппонентов, для Томского сделал чуть ли не единственное исключение:

«Томский (его действительная фамилия была Ефремов) был, несомненно, самым выдающимся рабочим, которого выдвинула

⁸⁴ Деятели СССР. Гранат. С. 717–719.

⁸⁵ Политические партии России. С. 611.

⁸⁶ Там же. С. 611; С. А. Павлюченков. «Орден меченосцев». С. 168–169.

⁸⁷ Ленинский сборник. М., 1975. Т. XVIII (38). С. 395.

⁸⁸ Острый конфликт с очень влиятельным в 1920 г. Л. Д. Троцким не подтверждает эту характеристику М. П. Томского.

⁸⁹ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 133.

большевистская партия, а, пожалуй, и русская революция в целом. Маленького роста, худощавый, с морщинистым лицом, он казался хилым и тщедушным. На самом деле годы каторжных работ и всяких других испытаний обнаружили в нем огромную силу физического и нравственного сопротивления. В течение ряда лет он стоял во главе советских профсоюзов, знал массу и умел говорить с ней на ее языке. Приспособление к отсталым слоям рабочих приводило его время от времени в столкновение с руководством партии, в частности, с Лениным. Томский тут обнаруживал каждый раз самостоятельность и упорство. Партия поправляла его. Ворча и огрызаясь, он подчинялся. Почти на всем протяжении нашего сотрудничества, то есть с мая 1917 года, Томский был моим противником. Отношения наши в первый период нередко обострялись до враждебности. Во всяком случае, я к Томскому всегда относился с уважением, ценя в нем характер и едкий, саркастический ум. Причиной наших расхождений были оппортунистические тенденции Томского, которые, хоть и в неравной степени, характерны для всех деятелей профессионального движения». Л. Д. Троцкий отмечает «большой авторитет и неоспоримое политическое влияние» «крепкого и гордого пролетария» Томского». [С конца 20-х гг.] «Томскому не раз приходилось «каяться». Он выполнял этот обряд с большим достоинством, чем другие. Правящая клика не ошибалась, когда в нотах покаяния слышала сдержанную ненависть»⁹⁰.

Очень неожиданная характеристика, не так ли? М. П. Томский, по нашему мнению, мог рассчитывать на политическое наследство В. И. Ленина. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Еще двум членам ленинского Политбюро: Л. Д. Троцкому и И. В. Сталину посвящено большое количество исследований⁹¹. Троцкий также оставил обширные мемуары. Но мы ограничимся

⁹⁰ Л. Д. Троцкий. Портреты революционеров. С. 227–228.

⁹¹ Многотомные работы о Л. Д. Троцком см.: И. Дойчер (3 т.), В. З. Роговин (7 т.), Ю. Г. Фельштинский и Г. И. Чернявский (4 т.); об И. В. Сталине см.: Р. Такер (2 т.), Д. А. Волкогонов (4 т.), Ю. Н. Жуков (4 т.). Едва ли не лучшее о Сталине: О. В. Хлевнюк. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

самыми краткими характеристиками, помогающими понять причины исхода их противоборства.

Л. Д. Троцкий обладал многими качествами вождя. «Он был человек мужественный и шел на все риски, связанные с его революционной деятельностью», — отмечает Б. Бажанов. «Благодаря темпераменту Троцкого, его мужеству и его решительности, он был, несомненно, человеком острых критических моментов, когда он брал на себя ответственность и шел до конца. Именно поэтому он сыграл такую роль во время Октябрьской революции»⁹².

Напомним, что легким взятием власти в 1917 г. и ее удержанием большевики обязаны именно Троцкому. Ленин настаивал на немедленном восстании в Петрограде в сентябре: «Промедление смерти подобно!» Троцкий, возглавлявший Петроградский Совет, организовал ползучий, практически бескровный переворот в конце октября. Военно-революционный комитет, орган Петроградского Совета, легально взял город под контроль под предлогом обороны от наступавшей германской армии. А последний, завершающий аккорд взятия власти в Петрограде («штурм Зимнего») Троцкий приурочил к началу II Всероссийского съезда Советов, одобрившего действия большевиков. Тем самым локальный переворот получил всероссийскую советскую легитимацию. Если бы большевики взяли власть в сентябре, все могло бы кончиться иначе.

Троцкий как руководитель Красной Армии сыграл огромную роль и в защите завоеваний Революции.

То есть важнейший политический ресурс Л. Д. Троцкого к моменту болезни Ленина составлял статус вождя Октября и победоносной Красной Армии. В широкой партийной и народной массе Троцкого считали вторым человеком в Советской России после В. И. Ленина.

Троцкий был прекрасным организатором специфического, авторитарного, склада. О чем опять-таки свидетельствовало создание им практически из ничего Красной Армии.

⁹² Б. Бажанов. Указ. соч. С. 119.

Троцкий как выдающийся оратор «...умел найти и бросить нужный лозунг, говорил с большим жаром и пафосом и зажигал аудиторию. Но он умел вполне владеть своим словом, и на заседаниях Политбюро, где обычно никакого пафоса не полагалось, говорил сдержанно и деловито»⁹³.

К тому же у «Троцкого было очень острое перо, он был способный, живой и темпераментный публицист»⁹⁴.

Но были в политической биографии и облике Троцкого существенные изъяны, которые вне героического периода Русской революции во многом перечеркивали его выдающиеся достоинства.

Троцкий лишь летом 1917 г. вступил в большевистскую партию, поэтому в ее верхах он считался чужаком. Троцкий с огромным трудом мог работать в команде лишь под руководством Ленина.

По свидетельству близко знавшего Льва Давидовича еще до революции А. В. Луначарского, «Троцкому очень плохо удавалась организация не только партии, но хотя бы небольшой группы. Никаких прямых сторонников у него никогда не было, если он импонировал в партии, то исключительно своей личностью... Огромная властность и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество. [...] Для работы в политических группах Троцкий казался мало приспособленным»⁹⁵.

«Л. Троцкий не настоящий коммунист, не до конца коммунист, и не случайно он оказался выпавшим на известной стадии коммунистической революции, — пронизательно заметил русский философ Н. А. Бердяев. — Он и в прошлом не был большевиком... Троцкий очень типичный революционер, революционер большого стиля, но не типичный коммунист. Он не понимает самого главного, того, что я назвал бы

⁹³ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 120.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ А. В. Луначарский. Указ. соч. С. 345.

мистикой коллектива. Именно покорность мистике коллектива заставляет Рыкова и многих других держать себя так, что это со стороны производит впечатление трусости и предательства относительно людей, с которыми они работают⁹⁶. Коллектив, генеральная линия коммунистической партии — это ведь аналогично церковным соборам, и всякий, желающий остаться ортодоксальным, должен подчиниться совести и сознанию коллектива. Л. Троцкий еще революционер в старом смысле слова, в смысле XIX века. Он не подходит к конструктивному периоду коммунистической революции. [...] Троцкий придает еще значение индивидуальности, он думает, что возможно индивидуальное мнение, индивидуальная критика, индивидуальная инициатива, он верит в роль героических революционных личностей, он презирает посредственность и бездарность»⁹⁷. Не случайно его обвиняли в индивидуализме и аристократизме. «Есть еще одна особенность, отличающая Л. Троцкого. Русскому народу не свойственна театральность и риторика. В русской революции совсем нет театральных жестов и риторических украшений революции французской. Может быть хорошо, что в ней нет театральной красоты. Но плохо то, что в ней есть настоящая уродливость. [...] Сам Ленин как будто нарочно стремился к уродливому, говорил и писал грубо и некрасиво. Л. Троцкий один из немногих, желающих сохранить красоту образа революционера. Он любит театральные жесты, имеет склонность к революционной риторике, он по стилю своему отличается от большей части своих товарищей, которых он, в сущности, презирает. Л. Троцкий все еще не понял, что мы вступаем в эпоху пореволюционную, и что старый ре-

⁹⁶ Н. А. Бердяев имел в виду публичные покаяния, с которыми выступали в 20–30-е гг. потерпевшие поражение противники Сталина — все, кроме Троцкого.

⁹⁷ Справедливости ради следует отметить, что Л. Д. Троцкий пытался преодолеть свой «мелкобуржуазный индивидуализм», заявив на XIII партсъезде: «Партия в последнем счете всегда права». (Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 г. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 158.) Но недолго удержался на этой позиции.

волюционный душевный уклад и революционный пафос для нее не подходят»⁹⁸.

Итак, Л. Д. Троцкий — это олицетворение революционной эпохи. Именно поэтому ему было труднее других большевистских вождей вписаться в царство номенклатуры, в которое постепенно превращалась революционная Россия. Тем более, стать его вождем.

Но в 1922 г. номенклатурная Россия еще только складывалась. И Л. Д. Троцкий с его блестящими личными качествами, ореолом вождя Революции и победоносной Красной Армии, которую он продолжал возглавлять, и в этом был его второй, после славы, главный политический ресурс (М. Г.), мог претендовать на наследие Ленина.

Возвышение Сталина

При характеристике И. В. Сталина позднесоветские и постсоветские авторы обычно следуют за Л. Д. Троцким, назвавшем его «самой выдающейся посредственностью» в партии. Между тем, тот же Б. Бажанов, знавший обоих и явно симпатизировавший Троцкому, отмечал, что тот «ничего не понял в Сталине, о котором написал толстую книгу»⁹⁹.

Какие же своеобразные черты И. В. Сталина, как политика, подметил сам Бажанов? Его свидетельство особенно ценно по двум причинам. Бажанов был личным секретарем Сталина, а потому одним из немногих, кто мог наблюдать крайне замкнутого Иосифа Виссарионовича вблизи. Бажанов не питал к нему симпатии, следовательно, оценка сильных политических качеств патрона может претендовать на объективность.

По наблюдениям Бажанова, Сталин всегда «спокоен, хорошо владеет собой. Скрытен и хитер чрезвычайно. Мстителен необык-

⁹⁸ Н. А. Бердяев. Рецензия на книгу Л. Д. Троцкого «Моя жизнь». 1931 г. // Л. Д. Троцкий: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. А. В. Резника. СПб., 2016. С. 698, 700–701.

⁹⁹ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 128.

новенно. Никогда ничего не прощает и не забывает — отомстит через 20 лет»¹⁰⁰. Свидетельства «о его необыкновенной воле, твердости и решительности» Бажанов считает мифом. «Сталин — человек чрезвычайно осторожный и нерешительный. Он очень часто не знает, как быть и что делать. Но он и виду об этом не показывает. Я очень много раз видел, как он колеблется, не решается и скорее предпочитает идти за событиями, чем ими руководить. Умен ли он? Он неглуп и не лишен природного здравого смысла». Например, на заседаниях Политбюро Сталин «следит за прениями, и когда видит, что большинство членов Политбюро склонилось к какому-то решению, он берет слово и от себя в нескольких кратких фразах предлагает то, к чему, как он замечает, большинство склоняется». «Получается всегда так, что хотя Сталин и прост, говорит плохо, а вот то, что он предлагает, всегда принимается. Не проникая в сталинскую хитрость, члены Политбюро начинают видеть в сталинских выступлениях какую-то скрытую мудрость (и даже таинственную)». «Оратор он плохой, говорит с сильным грузинским акцентом». Трус «ли Сталин? Очень трудно ответить на этот вопрос. За всю сталинскую жизнь нельзя привести ни одного примера, когда он проявил бы храбрость, ни в революционное время, ни во время гражданской войны, где он всегда командовал издалека, из далекого тыла, ни в мирное время». Сталину присуща лишь одна страсть — «всепоглощающая, абсолютная, в которой он целиком, — жажда власти»¹⁰¹.

Тот же Б. Бажанов проникательно определил главную причину последующей победы Сталина в борьбе за ленинское наследство: «Партийный аппарат шел автоматически и стихийно к власти. Сталина посадили на эту машину¹⁰², и ему достаточно было лишь на ней удержаться — машина сама выносила его к власти. Но правду сказать, Сталин сообразил, что машина несет его вверх, и со своей стороны прodelывал для этого все, что было нужно»¹⁰³.

¹⁰⁰ Пассаж о мстительности явно навеян более поздними событиями.

¹⁰¹ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 110–112.

¹⁰² Бажанов считал, что это сделали Зиновьев и Каменев (Там же. С. 113).

¹⁰³ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 113.

Сталин, в отличие от Троцкого, с дореволюционных времен занимал прочное положение в руководстве большевистской партии. Причем год от года наращивал этот важнейший в борьбе за ленинское наследие, политический ресурс.

В 1912 г. на Пражской конференции РСДРП (б) Сталин заочно (был в ссылке) кооптирован в члены ЦК и Русское бюро ЦК большевиков. Вел работу почти исключительно в России, крайне редко выезжая за границу. «Характеризуя политическую культуру и почерк Сталина, — заметил современный исследователь В. А. Сахаров, — часто указывают на то, что он не жил долго за границей и не приобщился к европейской культуре, как многие другие руководители партии того времени. Длительное пребывание партийного работника за границей в литературе рассматривается исключительно как положительный фактор, а люди, которые не имели этого опыта, фактически оценивались как относительно второсортные партийные кадры, интеллектуально, политически уступавшие первым. Ленин придерживался иного мнения. В неумении вести партийную работу он усматривал большой недостаток партийного руководителя. Так, он писал, что Свердлову «не приходилось... бывать за границей, это ему давало возможность не терять связи с практической стороной движения»¹⁰⁴. (Напомним, что Я. М. Свердлов был первым фактическим генеральным секретарем партии¹⁰⁵.)

На VI съезде большевистской партии, нацелившем ее на вооруженный захват власти, именно И. В. Сталин сделал политический отчет ЦК¹⁰⁶. Причем он резко выступил против концепции обусловленности социалистической перспективы русской революции победой пролетарской революции на Западе: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представле-

¹⁰⁴ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 162.

¹⁰⁵ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 28–29.

¹⁰⁶ В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев скрывались в подполье. Л. Д. Троцкий, только на этом съезде вступивший в ряды большевиков, находился в «Крестах».

ние о том, что только Европа может указать нам путь»¹⁰⁷. На решающем заседании ЦК 10 октября 1917 г. Сталин, в отличие от Каменева и Зиновьева, решительно поддержал ленинский курс на вооруженное восстание. Что, безусловно, увеличило доверие к нему вождя большевиков.

В годы Гражданской войны Сталин, как никто другой из большевистских верхов, почти постоянно находился на фронтах: на Царицынском, Восточном, Западном, Южном и Юго-Западном; в Центральной России, Донбассе, Украине, на Кавказе. Эта деятельность «не только познакомила с ним значительно более широкий, чем прежде круг партийных и советских работников, но и ему дала знание местных условий и кадров, массы новых людей»¹⁰⁸.

После X съезда РКП (б) (март 1921 г.) Сталин был введен в Оргбюро ЦК и стал его фактическим руководителем, как единственный член Политбюро в составе Оргбюро¹⁰⁹. Напомним, что Оргбюро и подчиненный ему Секретариат занималось в партии повседневной организационной работой. А 13 сентября 1921 г. Политбюро, заслушав вопрос «О работе т. Сталина», постановило: «Обязать т. Сталина около трех четвертей своего времени уделять партийной работе», отодвинув на второй план руководство наркоматами рабоче-крестьянской инспекции и по делам национальностей, которые он к тому времени возглавлял¹¹⁰. Иными словами, с этого времени Сталин в Политбюро курирует партию — несущую конструкцию всей послеоктябрьской государственности.

Но от кураторства до положения «генсека» дистанция немалого размера.

¹⁰⁷ VI съезд РСДРП (б). Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 250.

¹⁰⁸ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 161.

¹⁰⁹ Там же. С. 159.

¹¹⁰ Там же. 159–160. И. В. Сталин возглавлял Наркомат по делам национальностей с момента его основания 26 октября / 8 ноября 1917 г. и до ликвидации в июле 1923 г. С марта 1919 г. он был также наркомом государственного контроля, а после его реорганизации в феврале 1920 г. — наркомом рабоче-крестьянской инспекции (до 25 апреля 1922 г.). См.: В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 524.

И хотя по меткому замечанию С. А. Павлюченкова, «факт назначения Сталина на пост генерального секретаря есть эпицентр всей советской политической истории»¹¹¹, в этом факте до сих пор не все ясно.

По одной версии, за назначением Сталина генсеком «против воли Ленина» стоял Зиновьев, еще на X съезде РКП (б) инициировавший этот вопрос¹¹². По другой версии, «сделали его генсеком Зиновьев и Каменев», как «политически ничтожного» союзника, «которого надо иметь на партийном аппарате» в борьбе с Троцким за ленинское наследство¹¹³.

По третьей версии, Сталин был избран генеральным секретарем «по предложению Ленина»¹¹⁴. Известная фраза Ленина из «Письма съезду»: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком...» (подчеркнуто мной. — М. Г.)¹¹⁵, позволяет думать, что сталинское назначение инициировал... сам Сталин. Ведь выражение «сделавшись» можно трактовать и как «сделав себя».

Что же было на самом деле? Постепенное укрепление позиций Сталина в руководстве РКП (б), завершившееся в сентябре 1921 г. установлением его кураторства над партией от Политбюро, наверняка не могло происходить «против воли Ленина». Один раз вождь большевиков мог допустить осечку, но упорствовать в ошибке на протяжении целого ряда лет? Зная львиную хватку Ильича в борьбе за власть, невозможно себе это представить.

Как дальше разворачивался процесс возвышения Сталина?

Поскольку Оргбюро (не говоря уже о Политбюро) не было достаточно оперативно, повседневное руководство партией перетекло к Секретариату¹¹⁶. В этой ситуации введение в его состав

¹¹¹ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 172.

¹¹² Л. Д. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. С. 202.

¹¹³ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 113.

¹¹⁴ См. например: Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. Изд. 2. М., 1949. С 88.

¹¹⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 345.

¹¹⁶ См.: С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 180–181, 216–219, 223–224; М. С. Волсенский. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.,

Сталина, как «куратора партии» от Политбюро и лидера Оргбюро, выглядело логичным. Но не обязательным. Он мог продолжать руководить Секретариатом, и не входя в него, как ключевая фигура в Оргбюро.

И вот здесь инициатива уже исходит от самого Сталина при поддержке Каменева и Зиновьева.

20 февраля 1922 г. в отсутствие находящегося в длительном отпуске Ленина прошло очередное заседание Политбюро. По его окончании осталась «тройка»: Каменев, Зиновьев, Сталин, то есть сторонники хворающего вождя «по дружбе» против Троцкого.

Беседа затянулась за полночь. Предметом ее были перестановки в высшем советско-партийном руководстве «в связи с подготовкой к съезду». И какие! Снять с должности наркома внешней торговли Красина, финансов — Крестинского, просвещения — Луначарского, Рабоче-крестьянской инспекции — Сталина. Вместо них назначить соответственно: Фрумкина, Сокольникова, Смирнова, Владимирова. Прошлись и по многим замам.

О предложениях «тройки» Сталин информировал Ленина запиской на 12 блокнотных листках, полученной вождем утром 21 февраля.

В ее конце сообщалось главное предложение (под пунктом 7): «Секретариат ЦК. Сталин, Молотов, Куйбышев» (вместо Михайлова, Молотова, Ярославского. — М. Г.)¹¹⁷.

Причем, участники «тайной вечери» рекомендовали Ленину заявить о новом составе секретариата «на съезде в отчете ЦК, чтобы авансом покрыть атаки против Секретариата (нынешнего).

Такова должна быть, по нашему мнению, программа подготовительных работ к съезду и кампании на съезде.

Ваше мнение, т. Ленин...

Сталин. Вторник (21/II)»¹¹⁸.

1991. С. 387–391.

¹¹⁷ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 169; В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 702–703.

¹¹⁸ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 703.

Как справедливо отметил В. А. Сахаров, в письме слово «генеральный секретарь» еще не произнесено. Однако первенство Сталина в предлагаемой секретарской тройке очевидно. Он единственный из нее был членом Политбюро, к тому же по порядку стоял первым¹¹⁹.

После получения Лениным письма Каменев и Сталин (Зиновьев, видимо, вернулся в Петроград. — М. Г.) поехали к нему в д. Костино под Москвой, чтобы узнать его реакцию. О чем они говорили? Известно лишь одно: во время разговора Ленин почувствовал себя плохо. В чем просил не винить себя Каменева и Сталина в записке, отосланной им все в тот же день — 21 февраля. В ней в семи пунктах (явная ирония. — М. Г.) Ильич высказал самые разные советы по вопросам текущей политики, но ни словом не обмолвился по семи кадровым пунктам предложений триумвиров¹²⁰. Тем самым как бы показывая: вот чем вам надо заниматься!

Думается, послание Сталина, Каменева и Зиновьева не могло не насторожить Ленина. Три члена Политбюро в его отсутствие вырабатывают консолидированную позицию по важнейшим кадровым вопросам! Диктуют ему, вождю (! — М. Г.), «программу подготовительных работ к съезду и кампании на съезде».

Да, в то время функционировала «Двойка». Два члена Политбюро, которые в отсутствие Ленина намечали повестку дня заседаний Политбюро, предварительно просматривали материалы к заседаниям и в отдельных случаях давали свое заключение¹²¹. В конце января Ленин записал: «Двойка: Каменев + Сталин»¹²². Из других членов Политбюро Зиновьев находился в Петрограде, Троцкий — в опале.

Ленин старался держать деятельность «двойки» под неусыпным контролем. 26 января 1922 г. вождь требует от своего секретаря М. И. Гляссера, чтобы ему доставляли «все протоколы По-

¹¹⁹ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 169.

¹²⁰ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 703–704. В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 176–177.

¹²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 603.

¹²² В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 703.

литбюро (и «двойки») *вовремя и в полном порядке*». То есть «а) все протоколы, б) в каждом протоколе в с е бумаги, а не ссылки на **отсутствующие** письма, «предложения», заметки и т. п.»¹²³ В той же записке он настаивает, чтобы по указанной схеме были приведены в порядок и присланы ему все протоколы за время его отсутствия¹²⁴ (значит, с 6 декабря 1921 г.? — М. Г.)

Не очень-то доверял вождь своим ближайшим соратникам! Или к 26 января 1922 г. его что-то насторожило? Ведь Ленин находился в отпуске уже больше полутора месяцев и ранее необходимости в столь исчерпывающей документации не испытывал. Может быть, до этого времени Ильич отдыхал? Нет, с 6 декабря по 26 января он написал, либо продиктовал, как минимум 136 материалов (по 2,5 материала в день)¹²⁵, не считая активного участия в работе IX Всероссийского съезда Советов 23–28 декабря.

Что же обеспокоило Ильича? Пока неизвестно. Но после письма «тройки» от 21 февраля настороженность не могла не перерасти у него, опытного политика, в открытые опасения. Из его содержания и особенно тона вождь должен был понять, что вместо практически технической «двойки» перед ним претендующая на политическое лидерство «тройка»! Перед Ильичем маячила перспектива утраты ведущих позиций в Политбюро. Вырисовывался следующий расклад сил: «Тройка» — Ленин — Троцкий. Даже при блоке с Троцким вождь оказывался в меньшинстве. Вероятно, где-то в январе–феврале 1922 г. у Ленина возникла мысль о необходимости расширения состава Политбюро. Что станет сердцевиной его кадровой «программы подготовительных работ к съезду и кампании на съезде». В январе 1922 г. Политбюро принимает предложение Ленина об отзыве из Туркестана М. П. Томского¹²⁶. 3 апреля 1922 г. Томский, а так-

¹²³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 54. С. 142.

¹²⁴ Там же. С. 603. Решением Политбюро от 3 декабря 1921 г. В. И. Ленину был предоставлен отпуск, в котором он находился с 6 декабря.

¹²⁵ Подсчитано по 44 и 54 томам ПСС.

¹²⁶ Ленинский сборник. М., 1975. Т. XXXVIII (38). С. 395.

же А. И. Рыков решением Пленума ЦК вводятся в Политбюро¹²⁷. Отныне в высшем органе партийной власти у вождя появляется своя «тройка»: Ленин — Рыков — Томский. Осенью 1922 г. Ленин предпримет последовательные шаги к подтягиванию к ней Троцкого.

Отметим, что впоследствии Ленин принял часть кадровых предложений «триумвиров». Сокольников сменил Крестинского на посту наркомфина. Сталина освободили от поста наркома РКИ. Но Красин¹²⁸ и Луначарский сохранили свои посты.

А что же секретариат? Судя по дальнейшему развитию событий, предложение «триумвиров» (реально, скорее всего — Сталина) по изменению его состава не вызвало у В. И. Ленина серьезных возражений.

Но в этих предложениях ничего не говорилось о генеральном секретаре! Откуда же он все-таки взялся?

В. А. Сахаров, наиболее глубоко изучивший данный вопрос, отметил, что на рубеже 1921–1922 гг. термин «генеральный секретарь» входит в моду. Так, 5 декабря 1921 г. Политбюро приняло «предложение т. Зиновьева назначить т. Куусинена генеральным секретарем Коминтерна». А 2 февраля 1922 г. Политбюро рассмотрело заявление Томского и Рудзутака «о генеральном секретаре Профинтерна» и постановило «назначить генеральным секретарем тов. Рудзутака». Причем, в Коминтерне генеральный секретарь был призван организовывать текущую работу в условиях почти постоянного отсутствия Председателя — Зиновьева. Тот возглавлял Петроградский Совет и лишь изредка навещался в ставку Коминтерна Москву. В этой конструкции Генсек подчинялся Председателю. В Профинтерне Председатель

¹²⁷ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 177.

¹²⁸ В частности, 3 марта 1922 г., то есть через 10 дней после обсуждения столь взволновавшей записки «триумвиров» Ленин написал Каменеву: «Я довольно долго размышлял о нашем разговоре (с Вами, Сталиным и Зиновьевым) насчет Внешторга и линии Красина и Сокольникова. Мой вывод — безусловно прав Красин. Нельзя нам теперь дальше отступать от монополии внешней торговли... Иностранцы иначе скупят и вывезут все ценное» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 44. М., 1970. С. 427).

отсутствовал: главным был Генсек. «На этом фоне, — отмечает Сахаров, — учреждение должности генерального секретаря ЦК РКП (б) уже не кажется неожиданным и необъяснимым нововведением»¹²⁹.

Сахаров полагает, что должность Генерального секретаря ввел в РКП (б) Ленин. Он же провел на нее Сталина.

Ключевой источник, на который опирается исследователь при обосновании своей гипотезы — фрагмент мемуаров Вячеслава Михайловича Молотова, во время описываемых событий секретаря ЦК. Рассмотрим подробно, ввиду его важности, этот фрагмент.

«На XI съезде появился, — вспоминал Молотов в начале 1980-х гг. — так называемый «список десятки» — фамилии предполагаемых членов ЦК, сторонников Ленина. Против фамилии Сталина рукой Ленина было написано: «Генеральный секретарь». Ленин организовал фракционное собрание «десятки». Где-то возле Свердловского зала Кремля комнату нашел, уговорились: фракционное собрание, троцкистов — нельзя, рабочую оппозицию — нельзя, демократический централизм — тоже не приглашать, только одни крепкие сторонники «десятки», то есть ленинцы. Собрал, по-моему, человек двадцать от наиболее крупных организаций перед голосованием. Сталин даже упрекнул Ленина, дескать, у нас секретное или полусекретное совещание во время съезда, как-то фракционно получается, а Ленин говорит: «Товарищ Сталин, вы-то старый, опытный фракционер! Не сомневайтесь, нам сейчас нельзя иначе». Я хочу, чтобы все были хорошо подготовлены к голосованию, надо предупредить товарищей, чтобы твердо голосовали за этот список без поправок! Список «десятки» надо провести целиком. Есть большая опасность, что станут голосовать по лицам, добавлять: вот этот хороший литератор, его надо, этот хороший оратор — и разжижат список, опять у нас не будет большинства. А как тогда руководить!...»¹³⁰ И голосовали с этим примечанием в скобках.

¹²⁹ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 168.

¹³⁰ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 180–181. (Записано в 1980-е гг.). Цит. по: В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 170–171.

Сталин стал Генеральным. Ленину это больших трудов стоило. Но он, конечно, вопрос достаточно глубоко продумал и дал понять, на кого равняться.

Сахаров считает, что информация «Молотова получает документальное подтверждение в своих главных пунктах»¹³¹. И в качестве этого подтверждения приводит историю с двумя видами бюллетеней, использованных при выборе ЦК на XI съезде РКП (б). В части из них, в нарушение партийных традиций, рядом с именем Сталина в скобках типографским способом было напечатано: «Генеральный секретарь», а рядом с именами Молотова и Куйбышева — «Секретарь». Так впервые понятие «Генеральный секретарь» ЦК РКП (б) оказалось зафиксировано на бумаге. Были отпечатаны бюллетени и второго вида — вообще без фамилий. На них в верхней части располагалась «шапка»: «Предлагаю в члены ЦК РКП следующих товарищей» и далее пустой лист, заполнявшийся делегатами съезда от руки. В голосовании принимали участие бюллетени обеих форм.

При выборах Центрального Комитета новшество вызвало протест ряда делегатов. Дело в том, что оно нарушало незыблемое доселе правило: съезд избирает ЦК, а Пленум ЦК формирует Секретариат. Теперь же получалось, что съезд (вернее те, кто приказал отпечатать бюллетени с фамилиями) пытается навязать будущему ЦК состав Секретариата. С пояснениями выступил Каменев, председательствовавший на утреннем заседании съезда 2 апреля, после которого прошли выборы в ЦК¹³². Он объяснил, что указание на некоторых бюллетенях кандидатов на должности секретарей является лишь пожеланием части делегатов и не может стеснять Пленум ЦК при формировании Секретариата ЦК¹³³.

Итак, сохранившиеся в архиве бюллетени, на которых было напечатано типографским способом: «Сталин (генеральный

¹³¹ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 171.

¹³² Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 г. Стеногр. отчет. М., 1961. С. 472, 495.

¹³³ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 171–172.

секретарь)», В. А. Сахаров считает «документальным подтверждением» сообщения В. М. Молотова о лоббировании Лениным перед выборами Центрального Комитета списка кандидатов в члены ЦК, в который рукою Ильича напротив фамилии Сталина было вписано — Генеральный секретарь. Информации, которая, в свою очередь, является ключевым подтверждением версии о том, что инициатор назначения Сталина генсеком — Ленин. Ничего себе подтверждение! Если Ленин собственноручно вписал должность Сталина, то это может доказывать, что он — инициатор назначения. Но типографский бланк мог приказать отпечатать перед съездом и Сталин, как лидер Оргбюро; и Каменев, как член Политбюро и председатель Моссовета, которому были подведомственны столичные типографии. Да и сам Молотов, в конце концов, как секретарь ЦК!

К свидетельствам В. М. Молотова вообще нужно относиться с осторожностью. И дело не столько в политической ангажированности мемуариста (воспоминания любого политика всегда ангажированы), сколько в возрасте. В момент беседы с Ф. Чуевым Вячеславу Михайловичу было 90 лет.

Молотова подводила память, его воспоминания противоречивы. Например, 9 мая 1972 г., то есть на восемь лет раньше, чем его рассказ об XI съезде, Вячеслав Михайлович поведал, что Ленин считал Рыкова «не очень партийным», «в ЦК не допускал»¹³⁴. Между тем, Алексей Иванович был старейшим членом Центрального Комитета. В его состав он входил в 1905–1907, 1917–1918, 1920–1934 гг. В 1920–1924 гг. являлся членом Оргбюро ЦК, в 1922–1930 гг. — членом Политбюро ЦК¹³⁵.

В 1980-е гг. на вопрос Ф. Чуева о том, кто «был более суровым, Ленин или Сталин?», Молотов ответил: «Конечно, Ленин. Строгий был. В нескольких вещах строже Сталина... Он никакую оппозицию терпеть не стал бы, если б была такая возможность. Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либера-

¹³⁴ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 197.

¹³⁵ Политические партии России. С. 537.

лизме»¹³⁶. А 4 марта 1978 г. рассуждал: «У Сталина было тогда очень сложное положение. Возможно, Ленин был бы не таким суровым, как Сталин, но у него был авторитет»¹³⁷. Итак, кто же, по мнению Вячеслава Михайловича, был жестче: Ленин или Сталин? Мы уже не говорим о том, что Ленин на протяжении всей своей политической биографии только и занимался тем, что терпел всякую оппозицию. Да, порой его оппоненты слетали с высоких должностей, даже уходили из партии, но большинство (вспомним хотя бы «октябрьских предателей» Каменева и Зиновьева, вечного фрондера Троцкого, левого коммуниста Бухарина) сохраняли за собой самые высокие посты. Оппонентам же Сталина очень везло, если удавалось сохранить хотя бы жизнь.

Вызывает серьезные вопросы и рассказ Молотова о якобы ленинской интриге с избранием Сталина генеральным секретарем.

По его словам, Ленин собрал фракционное собрание «перед голосованием», предъявив участникам список со своей рукописной вставкой. Но в сохранившихся бюллетенях фамилия и должность Сталина отпечатаны! То есть лист с рукописной вставкой Ленина должны были бы отвезти в типографию, отпечатать, типографская краска — высохнуть, полученные экземпляры привезти на съезд и лишь после всей этой длительной процедуры использовать при голосовании. Ведь принтеров тогда не было! Все это никак нельзя было сделать «перед голосованием».

Свидетельство Молотова кажется отражением реалий скорее не XI, а X съезда РКП (б). Именно тогда развернулось острейшее противоборство упоминаемых им фракций: «десятки» (сторонников ленинской «группы десяти»), «троцкистов», «рабочей оппозиции», «демократического централизма». Конечно, несмотря на запрет фракционности X съездом, ядра фракций сохранились. Но изменился их кадровый состав. В частности, поддержавшие Троцкого во время профсоюзной дискуссии Бухарин и Дзержинский стали однозначными сторонниками Ленина. На XI съезде не было даже намека на фракционную борьбу. Ленинцы явно домини-

¹³⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. С. 184.

¹³⁷ Там же. С. 227.

нировали. В этом контексте называть их «собранием», «сторонниками», «списком» «десятки» выглядит явным анахронизмом.

Интересно сопоставить воспоминания В. М. Молотова с мемуарами А. И. Микояна, рассказавшего о подготовке Лениным выборов в ЦК: «Это было часов в 7–8 вечера. В небольшой комнате собрались Ленин, Сталин, Каменев, Петровский, Каганович, наверное, и Молотов был (подчеркнуто мной. — М. Г.), Шмидт, Рудзутак, Рыков. Ленин сидел за столом, Сталин позади Ленина ходил и курил трубку. Когда Ленин предложил собрать сторонников платформы втайне от других, чтобы наметить кандидатуры для выборов в ЦК, Сталин, который все время молчал, подал реплику:

— Товарищ Ленин, это же будет заседание фракции, как это можно допустить?

Ленин ответил:

— Смотрите, старый и рьяный функционер и боится организации. Вот странно! В это время, пока мы здесь сидим, троцкисты второй раз собираются. У них уже готов список кандидатов в ЦК. Они ведут свою работу. Надо подготовиться, чтобы не дать им возможности победить, а то они могут провести много своих людей в ЦК»¹³⁸.

Правда, очень похоже на свидетельство Молотова, вплоть до пикировки Ленина со Сталиным? Однако Микоян вспоминал не об одиннадцатом съезде, а о десятом!

Думается, в памяти В. М. Молотова, находившегося в преклонных годах, воспоминание о фракционном собрании ленинцев на X съезде, на котором он присутствовал, совместилось с интригой с бюллетенями на XI съезде, чему он также был очевидцем. В результате появилась сенсационная история о Ленине — инициаторе избрания Сталина генсеком, которую В. А. Сахаров положил в основу своих построений¹³⁹.

Между тем, в период XI съезда Ленин настолько плохо себя чувствовал, что ему явно было не до махинаций с бюллетенями.

¹³⁸ А. И. Микоян. Так было: Размышления о минувшем. М., 2014. С. 378.

¹³⁹ См. также об этом: В. Логинов. Как избирали Генсека? (Из неизданного) // Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. М., 2017. С. 750–751.

23 марта Владимир Ильич выслал секретарю ЦК В. М. Молотову план своего доклада на съезде. Причем в приписке попросил намеченный на 25 марта пленум ЦК освободить его «от участия в пленуме по болезни (и заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю)»¹⁴⁰. 25 и 31 марта его консультируют немецкие врачи.

Стенографический отчет XI съезда РКП (б) фиксирует следующее участие Ленина в его работе: 27 марта на утреннем заседании речь при открытии, Политический отчет ЦК; 28 марта на дневном заседании заключительное слово по отчету; 2 апреля в самом конце вечернего (последнего) (подчеркнуто мной. — М. Г.) заседания реплика о поправке Рязанова к резолюции о печати и пропаганде¹⁴¹ и речь при закрытии съезда¹⁴².

Выборы ЦК происходили 2 апреля после утреннего (подчеркнуто мной. — М. Г.) заседания¹⁴³. Присутствовал ли Ленин в это время на съезде? Стенографический отчет данного факта не фиксирует. Но если он отсутствовал, значит, вопрос этот его не очень занимал? А если он был, то почему разъяснял историю с нестандартными бюллетенями не он, а председательствовавший на утреннем заседании Каменев? Тем более, если вождь был так заинтересован, если верить Молотову, в избрании Сталина генеральным секретарем? Да и нужна ли была больному Ленину, который не смог присутствовать на важнейшем предсъездовском пленуме ЦК 25 марта, вся эта интриганская история? Не проще ли ему было выступить 3 апреля на Пленуме ЦК, который формировал высшие органы партии, с предложением избрать Сталина генеральным секретарем?¹⁴⁴ Неужели члены ЦК его бы ослушались? Ведь в работе этого Пленума Ленин участвовал¹⁴⁵.

¹⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 60.

¹⁴¹ Одиннадцатый съезд РКП (б). С. 516–517.

¹⁴² Там же. С. 516–517, 521–522, 622–623.

¹⁴³ Там же. С. 495.

¹⁴⁴ Об этом пленуме см.: В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 174–177.

¹⁴⁵ По крайней мере, 3 апреля пленум рассмотрел и принял предложение Ленина об организации работы Секретариата ЦК (В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 176–177; В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 139). Конечно, Ленин мог прислать

И почему на Пленуме 3 апреля, как и 2 апреля на съезде при выборах ЦК, разъяснял историю с бюллетенями все тот же Каменев? На этот раз в присутствии Ленина¹⁴⁶. Возникает предположение: не по указанию ли Льва Борисовича и были отпечатаны злосчастные бюллетени? Ведь он дважды в течение двух дней объяснял их происхождение. Каменеву, как председателю Моссовета, были подведомственны московские типографии. Он в этот период был партнером по «тройке» Сталина — главного бенефициара всей этой истории. Вероятно, не обошлось и без вечно подбивавшего Каменева на авантюры Зиновьева. Именно Григорий Евсеевич в декабре 1921 г. вбросил в партийный лексикон (применительно к Коминтерну) словосочетание «генеральный секретарь». Он же панически боялся Троцкого и видел в качестве противовеса ему Сталина. Можно предположить, что после отклонения Ильичем предложения «триумвиров» включить вопрос о секретариате в его отчетный доклад, они и провернули всю эту интригу с бюллетенями. Термин Зиновьева. Идея Сталина (либо Зиновьева). Исполнение Каменева. Ленин тут явно был не причем.

Да, Ильич высоко оценивал политические качества Сталина, на XI съезде публично выступил в его защиту: «Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? ... и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

свое предложение в письменном виде. Однако поскольку на данном заседании пленума решался важнейший вопрос о формировании высших органов партии — Политбюро, Оргбюро, Секретариата, представительства РКП в Коминтерне, постольку трудно представить отсутствие вождя на нем.

¹⁴⁶ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 175–176.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах»¹⁴⁷.

Однако руководство даже двумя наркоматами несопоставимо по значению с должностью Генерального секретаря ЦК РКП (б). «Если учесть то положение, которое занимала партия в политической системе государства... — справедливо пишет В. А. Сахаров, — то станет ясным, что должность генерального секретаря, являясь высшей должностью в партии, одновременно становилась высшей должностью в политической системе советского государства. Выше нее был только Ленин, положение которого определялось не должностями, а его ролью вождя партии и государства»¹⁴⁸.

Понимал ли значение нового поста Ленин? Вероятно, понимал... Но не до конца! Свою роль сыграли в этом болезнь и вызванная ею вынужденная долговременная изоляция от текущей работы партийных «верхов». Напомним, что должность генсека была введена в те же самые роковые март — апрель 1922 г., на которые приходится не вполне адекватные, на наш взгляд, решения Ленина о расстрелах меньшевиков, погроме РПЦ, высылке интеллигенции.

Из-за длительной изоляции вождь перестает улавливать нюансы аппаратной кухни. 14 февраля 1922 г Ленин пишет письмо Молотову, в котором, в частности, утверждает: «Власть у ЦеКа громадная. Возможности — гигантские. Распределяем 200–400 тысяч партработников, а через них тысячи и тысячи беспартийных»¹⁴⁹. Но кто распределяет: Оргбюро? Секретариат? Какие категории партийцев? 2 мая 1922 г. в письме Сталину Ильич признается, что не вполне разбирается в распределении полномочий между высшими партийными инстанциями: «Прошу Вас передать на разрешение Секретариата ЦК (или

¹⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 122.

¹⁴⁸ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 178.

¹⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44. С. 392.

Оргбюро; я не знаю, чья это компетенция) следующее мое ходатайство...»¹⁵⁰

Ленин уловил тенденцию к повышению политической роли Секретариата и считал, что это необходимо. Вождь рекомендовал Молотову в том же письме от 14 февраля 1922 г.: «Вам надо себя избавить от мелочей (свалить их на помов и помпомов) и заняться целиком делом политсекретаря и заведующего направлением работы по организации, учету и т. д.»¹⁵¹ Но вряд ли он представлял во всем объеме возможность той аппаратной революции (контрреволюции), которая происходила в это время. В июне 1922 г. создано постоянное Совещание заведующих отделами ЦК под председательством секретаря ЦК В. В. Куйбышева (соратника Сталина) с огромными полномочиями. Так, 20 июня 1922 г. на своем первом заседании Совещание в числе прочих рассмотрело вопрос о пересмотре постановления Оргбюро, при котором оно функционировало как структура Секретариата! И постановило войти в тот же Секретариат (то есть к Сталину) с предложением об отмене постановления Оргбюро — высшего, наряду с Политбюро, выборного органа партии¹⁵².

Ленин не забыл проблемы перетекания избыточных полномочий к предыдущим политсекретарям, Свердлову и Крестинскому. Тем более, что история с вышедшим из-под контроля Крестинским случилась всего год назад¹⁵³. Поэтому он не стремился к тому, чтобы сделать политсекретарем, тем более Генеральным секретарем, такую крупную политическую фигуру, как Сталин. Еще 14 февраля 1922 г. Ильич надеялся, что в политсекретаря вырастет Молотов. Сталин же вполне устраивал вождя на посту руководителя наркоматов по делам национальностей и РКИ. О чем он и дал понять, защищая Сталина на XI съезде от нападок Преображенского.

¹⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44. Т. 54. С. 267.

¹⁵¹ Там же. Т. 44. С. 393.

¹⁵² С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 180–181.

¹⁵³ Там же. С. 28–37, 45–48, 66–67.

В то же время, Ленину не казалось фатальным и пребывание Сталина в должности генерального секретаря. Он считал, что владеет надежной технологией замены политсекретаря, если тот утратит его доверие. Эта технология, уже обкатанная на Крестинском, заключалась в следующем. На очередном съезде партии надо добиться большинства в ЦК, что с ленинским авторитетом не так сложно, а уж послушный ЦК изберет в секретари, кого ему будет угодно. Поэтому Ленин все-таки поддался давлению «тройки» Каменева, Зиновьева и Сталина, и, скрепя сердце, согласился с назначением последнего Генеральным секретарем. Причем иницилирующее предложение Сталин внес сам (письмо вождю от 21 февраля 1922 г.).

Однако Ленин не учел двух вещей.

Во-первых, возросшего политического потенциала Секретариата и, соответственно, его лидера. Ведь в июне 1922 г. Секретариат овладел полномочиями по расстановке кадров на местах. Что позволяло ему формировать нужный состав партийного съезда. А значит, ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариата. Пока Ленин был жив и работоспособен, он благодаря своему авторитету мог в какой-то степени бороться с всевластием Секретариата. Но в какой? Б. Бажанов, размышляя о судьбе вождя, «если бы он умер на десяток лет позже», приходит к неутешительному для Ильича выводу. В этом случае Сталин «был бы ярым и послушным приверженцем Ленина, но втихомолку создал бы свое аппаратное большинство и в нужный момент сбросил бы Ленина, как он это сделал с Зиновьевым и Троцким»¹⁵⁴.

¹⁵⁴ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 87. «И забавно представить себе, чтобы потом произошло. Ленин был бы обвинен во всех уклонах и ошибках, ленинизм стал бы такой же ересью, как троцкизм, выяснилось бы, что Ленин — агент, скажем, немецкого империализма (который его и прислал для шпионской и прочей работы в Россию в запломбированном вагоне), но что революция все же удалась благодаря Сталину, который вовремя все выправил, вовремя разоблачил и выбросил «изменников и шпионов» Ленина и Троцкого. И смотришь, Ленин уже не вождь мировой революции, а темная личность. Возможно ли это? Достаточно сослаться на пример с Троцким, который не был центральной фигурой октябрьского переворота, не был создате-

Второе, чего не учел Ленин — степень изношенности своего организма. Ему оставалось меньше года политической жизни и меньше двух физической. Когда он понял, что в очередной раз ошибся с политсекретарем, у него уже не хватило сил и времени исправить эту ошибку.

Так, на наш взгляд, выглядит история с восхождением Сталина на должность Генерального секретаря ЦК РКП (б) — «эпицентр всей советской политической истории»¹⁵⁵.

К моменту обострения болезни Ленина лучшие шансы стать его наследником были у Сталина. Но эти шансы еще надо было реализовать.

Политическое завещание Ленина

Развитие борьбы в руководстве партии приходится на июнь-июль 1922 г., в период возвращения Ленина к активной деятельности, и до марта 1923 г., когда она практически завершается, является вопросом столь же полемическим, как и проблема возвышения Сталина.

Первая версия принадлежит перу известного историка В. А. Сахарова. Он доказывает, что после избрания Сталина Генеральным секретарем между ним и Лениным сохраняются хорошие личные, нормальные деловые отношения, серьезные проявления недовольства вождем соратником отсутствуют¹⁵⁶. «Период после возвращения Ленина к работе, октябрь — декабрь, отмечен все той же нормальной деловой работой и хорошими личными отношениями. Этому не помешали разногласия по вопросам национально-государственного строительства и монополии внешней торговли»¹⁵⁷. Сталин учел замечания Ленина, принял

лем и вождем Красной Армии, а просто был иностранным шпионом. Почему бы и Ильичу?» (Там же.)

¹⁵⁵ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 172.

¹⁵⁶ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 193.

¹⁵⁷ Там же. С. 197.

и отстаивал позицию вождя по спорным вопросам. Отказался от своей идеи вхождения советских республик в РСФСР на правах автономий, реализовав ленинскую концепцию их равноправного союза в составе СССР. И по требованию Ильича не стал смягчать монополию внешней торговли. «С другой стороны, нет никаких оснований считать, что Ленина беспокоило усиление политических позиций Сталина. Нам неизвестны документы, которые бы свидетельствовали о том, что Сталин расширял свою власть дальше установленных (если такие установления были. — М. Г.) пределов или злоупотреблял ею, проявлял грубость»¹⁵⁸. Соответственно Сахаров считает ленинское «Письмо к съезду» с негативной характеристикой Сталина и других партийных лидеров и требованием снятия Сталина с поста генсека фальшивкой. Также как и ряд других ленинских материалов анти-Сталинской направленности: «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и пр.»¹⁵⁹

В этом убеждает исследователя и источниковедческий анализ указанных документов. «Тексты диктовок 24–25 декабря («характеристики») и 4 января («добавление» к «характеристикам»), — утверждает Сахаров — машинописные, без каких-либо следов редактирования, Лениным не подписаны. Делопроизводственные пометы [«Записано В. М.», «Записано Л. Ф.»] исполнены на пишущей машинке. Регистрация в текущем делопроизводстве ленинского секретариата и в архиве В. И. Ленина отсутствует. Абсолютно ничто не указывает на то, что автором этих текстов был Ленин»¹⁶⁰.

Отсюда итоговый вывод В. А. Сахарова: Сталин — законный преемник Ленина, ставший им по воле самого Ильича.

Сенсационная гипотеза В. А. Сахарова вызвала неоднозначную реакцию. Ее поддержал журналист-исследователь Л. А. Да-

¹⁵⁸ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 198.

¹⁵⁹ Этой проблеме посвящена обширная (более двухсот страниц) вторая часть монографии Сахарова «Источниковедческие проблемы “завещания” Ленина».

¹⁶⁰ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 311.

нилкин, автор бестселлера о Ленине¹⁶¹. Причем если Сахаров-историк за неимением документального подтверждения отказался назвать имя фальсификатора, то журналист Данилкин, воспитанный в традициях иной профессии, осмелился высказать версию, основанную на логике. По его мнению, документы подделала супруга Ильича Н. К. Крупская¹⁶².

Отзывы профессиональных историков суммировал автор последней по времени выхода в свет серьезной работы о В. И. Ленине В. А. Никонов: «Версия вызвала возмущение множества серьезных историков (или даже не удостоилась их внимания как нелепая). Они категорически такой вариант отвергают, ссылаясь на авторитет многочисленных исследований большого количества лениноведов, десятилетиями занимавшихся наследием классика. О. В. Хлевнюк, многолетний биограф Сталина, говорит о «нелепой конспирологической версии»: «На самом деле, ни у кого из ленинских соратников, включая самого Сталина, не было сомнений в отношении ленинских диктовок. В конечном счете, именно это является ключевым доказательством их подлинности»¹⁶³. Крупный лениновец Логинов соглашается, призывая в свидетели Сталина, Каменева, Зиновьева и Бухарина. Все они «хорошо знали ленинские работы и их автора, его взгляды и образ мыслей, специфические особенности его индивидуального стиля и т. п.» И никто не усомнился в подлинности ленинских диктовок. Даже Сталин никогда не отрицал подлинность ленинского совета убрать его с поста Генсека. А несурзанности в «Дневнике дежурных секретарей» Логинов объяснял необходимостью «хранить «абсолютную секретность» диктовок — все это выводило данные записи за рамки обычного делопроизводства»¹⁶⁴»¹⁶⁵.

¹⁶¹ Л. А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. 2-е изд., испр. М., 2018. (ЖЗЛ.) С. 874–883.

¹⁶² Там же. С. 884–888.

¹⁶³ О. В. Хлевнюк. Жизнь одного вождя. М., 2015. С. 112.

¹⁶⁴ В. Т. Логинов. В. И. Ленин. Полная биография. М., 2018. С. 809, 810.

¹⁶⁵ В. А. Никонов. Ленин. Человек, который изменил все. М., 2020. С. 587.

Сам Никонов утверждает: «Очевидно, что мухлеж вокруг ленинского “Завещания” был»; «если подтасовки имели место, то они точно не могли осуществляться без участия Крупской — хранителя и легитимизатора ленинских текстов»¹⁶⁶. Он также объясняет, почему партийные лидеры публично не усомнились в подлинности «Завещания»: «Зиновьев, Каменев, Троцкий, даже если что-то знали и подозревали, видели в “Завещании” выгоду — в борьбе со Сталиным. Досталось от Ленина им всем. Но сделать оргвыводы предлагалось только в отношении Генерального секретаря. У остальных не было столь уж большого стимула, желания, побудительного мотива оспаривать аутентичность диктовок. А Сталин? У него-то мотив точно был. Но если бы Сталин усомнился в подлинности текстов, направленных против него, ему бы инкриминировали откровенный саботаж “Завещания” Ленина. Кого Сталин мог обвинить в фальсификации? Крупскую? Ему и так ставили в вину безосновательные атаки на незащитную женщину и верную соратницу вождя»¹⁶⁷.

Но были ли у Сталина основания «усомниться»? Имеются воспоминания секретарей Ленина М. А. Володичевой и Л. А. Фотиевой о том, что диктовки вождя от 24–25 декабря, в которых содержались характеристики лидеров партии (о них чуть ниже), несмотря на их конфиденциальный характер, сразу же были переданы Сталину, причем не Крупской, а Володичевой. Что это за воспоминания? Речь идет о магнитофонных записях бесед писателя Александра Бека с М. А. Володичевой и Л. А. Фотиевой в марте 1967 г., в достоверности которых, по авторитетному свидетельству В. Т. Логинова, «невозможно сомневаться»¹⁶⁸. На эти воспоминания ссылается и сам Никонов¹⁶⁹.

То есть Сталин узнает о «Завещании» Ленина не от Н. К. Крупской, с которой у него не сложились отношения и которую он мог заподозрить в фальсификации. Его информирова-

¹⁶⁶ В. А. Никонов. Ленин. Человек, который изменил все. С. 607.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 802.

¹⁶⁹ В. А. Никонов. Указ. соч. С. 593.

ла секретарь Ильича М. А. Володичева, которой он продиктовал текст и которая сразу же пришла с этой диктовкой к генсеку. Поэтому у подозрительного по природе Иосифа Виссарионовича не возникло и не могло возникнуть ни малейших сомнений в подлинности ленинского «Завещания».

Понимая, что воспоминания секретарей Ленина полностью опровергают его версию о подложности «Завещания», В. А. Сахаров заявил об их недостоверности. Причем голословно, без присущей ему дотошности. В разделе об источниках своей монографии Сахаров утверждает: «Информация о самой работе Ленина над “Завещанием”, имеющаяся в воспоминаниях Фотиевой и Володичевой, на редкость скудна, схематична и порой в искаженном виде представляет работоспособность Ленина. [...] В ряде существенных моментов секретари противоречат друг другу и самим себе (в каких? — М. Г.), что обесценивает их воспоминания. К тому же их информация не находит опоры в документах того времени, происхождение которых не вызывает сомнений. Поэтому даже в качестве вспомогательного источника они дают мало нового по сравнению с тем, что известно из работ Ленина и других документов»¹⁷⁰. И все! Без анализа текстов! Без ссылок на первую публикацию сенсационных мемуаров секретарей. Быть может, Сахаров о них не знал? Верится с трудом.

И последнее на эту тему. Монография В. А. Сахарова насчитывает свыше 700 страниц. И снобистски отмахиваться от нее не стоит. Но не стоит верить без проверки и любой сколько-нибудь значимой информации, в ней содержащейся. Увлеченность Сахарова своей гипотезой о «поддельности» ленинского «завещания» порой приводит его самого к искажению реальной картины событий. Например, он пишет, что Троцкий «летом 1922 г. не посещал Ленина в Горках», даже несмотря на приглашение больного вождя¹⁷¹. Между тем, Троцкий 28 июля посетил Ильича¹⁷². Сахаров безосновательно дискредитирует важнейшую

¹⁷⁰ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 80–81.

¹⁷¹ Там же. С. 187.

¹⁷² В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 768.

информацию дежурных секретарей о работе Ленина над «завещанием». Гипотезу о выдвигении Сталина в генсеки Лениным основывает на явно ошибочных воспоминаниях В. М. Молотова.

Вторая версия противостояния в большевистских «верхах» в последние месяцы участия Ленина в политической жизни уходит своими корнями в воспоминания Л. Д. Троцкого и Б. Бажанова. В новейшей историографии ее обосновывал С. А. Павлюченков.

По мнению исследователя, «буквально сразу после возвращения Ленина к политической жизни, в августе, его ориентация в личных отношениях становится прямо обратной тому курсу, над которым он усиленно трудился с окончания гражданской войны». Если раньше Ильич вместе с Каменевым, Зиновьевым и Сталиным «дружил» против Троцкого, то теперь стал приближать к себе опального вождя Красной Армии, повернув фронт против Сталина. Это было вызвано тем, что от взгляда Ильича «не скрылась та бурная деятельность, которую развернул генсек ЦеКа по созданию своего аппарата. Ленин понял, что, сражаясь с потенциальной фракцией Троцкого, он оказался лицом к лицу с аппаратом Сталина»¹⁷³. Исследователь имеет в виду аппаратную революцию, которую свершил Сталин в июне 1922 г.

В ее результате важнейшие кадровые решения стал принимать Секретариат, а не высшие выборные органы партии — Политбюро и Оргбюро ЦК, то есть Ленин. «Обычная практика Секретариата с 1922 года — Сталин держит руку на пульсе Политбюро, Молотов и Куйбышев [секретари ЦК] вдвоем итожат (решают. — М. Г.) дела на заседании Секретариата, прежде созволившись со Сталиным по важнейшим вопросам, а затем решения уходят на места как постановления Оргбюро»¹⁷⁴.

Чтобы вернуть себе утраченные позиции, Ленин объявляет Сталину войну. Он «хотел спровоцировать Сталина на дискуссию (по формально важным, но по существу второстепенным вопросам в условиях партийного централизма), чтобы в ходе ее

¹⁷³ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 179.

¹⁷⁴ Там же. С. 181.

уничтожить генсека. Ленин полагал навязать Сталину дискуссию о внешнеторговой политике, потом об автономизации точно так же, как в свое время навязал дискуссию о профсоюзах Троцкому. Но Сталин вполне усвоил методику Ленина и умело уходил от провокаций, послушно признавая правоту линии вождя и уступая по спорным вопросам»¹⁷⁵.

В войне нужны союзники. В сентябре, как вспоминал Троцкий, Ильич предложил ему стать одним из своих заместителей в СНК, фактически первым. Тогда же они условились с Лениным о блоке против Оргбюро, как «средоточия сталинского аппарата». Ильич намечал создание при ЦК «комиссии по борьбе с бюрократизмом», «которая должна была стать рычагом для разрушения сталинской фракции, как позвоночника бюрократии, и для создания таких условий в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя совнаркома»¹⁷⁶.

История с заместительством Троцкого крайне запутана. По сохранившимся документам максимально объективно ее реконструировал Логинов¹⁷⁷. В сухом остатке: Троцкий отказался¹⁷⁸.

Тогда Ленин попытался использовать Зиновьева, развернув его незаурядные интриганские способности против Сталина, как два года назад против Троцкого (во время дискуссии о профсоюзах). Однако тот попытался уклониться. «Поведение Зиновьева стало понятным, когда Ленин получил неопровержимые доказательства о формировании тайного блока в Политбюро между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым. Ленин расвирепел и...

¹⁷⁵ Там же. С. 185.

¹⁷⁶ А. Д. Троцкий. Указ. соч. С. 215–217.

¹⁷⁷ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 779–781.

¹⁷⁸ В разное время Троцкий выдвигал разные причины отказа. В мемуарах утверждал, что вначале надо было создать условия, которые бы позволили ему работать — сокрушить сталинскую фракцию. В момент всей этой истории заявлял, что создание коллегии замов лишит наркомов самостоятельности, будет сковывать их инициативу. Во время дискуссии 1923 г. ссылался на свое еврейское происхождение.

возобновил переговоры с Троцким»¹⁷⁹. Скорее, вождь убедился в прочности «тройки». О ее существовании Ленин знал с февраля 1922 г., однако был убежден, что Зиновьев и Каменев по первому зову оставят Сталина и перебегут к нему. Расчет оказался неверен, по крайней мере, в отношении Зиновьева.

Итак, в Политбюро сложились две противоборствующие «тройки»: Ленин, Рыков, Томский, и Сталин, Зиновьев, Каменев. Чтобы добиться большинства, Ленину стал нужен Троцкий. Он возобновляет зондаж. Просит Льва Давидовича помочь отстоять монополию внешней торговли. Вмешаться в конфликтную ситуацию в компартии Грузии. Идет ему навстречу в вопросе о расширении компетенции Госплана, на чем давно настаивал Троцкий. Причем Павлюченков считает, что вождя волновал не столько расклад сил в Политбюро, сколько другое: «К тому времени Ленин уже стал отдавать себе отчет в том, что умирает и дни сочтены, а поэтому думал не о лидерстве, а о наследстве, исчезли соображения о своем большинстве в ЦК и о преодолении амбиций Троцкого»¹⁸⁰.

Кто же прав, В. А. Сахаров или С. А. Павлюченков? Кого видел своим наследником умирающий Ленин: Сталина или Троцкого (на что намекает Сергей Алексеевич)? На наш взгляд, точно не Сталина. Но это не значит, что Троцкого! Тогда кого?

Чтобы разобраться в этом важнейшем вопросе, вчитаемся внимательнее в «Политическое завещание Ленина» — последние работы вождя, продиктованные в период после нового серьезного обострения болезни (23 декабря 1922 г.) и до второго удара, выбившего Ильича из участия в политической жизни (10 марта 1923 г.).

С 25 ноября у Ленина возобновляются приступы, приводящие к временному параличу правой руки и ноги, речь пока не страдает. 13 декабря приступы повторились дважды. Прибывшие врачи

¹⁷⁹ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 189.

¹⁸⁰ Там же. С. 190. Схожая мысль у Бажанова: «Уже в начале декабря Ленин знал, что ему жить осталось недолго, от этого испарились заботы о большинстве в ЦК и о соперничестве с Троцким» (Б. Бажанов. Указ. соч. С. 34).

В. В. Крамер и А. М. Кожевников предписали полный отдых. Ленин начинает «ликвидировать свои дела». 15 декабря он диктует письмо Сталину для членов ЦК: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно»¹⁸¹. 16 декабря те же врачи констатировали: «Писать может только крайне медленно... Речь не расстроена. Счет производит быстро и без ошибок. Вообще все психические функции выполняются хорошо». Необходимо постельный режим и полный покой. 21 декабря прибывший из Германии профессор Ферстер согласился с рекомендациями лечащих врачей, но разрешил продиктовать письмо Троцкому, на чем настаивал Ильич. В этой диктовке, записанной и переданной адресату Крупской, Ленин констатировал победу с Троцким по вопросу о монополии внешней торговли на прошедшем Пленуме ЦК и предложил «продолжать наступление». Сталин узнал о письме и вечером 22 декабря грубо отчитал Крупскую по телефону за нарушение рекомендаций врачей о необходимости полного покоя для вождя. Тогда Крупская, видимо, ничего не рассказала Ильичу. Он был в подавленном состоянии. Опасаясь паралича, в тот день вновь через Фотиеву обратился к Сталину за ядом. Генсек опять отказал, ссылаясь на уверения Ферстера в том, что работоспособность вождя восстановится. В ночь на 23 декабря у Ленина случился новый, более длительный приступ, с частичной парализацией правой руки и ноги¹⁸².

Вечером 23-го, с разрешения врача Кожевникова, Ильич продиктовал начало «Письма к съезду»: первую часть «Завещания». 24-го добивается у врачей разрешения на короткие диктовки, обещая в противном случае отказаться от лечения. С этого времени Ленин регулярно диктует тексты по важнейшим вопросам.

Поскольку они многократно анализировались в литературе¹⁸³, будем предельно кратки. Часть мыслей банальны: о необходимо-

¹⁸¹ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 796–798.

¹⁸² Там же. С. 799–803.

¹⁸³ См.: В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 343–406. Е. Г. Плимак. Политическое завещание В. И. Ленина: Истоки, сущность, выполнение. М., 1989; указанные выше труды В. А. Сахарова, В. Т. Логинова, В. А. Никонова и др.

сти поднятия культуры народа, проведения индустриализации, о снижении революционной активности на Западе и ее подъеме на Востоке. Идея «о придании законодательных функций Госплану» имела частично конъюнктурный характер. Отвечая объективной потребности в усилении государственного регулирования экономики, она также служила средством укрепления блока с Троцким, давно выдвигавшим схожие предложения. Мысли Ильича по национальному вопросу не были столь радикальны, как казалось на первый взгляд. Идея на следующем съезде Советов «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов» не вела к негативным последствиям для целостности государства. «Надо иметь в виду, — разъяснял Ильич, — что дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано... партийным авторитетом»¹⁸⁴.

Интереснее статья «О кооперации». В ней выдвигается концепция вовлечения в строительство социализма основной массы населения страны — крестьянства без ломки его традиционного уклада: через кооперацию.

Еще любопытнее заметки «О нашей революции». В них вождь отвечал оппонентам, утверждавшим, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при кото-

¹⁸⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 61–362. Более радикальные предложения об объединении были высказаны Лениным в сентябре: не вступление республик в РСФСР, как предлагал Сталин, а их объединение в Союз. (Там же. С. 211–213). Однако и в этом случае партийный централизм устранил возможную рыхлость союзного государства. В. А. Никонов поясняет: «Открытый союз республик был нужен Ленину, в первую очередь для того, чтобы к нему в дальнейшем могли присоединиться другие страны Европы и Азии, свергающие капитализм. Не входив же, скажем, Германии, Англии или Японии после... победы там социалистической революции в состав РСФСР... И именно во имя этого ему нужна была формальная децентрализация, которую он намеревался на практике свести к нулю с помощью жесткой вертикали партийных органов, спецслужб и армии. Уже их-то он точно не собирался децентрализовывать» (В. А. Никонов. Указ. соч. С. 571–572).

рой возможен социализм». Считая это положение «бесспорным», Ильич не считал его «решающим для оценки нашей революции». Да, при нынешнем уровне развития производительных сил социализм в России невозможен. Но это не перечеркивает социалистической перспективы русской революции. Она связана с тем, что русские революционеры смогли «осуществить именно тот союз “крестьянской войны” с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал такой “марксист”, как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии». Опираясь на союз с крестьянством, большевики взяли власть. Они смогут построить и социализм «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя», вовлекая крестьян в кооперацию. «При общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹⁸⁵. Выглядело не совсем по Марксу¹⁸⁶, но достаточно убедительно. Однако нужно учитывать особенности исторического развития России, в которой, в отличие от Европы, не государство было при обществе, а общество при государстве. Причем Ленин еще до революции предостерегал коллег от забвения «громадной самостоятельности и независимости бюрократии»¹⁸⁷.

Но самое интересное в «Завещании» — предложенная Лениным реформа высших органов партии и его соображения по кадровым вопросам. В современной интерпретации этих вопросов В. А. Сахаров и С. А. Павлюченков противоречат друг другу. Сахаров считает ленинскую политическую реформу перспективной, служащей укреплению сложившейся системы власти¹⁸⁸. Павлюченков, наоборот, «явно фантазмагорическим планом»¹⁸⁹.

¹⁸⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 379–381.

¹⁸⁶ См. об этом: М. И. Воейков. Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина. М., 2009.

¹⁸⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21. М., 1968. С. 58.

¹⁸⁸ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 450–451, 482, 606–615.

¹⁸⁹ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 192–195.

Полагаем, что правда на стороне В. А. Сахарова. В его масштабном исследовании видна четкая закономерность. Когда историк анализирует подлинные документы и ему нет нужды пускаться в конспирологические изыскания, его источниковедческий анализ практически безупречен.

Итак, по мнению исследователя, в «Письме к съезду», комплексе диктовок о реорганизации Рабкрин и статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин «выдвинул идею о необходимости реорганизации центральных органов партии таким образом, чтобы одновременно решить ряд ключевых задач — повысить эффективность их собственной работы, обеспечить им возможность руководить совершенствованием работы госаппарата. Это позволило бы... укрепить связь с трудящимися массами. [...] Эта общая идея сформулирована первоначально в письме от 23 декабря 1922 г. («к съезду». — М. Г.) в виде предложения о расширении состава ЦК до 50–100 человек»¹⁹⁰. Что должно помочь предотвратить раскол ЦК.

В записи от 26 декабря идея конкретизируется. Ильич предложил функцию проверки и улучшения аппарата изъять из ведения наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), которая с ней не справилась, и передать ЦК. А для выполнения возросшего объема работы расширить его состав за счет нескольких десятков партийцев преимущественно из числа «рядовых рабочих и крестьян», предоставив им «право присутствовать на всех заседаниях Политбюро и читать все документы ЦК». РКИ должна быть употреблена как помощница этим членам ЦК. Это право ставило новых, политически малоопытных членов ЦК в привилегированное положение по отношению к другим его членам, которые присутствовали на заседаниях Политбюро только в том случае, если это требовал обсуждавшийся вопрос. В диктовке от 29 декабря Ленин в рамках этой схемы рассматривает проблему сочетания специалистов РКИ и новых членов ЦК.

После 29 декабря Ильич, видимо недовольный тем, что получается, на десять дней приостанавливает разработку вопроса.

¹⁹⁰ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 608.

А в первой декаде января 1923 г. продиктовал план статьи «Что нам делать с Рабкрином?» Затем 9 и 13 января подготавливает три наброска самой статьи. В них он отказывается от предоставления новым членам ЦК из рабочих и крестьян привилегированного статуса. Предлагает отдать их под опеку Секретариату ЦК (значит, и Сталину как генсеку — М. Г.)¹⁹¹ для «организации обучения новых членов ЦК всем деталям управления». Более того, ставится «условие, что эти члены ЦК через несколько лет должны сменяться. Таких условий в отношении других членов ЦК никогда не было... Стало быть, “новые” члены ЦК превращаются из привилегированной его части в каком-то отношении дискриминированную часть». Но и в этом случае, целостность ЦК разрушается.

Осознав это, Ленин после 13 января начинает разработку «принципиально новой схемы реализации своей идеи. Поставленные задачи он пытается решить не за счет реорганизации ЦК партии, а за счет реорганизации ЦКК РКП (б)». 23 января Ильич заканчивает диктовать статью «Как нам реорганизовать Рабкрин». В ней речь идет только о реорганизации ЦКК, и ни слова — о перестройке ЦК¹⁹². «В литературе этому повороту ленинской мысли, — справедливо замечает Сахаров, — почему-то не придается должного значения, говоря о предлагаемой им реформе, историки громоздят цитату на цитате из разных работ, в которых фактически предлагаются совершенно разные реформы»¹⁹³.

В статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» появляется предложение увеличить теперь уже не ЦК, а ЦКК «на 75–100 человек с теми же функциями, которые прежде предполагались для новых членов ЦК и задачами, которые им предстоит решать: право присутствовать на заседаниях Политбюро и знакомиться с документами, условие регулярной смены членов и их со-

¹⁹¹ 4 января Ленин предложил убрать Сталина с поста генсека, однако Сахаров считает текст с изложением этой идеи фальшивкой.

¹⁹² В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 608–611.

¹⁹³ Там же. С. 611.

циальная среда, из которой они выбираются. Тот же расчет, что эта мера обеспечит усиление устойчивости ЦК партии и связь между партийными органами и работниками НК РКИ, те же последствия для РКИ — повышение ее авторитета и дееспособности»¹⁹⁴. В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин детализирует схему работы ЦКК-РКИ. В связи с переносом центра тяжести работы по улучшению аппарата с ЦК на ЦКК отпала необходимость пополнения ЦК за счет рабочих и крестьян до 50–100 членов. Соответственно, Ильич больше и не возвращается к этому предложению.

Итоговый вывод по проблеме реорганизации Рабкринна: «Предложение Ленина предоставить ЦКК право контроля за постановкой вопросов и их обсуждением в ЦК РКП (б), Политбюро ЦК, за любым партийным функционером в литературе иногда трактуется как установление контроля над ЦК и Политбюро, ограничение их прав. Но это не так. Контроль за подготовкой вопросов к обсуждению и за ходом их обсуждения не означал ограничения права Политбюро формировать повестку дня, права принятия решения. А ведь это главное. Определяя задачи и функции членов ЦКК, присутствующих на заседании Политбюро, Ленин ни слова не говорит о предоставлении им совещательного или тем более решающего голоса. Следовательно, ее функции оставались в рамках Устава партии и власть ЦК не умалялась. Достигалось лишь то, что и требовалось, — повышение эффективности работы Политбюро, значит, позиции ЦК не ослабевали, а усиливались. Одновременно происходило наращивание политической силы и возможностей ЦКК... Этим обеспечивалось укрепление всей системы центральных органов партии»¹⁹⁵.

Э. Каррер д'Анкосс подметила принципиальное сходство идеи реформы РКИ с мыслями молодого Ленина о партии как демиурге истории: «Ленин мечтал об “административном авангарде” — параллель с революционным авангардом, о котором шла речь в “Что делать?” В обоих случаях принцип был одинаков: обще-

¹⁹⁴ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 611.

¹⁹⁵ Там же. С. 612.

ственное сознание отстает от политических проектов и возможностей, поэтому необходимо “извлечь” из него точно определенную группу “сознательной” элиты. Предполагаемые достоинства этой административной элиты были теми же, что и у партийной элиты: дисциплина, организованность, верность, понимание исторической миссии»¹⁹⁶. Однако исследовательница считает реформу РКИ изначально бесплодной попыткой бороться с бюрократизмом при помощи сверхбюрократии. Вряд ли она права. Ленинская партия через годы борьбы взяла власть, почему бы основанной на тех же принципах РКИ не усовершенствовать эту власть?

Разработка реформы ЦКК-РКИ подвела вождя к идее слияния партии и государства, как магистрального пути совершенствования всей политической системы страны¹⁹⁷. «Гибкое соединение советского с партийным является источником чрезвычайной силы в нашей политике; оно оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и будет гораздо более уместно по отношению ко всему нашему государственному аппарату; в таком соединении — единственный залог успеха»¹⁹⁸.

Такова, по Сахарову, суть политического завещания Ленина.

В отличие от Сахарова, Павлюченков не заметил двух стадий разработки Лениным реформы ЦК—ЦКК—РКИ. Это привело исследователя к ошибочной ее оценке. По его мнению, после дискуссии о профсоюзах, когда большинство ЦК выступило (не в первый раз) против него, Ленин решил «вывести ЦК из схемы реальной власти». Так как видел в нем «главную опасность раскола, поскольку слишком велик был авторитет, велика власть и слишком разнороден в силу своей численности состав этого учреждения». Чтобы добиться своей цели, Ильич решил раздуть коллегиальность «до такой степени, когда она автомати-

¹⁹⁶ Э. Каррер д'Анкокс. Указ. соч. С. 473.

¹⁹⁷ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 614. Ленин, по существу, отказался от идеи максимального разграничения партии и государства, которую отстаивал на XI съезде РКП (б) в марте 1922 г.

¹⁹⁸ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 615.

чески в силу своей внутренней логики вела к необходимости повышения авторитарного начала». Конкретно, «превратить Цека в “маленький митинг”, лишенный необходимых деловых качеств». «Предложение довести число цекистов за счет авторитетных рабочих до 50 или даже 100 человек являлось откровенным намерением отобрать у ЦК власть и еще более сконцентрировать ее в олигархических коллегиях — Политбюро и Оргбюро. В виде компенсации за утраченные возможности ЦК награждался почетными контрольными функциями наряду с ЦКК партии. [...] В этом пункте ленинских предложений... рельефно выступил тупик, бессилие политического гения разорвать заколдованный круг из необходимости сделать власть более сплоченной и вместе с тем устранить ее авторитарный, камерный характер»¹⁹⁹.

Как убедительно доказал В. А. Сахаров, Ленин предлагал не раздувать число членов ЦК, а усилить ЦКК, превратив ее в барьер на пути узурпации власти «олигархическими коллегиями — Политбюро и Оргбюро». И разорвать тем самым «заколдованный круг», нарисованный Павлюченковым.

Но ленинскую политическую реформу еще надо было осуществить. Кто это должен был сделать? В первую очередь, сам Ильич, который хотя и чувствовал себя плохо, но сохранял работоспособность, и конечно, его соратники. Однако к ним у вождя были серьезные вопросы, в связи с этим он готовил кадровую перегруппировку. Это вторая важнейшая часть его политического завещания, которая до сих пор вызывает у исследователей недоуменные вопросы. Речь идет о характеристиках виднейших деятелей партии (Диктовка от 24 декабря 1922 г.) и желании убрать Сталина с поста генсека (Диктовка от 4 января 1923 г.), содержащихся в так называемом «Письме к съезду»²⁰⁰.

Вначале несколько слов об условиях, в которых был создан документ.

В ночь на 23 декабря у Ленина случился новый, более длительный, чем в предшествующие дни, приступ болезни с частичной

¹⁹⁹ С. А. Павлюченков. Указ. соч. С. 192–193.

²⁰⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 343–348.

парализацией правых руки и ноги. Придя в себя, вечером 23-го, Ильич с разрешения врача Кожевникова начинает диктовать документ, вошедший в историю как «Письмо к съезду». В «Дневнике дежурных секретарей», в котором они записывали важнейшую информацию о своей работе, рукой секретаря М. А. Володичевой записано: «В начале 9-го Владимир Ильич вызвал на квартиру. В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как диктовать, сказал: “Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!” Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось». Это была первая часть письма: о необходимости, с целью предотвращения раскола, расширить состав ЦК.

На следующий день, 24 декабря, Ленин проснулся в хорошем настроении и заявил врачам, что после того, как ему «дали возможность продиктовать то, что он считал нужным, он несколько успокоился и ... спал ... благодаря этому лучше». Однако врачи запретили продолжение диктовки. Но к вечеру под угрозой отказа от лечения Ильич выторговывает у них и соратников право на ежедневные диктовки по 5–10 минут. В тот же вечер, около 18 часов, Ленин вызвал Володичеву и продиктовал продолжение письма — тот самый знаменитый фрагмент, где Ильич дает характеристики шести виднейшим деятелям партии: Сталину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину и Пятакову (25 декабря дополнил продолжением характеристики Пятакова). Причем Ленин предупредил секретаря «о том, что диктованное вчера (23.XII) и сегодня (24.XII) является абсолютно секретным. Подчеркнул это не один раз». В 1929 г. Володичева добавила важную деталь: «На запечатанных конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна».

Как мы уже отмечали выше, секретари нарушили волю вождя и показали текст с характеристиками Сталину. «Впоследствии, — говорила Володичева, — я часто вспоминала об этом эпизоде и поняла, что напрасно показала ленинский документ Сталину. Хотя в нем еще не содержалось предложения сместить

Сталина с поста генерального секретаря ЦК партии [диктовка 4 января 1923 г.], но так или иначе его это письмо насторожило. Теперь он был предупрежден о том, что Ленин ему готовит к XII съезду партии серьезное предложение о ряде перемен в ЦК».

Итак, 4 января 1923 г. Ленин дополняет «Письмо к съезду» пожеланием убрать Сталина с поста генсека. В «Дневнике дежурных секретарей» запись о диктовке отсутствует, что дало основание В. А. Сахарову заявить о ее фальсификации. В беседе с А. Беком секретарь Ильича Л. А. Фотиева вполне логично объяснила данное обстоятельство: «Это было секретно. Потому я и не занесла». Однако в «Дневнике дежурных врачей» (который они вели, так же как и секретари) за 4 января 1923 г. врач А. М. Кожевников записал: «Днем [Ильич] спал полтора часа. Проснулся в гораздо лучшем настроении, чем был утром. 2 раза диктовал и читал»²⁰¹. То есть факт диктовки налицо. И что очень важно, в это время (24 декабря и 4 января) Ленин вполне дееспособен. У него нет расстройства речи. Он в хорошем настроении. Так что объяснять характеристики и пожелание убрать Сталина помутнением рассудка не приходится. Другой вопрос, что Ильич, привыкший писать сам, еще только учится работе со стенографом. Поэтому на выходе текст получается не столь безупречным по форме, как это было ранее в ленинских рукописях.

Что же думал вождь о шести виднейших деятелях партии?

Текст от 24–25 декабря: «Я думаю, что основным в вопросе устойчивости (ЦК. — М. Г.) ... являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности ... раскола» (Центрального Комитета РКП (б). — М. Г.).

И далее: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как показала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек

²⁰¹ В. Т. Логинов. Указ. соч. С. 804–812.

в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела. Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу...

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как и небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности».

Текст от 4 января: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мело-

чью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»²⁰².

Комментаторы знаменитого ленинского текста обычно сходятся в том, что в нем Ильич исключает из числа своих наследников Зиновьева и Каменева. Капитуляция в 1917 г. была у них «неслучайна»; другими словами, «это у них в крови. Ясно, что такие люди руководить революцией не могут». Схоласт Бухарин и негодный политик Пятаков сейчас — не наследники, но еще могут подучиться²⁰³.

Дальше — сложнее. Троцкий уверен, что Ленин выбрал наследником его. «Беспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу... Самый способный — Троцкий, его недостаток — избыток самоуверенности. Сталин груб, нелоялен и склонен злоупотреблять властью, которую ему доставляет партийный аппарат. Сталина надо снять, чтоб избежать раскола. Вот суть завещания»²⁰⁴.

Нетрудно заметить, что Троцкий опускает самый убийственный для его претензий на наследство фрагмент ленинской характеристики — тезис о его «небольшевизме». Ведь «небольшевик», по определению, не может быть преемником Ильича на посту вождя большевистской партии! Правда, симпатизирующий Троцкому Б. Бажанов пытается трактовать этот «грех», как отсутствие Льва Давидовича до революции 1917 г. в ленинской партии²⁰⁵. Явно надуманная конструкция! В этом случае Ленин так бы и указал в своем тексте — небольшевизм Троцкого до 1917 г. Однако он этого не делает. Думается, ближе к истине те, кто полагает, что «речь идет о небольшевизме Троцкого

²⁰² В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 344–346.

²⁰³ См., например: А. Д. Троцкий. Указ. соч. С. 217.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 126. См. также: В. И. Старцев. Политические руководители Советского государства в 1922 — начале 1923 года // История СССР. 1988. №5. С. 112.

как сущности всей его политической позиции, как до, так и после 1917 г». Известно, что до революции Ленин характеризовал «Троцкого, как представителя политического течения, пытающегося занять положение между меньшевиками и большевиками»²⁰⁶. В общем, прямо по классическому, хотя и оспариваемому самим Троцким, его определению Лениным: «С нами, а — не наш»²⁰⁷. Итак, Троцкий — не наследник.

Но тогда кто? Быть может, все-таки Сталин? Молотов, по словам его внука В. А. Никонова, «неизменно обращал внимание на тот факт, что даже в “Письме” Сталин выглядит наиболее сильной и привлекательной фигурой. Он не только выдвинут вперед в качестве одного из “двух выдающихся вождей современного ЦК” наравне с Троцким. Молотов подчеркивал, что в устах Ленина (и в партийной массе, а особенно — в аппарате) “грубость” Сталина воспринималась как гораздо меньший грех, нежели “небольшевизм” Троцкого, “неслучайность октябрьского эпизода” Зиновьева и Каменева, “немарксизм” Бухарина и невозможность положиться в серьезном политическом деле на Пятакова. И Ленин никем не предложил Сталина заменить. Молотов был уверен, что виной резких ленинских оценок в отношении Сталина была Крупская, невзлюбившая Сталина именно в связи с неоднократными резкими выговорами ей за несоблюдение установленного Политбюро для больного Ленина режима и по этой причине подначивавшая своего мужа... Иных оснований упрекать Сталина в грубости не было, при Старике [Ленине] он был всегда предельно корректен»²⁰⁸. И тут же Никонов констатирует: «При этом дед мне говорил, что Ленин был абсолютно прав в своей характеристике Сталина. Генсек действительно был до предела груб и резок»²⁰⁹. Значит, дело не в наговорах супруги больного вождя? Ильич и без нее знал о грубости Сталина, считал этот

²⁰⁶ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 369–370.

²⁰⁷ М. Горький. В. И. Ленин. (Испр. эпизод) / Л. Д. Троцкий: pro et contra. С. 817.

²⁰⁸ В. А. Никонов. Указ. соч. С. 592.

²⁰⁹ Там же.

«грех» недопустимым для человека, занимающего пост генсека, поскольку тот дает «необъятную власть», а потому вполне однозначно предлагал снять его с этой должности!

Кто же наследник? «Письмо к съезду» не дает ответа на этот вопрос. Дело в том, что в нем, по справедливой оценке Д. А. Волкогонова, Ленин «назвал того и тех, кто, по его мнению, не могли быть им». А своего наследника назвать не решился²¹⁰.

Почему не решился? Думается, Ильич мог догадываться, что его диктовки не столь конфиденциальны, как ему хотелось, а потому преждевременное упоминание преемника привело бы к тому, что того «загнали за Можай», а то и сделали чего-нибудь похуже. Вождь, вероятно, уже понял, что за человек Сталин. А потому хранил свои соображения при себе, до своего предполагаемого публичного выступления. Выступления где? На заседании Политбюро, как считал Каменев? На предсъездовском Пленуме ЦК? На самом XII съезде? На послесъездовском Пленуме ЦК, где по традиции формировались высшие органы партии? Ведь, по воспоминаниям Володичевой, Ленин назвал продиктованные ей тексты «Письмом к съезду», а не съезду! Для сравнения: Материалы к съезду, Заметки к съезду. То есть письмо — это заготовка к съезду, а не текст, который должен быть на нем оглашен.

Прежде чем перейти к вопросу о том, кого же все-таки вероятнее всего видел Ильич своим наследником (наследниками), скажем еще несколько слов о «шестерке». Почему, наряду с «вождями» — Сталиным, Троцким, Зиновьевым и Каменевым, Ленин характеризует и «не-вождей» — Бухарина и Пятакова?

Н. И. Бухарина, потому что, во-первых, Николай Иванович явно выдвигался в вожди. По свидетельству знатока расклада сил в большевистском ареопаге Бажанова: «Член ЦК он давно, но кандидатом в члены Политбюро стал лишь после X съезда в 1921 году. Тогда он был избран третьим кандидатом в Политбюро. Но в следующем году после съезда он стал уже первым кандидатом, и так как с этого времени Ленин практически из Политбюро выбыл и на заседаниях отсутствует, то Бухарин участвует

²¹⁰ Д. А. Волкогонов. Указ. соч. С. 335.

в работе Политбюро как полноправный член. В 1924 году после смерти Ленина он станет членом Политбюро»²¹¹. Во-вторых, Ленин видел в Бухарине еще одного, наряду с Каменевым и Зиновьевым, сторонника Сталина, укрепления которого он никак не желал. Как мы знаем, Ильич не ошибся. Бухарин внесет серьезный вклад в победу Сталина над Троцким, Зиновьевым и Каменевым.

Почему Пятаков? Возможно, потому что его имя было у Ильича в те дни особенно «на слуху», причем по важной причине. 24 декабря в «Письме к съезду» он впервые называет Пятакова. 25 декабря делает приписку о нем к «Письму». 26-го заканчивает «Письмо». А 27, 28, 29-го декабря диктует записку «О придании законодательных функций Госплану». В ней имя Г. Л. Пятакова упоминается три раза в контексте организации руководства Госпланом, статус которого в системе советских учреждений явно шел «на повышение»²¹². Председатель же Госплана Г. М. Кржижановский, старинный приятель Ленина еще по сибирской ссылке, привлек Пятакова в качестве своего заместителя. Ильич дал согласие, но «держал при себе известные сомнения»²¹³. Не опасался ли вождь, что напористый Пятаков сметет его слабохарактерного²¹⁴ друга и возглавит перспективный Госплан? Дабы этого избежать, он и «приложил» Георгия Леонидовича в своем «Завещании»? То есть Пятаков, как и Бухарин, не кандидат в вожди, по крайней мере, экономические. А потому и упомянут в «Завещании».

Сказанное выше, как нам кажется, дает ответ на недоуменный вопрос В. А. Сахарова: «зачем Ленину нужно было политически убивать Бухарина и Пятакова?»²¹⁵

Попытаемся развеять и другое недоумение исследователя. «"Проблема Пятакова", — пишет Сахаров, — влечет за собой и другой вопрос: почему в список... [лиц, которым Ленин дает

²¹¹ Б. Бажанов. Указ. соч. С. 134.

²¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 349–353.

²¹³ Там же. С. 351.

²¹⁴ Там же. С. 250.

²¹⁵ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 375.

характеристики в «Письме к съезду»,] не попали другие члены Политбюро — Рыков, Томский (за которыми Ленин мог числить и старые, и новые «грехи»), а также кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК партии Молотов, чей политический авторитет и вес были как минимум не ниже, чем у Пятакова, а с точки зрения предотвращения партии от раскола они значили даже больше?»²¹⁶

Как верно подметил Волкогонов, Ильич в «Письме к съезду» характеризует только тех, кто не мог быть в числе его преемников. Тех, кого он хотел «политически убить», по выражению Сахарова. В. М. Молотов явно был на своем месте, в вожди не рвался, Ленина вполне устраивал, вот поэтому он о нем ничего и не говорит — не убивает!

Переходим к самому интересному. Выше мы отмечали, что преемник (преемники) вождя мог появиться только из членов Политбюро. Так почему ими не могли стать А. И. Рыков и (или) М. П. Томский? Совсем недавно, в апреле 1922 г., они были введены в Политбюро явно с подачи Ленина. Причем кандидатуру Рыкова ему даже пришлось защищать от Каменева. «Во время обсуждения состава Политбюро, — замечает В. Т. Логинов, — Каменев пишет Ленину: “Рыкова именно за его сегодняшнюю гнусную речь нельзя бы вводить”. Что за гнусность имеет в виду Лев Борисович, не известно. Известно следующее: «Относительно “речи” Ленин отвечает: “Не пойму, чего «гнусного»? Хитреца маленькая!” И далее: если не вводить в Политбюро Рыкова, — тогда вы должны найти иного зампред СНК». Каменев уступает: «Придется Рыкова»²¹⁷.

Позиция Каменева в отношении Рыкова объяснялась тем, что Лев Борисович опасался конкуренции со стороны опытного хозяйственника А. И. Рыкова. До той поры в Политбюро существовал следующий расклад: Ленин — вождь, Троцкий — армия, Сталин — партия, Зиновьев — Коминтерн, Каменев — экономика. Теперь появлялся еще один экономист!

²¹⁶ В. А. Сахаров. Указ. соч. С. 375.

²¹⁷ В. Логинов. Как избирали Генсека? С. 757–758.

Назначение М. П. Томского прошло без эксцессов: он никому не наступал на пятки. Вожди восприняли этот факт как необходимость повышения статуса профсоюзов, а значит, и рабочего класса в советской политической системе. Зиновьева и Каменева, страшно боявшихся Троцкого, избрание Томского, наверняка, даже обрадовало. Ведь именно он в 1920 г. не побоялся бросить перчатку всеильному тогда вождю Красной Армии (Томский резко выступил против идеи Троцкого об огосударствлении профсоюзов), а затем стал одним из самых яростных его оппонентов в профсоюзной дискуссии. Кроме того, инициатором возвышения Томского был Ленин, по предложению которого Политбюро вернуло опального профсоюзного лидера из Туркестана. Поэтому члены Политбюро, дабы не раздражать Ильича, явно не стремились ломать копыя вокруг кандидатуры Томского.

Ильич видел в своих выдвиженцах лишь противовес чрезмерно сдружившейся «тройке»: Сталину, Каменеву и Зиновьеву.

Но позже, по мере ухудшения состояния своего здоровья, вождь мог задуматься и о большем: о Рыкове и Томском, как о своих наследниках.

1. А. И. Рыков явно был в состоянии «потянуть» Совнарком. Он и сменит на этом посту В. И. Ленина после его кончины.

2. А не смог бы М. П. Томский заменить выдвинувшегося явно без горячего желания Ленина и не оправдавшего его надежд Сталина на посту генсека? Михаил Павлович был сильной политической фигурой. Даже скупой на похвалу своим оппонентам Троцкий дал ему восторженную характеристику. Ценил Томского и сам Ленин. Первый управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич в опубликованных в 1930 г. воспоминаниях, когда Михаил Павлович Томский уже считался опальным, писал: «Я не знал... никого из товарищей, ... посвятивших себя профсоюзной работе, к которому Владимир Ильич относился бы так действительно дружески и любовно, как к тов. Томскому... Неоднократно мне приходилось слышать лично от Владимира Ильича..., что вот Томский действительно глубочайшим образом... понимает» психологию рабочего движения, «его особенности [...] умеет лечить те раны и те недостатки, которые мы на-

блюдаем то там, то здесь. Сам он иногда ошибается, но это ничего; мы все ошибаемся... Владимир Ильич также всегда отличал его прекрасные речи. Когда бывали трудные минуты в жизни рабочего класса, когда... массы... начинали роптать, то Владимир Ильич сейчас же просил отыскать тов. Томского и, с ним подолгу советовался о положении рабочих... Владимир Ильич глубоко знал и верил, что Томский и его товарищи по профсоюзной работе сейчас же сумеют организовать поездку туда к взволнованным рядам пролетариата, сумеют подробно разъяснить все те причины, которые вызвали тяжелое положение вещей и сейчас же сумеют ввести события в их правильное русло»²¹⁸.

Предположение о Томском, как будущем генсеке, выглядит не беспочвенным особенно в контексте размышлений Ленина об обрабочивании ЦКК. Вначале он говорил о расширении за счет рабочих ЦК, затем остановился на ЦКК. Но принципиальная характеристика выдвиженцев не изменилась. По мнению Ильича, они должны были быть «преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу, потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться». Говоря проще, они обюрократались. Нет, это должны быть «преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»²¹⁹. Но как найти этих рабочих «рыцарей без страха и упрека», которые одновременно не «запятнали» бы себя службой в советских и партийных учреждениях? Очевидно, что лучше всех это мог сделать профсоюзный лидер Томский, с малых лет вращавшийся в рабочей среде. Здесь могло иметь место и еще одно соображение. Выдвиженцы нового генерального секретаря, М. П. Томского, присутствуя в качестве членов ЦКК на заседаниях Политбюро, помогли бы ему подчинить своему влиянию амбициозных «старых вождей».

²¹⁸ Цит. по: О. И. Горелов. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М., 2000. С. 104–105.

²¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 347–348.

Версию о желании В. И. Ленина заменить на посту генсека Сталина Томским подтверждают следующие факты. На Апрельском 1929 г. пленуме ЦК и ЦКК А. И. Стецкий, один из первых бухаринцев, перешедших на сторону Сталина, поведал, что на Июльском пленуме ЦК ВКП (б) 1928 г. в кругу сторонников Бухарина ставился вопрос о замене генерального секретаря. В ходе этих дебатов М. П. Томский «усиленно припоминал, что т. Ленин когда-то предлагал ему пост генерального секретаря»²²⁰.

Эту информацию подтверждает, ссылаясь на рассказы отца, сын Томского, Юрий Михайлович: «Когда решался вопрос о должности генерального секретаря ЦК партии, В. И. Ленин дважды беседовал с Томским, предлагая занять этот пост. Томский счел, что аппаратная организаторская работа (а эта должность тогда рассматривалась именно так) не для него, что его призвание — работать в профсоюзах, в гуще масс»²²¹.

Но не мог ли Ленин в третий раз вернуться к своему предложению? Когда он увидел Сталина «в деле» на посту генсека?

Известно, что 10 сентября 1922 г., как раз в разгар полемики Ленина со Сталиным об условиях объединения советских республик, «у Владимира Ильича было свидание с Томским, которое продолжалось полтора часа»²²².

О чем они говорили? Только ли о предстоящем V Всероссийском съезде профсоюзов?²²³ Не тогда ли вождь повторил свое предложение? И вряд ли Томский снова отказал большому вождю. К тому времени, вероятно, он сам понял, что Сталин-генсек представляет угрозу для партии и революции.

В общем, на место старой, начала 1922 г., «двойки» Сталин+Каменев, по мысли Ильича, должна прийти новая — Томский+Рыков. А за кулисами, в Горках, — он, Вождь. После же

²²⁰ Как ломали НЭП. Т. 4. М., 2000. С. 276. На пленуме никто информацию Стецкого не опроверг.

²²¹ О. И. Горелов. Указ. соч. С. 103. О. И. Горелов дает следующую ссылку: Огонек, 1988, № 31. С. 26.

²²² Там же. С. 103.

²²³ Там же.

его кончины генеральный секретарь ЦК РКП (б) М. П. Томский и председатель Совнаркома А. И. Рыков смогут продолжить его дело. Так, по нашему мнению, должна была выглядеть кадровая составляющая «Политического завещания Ленина».

Но эти планам не суждено было сбыться. 10 марта 1923 г. у вождя случился новый удар, вырвавший его из участия в политической жизни. А 21 января 1924 г. Владимир Ильич Ленин умирает, так и не осуществив свою структурную и кадровую реформу. Всемогущая ЦКК, способная обуздать амбиции вождей, так и не будет создана. Обладающий необъятной властью Сталин так и останется генеральным секретарем.

А ведь все могло быть иначе! После смерти В. И. Ленина генсек М. П. Томский, предсовнаркома А. И. Рыков и, наверняка, главный теоретик партии Н. И. Бухарин, возможно, повели бы Россию по дороге рыночного углубления нэпа. По приблизительно тому пути, по которому во второй половине 1970-х гг. повел Дэн Сяопин Китай.

«Исторической неизбежности не бывает — альтернативы возможны всегда». В. А. Козлов, наверное, совсем неслучайно привел эту фразу Стивена Козна в одной из лучших своих работ²²⁴.

²²⁴ Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 56. Данный подход наиболее выпукло продемонстрирован в кн.: История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / сост. В. А. Козлов. С. 56.

М. А. Колеров

ШАГ К МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В НАСЛЕДСТВЕ ЛЕНИНА:

национальное государство УССР в составе СССР /
Мировой ССР (1922–1923)

История превращения России в СССР — это история доктринально продиктованного большевиками расчленения России в РСФСР и союзные республики СССР. То есть история большевистского проекта мировой революции, Мировой ССР, которая должна была быть реализована в мировой мозаике этнонациональных государств. Эта история как в фокусе явила себя в процессе подготовки Конституции СССР 1924 года (вступившей в силу в 1923 году).

За всё время существования СССР действовали три его Конституции: 1924, 1936 и 1977 годов. При этом Конституция 1924 года, официально введённая в действие в начале 1924 года, де-факто была утверждена и введена в действие уже летом 1923 года. Создание СССР — после всех необходимых стадий его подготовки на высшем партийном уровне — на Первом Всесоюзном съезде Советов 30 декабря 1922 года, на котором председатель СНК РСФСР и лидер Российской коммунистической партии (большевиков) В. И. Ленин уже не смог присутствовать лично из-за прогрессирующей болезни, стало самым важным в политическом и государственном наследии последнего периода жизни Ленина. В серии его «последних писем», которую советская историография называла «политическим завещанием», особое место занимает его записка от 30–31 декабря 1922 года, названная им «К вопросу о национальностях или об «автономи-

зации»». Она уже не могла повлиять на само учреждение СССР, но несомненно влияла на принципы подготовки Конституции СССР. Как их старшее должностное лицо, Ленин писал руководителям партии и государства о том, что должно быть положено в основу конституционного процесса и что должно быть учтено при практическом строительстве СССР. Главной угрозой ему Ленин видел государственный аппарат и некий агрессивный русский национализм, который противостоит «социал-национализму» союзных республик, вполне допустимому, логичному, едва ли не законному и оправдываемому обстоятельствами:

«мы должны по совести сказать ... , что мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, переделать которую... не было никакой возможности. При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке ... приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять. Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталину, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма» [...] Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетённой, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений [...] Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик

держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»¹.

Политические уроки такого этнического и национального строительства СССР Ленин считал важными:

«для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами. Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам. [...] А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днём, когда окончательно проснутся пробуждённые угнетённые империализмом народы и когда начнётся решительный долгий и тяжёлый бой за их освобождение»².

В этом контексте Ленин вполне ясно говорил о возможности в будущем сокращения круга централизованных конституционных полномочий СССР только до дипломатических и военных дел, особенно акцентируя необходимость усиления национальной, именно этнической, языковой самостоятельности союзных республик:

«Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инациональных республиках, входящих в наш союз... [...] Причём не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипло-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее: ПСС). Изд. 5-е. Т. 45. М., 1970. С. 359.

² Там же. С. 362.

матическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»³.

Впрочем, эти фундаментальные усилия Ленина в области национального строительства СССР, равно как и расцвет национальных сепаратизмов в России и против России, были плохо замечены в современной им иностранной и русской эмигрантской критике, равно как в советской и западной историографии. Общим тоном западной критики СССР стало уличение большевиков в возрождении русского империализма. И только революционный труд Терри Мартина «Империя «положительной деятельности» [Affirmative Action Empire]. Нации и национализм в СССР. 1923–1939» (2001, русский перевод — 2011), описавший «позитивную дискриминацию» (то есть против формальной имперской нации — русских) национального строительства в СССР, начал масштабный пересмотр былого консенсуса о якобы русском неоимпериализме большевиков⁴. Именно в этом контексте современный американский исследователь советского Туркестана холодно резюмирует итог советского нацистроительства в регионе: «Идея о том, что нации являются собой органические сообщества и каждый человек принадлежит к какому-либо из них, фундаментальный элемент мировоззрения большинства жителей Средней Азии, будь то узбеки, таджики, казахи или киргизы. Очевидно, что это — наследие

³ В. И. Ленин. ПСС. С. 361.

⁴ Резюме позиции Т. Мартина в его собственном изложении: «Империя положительной деятельности сохранила и даже высветила имперскую структуру великодержавной нации и колониальных народов, но образовала при этом некий «перевёртыш», развивая национальные формы бывших колониальных народов и умаляя выражение русской национальной идентичности. [...] Когда нерусские народы при Хрущёве и Брежневле развивали довольно многочисленную грамотную интеллигенцию, медленно распространилось субъективное восприятие того, что они живут в Российской империи» (Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартин. Пер. В. И. Матузовой. М., 2011. С. 107–108).

советской национальной политики и обусловленных ею практик»⁵.

«Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик» (РСФСР, Украинской ССР, Закавказской СФСР и Белорусской ССР), утверждённый Съездом 30 декабря 1922 г. по докладу главы наркомата РСФСР по делам национальностей И. В. Сталина, детально описывал полномочия союзных органов власти и содержал лишь одну статью об исключительном полномочии названных республик: «26. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза». В принятой тогда же и таким же образом «Декларации об образовании СССР» говорилось, что и что сам СССР — это «союзное государство» и это «новое союзное государство ... послужит... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Слово «новое» в этой формуле ясно отсылало к не коммунистическому, но историческому прецеденту «Германского Союза», объединившего на глазах его современников Маркса и Энгельса немецкие независимые государства в 1815–1866 гг., и прецеденту «Содружества наций», доминионов на основе Британской империи (с 1887 г.), которое в русской печати иной называлось «союзом государств» и даже «союзным государством»⁶.

⁵ Адиб Халид. Создание Узбекистана. Нация, империя и революция в раннесоветский период [2015] / пер. К. Тверьянович, А. Рудаковой. Бостон ; СПб., 2022. С. 565.

⁶ Напр.: [Рец.:] С. А. Корф. Автономные колонии Великобритании. 1914. Петроград. 432 стр. Ц. 3 р. // Бюллетени литературы и жизни. М., 1914. № 1. Сентябрь — I. II отд. С. 3 (цитируется рецензент газеты «Киевская Мысль»): «Все пять автономных колоний Англии должны быть признаны в настоящее время государствами, ибо Англия добровольно отказалась от своего права принуждения по отношению к законодательным органам колоний, и оне [колонии] создают своё право совершенно самостоятельно. Процесс этот должен завершиться, по мнению автора, в ближайшем будущем созданием нового типа союзного государства. Но имперское единение не нарушено, оно достигается только не насилем, а факторами экономическими, социальными и духовными, и в этом отношении Англия показывает пример».

В этой же Декларации говорилось, что «за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза» и что «доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем». Обе упомянутые Декларации легли в основу Конституция СССР 1924 года. Работа над ней началась уже 31 января 1923 г., когда состоялось первое заседание «Подкомиссии для выработки предварительного проекта союзного договора, Конституции и положения о наркоматах СССР». Уже Комиссия ЦИК СССР по этому вопросу была создана 27 апреля 1923 г.

После свержения Временного правительства и захвата центральной власти в России большевиками 25 октября 1917 года и особенно в контексте переговоров большевистской РСФСР с Германией и её союзниками о мире в Брест-Литовске с 22 декабря 1917 года, первым и главным вопросом национальной политики любой России был вопрос об Украине, одновременно и там же начатые Германией с автономной (затем признанной ею независимой) Украинской Народной Республикой. Автономия и сепаратизм такой Украины имела давнюю предысторию на протяжении XIX и начала XX в., а именно прецедент очень широкой (в том числе этнической шведской, финской и польской) территориальной автономии входивших в Российскую империю Великого Княжества Финляндского и Царства Польского. В 1905 году Императорская Академия Наук признала украинский язык отдельным от русского языком, что по тогдашним данным мировой науки автоматически признавалось главным фактором для признания отдельной национальности, что прямо противоречило принципам Императорской же переписи 1897 года (указывавшей «народности на основании родного языка», а именно, например: «Русские. В том числе: Великоруссы, Малороссы, Белоруссы»).

Временное правительство либералов и социалистов после Февраля 1917 года очень много сделало на пути превращения самопровозглашённой и никем не избранной украинской Центральной Рады в Киев в институт автономной национальной власти на Украине. Временное правительство уже в мае 1917 г. в лице тогда министра юстиции Керенского и Верховного глав-

нокомандующего Русской Армией генерала Брусилова не только решило начать «украинизацию» армии на территории, контролируемой Центральной Радой внутри Киевского военного округа России, но даже — в августе, по решению нового Верховного главнокомандующего генерала Корнилова — в составе охраны правительственного Таврического дворца в Петрограде, то есть де-факто придать этой, в мае 1917 г. ещё гипотетической (она была признана Петроградом позже), автономии официальные вооружённые силы.

Вскоре после Октября 1917 года, а именно 2 ноября 1917 г. большевистская власть выступила с подписанной председателем СНК РСФСР Лениным и наркомом по делам национальностей Сталиным⁷ «Декларацией прав народов России», в которой было объявлено «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Внутренняя идейная история взглядов Сталина этого времени сохраняет важную дилемму, которая в историографическом изложении отличия «автономий» Сталина от «союза» Ленина часто противопоставлена радикально. Но именно ранние государственные формулы Сталина 1917–1918 гг. содержат в себе указание на то, что это противоречие — не раз-

⁷ И. В. Сталин с 1913 года был у большевиков едва ли не единственным теоретиком национального вопроса, кроме его радикального пропагандиста — самого Ленина. Взгляд Сталина (вероятно, под личным надзором Ленина) на предмет опирался на опыт Австро-Венгрии и её социал-демократических теоретиков. Соответственно развивалась и советская мысль (В. В. Тихонов. Наука и национальная политика // Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 241 и далее). См. также: Т. Ю. Красовицкая. Идеи и практики федерализма в советской национально-культурной политике (1917-1929). М., 2023. Однако публикацию тезисов революционного выступления Сталина перед грузинскими историками осенью 1945 года в пользу «независимой Грузии» и др. (М. А. Колеров. Новые речи Сталина о Грузии, истории и национальностях (1945): Нико Бердзенишвили. Встреча со Сталиным // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год. М., 2019) современная историография практически игнорирует и потому мы можем обоснованно считать, что подлинную архитектуру и динамику взглядов Сталина на национальный вопрос современная наука всё ещё не видит.

ных форм государственного устройства, а разных исторических претензий. И если Ленин строит свои государственные претензии в перспективе мировой революции, то Сталин, ещё рядовой большевик-агитатор, видимо, тогда ещё не позволял себе этих надежд и строил свою программу без, как минимум, конфедеративных претензий. Он так изображал дилемму весной 1917 года: «1) политическая автономия (не федерация!) областей, представляющих целостную хозяйственную территорию с особым бытом и национальным составом населения с «делопроизводством» и «преподаванием» на своём языке; 2) право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут остаться в рамках государственного целого»⁸.

Уже правящий в 1918 году большевик Сталин, обсуждая необходимые принципы Конституции РСФСР, концентрируется на сведении автономий в территории внутри России, без перспективы её дальнейшего расчленения: «Совдепы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом — объединяются в автономные областные союзы...»⁹. Но главный акцент делает отнюдь не на национальном строительстве. Выступая на конституционной Комиссии под председательством Я. М. Свердлова, Сталин, уже нарком по делам национальностей, готов даже вовсе отмахнуться от национального вопроса. Он говорит: «Все политические функции народа, нации и прочее, все эти области, ... с кот<орыми> конечно считаться не стоит, а перед нами задачи организации социалистического строя»¹⁰.

Уже 7 ноября 1917 г. киевская Центральная Рада своим Третьим универсалом объявила создание этнократической Украинской народной республики (УНР) в составе России как федерации. Сво-

⁸ И. Сталин. Об отмене национальных ограничений. 25 марта 1917 // И. Сталин. Сочинения. Т. 3. М., 1946. С. 19.

⁹ Общие положения (проект И. В. Сталина) // ГА РФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

¹⁰ Комиссия по выработке Конституции РСФСР. Стенограмма заседания Комиссии 12/IV. 1918. Прения по докладу М. А. Рейснера (вопрос о характере федерации Советской Республики). Речь т. Сталина. Речь т. Шрейдера // ГА РФ. Ф. 6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

ей территорией по принципу большинства украинского населения власть Украины объявила Киевщину, Подолье, Волынь, Черниговщину, Полтавщину, Харьковщину, Екатеринославщину, Херсонщину, Таврию (без Крыма) и заявила о претензиях на части территорий Курщины, Холмщины и Воронежчины и других «сопредельных губерний и областей» («областями» в 1917 году административно назывались Область Войска Донского и Кубанская область как территория Кубанского казачьего войска).

Несмотря на несомненное (и доказанное официальными данными НКВД УССР ещё в 1925 году)¹¹ доминирование в большинстве крупных городов объявленной в 1917 г. территории УНР русского, польского и еврейского населения, им было обещано только диаспоральное самоуправление: «великорусскому, еврейскому, польскому и другим на Украине признаём национально-персональную автономию для обеспечения им права и свободы самоуправления в делах их национальной жизни». Большевики отреагировали 3 декабря, манифестом СНК РСФСР признав право такой УНР на независимость, ограниченную прикладными вопросами военного времени, — и 12 декабря 1917 г., после того как УНР не подчинилась требованиям РСФСР, созданием в Харькове «Украинской народной республики советов», федеративно связанной с РСФСР. Затем Украина была избрана Германией в качестве соучастницы Брестского мира, протектората, объекта для строительства рептильного квази-государства.

¹¹ Даже руководящий («в качестве пособия при работах по национальной статистике и географии») этнодемографический документ (по итогам переписи 1926 года) вынужден был признать, что до этнической монолитности коренизируемой, украинизируемой УССР ещё очень далеко, он писал об украинцах в УССР и в СССР в целом, отражая и экстерриториальные претензии украинизации: «Основная масса сосредоточена в УССР..., кроме того, в пограничных районах РСФСР и БССР, Среднем Поволжья ок. 400 000, на Сев. Кавказе — ок. 700 000, в Сибири — ок. 640 000 и Казакстане — ок. 620 000 (очень неполные данные 1920 г.). Наибольший процент всего населения (больше 80%) украинцы составляют в б. Полтавской губ.» (Список народностей Союза Советских Социалистических Республик / под ред. И. И. Зарубина. Л., 1927 (Труды комиссии [АН СССР] по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. 13). С. 3, 5).

Рухнув в конце 1918 года, Германия уступила место внешней силы и метрополии Украины Польше, которое оспаривала Белая армия Деникина. Белая армия Врангеля в 1920 году тщетно пыталась договориться с Польшей и её украинскими марионетками о совместной борьбе против большевиков. Большевики, зафиксировав в 1921 году границу с Польшей и поставив под свой контроль территорию Украины, начали развивать свой собственный проект Советской Украины (с марта 1919 названной УССР накануне вступления Красной армии на Украину).

Могла ли Россия просто отступить перед Польшей, не отступая перед традиционным польским империализмом? Литовский исследователь убедительно резюмирует опыт пребывания Царства Польского в составе Российской империи и слабые голоса в правящем классе России в пользу отделения собственно Польши от её исторических литовских, белорусских, украинских окраин (бывшего Великого княжества Литовского), присоединённых к Империи. У него вызывает сомнения реалистичность этого плана, ибо, по его мнению, Польша с этим не согласилась бы: «Можно абсолютно не сомневаться в том, что независимое польское государство за границами Российской империи или эта территория в составе менее репрессивных Германской или Австро-Венгерской империи представляли бы для Санкт-Петербурга не меньшую проблему — доминировавшая в польском обществе идея польской «национальной территории», включавшей и исторические земли Великого княжества Литовского, моментально исчезнуть не могла»¹².

В июне 1923 ЦК РКП (б) провело специальное совещание с представителями национальных республик и областей СССР, призванное согласовать и сблизить позиции накануне утверждения Конституции СССР. На этом совещании представители УССР вновь выступили против принятия обязывающей Конституции СССР¹³. Непосредственно наследовавшие этому совеща-

¹² Дарюс Сталюнас. Польша или Русь. Литва в составе Российской империи / авториз. перевод с литовского Т. Тимченко. М., 2022. С. 367.

¹³ О. Д. Максимова. Разработка и обсуждение проекта первой Конституции СССР в комиссии ЦИК СССР (июнь 1923 г.) // Вестник Московского уни-

нию в том же июне 1923 года труды Комиссии ЦИК СССР по выработке Конституции СССР — под высшим возможным для системы власти СССР председательством — председателя ЦИК СССР М. И. Калинина — стали ареной прямого и принципиального столкновения высшей власти СССР с высшей властью УССР. Глава УССР Х. Г. Раковский 14 июня 1923 г. защищая идею фактической конфедерации Украины с РСФСР внутри общего СССР, выступил в Комиссии с манифестом самостоятельной Украины, где обнажил тот факт, что терминологическая зыбкость советского государственного права оставляет огромный простор для прямой политической воли Советской Украины в поиске ею наименьшей зависимости от СССР (при неизблемом единстве в рамках мировой революции, которую ведёт РКП (б)). Он сказал:

«Товарищи, у нас начинают перебрасываться словами: единство, единый союз, федерация, конфедерация и т. д. и т. д. [...] к тем, которые называют себя конфедералистами, ибо в этом есть единство, единая система, едина основа. [...] Я спрашиваю — есть единство [?] — есть, мы на это согласились, но мы не можем этого единства довести до конца. Поэтому постановили, пусть прочтут постановление XII-го съезда [РКП (б)], что в пределах известного единства это единство нужно понимать, что предоставляется автономия финансовых и других прав отдельным республикам. Вот что нужно здесь понимать и не нужно, чтобы постепенно мы шли дальше. [...] Мы все за единую систему, за основы единые, это уже принято, этого упразднить не нужно и не нужно доводить единство до того, что называется бюрократическое единство, чтобы когда здесь в Москве заведующие валютным отделом¹⁴ будут давать указания, как посту-

верситета. Сер. 11: Право. №4. М., 2011. С. 89. См. источник: Четвертое совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей. Москва, 9–12 июня 1923. Стенографический отчет. М., 1923.

¹⁴ До июля 1923 года начальником валютного управления Наркомата финансов РСФСР, ведавшего всей денежной политикой ведомства, был М. Я. Лазерсон. Летом 1917 года он был во Временном правительстве помощником начальника отдел по делам национальностей, где явил себя радикальным сторонником установления в России федерации национальностей. В июле

пать на месте тому или иному правительству. Это не есть единство, а это есть бюрократический централизм»¹⁵.

Однако нарком финансов СССР Г. Я. Сокольников в этой дискуссии, как представляется, буквально уничтожил глубину аргументов Раковского, кратко (но политически громко) указав на тот факт, что УССР *никогда прежде не имела никакой финансово-экономической самостоятельности от РСФСР*¹⁶ и теперь лишь политически пытается её создать с нуля, используя для этого конституционный процесс. Он сказал: «бюджет отдельной республики [УССР] составлялся раньше в Москве, а сейчас он составляется у себя»¹⁷.

6 июля 1923 года ЦИК СССР, опираясь на работы конституционной комиссии и обсуждение текста в союзных республиках, утвердил проект Конституции СССР и сразу ввёл её в действие. 31 января 1924 года её утвердил Второй съезд Советов¹⁸. Логичным завершением работы над претензиями УССР к строительству СССР в связи с подготовкой его Конституции 1924 года стали новые притязания властей УССР — на этот раз на расширение территории УССР за счёт соседних РСФСР и БССР. Ясно, что они стали следствием целой группы причин: и фактически особым политическим статусом Советской Украины при создании СССР, и широкой идущей украинизации УССР, и ин-

его сменил ученик П. Б. Струве по Петербургскому Политехническому институту, в 1920-е годы в ходе заграничных командировок поддерживавший с ним тесные контакты, — Ю. Н. Юровский.

¹⁵ Заседание Расширенной Комиссии [ЦИК СССР] по выработке Конституции Союза ССР от 14 июня 1923 года // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.

¹⁶ Фактическая сторона изначального и непрерывного субсидирования Советской Украины из бюджета РСФСР документально исчерпывающе представлена в давнем сборнике: Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: Документы и материалы / отв. ред. В. В. Кабанов. М., 1996.

¹⁷ Заседание Расширенной Комиссии [ЦИК СССР] по выработке Конституции Союза ССР от 14 июня 1923 года // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 25. Л. 49–50.

¹⁸ См. подробно об этом: О. И. Чистяков. Конституция СССР 1924 года. М., 2004.

тересами противодействия враждебной Польше, недавно, всего лишь весной 1920 года захватившей (ненадолго) Киев,¹⁹ и общей политикой СССР по исполнению политического завещания Ленина по национальному вопросу. Власти УССР восприняли опыт коренизации и политического торга вокруг проекта Конституции СССР как карт-бланш на строительство из УССР *украинского национального государства* внутри СССР — и нельзя сказать, что они были далеки от истины. Более того — они продолжали развивать логику 1923 года и далее.

Бывший в январе–феврале 1918 г. украинским социалистом-революционером, членом украинской делегации на сепаратных переговорах с Германией в Бресте, а теперь — председатель Госплана УССР М. Н. Полоз на заседании Комиссии ЦИК СССР по урегулированию границ между РСФСР и УССР от 1 июля 1924 г. предъявил запрос на приращение территории УССР²⁰ формально ради удобства работы украинских сахарных заводов, но апеллировал к «моменту национальному». Председательствовавший на заседании Комиссии председатель ЦИК БССР и глава СНК БССР А. Г. Червяков оценил эти претензии УССР так: «Во-первых, разрешать этот вопрос нужно несомненно положив в основу признак национальный [...] считать беспспорными те территории, на которых украинское население в абсолютном или относительном большинстве украинское подлежит включению в состав Украины»²¹.

¹⁹ Именно эта угроза со стороны Польши, которая воплотилась в захвате Польшей Киева в 1920 году, продиктовала сохранение столицы УССР в Харькове, после того как Красная Армия заняла Киев, с 1919 до 1934 года. Официальный документ СССР так формулировал задачу Киева в этой ситуации: «обеспечение крепкой организацией западных, прилегающих к границе Польши округов из Харькова» [1925] (Справка о районировании Украины // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 50. Л. 95).

²⁰ Вводный очерк темы см.: Франсин Хири. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза [2005] / Пер. Р. Ибатулина. М., 2022. С. 118–224 (Глава «Межевание границ и формирование советских национальных идентичностей. Случай Украины»).

²¹ Стенограмма заседания Комиссии [ЦИК СССР] по урегулированию границ между РСФСР и УССР от 1 июля 1924 г. // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 9.

При этом официальные отклики пограничных областей РСФСР, на территории которых претендовала УССР, содержательно и фактически буквально разгромили этнографические, лингвистические и экономические аргументы УССР²² и вступили со встречными территориальными претензиями, апеллируя к единству «Курской магнитной аномалии», демонстрируя этнографическое взаимопроникновение того, что в современной науке называется *русско-украинским пограничьем*. Власти Курской губернии РСФСР прямо претендовали на присоединение к своей территории части Черниговской губернии УССР²³. Аналогичные

²² «2. Перенесение центра тяжести доводов в плоскость национального вопроса неправильно и со стороны методологии, и по существу, ибо, поскольку СССР предоставляет полную свободу развития национальной культуры и свободу национального самоопределения для всех населяющих его народностей [...] наконец, поскольку отсутствуют какие-либо заявления со стороны населения самой оспариваемой территории [Курской области] о его желании присоединения к УССР, — нет основания базироваться исключительно на национальных признаках, [...] чересполосность результат двух колонизационных потоков с севера [из России] и с запада [с Украины]». И далее: «Украинцы Курской губернии не являются чистыми украинцами — их язык отличен от украинского и представляет [собой] смешанное наречие как результат продолжительного влияния русского языка. В Курской губернии имеются 3 украинских школы и попытки Губоно (Губернского отдела народного образования. — М. К.) открывать лик пункты (пункты ликвидации неграмотности. — М. К.) с преподаванием на украинском языке оканчивались неудачей» (Выписка из журнала заседания Пленума Курского Губернского Исполнительного Комитета «О размежевании между Курской губернией и УССР», 27 ноября 1924 // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 142, 143–144). См. также детально обоснованные исходные отрицательные оценки предложений УССР: К вопросу о присоединении к УССР части Курской губернии. Записка Курского Губплана [4 апреля 1924] // ГА РФ. Ф. Р-6992. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9; Заключение Воронежской комиссии по районированию по вопросу о возбуждении УкрГоспланом и Центральной Административно-Территориальной Комиссией при ВУЦИКе ходатайства о присоединении к Украине Валуйского уезда Воронежской губернии // Там же. Л. 96.

²³ «Целесообразно присоединение к Курской губернии Новгор<од>-Северского, части Глуховского и двух волостей Кролевецкого уездов Черниговской губернии [УССР], так как они вместе с Рьльским и Дмитриевскими уездами образуют один район» (Заключение Курского Губплана, утвер-

встречные территориальные претензии выдвинули к УССР власти Воронежской губернии РСФСР²⁴. ВСНХ РСФСР тоже выступил за присоединение «частей территории РСФСР к УССР»²⁵. Перетягивания каната по территориальным спорам, возбуждённым УССР с главным аргументом о необходимости консолидации украинской национальности в рамках одной республики, продолжались ещё год и были приведены к формальному компромиссу, но компромисс этот был на условиях Советской Украины.

Конституционная конструкция СССР образца 1923–1924 года с её не только разделением исполнительной власти (наркоматов) на союзный (СССР) и республиканский (союзных республик) уровень, но и на отраслевое подчинение большей части этой власти полномочной компетенции союзных республик, ещё долго и прямо угрожала задачам подготовки СССР к близкой новой войне, то есть задачам мобилизационного планирования. Непосредственно на фоне известного политического и военного кризиса в отношениях СССР с Великобританией и Китаем, установления диктатуры Пилсудского в Польше, террористической атаки белой эмиграции на территории СССР («военной тревогой» 1927 года),²⁶ 9 апреля 1927 года заместитель председателя Рев-

ждённое Губисполкомом, по вопросу о границах с УССР. Без даты // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 146). Наркомат земледелия РСФСР по заявке Курского губисполкома от 1 ноября 1924 г. поддержал идею о присоединении к Курской губернии РСФСР Новгород-Северского округа Черниговской губернии УССР, а также части Сумского округа и Харьковского округа Харьковской губернии УССР (Президиум ВСНХ СССР в Комиссии по районированию при ЦИК СССР 23 октября 1924 // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 130).

²⁴ «Напротив, ряд признаков устанавливает положение, которое позволяет поставить вопрос о присоединении соседних уездов Харьковской губернии к Воронежской губернии» (Заключение Воронежского Губплана по вопросу о границах с УССР. Без даты // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 147)

²⁵ Президиум ВСНХ СССР в Комиссии по районированию при ЦИК СССР 23 октября 1924 // ГА РФ. Ф. Р-6892. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.

²⁶ Об этом контексте кратко см.: *О. Р. Айранетов*. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годы : в 2 т. Т. 1. М., 2024. С. 549–576.

военсовета СССР И. С. Уншлихт направил в СНК СССР письмо, в котором говорилось, что республиканские («необъединённые») наркоматы (союзных республик), в отличие от союзных, не участвуют в подготовке СССР к войне, то есть в мобилизационном планировании. Он писал: «Большим тормозом в работе по подготовке страны к обороне до сих пор является то обстоятельство, что необъединённые наркоматы Союзных Республик (НКЗем [Наркомат земледелия], НКПрос [Наркомат народного просвещения], НКСО [Наркомат социального обеспечения], НКЮ [Наркомат юстиции], НКЗдрав [Наркомат здравоохранения], НКВД [Наркомат внутренних дел]) не имеют единого руководства и поэтому не представляется возможным по этим наркоматам составление единого мобилизационного плана. В целях установления планового руководства, единства методов в работе и объединения усилия наркоматов отдельных республик Межведомственная мобилизационная комиссия разработала проект об объединении мобработки республиканских наркоматов союзных республик... в соответствующих наркоматах РСФСР». Позицию Уншлихта поддержали ВСНХ СССР 22 июня и Совет Труда и Обороны СССР 4 августа 1927. В сентябре 1927 «резко против такой постановки вопроса выступил Совнарком Украинской СССР»,²⁷ что в условиях «военной тревоги» в иной системе власти политически прозвучало бы, как минимум, намёком на государственную измену.

Промежуточный итог этих усилий большевиков по созданию гигантской этнической украинской Советской Украины, которая была построена внутри СССР как основы Мировой ССР в качестве одного из национальных государств, призванных создать мозаику мировой революции под сквозным управлением мировой Коммунистической партии — Коммунистического Интернационала, хорошо рифмовался с давними усилиями Германии, бывшей Австро-Венгрии и новой Польши, а также межвоенной Чехословакии, по отделению Украины от России и СССР. Внеш-

²⁷ С. П. Ким, М. Ю. Мухин. Мобилизационная подготовка советской промышленности в годы первой пятилетки. М., 2022. С. 64–65.

неполитический теоретик, планировщик и профильный руководитель на службе у Гитлера, уроженец Российской империи А. Розенберг в 1930 году опубликовал корпус своих манифестов, составленный из трактатов «Миф двадцатого века» и «Украина как узел мировой политики», адекватно замеченных в СССР в контексте давних усилий Германии против России и СССР.²⁸ Стремясь опередить Германию в превращении Украины в свой протекторат и в таран европейской политики, пропаганда СССР сделала вид, что не преувеличивает внимания врага к Украине, но поместила его в общий контекст его Восточной политики. И в главном партийном журнале ЦК ВКП (б) дала ясный сигнал, говоря о «только что вышедшем (1934 г.) новом издании «знаменитой» книги «знаменитого» Розенберга»: «Кто такой Альфред Розенберг? Это один из столпов германской фашистской партии. [...] Что касается отношения г. Розенберга к СССР, то оно хорошо известно. В частности, известны его «украинские» планы»²⁹.

Но правда состояла в том, что фундаментальное, принципиальное большевистское государственное и индустриальное строительство УССР, превращение её именно в этническое национальное государство в ходе принудительной «украинизации» — не столько нейтрализовывали усилия врага по отделению Украины от СССР, сколько давали им дополнительные ресурсы и резервы, которыми он не преминул непосредственно воспользоваться в 1941 году, пытаясь убить СССР и сразу же подчинив себе почти все плоды советской индустриализации УССР, насколько он смог заставить её работать на гитлеровский Третий Рейх.

²⁸ С. Бовдаренко. Германский фашизм и советская Украина. М. ; Л., 1934.

²⁹ Альфред Розенберг о Польше и Чехословакии. Из нового издания книги Розенберга // Большевик. М., 1934. 31 мая. №9–10. С. 102.

А. И. Казанков

КОЛХОЗ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗАПАДНО-УРАЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В предзимье 1936 года колхоз «Новая жизнь» деревни Агеево¹ входил нехорошо. Об этом свидетельствовали не столько материалы проверок и не только маленькие местные начальники, сколько сами сельские обыватели, например — осведомитель, работавший под оперативным псевдонимом «Карандаш»:

«В Агеевском колхозе пропало скота за осень 1936 года 36 голов или больше, причина — плохой уход за скотом, конюшни не отепленные, назем не чистится, у руководителей сидит Агеев Демид Абрамович, ходит больше в церковь, чем в колхоз. За свиньями ухаживает Агеев Савелий Кириллович, раньше был избран попом, свиньи падают. Корм есть, а уход отсутствует, на заместителя председателя Агеева Д. А. колхозники обижаются. Женщина беднячка Агеева 5-го февраля говорила, так вот надо идти в правление колхоза, но идти не хочется, Демид на нас орет, а доброго слова не скажет. Надо заметить, сельхозинвентарь весь завален снегом. Ремни на молотилках не сняты, кому угодно только на подметки, все портится»².

¹ Деревня Агеево относилась к Бородулинскому сельсовету Верещагинского района нынешнего Пермского края.

² Сообщение осведомителя «Карандаш». Меморандум по делу Агеева Д. А. и др. // Пермский государственный архив социально-политической истории (Далее: ПермГАСПИ). Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 1.

Творилось что-то странное и труднообъяснимое — колхозники демонстрировали полнейшую апатию, совершенно иррациональную лень и безалаберность. Молодой и явно политически грамотный колхозник Григорий Тихонович Агеев в своих показаниях следствию прямо приписал это враждебному влиянию и вредительским действиям руководства:

«Старообрядческий поп Носков Автоном Фомич, проживая на квартире конюха колхоза Агеева Артамона Григорьевича, взял последнего под свое влияние, и конюх Агеев А. Г. начиная с января месяца 1937 года постепенно начал выводить из строя колхозных лошадей. Он не стал за ними ухаживать и наблюдать, как это требовалось, т. е. вовремя не кормил и не поил лошадей. Сбруя не ремонтировалась и не подгонялась по лошади и т. п., в результате из имеющихся в его обслуживании около десяти лошадей к марту месяцу пали от истощения и калечения 5 лошадей, в том числе и жеребец, зачисленный в фонд РККА... Сам Демид Абрамович (глава группы) с 1936 года будучи зампределителя правления колхоза, с целью утробить колхозных свиней и пользуясь своим положением, выломал все окна свинарника, косяки и рамы продал, к зиме окна не вставил, а заколотил их просто досками; не утеплил и лишил света свинарник. В результате создали такие условия, что все стадо свиней свыше 20 голов довели до полного истощения, а 3 больших свиньи пали, в том числе и 1 хряк, лишив без последнего все стадо. Убыток от падежа колхозу выразился свыше 1 000 рублей»³.

Председатель Бородулинского сельсовета на допросе назовет еще одну характерную деталь — повальное пьянство, пример которого подавал вышеупомянутый Демид Абрамович Агеев:

«Используя момент, когда в октябре месяце 1936 года председатель колхоза был на курсах в городе Свердловске в течении месяца, а Демид остался за председателя, он окончательно начал разва-

³ Протокол допроса свидетеля Агеева Г. Т. от 05.08.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 23–23 об.

ливать колхоз. Он прежде всего сам занялся пьянством, по пьянке заболел и, говорит, что я сделаю, я больной человек. По его примеру началась поголовная пьянка колхозников, все очередные работы приостановились окончательно. Сорвали вывозку льна. Свежая ржаная солома заскирдована небрежно, ее проливает дождем, и она гниет. Сено развалено по конным дворам в беспорядке, его топчет под ногами скот и лошади, и никто ничего не делает. Демид говорит: “Нас нечего учить, мы сами знаем, что делать. Соломы и сена у нас достаточно и хватит для нашего скот”». Мной обнаружена кладь неколоченного льна, и эта кладь так же развалена и загнила. Тогда же было мной обнаружено 12 центнеров вики, которая развалена и сгнила. Вика была на корм от урожая 1935 года. На скотных дворах в конюшнях накопили навоз до таких пределов, что в дверь нельзя входить и скот плохо может двигаться. И еще целый ряд подобных безобразий, а на работу никто не является. Исполняющий обязанности председателя Демид Абрамович в это время объявил себя больным, сам пьянствует и молится»⁴.

Несколько штрихов к портрету «пьяницы и молещика» добавляют показания 38-летней колхозницы и матери пятерых детей Агеевой Ирины Лазаревны:

«Года 2–3 назад, когда Демид был кладовщиком колхоза, он под предлогом деловых вопросов заманил меня в свой дом, где никого не было, и предложил мне: “Давай заключим договор на любовь, за это тебя и всю твою семью я обеспечу хлебом. Ведь у вас насчет хлеба-то тонко”. И долго не выпускал меня из квартиры, держа дверь за скобу. Я не согласилась, а придя домой сказала мужу Ермаолаю Савельевичу, последний только сказал мне: “Демид наверно пьян был”. В нынешнюю зиму муж мой был отправлен на лесозаготовки. Один раз я зашла к Демиду с почтой, а жена его в это время была в г. Перми у сына. Демид опять начал приставать ко мне. Он

⁴ Показания председателя Бородулинского сельсовета от 09.08.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 35–35 об.

сначала спросил: “Как ты живешь, как у тебя насчет хлеба?” Я ответила: “Тебе ведь известно, что с хлебом трудно”. Демид схватил меня, начал целовать, говоря: “Согласись со мной (на половые сношения), так я тебя с хлебом сделаю, к тому же я наверно скоро буду председателем колхоза”. Я все же вырвалась, и больше не заходила к нему. Но Демид не оставляет меня в покое, он при каждой встрече предлагает мне выходить ночью в сеник, обещая расплату за счет колхоза»⁵.

Фигура исполняющего обязанности председателя «Новой жизни» так или иначе оказывается в центре «агеевских аномалий». Он, оказывается, прелюбодей, похотливый старец, систематически практикующий *sexual harassment* в отношении подчиненной, нуждающейся и зависимой многодетной матери. Добавим — он еще и коррупционер, чье служебное положение помогает приближенным получить незаконные льготы и избежать законной ответственности:

«Примерно в январе месяце 1937 года колхозник друг Демиды Абрамовича — Агеев Ермолай Савельевич взял колхозную лошадь для вывозки из лесу дров для себя. В лесу в сугробах снега заставлял лошадь переходить прямо через валежину с сучьями, избил и искалечил ее, проткнув лошади мочевой пузырь, нанес ушибы с кровоподтеками, через три дня лошадь эта пала. В заключении врача было указано вышеуказанное калечение лошади Агеевым Ермолаем, но при возбуждении дела на виновника своими показаниями председатель колхоза Агеев Макар и его заместитель Демид с умели смазать виновного Ермолая, кроме того в то же время срочно направили его на лесозаготовки, говоря ему: “Мы тебя, Ермолай, отправляем из дому месяца на 2–3, а в это время все уладится”. Так и сделали»⁶.

⁵ Протокол допроса свидетельницы Агеевой И. А. от 09.08.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Л. 32–32 об.

⁶ Протокол допроса свидетеля Агеева Г. Т. от 5 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 23 об. — 24.

А по словам той же Ирины Лазаревны Агеевой, Демид Абрамович к тому же плутовал с деньгами, обманывая возделенную им женщину:

«Да, я действительно работала в качестве няни в детяхах нашего Агеевского колхоза с 30 апреля по 7 сентября 1936 года. По договору правление колхоза мне должно было оплатить помимо работы за квартиру, а также за дрова, так как детяха помещались в нашем доме. Часть уплатили за это, а остальные 15 рублей не уплатили. Не помню, в каком месяце с/г, но весной текущего года я обратилась к нашему заместителю председателя колхоза Агееву Демиду Абрамовичу об уплате этих денег. Он с ехидной усмешкой ответил мне: “Ты ведь знаешь, что вся советская власть вертоватая, так и мы повернулись, обещали, но не дали и не получишь”»⁷.

В действительности, произнесенные Агеевым слова про «вертоватую» власть (и про то, что «и мы повернулись») являются ключом к определенной проблеме, которую пора обозначить. Дело в том, что всю свою жизнь Демид Абрамович во все не был тем запятнанным всеми пороками человеком, образ которого вырисовывается из свидетельских показаний и агентурных донесений. Напротив, он был уважаем односельчанами. Пожалуй, можно даже сказать — служил для них образцом, что признавал даже осведомитель «Карандаш»: «После праздника масленки в понедельник заместитель председателя колхоза “Новая жизнь” — Агеевского колхоза, Агеев Демид Абрамович, ходит в церковь и колхозников заставляет тоже ходить. Когда проходила стахановская декада по подготовке к весенне-посевной кампании, он говорил колхозникам: “Давайте сходим в церковь, а потом пойдем работать”. А Агеев Демид имеет большой авторитет»⁸.

⁷ Протокол допроса свидетельницы Агеевой И. А. от 09.08.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Л. 32.

⁸ Сообщение осведомителя «Карандаш». Меморандум по делу Агеева Д. А. и др. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 2.

Согласно сохранившейся в материалах архивно-следственного дела автобиографии Д. А. Агеева⁹, он родился в семье крестьянина-бедняка. Отец умер, когда Демиду исполнилось 10 лет. Всю юность он, живя вместе с матерью, трудился в поле, выбиваясь из нищеты. Сам он это описал редким диалектизмом «работал борноволок»¹⁰. Семья не пошла по миру, и в 1904 наш герой смог самостоятельно вести хозяйство, в котором была пара лошадей и корова, две избы, две конюшни, амбар. В 1908 году Д. А. Агеева избирают церковным старостой — что тоже является характеристикой. А в бурном 1917 году его даже избрали на I Всероссийский съезд советов: «В июне месяце 1917 года был выбран на всероссийский съезд от *старообрядцев* (выделено мной. — А. К.)»¹¹.

Вот теперь в истории колхоза «Новая жизнь» появилось то определение, которое делает ее и понятнее, и одновременно загадочнее. В приведенном выше сообщении о конюхе-вредителе не случайно упомянут *старообрядческий* поп Автоном Фомич Носков. Юго-запад Пермского края — Очерский и Верещагинский районы, села по течению р. Обва, с XVIII века настолько густо заселялся раскольниками, что это даже вызывало беспокойство руководства Пермской епархии¹². Деревня Агеево издревле была поселением сторонников старой веры, и церковь там была именно старообрядческая. Несмотря на то, что в настоящее вре-

⁹ См. Автобиография Агеева Д. А. (рукопись). Текст написан грамотно, с соблюдением правил пореформенной орфографии. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 20–21.

¹⁰ *Борноволок* или *бороноволок*, см. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: «погонщикъ, правящий лошадью при бороньбе; обычно это *бороноволокъ*, парнишка лѣтъ 10–15, негодный еще в иную работу. *Свой бороноволокъ дороже чужаго работника*». (Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля. 2-е изд. СПб., 1880 г. Т. 1. С. 119).

¹¹ Автобиография Агеева Д. А. (рукопись). // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 20.

¹² См.: *Паладий (архим.)*. Обозрение пермского раскола, так называемого «старообрядства». СПб., 1863.

мя в Агеево проживает всего 6 человек, какие-то традиции сохранились до сих пор¹³.

Итак, члены старообрядческой общины выбрали (на древнерусском это действие определялось характерным понятием «излюбили») Демида Агеева своим представителем, следовательно — уважали и доверяли. В своей среде он был одним из лучших. Дальнейшая судьба нашего героя — тоже образцовая, и, что характерно — *советская*. В своей автобиографии он сообщает, что был призван в РККА в 1919 г. и «вступил в партию большевиков»¹⁴. Правда, партийный билет «утерял на фронте», и в РКП (б) не восстанавливался. После демобилизации «по годам» вернулся к крестьянскому труду, развивал свое хозяйство. И по-прежнему пользовался авторитетом: «Имел лошадь одну, корову одну, дом был один, посева от 3 до 4 га. Коллективно в 1928 году купили сеялку восьмирядку, покупали 4 человека. В 1924 году был выбран членом Денисовского с/с. В 1925 году был председателем церковного совета»¹⁵.

После начала кампании по сплошной коллективизации в судьбе Демида Агеева произошли изменения — вполне предсказуемые: «в 1930 году был обложен твердым заданием по хлебопоставкам 150 пудов, каковые выполнил, но не в срок, за что был штрафован, за штраф изъяли срубы, телку, телегу, котовку-овцу, остальное невыполнение выездная сессия [суда] сняла»¹⁶. Получить твердое задание (стать «твердозаданцем») в 1930 году означало подвергнуться репрессии, вполне понятной всем современникам стигматизации. Обратим внимание, что Д. А. Агеев его *выполнил* — хоть и с опозданием, а сделать это мог только крепкий, трудолюбивый хозяин. Но его дом был подвергнут разгрому. Не окончательному конечно — осталась усадьба, лошадь,

¹³ См.: М. Гусев. К историческому месту «своего» храма староверы пос. Бородулино совершили крестный ход. https://ruvera.ru/news/krestnyj_hod_ageevo (дата обращения октябрь 2021)

¹⁴ Автобиография Агеева Д. А. (рукопись) // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 20 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 21.

корова, полевой надел. Но Демид Абрамович все понял, и после годичной паузы (по-видимому, решение далось ему не легко) сделал выбор, тоже вполне предсказуемый: «В 1931 году 15/V вступил в колхоз, где работал по настоящее время, в 1935 году был избран членом правления колхоза до марта месяца 1937 года. В 1932–33 году был кладовщиком в колхозе»¹⁷. И за пять лет стал тем, кем стал.

Попытаемся увидеть ситуацию в колхозе «Новая жизнь», учтя весь известный нам контекст. Жизнь в нем действительно новая: отвратительная грязь («назем не убирается»); вязнущая в навозной жиже скотина, запертая в лишенных света и воздуха помещениях, массово падающая от голода, плохого ухода и побоев; заброшенная техника, гниющая вика и лен; нежелание работать и повальное пьянство крестьян, для которых завтрашнего дня словно не существует: «Агеевским колхозом до настоящего времени не вывезены семена со складов “Заготзерно” Верещагино и Бородулино и правление колхоза колхозникам говорит, что *возможно сеять не придется* (выделено мной. — А. К.)»¹⁸.

Степень абсурдности происходящего возрастает на порядок, если принять во внимание то, что Агеево — поселение староверов. А находящийся в средоточии всех творимых безобразий и. о. председателя колхоза — образцовый старообрядец. Он сохраняет авторитет, но его влияние изменило вектор (вспомним: «и мы повернулись»). Фигура Демида Агеева выглядит центром кристаллизации экономического, социального и нравственного распада, случившегося с деревней «русских протестантов», чей традиционный этос хорошо известен: трезвые, работающие, рачительные, честные даже в мелочах и твердые в соблюдении требований нравственно-этического кодекса. Именно таким человеком, прошедшим путь от паренька-борноволока до зажиточного хозяина, и был до недавнего времени наш герой, за год до «великого перелома» приобретший на паях с односельчана-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Агентурное сообщение осведомителя «Карандаш» от 22 марта 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 3.

ми (т. е. «на доверии») селянку-восьмирядку — явно не для того, чтобы пьянствовать и бездельничать. А уже в 1936 г. с его ведома колхозные молотилки будут брошены ржаветь под дождем и снегом.

Произошедшее нуждается в объяснении. Автор намеренно выбрал ситуацию, преподносящую картину перемен в советской деревне в 30-е годы XX века в крайнем, утрированно-гротескном свете. Тем она и интересна. Но, возможно, сходные явления, не принимая столь экстремальных форм, встречались повсеместно — при условии типичности и массовости порождающих их причин.

Для описания состояния человеческих сообществ, подобных наблюдаемому в агеевском колхозе, в социологии и антропологии обычно пользуются понятиями «аномия» и «культурный шок». Здесь они вполне уместны, но позволяют увидеть ситуацию только «в статике». Более адекватным средством реконструкции процесса, породивший указанные выше аномалии, является концепция *социальной или культурной травмы и травматической динамики*.

В дальнейшем будет использоваться тот ее вариант, который предлагает П. Штомпка: «Одна из сфер применения концепции социальной (культурной) травмы — исследование негативных, дисфункциональных последствий, возможных в результате важного социального изменения»¹⁹. Стоит уточнить, что некоторые последствия могут определяться как «дисфункциональные» не только по отношению к вызвавшему их социальному изменению, но и в целом в отношении культуры «коллективного агентства»²⁰.

На рубеже 20–30-х годов XX века советская деревня действительно стала объектом «важного социального изменения». В нем можно выделить три основных момента: 1) саму кампанию по сплошной коллективизации сельского хозяйства, 2) спрово-

¹⁹ П. Штомпка. Социальное изменение как травма // Социс. №1 (2001). С. 6.

²⁰ Термин П. Штомпки. Он означает носителя (выразителя, «реализатора») признаков, функций определенного института.

ждавший ее процесс раскулачивания и 3) становление собственно колхозной жизни. Вокруг осмысления травматических последствий первых двух процессов уже сложилась прочная историографическая традиция. В институциональном аспекте они полно и подробно документированы, укажем на многотомное издание «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание»²¹; интерпретированы в терминах социальной истории (например, у Ш. Фитцпатрик²²), описаны с точки зрения социокультурной и социально-психологической (хороший пример подобного подхода — работа Л. Виолы²³).

Травмирующее же воздействие колхоза как такового, как «тотального социального факта», пронизывающего все аспекты жизни новой советской деревни, нуждается в дальнейшем анализе. Однако, на этом пути исследователь неизбежно встретится с рядом проблем, главной из которых является отсутствие источников.

Концепция социальной или культурной травмы непременно предполагает описание конкретно-исторического «коллективного агентства», сосредотачиваясь на субъективном восприятии происходящей социальной трансформации, живом опыте переживания: «Процесс социального становления происходит в наследуемой культурной среде, в социально едином фонде готовых шаблонов символики, интерпретации, восприятия, толкования происходящего социального действия»²⁴. Однако, фиксация подобного опыта едва ли была возможна. Входя в колхоз, крестьянин немедленно попадал в пространство реализации властного дискурса или, иначе, экзистенциальной немоты. Его непосредственный опыт оказывался экранирован, с одной стороны, казен-

²¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы / В 5 т. Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006.

²² Ш. Фитцпатрик. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001.

²³ Л. Виола. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

²⁴ П. Штомпка. Социальное изменение как травма // Социс. №1 (2001). С. 7.

ным бумаготворчеством (отчетами, докладными, инструкциями, статистикой и пр.); с другой — пропагандистскими периодическими изданиями и соцреалистическим искусством, совместно организующими «блокаду реальности»²⁵.

Обойти эту блокаду возможно. Дело в том, что на протяжении всех 30-х годов в советской деревне оставались крестьяне, ведущие единоличное хозяйство. Последнюю точку в их нелегкой судьбе, как известно, поставит только принятый в августе 1938 г. закон «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств»²⁶. Уцелевшие единоличники принадлежали к тому же «коллективному агентству», что и их современники, сделавшие выбор в пользу колхоза. Как и они, «не вступившие» относились к категории взрослого, «самодеятельного» населения. Общий коллективный опыт, общая социальная память и коммуникация в тесном кругу односельчан сформировала у них сходный, если не сказать — тождественный тип ментальности. Он и был той «наследуемой культурной средой», действительно создававшей единый фонд «готовых шаблонов символики, интерпретации, восприятия, толкования».

Колхозное строительство в каждом отдельном селе представляло собой разделение единого в социальном и культурном отношении массива по заранее неочевидным основаниям, которые именно факт разделения сделал значимыми и наблюдаемыми. «Не вступившие» переживали тот же травматический опыт, внимательно и вблизи наблюдали жизнь своих соседей-колхозников, но, в отличие от последних, их голоса можно услышать.

²⁵ Термин «блокада реальности» используется Е. Добренко для описания функции соцреалистической литературы в деле замещения реального «опыта войны» сконструированным «переживанием Победы» в эпоху позднего сталинизма. Первый том «Поднятой целины» М. Шолохова или «Трактористы» И. Пырьева, по мнению автора данной статьи, в 30-х годах выполняли аналогичную функцию. См.: Е. Добренко. Поздний сталинизм: эстетика политики. М., 2020.

²⁶ См.: О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М., 1956. С. 345–346.

Крестьяне и крестьянки, чей образ жизни не вписывался в утверждаемую властью норму, были вынуждены говорить, поскольку регулярно подвергались репрессиям. Они отвечали на вопросы в ходе судебных разбирательств и после ареста районными (и вышестоящими) органами ОГПУ—НКВД; их «освещали» осведомители по агентурным разработкам²⁷; уже находясь в заключении они писали записки и жалобы; у них отбиралась личная переписка и т. п. В настоящее время все эти разнообразные документы хранятся в архивно-следственных делах, как в своего рода коллекторе. Используя эти источники, попытаемся интерпретировать колхозную жизнь как опыт социокультурной травмы и описать ее динамику.

Травма выбора: колхоз или Христос?

Среди бумаг, изъятых при обыске у протоиерея о. Иоанна (Котельникова), имеется небольшая записка от крестьянки Александры Андреевны Токаревой. Она не датирована, но не могла быть написана позднее момента ареста священника, т. е. декабря 1932 года. Следовательно, документ относится к первым годам существования колхозов. Приведем его полностью, сохранив авторскую орфографию²⁸:

«Во имя отца и сына и святого духа всечестный отче благословите меня р[абу] б[ожию] Александру с вами письм[енно] поговорит; так как мне пока лично с вами поговорит не приходится, я детская: 8 лет мальчик, и дев[очка] 4 л[ет]. и грудной мал[чик]. А муж мой хотя еще и верующий, но очень боязлив поэтому на все согласен даже согласен и от Бога отречся и вот он согласен в колх[оз] а я не иду и детей не отдаю: по етому со слезами прощу вас все-

²⁷ Сведения о событиях в деревне Агеево отчасти опираются на материалы агентурной разработки «Кулаки».

²⁸ Все дальнейшие цитаты будут приводятся в авторском написании, за исключением знаков дореформенной орфографии.

честный отче христа ради ответит мне; али по мужевой дороге ити или же одной оставаться, я согласна помереть за бога и веру святую, и детей хочется с собой вести, но как вы благославите меня, так и буду жить. Покорнише прошу ответа затем простите меня христа ради»²⁹.

Анализ формы и содержания записки позволяет предположить, что написавшей его женщине не менее 25, но едва ли более 40 лет. На это указывает возраст старшего сына и наличие грудного младенца, использование пореформенной орфографии при общей малограмотности. А. А. Токарева явно не экзальтированная старая дева, проведшая всю жизнь по монастырям и богомольям, но глубоко верующий человек. Из контекста ясно, что она не прихожанка о. Иоанна (Котельникова), поскольку не может увидеться с ним лично. Возможно, это объясняется тем, что незадолго до ареста протоиерей сменил место службы. Но, следует отметить, что о. Иоанн был заметной и влиятельной фигурой среди духовенства Кунгурского района нынешнего Пермского края и обладал непререкаемым моральным авторитетом. К нему часто обращались за советом и клирики, и миряне.

Диспозиция, которую описывает Александра Андреевна, при явном своем трагизме, вполне типична. Ее муж, трусоватый оппортунист, «хотя еще и верующий», вступает в колхоз. Сама Токарева «задержалась на пороге» и вынуждена делать выбор, интерпретируемый ею так: сохранить брак и отца для своих троих детей, но вступить в колхоз, т. е. «от Бога отречься», либо отречься от мужа-колхозника, но сохранить «веру святую» и «детей с собой вести». Корреспондентка о. Иоанна высказывает готовность «помереть за бога и веру», но все же пытается переложить бремя выбора на священника. Однако, это просто уловка. В Кунгурском районе в силу ряда обстоятельств абсолютно преобладало тихоновское духовенство, а Котельников был одним из признанных лидеров староцерковников. Как сказал бы

²⁹ Записка Токаревой А. А. к Котельникову И. И. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 309.

Ж. П. Сартр, обращаясь за советом к священнику Александра Андреевна уже все решила.

Обратим внимание на то, что дилемма «вступать или не вступать в колхоз» А. А. Токаревой осмысливается вне всякого меркантильного контекста (скорее, вопреки ему) в терминах выбора в пользу или против веры, т. е. в пределах представлений, формируемых религиозным мировоззрением. Какого-то иного мировоззрения у поколения ровесников века, проходивших первичную социализацию в русской деревне еще до крушения империи (не говоря уже о старших поколениях), ожидать вряд ли возможно. Вне зависимости от того, как разрешилась эта дилемма в действительности, само ее наличие при любом исходе следует отнести к травмирующим факторам. Вместе с тем, ее природа явно двойственна — наряду с фактором властного принуждения в ней отчетливо различимо культурно-историческое *a priori*, т. е. интерпретационная матрица. Она была сформирована в том кругу, который можно обозначить как «церковных людей», понимая последних в довольно широком смысле: это священнослужители, церковный причт и актив из мирян, странствующие проповедники, разного рода визионеры и т. п. Попытаемся ее описать.

Еще до старта кампании по сплошной коллективизации, в 1928–1929 годах в деревнях проводилась интенсивная и массовая агитация в пользу колхозов. Местные «церковники» немедленно ответили на нее контрпропагандой, в которой колхоз сразу наделялся конкретными негативными коннотациями.

Так, например, на территории Чусовского района в местности под названием Саламатова гора располагались остатки ликвидированного мужского монастыря: церковь и странноприимный дом. Там поселилась полулегальная монашеская община: священник, дьякон и псаломщик. Очевидец сообщает:

«Сами церковники, как то: дьякон — Михаил и монах Паисий не раз приходили в деревню и на улице с мужиками вели разговоры примерно следующего содержания: “Миряне! Безбожники выдумали нас православных христиан своими лживыми обманчивыми речами втягивать в свои нечистые организации — коммуны, не думайте записываться в эти еретические коллективы, там

получите проклятие от своих святых отцов. Там отнимется от вас все нажитое вами потом и кровью добро, обрабатывать будете этих галахов³⁰, им не охота честно трудиться, так они, разбойники, выдумывают вас тружеников земли закабалить на службе дьяволу. У них нет ни креста, ни совести, и вы не верьте им, они запретят вам ходить в нашу святую церковь и будут издеваться над нашей православной верой. Голодом насидитесь с ними, с сумой по миру пойдете»³¹.

Заметим, что в этом фрагменте апелляция к прагматике (отнимут добро, будете работать на «галахов», насидитесь голодом, пойдете по миру) соседствует с четкими религиозными наставлениями (колхозы — еретические, нечистые, в них служат дьяволу, вас проклянут святые отцы). В нем также делается предсказание о запрете привычных повседневных культовых практик (запретят в церковь ходить) — впоследствии сбывшееся.

Далее процесс обрастания колхоза травмирующими религиозными смыслами протекал стремительно и развивался по двум основным направлениям: реификации (нагнетания чувственных, наглядных образов) и сублимации (обращение к сложным, метафоричным текстам Писания, которые нуждались в специальном толковании, и, соответственно, в квалифицированном толкователе).

К первому можно отнести широко распространенные былички о визионерском опыте и даже документально засвидетельствованные видения.

Во второй половине 20-х годов XX века среди церковных людей Кунгурского района распространился слух о сторожихе церкви завода Бым, которой являлись святые, угодники и т. д. Уже после ее ареста, в ходе медицинского освидетельствования выяснилось, что Антонина Ходырева³² была подвержена глубоким,

³⁰ Галах — уральское прозвище бесемейных, пьяниц, босяков. Источник: http://mirslouvrei.com/content_fam/galaxov-2594.html#ixzz3C8c5kIwc (дата обращения — октябрь 2021).

³¹ Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 8-8об.

³² Имя изменено.

длительным и периодически повторяющимся истерическим припадкам, в ходе которых выпадала (иногда не полностью) из окружающей реальности, не утачивая дара речи. Находясь в измененном состоянии сознания, она проговаривала вслух свои яркие, иногда очень детализированные видения-«странствия».

Во время припадков Антонины вокруг нее обычно собирался круг слушателей. Среди них начиная с 1927 г. периодически оказывался священник деревни Хмелевка о. Федор (Егоров), еще в пору студенчества овладевший навыками составления конспектов «с голоса». Поэтому представление о том, что именно уносили слушатели с сеансов «странствий» Ходыревой, можно составить благодаря его записям. Из них ясно, что Антонина была чутким резонатором всего, что обсуждалось в кругу церковных людей. В 1927 году появилось известное воззвание митрополита Сергия Страгородского, задавшее тематику внутрицерковных дебатов на годы вперед — их отголоски в основном и тематизировала визионерка. Но как раз в 1929 г. в «странствия» резко вклинивается новая, актуальная тема. 9 декабря А. Ходырева путешествовала в компании преподобного Сергия и великомученицы Варвары. О. Федор (Егоров) конспектирует, с многочисленными сокращениями: «Он [преподобный Сергей] ск[азал] В[арваре]. Ты, сестра проводи мимо местов коллектив[ников]. Повела в страшное место. Шли крестить. Дома для коллект[ивников] два священ[ника] подход[ят] к домам. Варв[ара] ск[азала] — благодать сняли, а надели иго. А вам это же будет»³³.

Заметно, что Антонина еще не выучила слово «колхозники», поэтому пользуется экивоком «коллективники», но наглядная картинка снятия благодати и надевания ига на их дома подоспела точно ко времени. Так же, как история то ли о сне, то ли о предсмертном видении неназванного бригадира из поселка Усть-Кишерть:

«В его, Максимова, приходе работал один бригадир из колхоза, который во время болезни видел видение “где все колхозни-

³³ Из дневника Егорова Ф. А. от 09.12. 1929. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства. Л. 192–193 об.

ки мучаются, а единоличники ликуют”. Этот бригадир попросил, якобы, священника Максимова для исповеди, а так же созвал всех колхозников его бригады, которым сказал, чтобы они — колхозники — все вышли из колхоза заблаговременно и вскоре бригадир после исповеди помер»³⁴.

Профессиональный транслятор подобных быличек странствующий проповедник Фотий (Ф. М. Петров) снизил пафос классического экзампла про раскаявшегося грешника, но добавил всей истории образности. В ней появляются чистые одежды праведников и кипящая смола для грешников:

«О сне одного из бригадиров колхоза я действительно распространял слух в таком виде, в каком его мне передали кто-то из колхозников: бригадир увидел во сне, что единоличники работают на поле в чистых одеждах, а колхозники работают в кипящей смоле»³⁵.

В отличие от Фотия, распространявшего слухи, его коллега — интеллеktуал и начетник Михаил Морсковатых имел обыкновение в перерывах между церковными службами собирать вокруг себя верующих и толковать им Библию. Он цитировал ее по памяти почти без ошибок, правильно называя книгу, главу и даже стих:

«В подтверждение своих доводов я разъяснял им из библии пророчество пророка Исаии, где говорится: “Горе вам, присоединяющие поле к полю и дом к дому, как будто вы одни поселены на земле и т. д.”³⁶. Эту выдержку я разъяснял так, что горе будет тем, кто является участником коммунистических, социалистических и колхозных форм организации труда и методов производства, горе всем верующим, входящим в колхозы, а спасутся

³⁴ Дополнительные показания свидетеля Кузнецовой П. П. от 14.05.1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 95–96 об.

³⁵ Дополнительные показания обвиняемого Петрова Ф. М. (Фотия) от 22.06.1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 125–128.

³⁶ «Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле» (Ис. 5:8.)

лишь те верующие единоличники, которые останутся и не пойдут в колхоз»³⁷.

Проповеди М. Н. Морсковатых — это, пожалуй, максимально возможный в уральской глубинке уровень сублимации повседневных фобий в богатстве библейских образов и аллегорий, возвышающий реальность «колхозного строительства» до апокалиптических видений: «В этом учении я базировался на книге пророка Ездры, глава XV, XIII стих, в котором сказано: “Восплачут земледельцы, возделывавшие землю и поскудеют у них семена от ржавчины, от града и от страшной звезды”³⁸. Я трактовал это (звезду) как признак пришествия социализма, который представлял как власть антихриста»³⁹.

Антихрист тут упомянут не случайно. Дело в том, что и Ф. М. Петров, и М. Н. Морсковатых входили в круг общения упомянутого ранее протоиерея о. Иоанна (Котельникова), были чем-то вроде его «мобильной гвардии». А о. Иоанн, в свою очередь, именно во второй половине 1932 г. пришел к выводу, что *времена исполнились*, все знаки скорой кончины мира и пришествия Антихриста налицо. «Пришествие социализма», пришествие колхоза и пришествие Антихриста в его взглядах оказались неразрывно спаяны. Эффект этой проповеди был настолько силен, что группа верующих в деревне Подавиха Кунгурского района стала готовится к «падению мира» накануне нового 1933 года⁴⁰.

Даже советская наглядная агитация подтверждала репутацию «антихристовой власти» и вносила свою лепту в понимание кол-

³⁷ Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25.05.1934 года. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 88–96.

³⁸ «Восплачут земледельцы, возделывающие землю, потому что оскудеют у них семена от ржавчины и от града и от страшной звезды» (3-я Ездр. 15: 13.)

³⁹ Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 08.08.1934 года. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 109–112.

⁴⁰ Подробнее см.: А. Казанков. Микроистория несостоявшегося апокалипсиса: деревня Подавиха и ее обитатели в августе–декабре 1932 года // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. №1. 2018. С. 275–309.

хоза как образа грядущего апокалипсиса. Вот что пишет непосредственный участник событий:

«Вовремя организации Колхозов я пришел к Раскащикову он спросил что не записался в колхоз я сказал что нет я не пойду виду своей болезни и нетрудоспособной семи⁴¹ воти говорит хорошо что нейдут многие носказал уж очень много нейдут и нестоит посмотри сказал он на блокаду⁴² что наней написано заходи в колхоз на борбу против религии»⁴³.

Заметим, что этот разговор состоялся между приходским священником (Рассказчиковым) и церковным старостой, крестьянином-единоличником В. И. Волокитиным, так до своего ареста в колхоз и не вступившим.

В последние годы исследователями было выявлено и описано немало массовых крестьянских фобий, связанных с коллективизацией. Так, Л. Виола указывает на распространенность представлений о том, что в колхозах будет введена «социализация женщин», практика изъятия детей у родителей, пресловутое «общее одеяло» и т. п.⁴⁴ Но все эти опасности, согласимся, ожидали крестьян *после* вступления в колхоз. Приведенные выше свидетельства позволяют утверждать, что в период с 1929 по 1932 г. в церковной среде было сформировано крайне травматичное по последствиям представление *о решающей пагубности самого факта вступления в колхоз*. Суть его такова: «вступившие» отрекаются от Христа; получают вечное проклятие святых отцов; с них снимается благодать, взамен которой водружается иго; их ждут вечные муки в виде кипящей смолы, они отдаются Антихристу, их ждет плач, горе, окончательная гибель и т. д. Эта доктрина, которую можно условно обозначить как *карательную* или *реакционную* (если вступление в колхоз —

⁴¹ Т. е. «семьи».

⁴² Т. е. «на плакат».

⁴³ Заявление Волокитина В. И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 270.

⁴⁴ См. Л. Виола. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

акция, то перед нами ре-акция), устойчиво стояла на своего рода «трех китах»: давно ставшей народной религиозной образности и символике, непререкаемом авторитете святого писания и личном авторитете священников — добрых пастырей, заслуживших репутацию *благодатных*. И каков бы ни был личный выбор крестьянина, он все равно попадал в орбиту ее влияния, сердцевиной которого выступает внушение страха, иррационального ужаса перед колхозом.

Изредка это влияние прорывалось в массовых акциях, наподобие «подавихинского апокалипсиса» или коллективного выхода из колхоза в расположенных поблизости деревнях Подавихе и хуторе Матвеевска:

«В июле месяце поп Овчинников Иосиф среди колхозников Матвеевского хутора и дер. Подавиха вел следующую агитацию: “В колхозе вы ничего хорошего не дождетесь, вот в настоящее время вы уже сидите без куска хлеба, а как свежий урожай соберете, то советская власть у вас все заберет, а вы сдохнете от голоду”. В результате в хуторе Матвеевка колхоз распался в самый разгар сенокоса и сено осталось не скошенным, так же распался колхоз и в дер. Подавиха, осталось 3 хозяйства»⁴⁵.

Но чаще влияние проявлялось на уровне индивидуальной мотивации поступков, как, например, у А. А. Токаревой или в данном случае:

«При неоднократных моих встречах, которые имели место в 1936–1937 году с Канисевым Аксентием Гавриловичем, на мой вопрос к нему почему он не вступает в колхоз, он мне всегда по существу давал следующий ответ: “В колхоз я не пойду, да мне и делать нечего, все колхозники являются погибшими людьми, и вступать в колхоз, отдаваться в руки антихристу я никогда не позволю себе”»⁴⁶.

⁴⁵ Протокол допроса свидетеля Ушакова В. К. от 15 января 1933 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 51–52 об.

⁴⁶ Протокол допроса свидетеля Скоробогатова И. С. от 20.08.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 23.

Карательный религиозный дискурс был так ярко, так часто и многообразно артикулировался, что ссылки на него стали общим местом даже в советской пропаганде той эпохи: «*Попы запугивают народ!*». Его очищенная от деталей смысловая структура может быть описана как единство двух позитивностей и двух негативностей: *я вступаю в колхоз* («+») и *получаю наказание* («+»); *я не вступаю в колхоз* («-») и *не получаю наказания* («-»).

Этот вскипающий, подобно пене, на поверхности событий дискурс экранировал не менее (а может быть и более) значимую с точки зрения унаследованной культуры, более содержательную игру утрат и приобретений, которую гипотетически, в качестве вопроса, можно обозначить так: что я *утрачиваю* («-»), *вступаю* в колхоз («+»); что я *сохраняю* («+»), *не вступаю* в колхоз («-»).

С точки зрения меркантильно-материальной, здесь все многократно проговорено и более или менее ясно. Вступая в колхоз, крестьянин-единоличник терял всякие основы приватной автономии, т. е. (как минимум) утрачивал права пользования земельным наделом, контроль над своими сельхозорудиями и лошадь, а также возможность самостоятельно распоряжаться какой-то частью произведенного продукта. Взамен он приобретал довольно туманные обещания относительно возможности использования машинной техники, т. е. индустриализации своего труда. Рассматривалось ли последнее как безусловное благо всеми «вступившими» — вопрос открытый, и у нас еще будет повод к нему вернуться. Таким образом, даже если отбросить все сентиментальные соображения и оставаться только в пределах сугубо рационального баланса активов и пассивов — перед нами травматический опыт ничем не компенсированной утраты, жертвы без вознаграждения.

Гораздо труднее свести баланс в сфере тех ценностей, которые чаще всего называют духовными, но в данном случае уместнее назвать их мотивирующими или смыслообразующими. Управляя поведением того или иного коллективного агентства изнутри, они чаще всего не предъявляются, оставаясь в тени поступков.

Однако для понимания происходящего они принципиально важны. Попытаемся обнаружить эту теневую структуру.

Наиболее четко и развернуто, с полным пониманием ситуации, свое отношение к колхозу сформулировал в разговоре с осведомителем «Черемухиным» крестьянин, проживавший на юге Пермского края, в Уинском районе:

«20 декабря 1936 года гр-н Усановского с/совета, живущий на хуторе в 5 километрах от Усановки Швецов Тимофей, единоличник, имеющий тесную связь с Мичковым, усановским священником, на вопрос источника почему нейдете в колхоз ответил: “Пока хочу жить на свободе, колхоз — это вечная кабала где не праздников и отдыха нет. Единолично жить трудно потому, что задавили непосильными налогами, но все же как-нибудь наживем денег и уплатим эту сумму, которая с тебя полагается, опять спокоен и никто под окно не бежит и не выгоняет тебя на работу, кроме того батюшка выручает из тяжелого положения по уплате налогов, обратишься к нему, а он и спасибо не отказывает, и в то же время говорит, что и на следующие разы не откажу, только не ходите в колхоз. Человек, записавшийся в колхоз, не есть уже христианин и член церкви христовой. Самим вам можно видеть, как говорит Мичков, как мучаются колхозники, и он сам себе уже не хозяин, чтобы он захотел сделать, он этого не может. Считаюсь с этим жить лучше единолично и быть независимым ни от кого”»⁴⁷.

В тексте ни разу не зазвучал мотив страха перед грозящими карами. Вопрос «источника» спровоцировал Т. Швецова на редко встречающуюся в документах эпохи ценностную манифестацию и заставил его произносить слова, не часто употребляемые в обыденной речи. Открыто названы две главные ценности крестьянской жизни и одна упомянута косвенно. Прежде всего, речь

⁴⁷ Агентурное сообщение осведомителя «Черемухин» начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту госбезопасности Емельянову от 11.01.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.

идет о *свободе* — пусть и очень ограничено понимаемой: «сам себе хозяин», «независимый», «никто не выгоняет тебя на работу». Противоположностью свободы выступает «вечная кабала». Следующая ценность — это «быть членом церкви христовой», т. е. ценность *Бога, религии, обещаемого ею спасения и осуществляемого ею культа*. И, наконец, хотя в документе прямо названы именно *деньги*, в мире советской деревни того времени они, как и в данном случае — только средство откупиться от государства, объект касающейся каждого фискальной политики. Скорее ценились не деньги, а то, что обозначалось как «быть с хлебом», т. е. элементарная сытость, *достаток*. На это косвенно указывает упоминание «мучений колхозников» — ведь самый известный и понятный в крестьянском представлении тип мучений (и чаще всего называемый в связи с колхозом) — *голодом сидеть*.

Рассматривая ценностный тезаурус нормального западноуральского крестьянина (у нас нет основания подозревать Тимофея Швецова в ненормальности), нетрудно заметить, что все смыслообразующие элементы его бытия — свобода, религия, достаток, — плотно увязаны друг с другом, причем религия даже названа не в первую очередь. от вступления в колхоз его удерживал отнюдь не только страх господень. И, наконец, главное. Сам Швецов, точно так же, как и любой современный интерпретатор его свидетельства, прекрасно понимает: колхоз последовательно и радикально элиминирует все, что для него является ценностью. Можно сказать по-другому: вступление в колхоз лишало крестьянина тех немногих оснований осмысленной жизни, которые смогла сформировать в нем наличная культура. И опять — без всякой компенсации.

Вернемся к сюжету, представленному в начале данного исследования. С учетом того, что нам теперь известно, события в колхозе «Новая жизнь» получают непротиворечивое и вполне рациональное истолкование. Очевидцы зафиксировали в деревне Агеево болезненный синдром, своего рода коллективную обсею, вызванную комплексным воздействием единственного травмирующего фактора — создания самого колхоза «Новая жизнь». С одной стороны, вступление в колхоз обременяло жи-

телей старообрядческой деревни комплексом вины, порождавшим тяжелые переживания собственной греховности, падшести, проклятости, богооставленности, интенсивность которых была прямо пропорциональна твердости изначальной веры. Вспомним, что Демид Абрамович Агеев не только пьянствовал, развратничал и бездельничал, но и непрерывно *молился*, т. е. демонстрировал обычную в таких случаях компенсаторную активность.

С другой стороны, организация колхоза создала ситуацию, в которой формы поведения, вписывающиеся в прежний ценностный тезаурус, становились попросту невозможны. Новые нормы прямо попирали прежние ценности. Колхозная дисциплина отменяла «сам себе хозяин» и «никто не выгоняет на работу». Проведение стахановской недели лишало права сходить в церковь и обязывало работать в религиозные праздники. Достатка не было вовсе. «Тебе ведь известно, что с хлебом трудно» — именно так отвечала Ирина Агеева на домогательства Демида. Демонстрируя фиктивность прежних жизненных ориентиров, колхозные практики заодно ослабляли действие норм, на них ориентированных. Внедряемые заново правила и регламенты, не имеющие ценностной поддержки, сохраняли лишь пустую форму императивов, которыми полон «Примерный устав сельскохозяйственной артели». Все совпало: отчужденный кабальный труд, ценностно-нормативный коллапс, бессмыслица жизни, и все это на фоне жесточайшей религиозной депривации — и, как сказал Д. А. Агеев, «мы повернулись». А далее, как в писании: «И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними»⁴⁸.

Теперь возможно подвести промежуточный итог. Анализ типа ментальности взрослого, «самодеятельного» населения уральской деревни показывает, что в пределах их жизненного мира само пребывание в колхозе воспринималось как необратимое и не прощаемое вероотступничество, утрата всех ценностей и предел всякой осмысленной жизни. Карательный религиозный дискурс был бы просто смешон и не опасен, если бы

⁴⁸ Лк. 13:30

не опирался на позитивное историко-культурное *a priori*, если бы сама религия не была вписана в ценностную триаду: свобода — церковь Христова — достаток. Поэтому всем вступившим в колхоз наносилась тяжелейшая травма, порождавшая наблюдаемый букет посттравматических симптомов. Среди них: апатия, пассивность, неверие в завтрашний день, взаимное недоверие и, особенно — недоверие к руководству, двуличность («вертоватость» по Демиду Агееву), деморализация, пьянство, коррупция.

Ситуация выбора часто провоцирует артикуляцию ценностей, заставляет предъявлять те основания, по которым осуществлялась сепарация односельчан. Те самые неочевидные основания, в силу которых какая-то часть коллективного агентства, несмотря на внешнее принуждение почти неодолимой силы, все-таки в колхоз не вступала. И становилась целевым объектом вторичного травмирования.

«Это винт, его завертывают ...»⁴⁹:
снаружи в внутри колхоза

Крестьянин-единоличник Василий Иванович Волокитин (тот самый, которому поп Рассказчиков показывал «блокаду», связывавшую колхоз и борьбу с религией) любил советскую власть. Это лейтмотив заявления оперуполномоченному III отделения СПО УНКВД Свердловской области В. А. Кушкину, которое Волокитин написал, уже будучи заключенным тюрьмы г. Кунгура. Сбивчиво, косноязычно и безграмотно, но при этом очень подробно, он рассказал о том, как деятельно и с риском для жизни участвовал в установлении «соввласти», как хлопотал за участ-

⁴⁹ Из высказывания священника с. Усанова о. Василия (Мичкова) о налогообложении и хлебных закупках. Агентурное сообщение осведомителя «Зеленый» начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Мажютину от 09.12.1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12 702. Спецконверт.

ников красного подполья, когда «белые взашли». Объяснил, как расцвела его жизнь при новой власти:

«... миня после стали выбирать наразные собранея благодаря сов власти я выехал на выселку при помощи сознательных соседей нависелке я служил членом поселкома и ходил согласно изданной инструкции проверять укаждого хлеп во особености в своей десятке наверно кому небусть и был врак И слышал не черт толкал но сам попал И служил членом сельсовета 2 года и ежегодно миня выбирали на разные собранья И выбирали учителя учит взрослых но я отказался что у меня оказалась болезнь припадочная но миня токо уволили по справке больницы»⁵⁰.

Когда в заводском поселке Юго-Осокино (впоследствии с. Калинино Кунгурского) района проходила кампания по коллективизации, от вступления в колхоз Василий Иванович уклонился. В своем заявлении он делает упор на том, что сам он — инвалид еще со времен первой мировой, да и вся семья увечная: «Жена 3 группы двум сыновьям по 8 лет. Одному 17 лет у него тоже ломаная нога на ней растет хрящ вот какое мое семейство»⁵¹.

Позволим себе усомниться в том, что он раскрыл свои истинные мотивы. Волокитин был верующим человеком, входил в церковный актив, некоторое время был церковным старостой Юго-Осокинского прихода. Скорее всего, он исходил из тех самых оснований, о которых сказано ранее. Ссылки на нетрудоспособность являются лишь завуалированной формой просьбы оставить его в покое, которая услышана не была. Дальнейшая судьба Василия Ивановича — типичный пример того травматического опыта, который ожидал «не вступивших», причем решившихся сопротивляться до конца.

Сперва его лишили избирательный прав, т. е. Волокитин попал в категорию «лишенцев». Проявив настойчивость, он добился снятия этой стигмы — но, увы, уже за несколько месяцев до ареста в 1935 г. Затем ему назначили пресловутое «твер-

⁵⁰ Заявление Волокитина В. И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 269 об. — 270.

⁵¹ Там же. Л. 264 об.

дое задание», которое крестьянин-инвалид выполнить не смог. И был в 1930 г. репрессирован вторично: «за неуплату хл[ебо]/загот[овок] — 1 г. условно»⁵². По-видимому, суд принял во внимание личные и семейные обстоятельства Василия Ивановича. Но твердое задание с него не сняли.

В 1935 г., получив очередной список платежей, наш герой решил, что его обложили не по правилам: «Когда была регистрацее посева обект обложенея обложен не по регистрацее у меня рыночных доходов продано сена два воза за 50 р. А картошка продана в Государственное Миро приятие на белую Гору но на рынок ни чево ни фунта не продаывал. А поставлено 915 руб. Сенкоса поставлено 5 га дали 3 га ½. Побочных заработок было 140 руб. В окладном листе 1 000 руб. счемото много не упомяю. Против колхозника я должен обложится на 20 процентов. И должна быть скитка на инвалидность как я инвалид 2 группы»⁵³.

Используя имеющиеся в наличии ресурсы интерпретации происходящего, Волокитин решил, что местные начальники допустили несправедливость, которую можно исправить, обратившись прямо в Москву, во ВЦИК. То, что перед нами устойчивый паттерн крестьянской ментальности, подтверждает тот факт, что у него нашлись единомышленники: «Ко мне пришли односельцы с выс[елок] В-Талица Горбунов Иван Федорович, Костров Ал-др Иванович и Горбунов мне сказал: “Мы думаем ходатайствовать в центр насчет снижения налогов и думаем послать ходока”. Я ответил, что и я с удовольствием присоединюсь»⁵⁴.

Во ВЦИК отказали по формальным причинам: «нечегоне збавили виду что не было собой копий обекта обложенея и справки сициального положения»⁵⁵. Вернувшись домой, В. И. Волоки-

⁵² Протокол допроса обвиняемого Волокитина В. И. от 12.10.1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 4. Л. 78.

⁵³ Заявление Волокитина В. И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 264 об.

⁵⁴ Дополнительные показания обвиняемого Волокитина В. И. от 12.10.1935 // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 6. Л. 79 об. — 80.

⁵⁵ Заявление Волокитина В. И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 263 об.

тин получил уведомление о просроченном платеже: «получил бумашку за невыполнение августовских хлебо заготовок 500 руб. штрафа с трех суточным сроком»⁵⁶. Наш герой надеялся, что, продав лошадь и выплатив штраф, все-таки выполнит хлебозаготовки (автор этих строк не представляет, как он собирался это сделать — безлошадным), тем самым сохранив свое хозяйство. Но не тут-то было: лошадь уже была частью описываемого имущества должника. Приступили к описи: «Описали все хлеб на корню но я от хлебо заготовок не отказывался также и от налогов но просил что начисление не правильно просил снижения налога и хлебо заготовок но месная власть не осознала и описала все токо не описали сено картошку и немного зеленой горох»⁵⁷.

После описи имущества началась его продажа: «А воскресене отобрали все описано продавали без торгов. Колхозы мне говорили почему без торгов но я незнаю колхозам нужно было завозню⁵⁸ 5 сажень и 4 сажень стены она в описи была 350 р. А документ принесли за 250 руб. Почему так если при мне председатель Смычки спрашивал Бельшева кому она продана. Он сказал в мотоес⁵⁹ за 350 руб. но если они сегодня денги не одадут то ты принеси денги я вам одам за 350 р. Но председатель Смычки Толчков спросил припятствий не будет я сказал что нет пожалуйста. Толчков ушел за денгами»⁶⁰.

Даже в этот момент Василий Иванович еще рассчитывал избежать полного краха. Если бы его бесстыдно не обманули при продаже части усадьбы, а выдали квитанцию на полагающиеся по описи 350 руб., к уплате оставалось бы всего 150 рублей. Он умолял не продавать описанную лошадь. Клялся выполнить хлебозаготовки в срок. Вот что было сказано в ответ: «Вовремя одбора я просил Бельшева оставить лошадь на руках покудов не вы-

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 263 об. — 264.

⁵⁸ Пристроенное к амбару крытое помещение для телег и саней.

⁵⁹ Имеется в виду МТС.

⁶⁰ Заявление Волокитина В. И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 264.

полно хлебо заготовки. Но Бельшов мне сказал что тебе одному с намя трудно боротся. Я ему сказал что я против етого ничего не имею если нужно то возмите все что у меня нужно. Он ответил теперь приткнем по днохоть⁶¹»⁶².

Это повествование, обладающее несомненным достоинством рассказа от первого лица, предъявления личного травматического опыта, почему-то вызывает ассоциацию с необратимым круговым движением: хождения по кругам ада, засасывающей воронки или, как говорил о. Василий (Мичков) — винта, который закручивают. Абсурдность происходящего с хозяйственно-экономической точки зрения очевидна. Крестьянин-единоличник не отказывался от обязательств перед государством, он лишь хлопотал об уменьшении налогообложения. Он был готов на любые жертвы, лишь бы выполнить свое твердое задание. Но дело, как выяснилось, было не в этом — конечной целью было уничтожение его независимости, само-стояния: «приткнуть под ногу», а не получить какие-то рублики и пуды. Довести до грани, за которой либо вступление в колхоз, либо арест.

Историю В. И. Волокитина следует признать типичной. Вот она же, но с другим главным героем, представленная с «другой стороны» и поэтому изложенная языком судебного решения:

«Рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению гр-на Журавлевского с[ель]/с[овета] Ординского района Ермакова Михаила Дмитриевича, 25 лет, женат, семьи 3 чел., труд. 2, грамот., б/п, крестьянин, зажиточный, сын кулака, имеет посева 4,33 га, с[ельско]/хоз[яйственного] налога 19 [руб.] 35 к[оп.], лошадь 1, корова 1, подростков 2, овец 3. Имеет аренду земли, у бедняков до 1929 года оплачивая хлебом, эксплуатацию темной силы [sic!] до 100 дней в год. Церковный староста, женился на монашке, у которой брат выселен и имеет с ним письменную связь. До рево-

⁶¹ Т. е. «под ногу».

⁶² Заявление Волокитина В. И. от 25.10.1936 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Вещественные доказательства по делу 21183. Л. 264 об.

люции торговали бакалеей, имели свою лавку, не судился, но штрафован за не сдачу хлеба государству на 300 рублей, за что изъято все имущество за исключением дома, ныне обвиняется по ст[атье] 61 ч. III УК. Суд нашел: обвиняемому с[ель]/совет[ом] дано твердое задание по хлебозаготовкам 129 пудов при наличии посева 4,33 га, а сдано только 58 пудов, от остального категорически отказывается не смотря на все возможности, градобития, гибели посева не было, средний урожай 60 пудов с га. Несмотря на то, что с[ель]/сов[етом] был штрафован на 300 руб., все же не сдает, а также не выполняет другие задания: лен, сено и т. д.

Как видно, обвиняемый всячески старается противодействовать мероприятиям сов. власти, проводимых в деревне и вредительских его действий, план хлебозаготовок по его земельной общине выполнен на 20/XI только на 28%, а кулацко-зажиточной части на 12%, что говорит за срыв плана заготовок в срок, кроме того ведет агитацию против коллективизации, говоря, что прежде времени нужно опролетаризироваться, но а так нельзя спешить в колхоз. Как видно, действия его являются особым социально опасным, связанные с религиозными убеждениями. Обвиняемый виновным себя не признал, пояснил, что хлеб сдавать нечем, хотя урожай был средним, но хлеба нет и от уплаты отказываюсь. Судебным и предварительным следствием факт его виновности вполне установлен, а потому суд, руководствуется ст. 45 УК и ст. ст. 319, 320 УК.

ПРИГОВОР

Гр-на Ермакова Михаила Дмитриевича, 25 лет, признать виновным по ст. 61 ч. III УК, применить ему МСЗ⁶³ ссылки сроком пять лет с соединением принуд[ительных] работ в силу ст. 35 УК и дополнительно конфисковать дом с надворными постройками в сумме 200 рублей в доход государства»⁶⁴.

⁶³ «Мера социальной защиты».

⁶⁴ Копия приговора народного суда Ординского района Уральской области от 20 ноября 1931 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 95.

Судьба М. Д. Ермакова и В. И. Волокитина совпадает до деталей, вплоть до того, что оба побывали церковными старостами. Имеется только одно различие — до 1917 г. Ермаков принадлежал к деревенской аристократии, «торговал бакалеей». Обратим внимание на деталь: действия Михаила Дмитриевича признаны особо социально опасными, поскольку связаны с его религиозными убеждениями, вероятно, как и у Волокитина.

Еще одну существенную деталь к нашему представлению о связи убеждений, участия в жизни церковного прихода и «антиколхозного» выбора добавит следующее свидетельство. В августе 1937 года начальник Ординского районного отделения НКВД Малютин допрашивал свидетеля, крестьянина-единоличника Николая Ивановича Возжаева. Вопросы оперуполномоченного касались не только самого Возжаева, но еще и Евдокии Павловны Солиной:

«Вопрос: Каким репрессиям подвергалась Солина?

Ответ: За 1936 год облагалась или нет хозяйство Солиной в индивидуальном порядке я не знаю, но она платила с[ель]/хозналогу 580 руб., самообложения около 400 рублей и культурного налога более 900 рублей. В силу того, что она полностью налоги не уплатила, то у нее были изъяты лошадь и две козы и частично было погашено, а остатки остались неуплаченными.

Вопрос: Какие обязанности исполняет Солина при церкви в дер. Михайловка?

Ответ: Она исполняет временно обязанности псаломщика.

Вопрос: Вы как имеющий единоличное хозяйство подвергались репрессиям?

Ответ: В 1935 году я был осужден по ст. 131 УК к 5 годам л[ишения]/свободы с конфискацией имущества за то, что, работая на лесозаготовках и будучи бригадиром, не организовал людей на выполнение плана, и наоборот, получилось, что моя бригада не выполняла, и, к тому же, я в тот момент являлся церковным старостой и, якобы, направлял людей против выполнения плана, т. е. занимался разлагательством бригады. Имущество у меня по суду за исполнение долга было изъято все, а в 1936 году как я налогу платил еще боль-

ше, чем Солина, то так же уплатить не смог и у меня снова в погашение этого был изъят имеющийся мелкий скот.

Вопрос: Сколько вы и Солина получали денег из церковной кассы и лично от попа Хвостова⁶⁵ для восстановления своего единоличного хозяйства?

Ответ: Я в этом году получил из церковной кассы по разрешению церковного совета 300 руб. и Солина 300 руб., и, кроме этого, ей лично Хвостов давал денег 400 рублей. Эти средства как мною, так и Солиной, были использованы исключительно для восстановления своих единоличных хозяйств, в частности мы с нею приобрели на паях для своих хозяйств одну лошадь»⁶⁶.

Допрошенный в качестве обвиняемого о. Августин (Хвостов) показания Возжаева подтвердил:

«*Вопрос:* Наряду с официальной кассой при церкви у вас была организована черная касса?

Ответ. Да, черная касса действительно была организована с момента моего прибытия, т. е. мая м-ца 1936 года.

Вопрос: кто являлся организатором черной кассы?

Ответ: Организатором черной кассы являлся я, а члены церковного совета со мной согласились.

Вопрос: Для какой цели была организована вами черная касса?

Ответ: Черная касса была организована для оказания помощи нуждающимся при уплате налогов и поддержания своего хозяйства. Деньги выдавались взаимобразно.

Вопрос: Следовательно, выдача денег и организация черной кассы вами и др. членами церковного совета преследовали исключительно цели укреплять единолично-капиталистические хозяйства?

Ответ: Да, такие цели и преследовались»⁶⁷.

⁶⁵ О. Августин (Хвостов) — священник церкви в с. Михайловка Ординского района нынешнего Пермского края.

⁶⁶ Протокол допроса свидетеля Возжаева Н. И. от 31.08.1937 г. // ПермГАС-ПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 55–56 об.

⁶⁷ Протокол допроса обвиняемого Хвостова А. К. (без даты), август 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 201.

Перед нами чрезвычайно важное признание, и вовсе не в том смысле, что священник раскрыл существование нелегальной черной кассы. Оно позволяет увидеть тот единственный социальный институт, который после *великого перелома* объединял всех «не вступивших», предоставлял им пространство для коммуникации, обеспечивал моральную и даже материальную поддержку, помогал продлить то достойное и осмысленное существование, представление о котором сформировала «наследуемая культура». Позволял хоть на время, иллюзорно (ведь все связанное с религией иллюзорно, не так ли?) избавиться от «винта, который закручивают».

Но совершалось все строго «взаимообразно», как обычно и происходит в нормальной повседневной жизни — «нулевой игре» жертв и воздаяний. Не только не желающие сдаваться единоличники нуждались в поддержке церковного прихода. Церковный приход без них тоже быстро приходил в упадок. Вот что пишет ищущий нового места службы протоиерей о. Федор (Боряшинов) о ситуации в своем приходе: «Теперь у нас образовалась эмиграция. Лучшие мои прихожане были раскулачены и выселены, а остальные теперь разъезжаются кто в Сибирь, кто на Кубань, кто в Малороссию, кто куда может. Оставляют свои жилища и таким образом мой приход до того уменьшился, что мне не кем и не чем стало содержаться, ни хлеба, ни денег, правительственной помощи тоже нет»⁶⁸.

Факты вынуждают признать, что фигурировавший в официальной пропаганде «союз реакционного духовенства и антиколхозно настроенного кулачества», если отбросить политические ярлыки, был реальностью и создавался государственной политикой. Они нуждались друг в друге, но это был союз обреченных. В итоге многократно и жестоко травмированный крестьянин все-таки был вынужден вступить в колхоз, и это был еще «лучший» выход. Альтернативой был арест, как правило, вместе со всем приходским руководством. В. И. Волокитина арестовали

⁶⁸ Письмо о. Федора (Боряшинова) к Серафиму епископу Томскому // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 177–178 об.

вместе с о. Александром (Калагиревым), Е. П. Солину — с о. Августинном (Хвостовым), визионерку Антонину Ходыреву — с о. Федором (Егоровым), о. Иоанна (Котельникова) — вместе со всеми его последователями из д. Подавиха и т. д.

Что же испытывал крестьянин-единоличник, которого пусть не сразу, но все-таки вынудили вступить в колхоз? Что можно добавить к характеристикам того травматического синдрома «пробывания-внутри», который был описан ранее? Сами «вновь-вступившие» по понятным причинам молчат. Но кое-что говорят те, кто до поры находятся «снаружи»:

«Поп Гладышев Степан Леонтьевич, лет 55, в настоящее время устроился в артель деревообделщиков. Ходит по лесу — собирает липку. Ранее работал на лесопилке, в этой же артели. Он также остается враждебным к существующему строю.

Так, в августе месяце сего года мне пришлось с членом Бымовского сельсовета — Харитоновым Афанасием Ивановичем разговаривать по вопросу мясосдачи, то подошли к дому Тараторкиной Наталии Харитоновны напомнить, чтобы сдавала хлебопоставки, и Харитонов А. И. предложил ей вступить в колхоз. Гладышев вмешался в разговор, говоря: «В колхозе — там есть сейчас нечего». Харитонов: «Вот, теперь трактора, легче будет работать». Гладышев ему на это заявил: «Вот, тракторами-то всю землю испортило. Пахали тракторами в колхозе «Коммунар» и ничего не родилось и колхозникам получать нечего»⁶⁹.

Разумеется, голод в колхозах — это тайна, известная всем. Интереснее то, что член сельсовета А. И. Харитонов на это ничего не возражает, а приводит аргумент «от индустриализации»: с тракторами работать легче. Но и это, оказывается, не довод — священник Гладышев, транслируя бытующие в округе слухи, заявляет, что «тракторами всю землю испортило», а от этого опять переходит к голоду — колхозникам получать нечего. Появляю-

⁶⁹ Агентурная сводка кунгурского отделения НКВД на 07.10.1936 г. // Перм-ГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6841. Л. 81.

щаяся в колхозах машинная техника, если судить по отзывам, не прошедшим цензурный фильтр, не вызывала эйфории и прилива энтузиазма, компенсирующего весь прежний травматический опыт:

«13-го августа жал тракторист Кожин Василий Фомич а рядом с ним, среди колхозников жал поп который не замечая тракториста начинает агитировать смотрите у вас машин стоит много а как они работают никак не работают а если и начнут работать то на 50% окрошат, тоесть 50% потери урожая, в действительности получилось так: когда пустили виндроур на уборку ржи, то колхозники начали говорить что ненадо больше убирать виндроуром потомучто много крохи»⁷⁰.

Попу верили, в технику — не верили. Согласимся, что это вполне закономерно. Более того, весь мировой опыт модернизационных сдвигов свидетельствует о том, что нечто подобное происходило повсеместно. А что еще мог предложить колхоз, кроме этого «легче работать»? А нужно ли это «легче работать», если смысла в работе, как и в жизни — нет?

Нет необходимости приводить многочисленные свидетельства о голоде, бывшем настоящим бичом колхозной жизни. Упомяну только об одном лаконичном, но странном свидетельстве. Вот оно: «Мы нижеподписавшиеся гр-не села Межевки Межевского с/совета Ординского района Зубарев Павел Иванович и Зубарев Данил Матвеевич даем настоящую расписку в том, что гр-н Теплых Ефрем Назарович действительно помер с голоду 29 июля 1937 г. Последний совершенно не имел хлеба с полтора месяца. Что и удостоверяем своими подписями. Зубарев П., за неграмотного Рогин»⁷¹.

⁷⁰ Докладная записка председателя колхоза «Хлебобороб» (д. Межевка) Рогожников П. Ф. начальнику Ординского РО НКВД т. Малютину от 07.08.1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 134–134 об.

⁷¹ Справка о смерти Теплых Е. Н., (без даты) 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 128.

Документ написан на клочке бумаги от руки. Никаких признаков официального происхождения (штампа, печати сельсовета, регистрационного номера и т. д.) на нем нет. Зачем он был составлен? Кому адресован? Как и почему попал в следственное дело? Скорее всего, на эти вопросы едва ли удастся найти ответ. Но вот в то, что гражданин Теплых Е. Н. действительно «помер с голоду» почему-то сомнений не вызывает. «Не вступившие», наблюдая колхоз со стороны, не сговариваясь и без всякого «поповского влияния» называли его *адом*:

«На собрании по вопросу вступления в колхоз я заявила, что в колхоз я не пойду и мучиться как в аду не буду.

Вопрос: Откуда Вы взяли, что колхоз это есть ад?

Ответ: Колхоз есть ад это я сказала потому, что люди в колхозе мучаются как в аду, работают без отдыха, выходных дней не имеют, а едят траву.

Вопрос: Где и у кого Вы слышали разговоры, что колхоз — это ад?

Ответ: Я ни у кого таких разговоров не слыхала, а сказала это сама, сделав вывод из колхозной жизни»⁷².

Подведем итог. Находившийся в обороте все годы советской власти термин «колхозная деревня» по сути является оксюмором. Появление колхоза в жизненном мире российского крестьянства, рассматриваемого как единое в смысле «унаследованной культуры» коллективное агентство, нанесло ей тяжелейшую травму, к тому же — декомпенсированную. Перечеркнув базовые ценности крестьянства, колхозные практики обвалили и нормативную систему, на них ориентированную. Маргинализации подверглись даже наиболее адаптированные (во всех отношениях) к деревенской жизни сообщества, типа старообрядческих общин. Если наш анализ действующих причин верен, а сами эти причины типичны хотя бы в пределах православного населения деревень советской России, то возможен вывод о том, что кол-

⁷² Протокол допроса свидетеля Худашевой А. Ф. (без даты), июль 1935 года. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 88.

лективизация покончила с целым (цельным) укладом жизни. Нанесенная травма не могла быть никак преодолена, т. к. по вполне понятным причинам не могла быть даже осмысленна. Отсутствовал язык, на котором можно было бы о ней говорить, коммуникативные площадки, где ее бы можно было обсуждать.

До поры не было и внятного ответа, во имя чего принесены все жертвы. Но в 1935 г. были сделаны уступки, призванные обеспечить минимально толерантное отношение крестьянства к навязанному кабальному режиму, — реальные и символические. Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников внес поправки в «Примерный устав сельскохозяйственной артели». После того, как «жить стало лучше, жить стало веселей», колхозникам было позволено иметь личное приусадебное хозяйство (ЛПХ), где он был «сам себе хозяин». Эти ЛПХ, несмотря на внушительное и периодически возраставшее обложение их налогами, давали возможность выжить, гарантировали минимальный *достаток*.

Параллельно началась пропагандистская кампания по нобилизации «знатных людей села», *стахановцев полей*. Радио и газеты регулярно рассказывали о колхозницах и колхозниках, награжденных советскими орденами, а после 1937 г. избранных в Верховный Совет СССР и даже ставших «членами правительства»⁷³. Эти парадные репортажи о событиях, не привязанных к внятной и узнаваемой локации, запустили процесс «блокады реальности» и тотальной дисквалификации личного травматического опыта колхозной жизни.

⁷³ Фильм «Член правительства» режиссеров А. Зархи и И. Хейфица вышел на экраны в 1939 г.

А. Р. Дюков

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР 1937–1938 ГОДОВ В БЕЛОРУССКОЙ ССР:

статистические данные

Статистическое изучение Большого террора 1937–1938 гг. в Белорусской ССР к настоящему времени далеко отстает от аналогичных исследований в других регионах Советского Союза. Одна из главных причин сложившейся ситуации — слабая доступность документов органов государственной безопасности БССР; одно из важных последствий — разнuzданные псевдонаучные спекуляции, направленные на завышение численности жертв советских репрессий. Так, например, в 1997 г. белорусский историк И. Кузнецов утверждал, что «в Беларуси по оценочным данным в 1935–1940 гг. за контрреволюционные преступления было привлечено к уголовной ответственности свыше 200 тысяч человек»¹. Несколько лет спустя тот же автор приводил уже вдвое большие цифры: «Как свидетельствует статистика за очередную пятилетку, в 1935–1940 гг. в Беларуси было репрессировано свыше 480 тысяч человек, из которых более 50 тысяч было расстреляно»². Еще через 15 лет И. Кузнецов заявил, что «в Беларуси в 1937–1938 гг. судебными и несудебными органами было репрессировано (без учета ссыльных и высланных) около 900 тысяч человек»³, таким

¹ И. Н. Кузнецов. Возвращение памяти. Минск, 1997. С. 59.

² I. Кузняцоў. Палітычныя рэпрэсіі ў Беларусі ў 1939–1941 гадах // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2000. Tom 13. S. 45.

³ I. Кузняцоў. Рэпрэсіі супраць беларускай інтэлігенцыі і сялянства ў 1930–1940 гады. Лекцыі 1–2. URL: <https://belcollegium.com/igar-kuznyaco%d1%9e-represii-suprac-belaruskaj-inteligenцы-i-syalyanstva-u-1930-1940-gady-lekcyi-1-2>.

образом доведя число репрессированных в БССР до $\frac{2}{3}$ от репрессированных в ходе в 1937–1938 гг. в целом по Советскому Союзу. Разумеется, к науке деятельность И. Кузнецова не имеет никакого отношения, однако отсутствие реакции научного сообщества на указанные манипуляции весьма симптоматично.

Прежде чем перейти к рассмотрению данных реальной статистики НКВД о репрессиях в Белоруссии, позволим себе небольшое отступление. Оперативно-статистическая отчетность органов НКВД активно используется современными историками. Но можно ли ей доверять? Не носит ли эта отчетность сфальсифицированный и/или заведомо неполный характер? Отвечая на этот вопрос, историки О. Б. Горланов и А. Б. Рогинский высказываются совершенно определенно. «Разумного обоснования, зачем надо было фальсифицировать данные в ту эпоху, мы не находим. Союзные статсводки были предназначены лишь для крайне узкого круга лиц в НКВД — для наркома, его заместителей и начальников двух-трех основных отделов, а также для высших руководителей Политбюро и СНК; все эти лица имели свои дополнительные источники информации — глать им в цифровых показателях арестов было просто бессмысленно. Сводки к тому же являлись базовым документом, на основании которого НКВД испрашивал у СНК бюджетные средства на проведение операции (которая безусловно стоила очень дорого — командировочные и другие сопутствующие расходы, увеличение штатов оперативников и тюремных работников и т. д.), на содержание и перевозку арестованных. Странно было бы для НКВД в этой ситуации сознательно уменьшать масштабы своей деятельности. Наконец, многие отдельные цифры из представленных в сводках мы встречали (с небольшими отклонениями в ту или иную сторону) в различных документах независимого происхождения — в справках по отдельным линиям работы НКВД, в отчетных материалах судебных органов и т. д.»⁴.

⁴ Горланов О. А., Рогинский А. Б. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских

Разумеется, статистика репрессивной деятельности НКВД не свободна от погрешностей⁵, однако эти погрешности не носят масштабного характера и могут быть выявлены исследователями.

В отличие от других бывших советских республик (России, Украины, Грузии, Молдавии), в Белоруссии оперативно-статистическая отчетность о репрессивной деятельности органов госбезопасности, к сожалению, до сих пор остается недоступной для исследователей. Тем не менее, в начале 1990-х гг. некоторые белорусские историки получили возможность ознакомиться с документами органов госбезопасности. Опубликованные ими статистические данные о репрессиях могут быть проверены и дополнены данными, введенными в оборот историками России и других стран. В итоге мы имеем возможность получить вполне достоверное (хотя и требующее дальнейшей детализации) представление о масштабах советских репрессий в Белоруссии в целом и в годы «Большого террора» 1937–1938 гг., в частности.

Первым историком, получившим доступ к закрытым документам КГБ Белорусской ССР, стал начальник отдела Комитета по архивам и делопроизводству при Совете министров Республики Беларусь В. И. Адамушко. В 1994 г. он опубликовал книгу, посвященную сталинским политическим репрессиям в Белоруссии, впервые вводя в научный оборот данные о численности осужденных по политическим статьям, в том числе приговоренных к высшей мере наказания, а также о динамике репрессий. «По официальным данным, начиная с ноября 1917 и по апрель 1953 года судебными и несудебными органами в республике было рассмотрено свыше 170 тысяч дел в отношении 250 тысяч человек, которые привлекались к ответственности по политическим мотивам. Из этого количества 10 тысяч человек были репрессированы в 1917–1929 гг., 46 тысяч — в 1929–1934 гг.,

граждан. М., 1997. URL: http://www.memo.ru/history/POLAcy/GOR-ROG_C.htm.

⁵ См., напр.: А. Г. Тепляков. Динамика государственного террора в СССР в 1933 году: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. №1. С. 50–54.

55 тысяч — в 1941–1945 гг., 50 тысяч — в 1946–1953 гг. Пик репрессий пришелся на 1935–1940 гг. Свыше 85 тысяч наших соотечественников пострадали от политических репрессий в этот период. Более 28 тысяч были расстреляны. Всего же в 20–50-е годы за «контрреволюционные преступления» было приговорено к высшей мере наказания свыше 35 тысяч человек. Таким образом, судебными и внесудебными органами в республике по политическим причинам было привлечено к ответственности свыше 250 тысяч граждан. Все эти дела полностью сохранились и находятся в архивах Комитета государственной безопасности республики»⁶. Речь шла лишь об осужденных по политическим мотивам; люди, высланные в отдаленные районы страны в административном порядке, в приведенной В. И. Адамушко статистике органов госбезопасности не учитывались и историку пришлось реконструировать численность этой категории репрессированных⁷.

В подготовленной позднее для «Белорусской энциклопедии» статье о сталинских репрессиях В. И. Адамушко привел те же цифры, но уже с точностью до человека: «250 499 человек — осуждены судами или наказаны решениями внесудебных органов... В 1935–1940... пострадали 86 168 жителей Беларуси, из них 28 425 расстреляны... Всего в ноябре 1917 — апреле 1953 г. за контрреволюционные преступления к смертной казни приговорено 35 868 чел.»⁸.

Давайте посмотрим, насколько приведенные В. И. Адамушко данные согласуются с документами, введенными в научный

⁶ У. І. Адамушка. Палітычныя рэпрэсіі 20–50-ых гадоў на Беларусі. Мінск, 1994. С. 9.

⁷ Там же. С. 9–10. К слову сказать, эта реконструкция оказалась ошибочной: В. И. Адамушко серьезно зависил численность «кулацкой ссылки» начала 1930-х гг. из БССР. См.: А. Р. Дюков. «Кулацкая высылка» 1930-х годов из Белорусской ССР: депортационные акции и общая численность выселенных // Труды Института российской истории. Вып. 15. М., 2019. С. 220–243.

⁸ У. І. Адамушка. Рэпрэсіі палітычныя рэпрэсіі ў СССР // Беларуская энцыклапедыя. Мінск, 2002. Т. 14. С. 21.

оборот российскими историками. Для начала проведем выборочную проверку данных об общем количестве арестованных. По данным В. И. Адамушко в период с 1935 по 1940 гг. было репрессировано в общей сложности 86 168 человек. Обратимся к данным сводной статистики репрессивной деятельности органов госбезопасности, опубликованной историком О. Б. Мозохиним. В 1935 г. НКВД БССР было арестовано 7 309 чел., в 1936 г. — 4 602 чел., в 1937 г. — 39 049 чел., в 1938 г. — 19 918 чел., в 1939 г. — 10 196 чел. (в том числе 8 818 чел. — в Западной Белоруссии), в 1940 г. — 1 094 чел.⁹ Суммировав эти данные, мы получаем 82 168 арестованных за период с 1935 по 1940 г. Полученная цифра несколько меньше, чем приводимая В. И. Адамушко, однако этому есть рациональное объяснение: дело в том, что В. И. Адамушко пишет не об арестованных, а о «пострадавших от репрессий». Между тем, далеко не все, привлеченные органами НКВД к уголовной ответственности, арестовывались. Так, например, в 1935 г. по делам органов НКВД БССР было привлечено 9 221 чел., из них арестовано 7 309 чел.¹⁰ В 1936 г. республиканскими органами госбезопасности были привлечены 5 155 чел., из них арестовано 4 602 чел.¹¹ В 1937–1938 гг. привлечение без ареста органами НКВД не практиковалось, а за 1939–1940 гг. в опубликованной статистике данные отсутствуют. Тем не менее, учтя данные о привлеченных без ареста в 1935–1936 гг., мы получаем 84 633 пострадавших от репрессий — цифру, практически не отличающуюся от данных В. И. Адамушко. Таким образом, данные В. И. Адамушко прекрасно соотносятся с данными общесоюзной репрессивной статистики.

Теперь перейдем к вопросу о численности приговоренных к высшей мере наказания. По данным В. И. Адамушко, всего

⁹ О. Б. Мозохин. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ (1918–1953 гг.): Статистический справочник. М., 2016. С. 153, 159, 164, 168, 173, 180.

¹⁰ Там же. С. 153.

¹¹ Там же. С. 159.

за 1917–1953 гг. в БССР было вынесено 35 868 расстрельных приговоров, из них 28 425 — в период с 1935 по 1940 г.¹²

Из опубликованной общесоюзной статистики, мы знаем, что в 1935–1936 и 1939–1940 гг. число выносимых по делам органов госбезопасности смертных приговоров было невелико. В 1935 г. по всему Советскому Союзу к ВМН было приговорено 1 229 чел., в 1936 г. — 1 118 чел., в 1939 г. — 2 601 чел., в 1940 г. — 1 863 чел.¹³ Общее число расстрелянных за эти годы в Белоруссии едва ли в общей сложности превышает несколько сотен человек; основная масса расстрельных приговоров, таким образом, приходится на 1937–1938 гг.

Общесоюзная статистика «Большого террора» 1937–1938 гг. хорошо известна. За два года было осуждено 1 353 573 человека, в том числе 681 692 человек — к высшей мере наказания¹⁴ (рекордное для всей советской истории количество смертных приговоров). Подавляющее большинство этих приговоров было вынесено внесудебными органами в рамках т. н. «массовых операций» НКВД — операции по приказу №00447 (т. н. «кулацкой», хотя в ее рамках репрессировались далеко не только кулаки) и «национальных» операций («польской», «немецкой», «латышской» и т. д.). В рамках «кулацкой операции» было осуждено к ВМН 386 798 чел.¹⁵, в рамках «национальных» операций — 247 157 чел.¹⁶ Таким образом, репрессированные по «массовым операциям» составляют 93% от общего числа репрессированных в 1937–1938 гг.

По данным ГУГБ НКВД СССР, к 1 марта 1938 г. по приказу № 00447 в БССР было арестовано 24 209 человек, из них по 1-й категории (расстрел) было осуждено 6 869 человек (в том

¹² У. И. Адамушка. Рэпрэсіі палітычныя рэпрэсіі ў СССР. С. 21.

¹³ О. Б. Мозохин. Статистические сведения... С. 151, 158, 172, 179.

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. С. 598.

¹⁶ Н. В. Петров, А. Б. Рогинский. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997: <http://old.memo.ru/history/POLAcy/00485ART.htm>.

числе 3 943 «бывших кулака, 996 уголовников и 1 930 «других контрреволюционных элементов»¹⁷. К 1 июля 1938 г. численность арестованных по «кулацкой операции» в БССР увеличилась незначительно, достигнув 25 414 человек¹⁸; как и во всем СССР, кулацкая операция была фактически завершена. Впрочем, 17 июля 1938 г. НКВД БССР направил на дополнительные лимиты: 5 000 человек, в том числе 2 000 по первой категории. Были ли эти лимиты утверждены центром, остается неизвестным, но скорее всего — нет; современные исследователи не учитывают этот лимит в общей статистике «кулацкой операции»¹⁹. Руководитель общества «Мемориал» А. Б. Рогинский, основываясь на отчетах с «мест», хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, пришел к выводу, что всего по «кулацкой операции» в БССР было приговорено 25 898 человек, в том числе к ВМН — 8528 человек и к различным срокам ИТЛ — 17 360 человек²⁰. Эти цифры следует признать наиболее исчерпывающими.

Данные о результатах «национальных» операций в Белоруссии мы можем установить по целому ряду обобщающих отчетных документов. Первым из них является многостраничная справка «Общие сведения и справки о количестве осужденных Центром и особыми тройками НКВД (УНКВД) по польской, харьбинской и др. операциям за время с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г.», подготовленная 1-м Спецотделом НКВД СССР. Согласно этому документу по НКВД БССР Комиссий в составе Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойкой») и «особыми тройками» в рамках «национальных» операций было осуждено 21 501 человек, в том числе к ВМН —

¹⁷ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: Документы и материалы. М., 2006. Т. 5. Кн. 2. С. 57.

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ М. Юнге, Г. Бордюгов, Р. Биннер. Вертикаль большого террора. С. 522, 600.

²⁰ С. В. Кривенко, С. Б. Прудовский. Статистика национальных операций НКВД 1937–1938. М., 2021. С. 26.

19 002 человека²¹. Подробные данные справки представлены в следующей таблице:

	Всего осуждено по НКВД БССР	В т. ч. к ВМН
Всего осуждено	21 501	19 002
По польской	19 331	17 772
По немецкой	355	243
По харбинской	59	57
По эстонской	25	15
По латышской	1 131	915

По осуждающим органам Справка дает следующие данные:

	Всего осуждено	В т. ч. к ВМН
Комиссией в составе Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойкой»)	14 627	14 034
«Особыми тройками»	6 874	4 968
Итого	21 501	19 002

В датируемой декабрем 1938 г. справке НКВД БССР «Об итогах операций по польской, немецкой и латвийской агентуре в БССР», однако, мы находим иные данные. Согласно этому документу, с августа 1937 по конец октября 1938 гг. по «национальным операциям» было арестовано 23 439 человек, в том числе по «польской операции» — 21 407 человек, по «немецкой операции» — 563 человека и по «латышской операции» — 1459 человек. Из этого числа было осуждено²²:

²¹ Там же. С. 11.

²² У. І. Адамуска. Палітычныя рэпрэсіі... С. 55–57. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13231. Л. 19–24.

	Всего осуждено	В т. ч. к ВМН
Комиссией в составе Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойкой»)	15 747	14 037
«Особыми тройками»	6 770	4 650
Итого	22 517	18 687

Как видим, в сравнении со справкой 1-го спецотдела НКВД СССР справка НКВД БССР дает существенно большие цифры осужденных в Белоруссии по «национальным» операциям. При этом данные, приводимые в справке НКВД БССР довольно хорошо совпадают с данными шифрограмм НКВД БССР о ходе «национальных» операций, изученных нами в Центральном архиве ФСБ России. Согласно этим телефонограммам, по состоянию на 18 августа 1938 г. в БССР было арестовано: по «польской операции» — 20 292 чел., по «немецкой операции» — 542 чел., по «латышской операции» — 1 400 чел.²³

Сплошной просмотр протоколов упомянутой «двойки», предпринятый российским исследователем С. Б. Прудовским, позволил уточнить эти данные.

	Всего по НКВД БССР	В т. ч. к ВМН	Всего по ДТО Белорус. ж. д.	В т. ч. к ВМН	Итого осуждено
Всего осуждено	14 860	14 053	913	764	15 773
По польской	13 885	13 171	905	758	14 790
По немецкой	173	146			173
По харбинской	62	57			62
По эстонской	25	15			25
По латышской	697	647	8	6	705
Разные	19	17			19

²³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 649. Л. 139, 141–142.

Нетрудно заметить, что полученные при просмотре протоколов Комиссии данные достаточно хорошо стыкуются с данными справки НКВД БССР. Что же касается справки 1-го Спецотдела НКВД СССР, то представленные в ней данные не учитывают репрессированных по ДТО Белорусской ж. д. и потому меньше справки НКВД БССР. Любопытно, что Справка 1-го спецотдела дает большее число репрессированных «особыми тройками» по сравнению со Справкой НКВД БССР. Причины этой ситуации остаются неизвестными.

В целом же общее число осужденных в 1937–1938 гг. Белорусской ССР в рамках «массовых операций» выглядит так:

	Всего осуждено	В том числе к ВМН
Комиссией в составе Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР («двойкой») по «национальным операциям»*	15 733	14 817
«Особыми тройками» по национальным операциям**	6874	4968
По «кулацкой операции»***	25 898	8528
Итого	48 505	28 313

* По данным протоколов Комиссии, изученным С. Б. Прудовским.

** По данным Справки 1-го Спецотдела НКВД СССР

*** По данным А. Б. Рогинского.

Разумеется, приведенные данные не являются исчерпывающими: они не учитывают жителей БССР, осужденных в ходе показательных судебных процессов, Военной коллегией Верховного Суда СССР, другими судебными органами и Особым совещанием НКВД СССР. Однако поскольку, как уже указывалось выше, в целом по Советскому Союзу репрессированные по «массовым операциям» составляют 93% от общего числа репрессированных в 1937–1938 гг., общее число репрессированных в БССР в ходе Большого террора можно оценить примерно в 52–53 тысячи человек, 28,5 тысяч из которых было расстреляно.

О. Л. Лейбович, Ю. С. Колчанова

«СКЛОНЯЮТ И СЛАВОСЛОВЯТ ВОЙНУ, А РАБОТАЮТ НЕ ПО-ВОЕННОМУ...»:

Стенографическая запись доклада секретаря Молотовского обкома ВКП (б) Н. И. Гусарова на пленуме областного комитета партии 20 октября 1941 г.

Запись доклада Н. И. Гусарова составляет основную часть стенографического отчета VI пленума Молотовского обкома партии от 20 октября 1941 г. Правленная стенограмма содержится на хранении в 105-м фонде Пермского государственного архива социально-политической истории, в его 7-й описи, в которую включены протоколы заседаний бюро и пленумов Молотовского обкома ВКП (б), а также переписка с вышестоящими партийными инстанциями, советскими и хозяйственными органами за 1941 год. По принятой в отечественной историографии классификации источников эти архивные материалы относятся к делопроизводственной документации¹. В 1940-е гг. все подобные тексты подчинялись жестким формальным требованиям по тематике, структуре и языку. Типичный доклад партийного секретаря обязательно включал в себя общий раздел: ссылки на решения высших инстанций, сталинские указания, цитаты из ленинских работ. Они одновременно подчеркивали авторитетность положений и выводов доклада, и указывали в сжатой форме на его основное содержание.

¹ См.: А. Г. Киселев. Делопроизводственные документы ВКП (б) — КПСС как источник по истории послевоенного периода (на материалах архивного фонда Раменского ГК ВКП (б) — КПСС) // Современные проблемы науки и образования. 2015. №2–2: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22520>.

Обычно в партийном докладе перечислялись успехи и достижения трудовых коллективов и парторганизаций, уделялось место критике и самокритике, вскрывались причины отдельных недостатков, указывались их виновники, а также в обязательном порядке ставились задачи на будущее и планировались меры по их выполнению. Как правило, доклад был продуктом коллективной аппаратной работы, что, в результате, делало его безличным, состоявшим из газетных оборотов, устоявшихся в партийном языке лексических форм, иногда одобренных заранее подготовленной поговоркой или расхожей поэтической цитатой. Партийный секретарь не проговаривал, но зачитывал с машинописных листов свой доклад, на языке того времени такой способ назывался «говорить по бумажке»². Н. И. Гусаров не был исключением из общего правила: и в более ранние времена, и в более поздние он также пользовался на трибуне готовым текстом³.

В докладе Н. И. Гусарова от 20 октября 1941 г. мы обнаружили отступления от образцов партийного дискурса того времени. В этом докладе Николай Иванович Гусаров явным образом импровизировал, возвращался время от времени к одному и тому же сюжету, перебивал гладкое партийное повествование просто-

² Спустя годы партийный журналист М. Н. Колпаков критиковал партийных докладчиков: «Ведь просто становится не по себе, что неужели наши руководящие работники, грамотные люди, не могут говорить с народом вот так просто, глядя в зал, в глаза народу и говорить с ним простым и ясным языком, советоваться с ним, как к этому призывал нас Ленин. А что у нас получается? Вот выйдет оратор на трибуну сухим, бесстрастным языком читает свое выступление — шаргалку и от этого выступления не остается никакого впечатления у присутствующих» (Выступления тов. Колпакова, председателя культурно-массовой комиссии завкома, на партийном собрании завода им. Молотова, апрель 1956 г. // Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 111).

³ П. К. Пономаренко, уступивший свой пост секретаря ЦК Компартии Белоруссии Н. И. Гусарову, в позднейших воспоминаниях свел счеты с преемником: «Н. И. Гусаров мог произнести любую умную речь, даже привести поговорки, исторические факты и т. п., если они заранее кем-либо написаны. В основном же содержание его речей было примитивно, неглубоко и малограмотно» (П. К. Пономаренко. События моей жизни [воспоминания] // Неман. 1992. №4. С. 138).

речными выражениями, давал волю эмоциям, к тому же говорил больше, чем полагалось. Временами официальный доклад приобретал черты эго-документа, личного высказывания человека, травмированного грозными событиями 1941 года. Военные действия менее всего напоминали заранее воспетый освободительный поход в Европу и, если и вызывали какие-то исторические ассоциации, то с неудержимым батыевым нашествием.

Секретарь Молотовского обкома к такому обороту событий был не готов ни по своему прошлому управленческому опыту, ни по образованию, ни по политическому кругозору. Н. И. Гусаров был выдвиженцем эпохи большого террора, попавшим в кадровый резерв Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) в 1937 г. с должности районного масштаба — секретаря партийного бюро Московского авиационного института. Гусарову едва исполнилось 33 года, когда Г. М. Маленков представил его кандидатуру Сталину на должность наркома внутренних дел СССР⁴. Спустя несколько дней Н. И. Гусарову предложили возглавить организацию новой Молотовской области на западных территориях области Свердловской. В результате на административной карте СССР появился новый регион — обширный, но малозаселенный, с неразвитой транспортной и энергетической инфраструктурой, с развернутыми вонне хозяйственными связями и с отсталым по советским меркам сельским хозяйством, к тому же испытывавший кадровый голод⁵. Областной центр —

⁴ «На всякий случай Маленков поручил своему заместителю В. А. Донскому подобрать еще несколько кандидатур, чтобы у Сталина была возможность выбора. Шесть дополнительных претендентов не соответствовали условиям, выдвинутым вождем, но в Отделе руководящих партийных органов они считались перспективными кадрами, и, видимо, не исключалось, что кто-то из них может Сталина заинтересовать. Это были третий секретарь Свердловского обкома партии Н. И. Гусаров, ответственные организаторы ОРПО С. Н. Круглов и Н. М. Пегов и еще трое функционеров из номенклатуры Отдела руководящих партийных органов» (А. Павлюков. Ежов. Биография. М., 2007. 576 с.: http://militera.lib.ru/bio/pavlyukov_ae01/index.html).

⁵ После войны новый секретарь обкома докладывал Л. М. Кагановичу: «Молотовская область имеет 48 районов, включает в себя 8 городов областного,

с 1940 г. — город Молотов, городом был только по названию, общему имени и административному положению, а также размещенными на его территории промышленными предприятиями. На деле он представлял собой агломерацию заводских поселков, слабо связанных между собой непроезжими дорогами, с изношенной водопроводной и канализационной сетью, постоянными отключениями электричества, со множеством бревенчатых домов, бараков и казарм без всяких городских удобств⁶.

Н. И. Гусаров до поры до времени с возложенными на него поручениями справлялся: подбирал кадры, ездил по районам, выступал на заводах, призывал, давал директивы, строго спрашивал, при этом выстраивал деловые отношения с командным составом предприятий. Если было нужно, обращался за поддержкой в ЦК, добился в мае 1941 г. вызова к Сталину, чтобы запустить на заводе № 19 производство нового двигателя Аркадия Швецова М-82, вопреки приказу наркома авиапромышленности, и добился своего⁷. Положение Н. И. Гусарова казалось прочным: в марте 1939 г. его избрали кандидатом в члены ЦК ВКП (б), в феврале 1941 г. дали слово на Всесоюзной партийной конференции. В общем, у него были основания считать себя «личным представителем Сталина» и даже говорить об этом⁸.

один город окружного подчинения и 33 рабочих поселка. Молотовская область простирается на расстоянии до 328 км с востока на запад и до 660 км с юга на север» (Хмелевский К. М. — Кагановичу Л. М., 06.05.1948 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 171. Л. 9).

⁶ «В отличие от других уральских городов (Свердловск, Челябинск) в городе Молотове ничего не строилось по линии культурно-бытовых учреждений. До 1938 г. строительство не развертывалось, т. к. город был районным центром Свердловской области», — обращался за помощью в ЦК секретарь обкома партии (Хмелевский К. М. — Кузнецову А. А., 26.06.1946 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 133. Л. 14).

⁷ См.: С. Л. Федотова. Отцы и дети // Гусаров Николай. Герой своего времени: статьи, воспоминания, документы. Пермь, 2008. С. 42–43.

⁸ См.: В. Н. Гусаров. Мой папа убил Михоэlsa. Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1978. С. 8. Позднее в Белоруссии про него говорили: «сталинский наместник». См.: Э. К. Иоффе. 110-летию Николая Гусарова: малоизвестные факты из жизни бывшего руководителя компартии Беларуси // Бела-

Война поставила под сомнение и его личные карьерные достижения, и его управленческие компетенции.

Можно предположить, что в особенности его потрясли два события: совещание у Сталина 12 октября и встреча с местными жителями на перроне железнодорожной станции Григорьевская.

Н. И. Гусарова вызвали в Москву на пленум ЦК ВКП (б), запланированный заранее на октябрь 1941 года. Немецкий прорыв на Вяземском направлении в первых числах октября, разгром войск Западного фронта, появление разведывательных дозоров вермахта на окраинах Москвы перечеркнули все прежние планы. Членам ЦК приказали разъехаться по месту службы. Перед отправкой Сталин вызвал Н. И. Гусарова к себе вместе с иными уральскими секретарями. Им он сказал правду и о смертельной опасности, нависшей над страной, и о том, что они мало и недостаточно делают, чтобы устранить эту опасность. Сталин был раздражен, недобр и не щадил сарказмов, едва прикрывавших угрозы в адрес слушателей. В конце концов, он поставил перед ними — и, естественно, перед Гусаровым — задачу: в кратчайшие сроки превратить область в эффективно работающую мастерскую по производству артиллерийских систем, боеприпасов, авиационных двигателей и иного военного снаряжения, в том числе, за счет размещения эвакуированных предприятий. Он потребовал обеспечить фронт свежими армейскими частями и соединениями и продукцией сельского хозяйства. Иными словами, создать прочный и эффективно работающий тыл для действующей армии.

Н. И. Гусаров своими глазами видел, что отобранные им же кадры с этими задачами не справляются, исполнять приказы не торопятся, спускают на тормозах по уже сложившейся и закрепленной привычке, либо производят какие-то действия совсем уже неадекватные. Приказано было сформировать ударные лыжные части из добровольцев-патриотов — сформировали без участия медиков, набрали людей непригодных к военной службе,

к тому же не умеющих ходить на лыжах. Да и лыжи в нужном количестве не изготовили.

Кроме начальников, Н. И. Гусарова явным образом подводило население местное и эвакуированное. Жители области всеми способами пытались хотя бы в какой-то степени нейтрализовать обрушившиеся на них лишения. Если есть призыв — сдавать зимнюю одежду на нужды армии, то откликнемся, что-нибудь ненужное (или не совсем нужное) непременно отдадим. Но теплые вещи сохраним, иначе замерзнем, ведь возможностей их приобрести или изготовить в течение долгих лет войны не будет. Н. И. Гусаров и сам понимал, что, что война будет длительной: «Тот, кто считает, что эта победа будет делом нескольких дней, кто так думает и надеется на такую победу, тот просто идиот и дурак». Местные жители, хоть и не слышали этого доклада, были с ним согласны и поступали соответственно. Люди, прибывшие в эвакуацию, не скрывали своего недовольства: и условия не те, и разместили не там: отправили в деревню квалифицированных печатников из Белоруссии, а они землянки копать отказываются — у них-де другая профессия. В общем, не все хотят работать, барствуют⁹. Они недовольны местными жителями, а те, наоборот, эвакуированными: «Вот мол, приехали, цену сбили, жить

⁹ «Тов. Комар: В наш район завезено около 2 тыс. человек эвакуированных. Нужно сказать, что завезено городское население, из городов: Гомеля, Ленинграда, Москвы и Новгорода. Население такое, что когда приезжает на ст. Менделеево, сразу говорит: “Сворачивайте нас обратно и везите туда, откуда приехали, а вылезать мы не будем. Привезли нас куда-то в лес, в тайгу, и мы не вылезем”. Приходится почти ко всем эшелонам, которые прибыли в Карагайский район, выезжать самому и разъяснять, что у нас тоже люди живут и занимаются такими же делами, какими занимаются люди в Гомеле, Ленинграде и Москве. По размещению эвакуированного населения в колхозы особенно трудно пришлось с размещением гомельского населения. Люди, которые большое время всего работали на предприятиях Полеспечати: наборщики, печатники, переплетчики и т. д., с сельским хозяйством они совершенно не знакомы. (Тов. Гусаров: Чего им знакомиться с сельским хозяйством. Неужели рабочие не умеют лопату в руках держать?) Боялись работы в колхозах» (Стенограмма VI пленума Молотовского обкома, 20.10.1941 // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 10. Л. 64–65).

стало плохо. Выходит, эвакуированные потревожили этих обывателей»¹⁰.

Встреча на станции Григорьевская осветила ситуацию с настроениями жителей Молотовской области с иной стороны. Николай Иванович вышел из салон-вагона, возможно один, возможно, с комиссаром охраны. В любом случае, не распознать в нем большого начальника по осанистости, добротной одежде, наденности, было невозможно. Он подошел к стоявшему на перроне мужичку, торговавшему молоком, и задал вопрос: почем. А в ответ услышал: мне ваши деньги не нужны. Штаны наверняка за бутылку молока не отдашь, слишком справные, а на табачок, так и быть, обменяю¹¹. Если Сталина секретарь обкома Гусаров слушал в течение часа, то своего собеседника на станции Григорьевская вряд ли более 5–10 минут, но эффект тот произвел, как представляется, не меньший. Крестьянин отказывается брать советские деньги, не доверяет их покупательной способности, а стало быть, и власти, их пустившей в оборот. Пока не ясно, не ждет ли он других денег — рейхсмарок, например. Может, и ждет. Не надо думать, скажет на пленуме Гусаров, что «у нас и так фашистов не любят. Это не верно». Его поразило демонстративное пренебрежение сельского жителя к большому начальнику. Ни уважения, ни страха, ни покорности секретарь обкома не увидел в поведении деревенского мужичка. В коротком обмене словами Н. И. Гусаров скорее почувствовал, неже-

¹⁰ Стенограмма VI пленума Молотовского обкома... Л. 60.

¹¹ Гусаров: «Многие организации сейчас развращают колхозников. Колхозники на деньги перестали продавать и просто нахально смотрит, облюбовывает твои штаны, рубаху и говорит — снимай штаны, тогда дам (в зале смех). Я слез с поезда на Григорьевской — вижу, продают молоко, спрашиваю — сколько за бутылку молока. Это Нытвенского района. Посмотрел — штаны хорошие, вроде, за бутылку не получит, и говорит — махорки осьмушку дай, тогда молоко получишь. Товарищи, это большое дело. Правда, оно смешно выглядит, но это на рабочем классе страшно отражается, и если вы хотите знать, серьезная трещина, которую стараются враждебные элементы раздвинуть и влезть в эту трещину между рабочим классом и крестьянством». (Стенограмма VII пленума Молотовского Обкома ВКП (б), 6–7.12.1941 г. Т. 1. // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 13. Л. 45–46).

ли понял, как на его глазах зашатался социальный порядок, при котором сельские и городские обыватели должны были безропотно исполнять приказы вышестоящих, уважать их ранг и чин, уметь распознавать по повадке и походке. Н. И. Гусаров растолковал эпизод с партийных классовых позиций — это-де покушение на союз рабочего класса с колхозным крестьянством: «Это на рабочем классе страшно отражается, и если вы хотите знать, серьезная трещина, которую стараются враждебные элементы раздвинуть и влезть в эту трещину между рабочим классом и крестьянством», — записав себя автоматически в представители рабочего класса.

Итак, препятствия к исполнению главной задачи Н. И. Гусаров обнаружил в «неправильных и пагубных настроениях» местных жителей и части эвакуированных, почему-то названных им орангутангами с длинными ногтями, а попросту дуньками (не ясно только, вспомнил ли он пьесу К. А. Тренева «Любовь Яровая» или язык своей слободской юности).

И аппарат работал не по-военному четко и оперативно, а напротив, с ленцой, а иногда и с дуростью. Гусаров знал партийный лексикон и назвал это бюрократическими извращениями.

Вполне по-сталински он считал, что нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики, и если они в Молотовской области этих крепостей еще не берут, то это значит, что большевики не настоящие, или не совсем настоящие, т. е. они не овладели подлинно большевистскими методами. Объективных причин плохой работы заводов (таких как разрыв производственной кооперации; задержка поставок материалов, горючего и деталей; недостаток квалификации работников) не существует. Словосочетание «объективные причины» — это словесная форма, прикрывающая некомпетентность, лень, или враждебные намерения тех, кто не желает, или не умеет работать, проявлять необходимую инициативу, брать на себя ответственность.

Стало быть, необходимо их заставить испытанными большевистскими методами: агитацией, принуждением, репрессией. Н. И. Гусаров сознательно припугнул участников пленума тем, что не следует надеяться на союзные продовольственные фонды.

Хотите кормить работников, делайте это сами, используйте готовые инструменты и придумайте что-нибудь новое.

Заметим, в октябре 1941 г. еще не были приведены в систему разрозненные элементы хозяйственного управления в военное время. Только в самую последнюю декаду 1941 г. был издан указ, регулирующий трудовые отношения в новой ситуации. Основные законодательные акты были приняты в 1942 г., в том числе о расширении управленческих прерогатив директоров заводов, восстановлении отделов рабочего снабжения на предприятиях промышленности, транспорта, лесозаготовок; упорядочении системы карточного распределения продовольственных и иных продуктов и др. В начале войны народные комиссары, секретари обкомов, директора предприятий были вынуждены руководствоваться довоенными постановлениями, дополненными личными, часто устными, указаниями и разрешениями вышестоящих начальников, или действовать на свой страх и риск, меняя продолжительность рабочего дня и т. д. По верному замечанию Э. Кардоны, «спущенная сверху стратегия наполнения продовольственной корзины за счет государственных подсобных хозяйств, городских садовых участков и частных крестьянских наделов лишь подтвердила рекомендацию населению “полагаться на самих себя”»¹². Здесь был риск забежать вперед, отстать, или шагнуть в сторону, но, по мысли Н. И. Гусарова, риск вполне приемлемый. Он предложил взять зимнее обмундирование для формирующихся в области дивизий у родителей и жен красноармейцев: пусть шапки-ушанки, валенки и полушубки своим близким перед отправкой на фронт привезут.

В докладе легко обнаруживаются черты импровизации: в раздраженном тоне, в частых повторах, даже в сбивчивости изложения. Личное начало в нем не упаковано в застывшие формулы партийного лексикона. Оно все время прорывается наружу, что позволяет обнаружить, скажем осторожно, фрагменты, или сле-

¹² Э. Ч. Кардона. Движение огородничества в советском тылу в 1941–1945 гг. // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / Отв. сост. Беате Физелер и Роджер Д. Марквик. М., 2019. С. 51.

ды жизненного мира Николая Ивановича Гусарова — кадрового партийного работника 36 лет, уроженца Николаевской слободы Царицынского уезда Астраханской губернии, отца семейства, человека, едва затронутого образованием и мало интеллигентного.

В его жизненном мире главной величиной был Сталин. Ему Гусаров старался подражать даже в мелочах, в одежде, манере говорить просто и прямо, что зачастую оборачивалось грубостью и прямолинейностью. В среде партийных начальников, равных ему по рангу, к нему относились свысока: слишком напорист, готов идти напролом, исполняя приказания свыше и в общем, недостаточно гибок и не слишком умен. До поры до времени это Николая Ивановича не смущало. Он был вполне удовлетворен, более того, счастлив тем, что на него падал отблеск сталинского величия, и он мог сам светить вокруг хоть и отраженным, но сталинским светом.

В его мироздании Сталин был центром вселенной, приводящим в движение по своим орбитам самые главные «планеты» советского мира: партию, индустрию, армию, сельское хозяйство. Орбиты могли сбиваться с намеченного курса, искривляться под влиянием вражеских происков, давления пережитков прошлого, в том числе бюрократических извращений. На своем посту необходимо, стало быть, проявлять бдительность, вовремя сигнализировать, но и самому исправлять положение в духе указаний товарища Сталина.

Этот мир был населен самыми разными по значимости и ценности людьми: мужчинами и женщинами, активистами, и отсталыми мужиками и бабами, ценными работниками и мало к чему пригодными стариками, советскими патриотами и враждебными элементами. Относиться к людям следовало по-деловому: мобилизовывать на выполнение государственных задач, если нужно — поощрять, если нужно — карать. Но при этом всегда воспитывать, заставляя их отказываться от вредных досоветских привычек — тяги к благополучию, семейному покою, в общем от примата личного над общественным. По его представлению, женщины были менее всего восприимчивы к советскому воспитанию; в них Н. И. Гусаров находил намерение вести «паразитический

образ жизни», жить за счет денежных аттестатов — отчислений от воинских окладов, пересылаемых семье. На вопрос из зала, а что делать с «тысячницами» (так в Молотовской глубинке называли жен старшего и высшего комсостава, получавшими по аттестату 1000 рублей и больше), Гусаров ответил: «Надо и семьи начальствующего состава приучать к работе, иначе горе им будет, если муж будет убит. Что же она на пенсию проживет, что ли. Лучше пусть сейчас пообидится, а потом будет благодарить»¹³. Если же будет противиться — выслать в колхоз, там поймет, что к чему.

К перечню отсталых настроений и вредных позиций Н. И. Гусаров причислял и простые проявления гуманности. В своем докладе он возмутился словами агитатора из далекого Фокинского района, который на вопрос о причинах отступления Красной Армии ответил, что мы людьми дорожим, а не городами: «Мы говорим — для того, чтобы завоевать счастье для всего народа, надо идти на смерть людей, а тут разную филантропию разводят. Мы так продорожим, что Советского Союза не хватит, если так будем дорожить». Люди для Н. И. Гусарова были, прежде всего, расходным материалом. В этом отношении он был очень похож на кадровых работников своего поколения¹⁴.

В настоящем издании доклад публикуется без извлечений. В качестве приложения публикуется постановление пленума с правками, сделанными рукой Н. И. Гусарова. Текст опубликован с сохранением всех его стилистических особенностей. Без оговорок устранены орфографические ошибки. Отточие без скобок — это отточие документа. Научно-справочный аппарат издания: введение и комментарии, снабженные ссылками на публикации и архивные материалы, пронумерованы в пределах одного документа.

¹³ Стенограмма VI пленума ... Л. 92.

¹⁴ Можно согласиться с его сыном, написавшим впоследствии: «Мой отец ничем не хуже и не лучше тех, кто сейчас помахивает ручкой с мавзолея, или составляет «среднее звено», или уже разводит розы и пишет мемуары, или сам попал под колеса победоносного локомотива истории» (В. Н. Гусаров. Мой папа убил Михоэласа ... С. 9).

Авторы благодарят ведущего архивиста ПермГАСПИ Максима Алексеевича Финогенова за большую и бескорыстную помощь в выявлении стенограммы VI пленума и сопутствующих ей материалов в фондах Пермского государственного архива социально-политической истории.

Стенографическая запись доклада секретаря
Молотовского обкома ВКП (б) Н. И. Гусорова
на пленуме областного комитета партии
20 октября 1941 г.

Товарищи, после начала войны пленум нашего областного комитета партии собрался впервые. Суровые и грозные дни пришлось испытать за это время нашей стране.

Над нашей страной нависла смертельная опасность, нависла опасность над нашей родиной, над рядом крупнейших городов нашей страны.

Прекрасное и величественное здание социалистического государства, основы которого были заложены в дни Октябрьской Социалистической революции, над созданием которого в течение 24-х лет героически трудился наш советский народ, вдохновляемый самыми прекрасными и благородными идеалами, каких никакое любое не знало человечество. Это великое социалистическое государство — детище большевистской партии, партии Ленина-Сталина, стоит перед лицом смертельной и грозной опасности.

Как известно, враг захватил советскую Украину, Белоруссию, отрезал Крым, наступает на Донбасс. Угроза создается Ростову. Последние события — прорыв фашистских войск на западном участке фронта, показывает о том, что врагу удалось прорвать и подойти к Москве, находится на подступах к Москве, Москва сейчас находится в величайшей опасности.

Товарищи, большевики всегда отличались тем, что они умеют смотреть правде прямо в лицо, как бы это правда не была сурова и горька. Не следует приукрашивать действительности и сей-

час. Мы стоим перед лицом событий, каких история еще не знала. Над нашей родиной бьет грозный и решающий час.

Враг поставил на карту все, он собрал все свои резервы, организовал мощный бронированный кулак и пытается дать нам решающий и смертельный бой. Все то, что было с начала войны до последнего наступления никакого сравнения не может иметь с настоящим наступлением. Для Гитлера это наступление также является последней и решающей ставкой. В этом не может быть никакого сомнения¹.

Беспристрастные иностранные наблюдатели совершенно обоснованно заявляют, что если Гитлер не выиграет настоящего наступления, то он не выиграет его никогда. Действительно, сейчас со стороны Германии делается все, чтобы выиграть это наступление — генеральное наступление.

Под бешеным натиском немецких полчищ наши войска вынуждены были отступить. Несмотря на беззаветную храбрость, беззаветную преданность нашей Красной Армии, наших бойцов. В чем причина. Одной из важнейших причин, что на стороне врага перевес в технике и самый главный перевес — это в танках.

Танков у немцев в несколько раз больше наших. У нас большое количество танков, у него больше и значительно больше. Кроме этой причины — перевеса в технике, мы имели проявление слабости со стороны нашего командного состава, на ряде участков растерянность, которую мы имели у целых частей, как например отсутствие выдержки и хладнокровия¹¹.

Беспечность, которой заражены были как гражданские люди, так и военные люди на многих участках, благодущие. Этим в значительной степени объясняются те успехи, которые удалось достигнуть врагу в данном наступлении и в этой войне.

Товарищи, наше Советское государство в смертельной опасности. Ликвидировать эту опасность должны мы сами, наши советские люди, наша армия. Мы иногда неправильно занимались пропагандой, когда надеялись на какие-то объективные причины или на приходящие причины, тогда как никаких объективных причин, вроде того, что зима придет, замерзнут фашисты и мы их на санях вывезем, или союзники дадут все и тогда победа будет.

Вопрос стоит так, что решающим является наша Красная Армия, решающим является советский народ и лелеять на приходящие причины, тем более объективные, особенно газеты наши страдают этим, газета «Звезда» страдала: «Зима придет все фашисты замерзнут». Зима придет, принесет трудности не только для фашистов, но и для нас. Решающим видят наше упорство, наше настойчивость, наше бесстрашие наши резервы, которые мы должны готовить и бросать на фронт.

Исход этой борьбы должны решить мы, большевики, должна решить наша партия. В наших руках организующая сила большевизма, мы руководим советским народом, армией, всем советским государством. Мы безусловно победим, если сумеем использовать в полной мере эту организующую силу большевизма. На нас, большевиках, лежит задача нести в массы суровую правду о том, в каком положении находится наша страна и что с ней будет, если удастся восторжествовать врагу. Но меньше хвастливости, болтологии о непобедимости, больше суровости, больше разъяснения истинного положения, с тем, чтобы вызвать у народа еще большую ненависть к врагу, чтобы вызвать ярость народа против немецких фашистов, сознавать всю глубину опасности грозящей нашей родине, но не впадать в панику, в малодушие. Сознание опасности удесятерит решимость каждого гражданина. Мы должны говорить истину нашему народу, чтобы поднять его на суровые тяжелые дела, поднять его с тем, чтобы помогать нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии, героически борющейся на фронтах, отстаивающей каждую пядь советской земли, помогать Красной Армии, которая сейчас приняла на себя невиданный в истории удар, всю эту мощную военную машину, которой располагает немецкая армия.

Товарищи, сейчас, как никогда, мы — большевики, наша партия должны руководить нашим советским народом в полном и подлинном значении этого слова. Ближе встать к массам, крепче охватить их своим большевистским влиянием, организовывать, воспитывать массы в боевых делах, поднимать на боевые подвиги, помогать им распознавать врагов, поднимать массы против всего того, что мешает нашей борьбе, что мешает нашей победе.

Сейчас, как никогда, мы должны быть вместе с массой и во главе масс. Помня указание Ленина, который говорил: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервы, больше источников, силы, больше выдержки в народной массе»^{III}, понять всю серьезность обстановки и глубину опасности, грозящей нашей родине, отрешиться от настроений благодушия и беспечности, покончить с успокоенностью, мобилизовать все силы и напрячь все усилия, чтобы отбить новые наступления, новые атаки врага. Такова очередная задача всех партийных, советских организаций, всего советского народа.

Нужно начинать прежде с наших собственных партийных рядов, беспощадно и до конца вытравить всякое проявление беспечности, благодушия, разгильдяйства, расхлябанности и неорганизованности.

В июле 1919 года Ленин в письме Центрального Комитета к организациям партии писал: «Наступил один из самых критических и, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции. Все коммунисты, прежде всего и больше всего, все сочувствующие, все честные рабочие и крестьяне, все советские работники должны подтянуться по-военному, максимум своей работы, своих усилий и забот подчинить непосредственно задачам борьбы на быстрый отпор нашествия Деникина, сокращая и подчиняя этой задаче всю свою остальную деятельность. Советская Республика, окруженная врагами, должна быть единым военным лагерем не на словах, а на деле»^{IV}.

Это указание товарищем Лениным в полной мере применимо и к обстановке сегодняшнего дня. Если сравнить активность противника, то сейчас опасность такая, которой не было за всю историю нашего существования.

Превратить нашу страну в единый военный лагерь, все подчинить интересам фронта, организации победы над врагом — вот чем должна жить сегодня и над чем работать каждая партийная организация, каждый коммунист, каждый гражданин Советского Союза.

Не может быть сомнения в том, что мы победим, что враг будет разбит, но тот, кто считает, что эта победа будет делом

нескольких дней, что вот, дескать, сейчас блицкриг провалился у немцев, осталось только нанести удар по врагу, как этот враг будет разбит, что наступит такое утро, когда сводка Советского Информбюро в 6-ть часов утра передаст, что враг разбит — кто так думает и надеется на такую победу, тот просто идиот и дурак. А многие, именно так и настроены, многие думают на резиновых шинах проехать всю страну. Думают, что война как-нибудь боком пройдет, что война их не заденет.

Такие люди, которые надеются на то, что обойдется без него. Таких у нас еще много. Мы, безусловно, победим, но эта победа будет делом нелегким. Много жертв, тяжелых лишений и невзгод предстоит вынести всему народу на пути к этой победе. Не надо забывать, товарищи, что на Гитлера, на его армию работает вся порабощенная Европа, что все крупнейшие военные предприятия Германии, Франции, Италии, Бельгии, Чехословакии и других порабощенных Гитлером стран работают на фашистскую армию.

Красная Армия и весь наш советский народ стоит перед новыми крупными испытаниями. В связи с этим генеральным наступлением наиболее серьезно из всех, какие до сего времени были. Враг все поставил на карту, его напор полный бешенства и ярости. Только стойкостью бесстрашием, безграничным мужеством Красная Армия и советский народ может переломить хребет обнаглевшему озверевшему фашизму. Потери огромны, но его силы еще очень велики. Чтобы разбить и уничтожить эту крепко-организованную по своей технике военную машину, потребуется тяжелая неустанная борьба. К этой борьбе мы должны сейчас готовиться и быть готовыми. Победу кует тыл. Материальные ресурсы и людские резервы у нас неограниченные.

Задача состоит в том, чтобы поставить все эти резервы, все наши ресурсы на службу борьбы с врагом, на службу фронту. Изготавливать оружие, танки, пушки, самолеты, снаряды, патроны. Все это сейчас нужно в огромном количестве. Ибо победить можно тогда до глубины вооруженного врага, победить можно при условии создания вооружения, безусловно, перевес будет. Нам нужно сейчас день за днем, час за часом учить наши людские резервы, превращая их в военные ресурсы Красной армии.

Нужно добиться такого положения, чтобы ни одного коммуниста не было не умеющего владеть оружием, даже самого ответственного, которые, между прочим, отвливают от военного обучения, иной даже пушку имеет, я имею ввиду револьвер, не умеет пользоваться.

Надо навести порядок в наших воинских частях, урок который мы имели в результате того, что недостаточно уделяли внимания воинским частям, где слишком много и большое количество неполадок и недоделок. Надо навести порядок, усилить подготовку кадров, способных воевать в такой сложной войне, способных воевать с такой вооруженной армией противника.

Товарищи, за 4 месяца войны наша партийная организация провела огромную работу по обеспечению фронта людским составом, вооружением и многими другими необходимыми средствами войны. На призыв товарища Сталина по обеспечению усиленной работы всех предприятий трудящиеся области ответили невиданным производственным подъемом. Патриоты нашей страны, трудящиеся нашей области, работая на предприятиях в шахтах, на транспорте, в колхозах проявляют свои способности, инициативу, борются за увеличение продукции, за создание вооружения для Красной Армии.

Многие предприятия без дополнительных средств, без дополнительного оборудования с меньшим количеством людей стали производить больше продукции, чем производили в мирное время. Правда это относится не ко всем предприятиям.

Все для фронта, все для победы над врагом — под этим лозунгом значительная часть наших предприятий по-военному быстро осваивают новые виды продукции и выполняют заказы для фронта.

Такой крупнейший завод как 172 завод им. Молотова в дни войны значительно увеличил выпуск продукции, быстро и четко выполняет на протяжении всего периода войны заказы фронта^V. Парторганизация и хозяйственное руководство 172 завода правильно оценили обстановку и угрозу нависшую над нашей страной и перестроили свою работу в соответствии с требованиями времени, повысили требования и ответственность на всех участках за порученную работу, развертывают решительную борьбу

за повышение производительности труда, используя все технические и производственные ресурсы завода. И несмотря на то, что было время, когда заводу давали задание в середине месяца, завод 172 с честью выполнял и эшелоны пушек давал фронту.

И в последней беседе с товарищем Сталиным, товарищ Сталин оценил очень положительно артиллерию, что артиллерия наша имеет превосходство по сравнению с немецкой артиллерией и значительный вклад в это дело сделали наши молотовцы.

Правильно поступают те руководители, которые на существующей производственной площади, на существующем оборудовании и не надеясь на привозное дополнительное, обеспечивают выпуск продукции и выполнение заданий.

Неплохие образцы работы показал и коллектив завода имени Дзержинского, который также на протяжении всей войны четко, точно выполняет задание Комитета Оборона, любого задания, которое ему давалось^{VI}. Несмотря на огромное увеличение рабочих, служащих, инженерно-технических работников проявляют не меньшее желание помочь фронту, обеспечить героическую борьбу Красной Армии более мощным и новым оборудованием. За это время коллектив завода освоил много новой продукции. Достаточно сказать, что он в течении одного месяца изготовил для того, чтобы выпускать новой продукции, только одних станков 230 станков. Это сделали большевики, которые поняли опасность, серьезность угрозы для нашей страны и которые являются настоящими большевиками, а не людьми, которые думают больше о своем личном житишке.

Высокая требовательность к себе и ко всем коммунистам на заводе им. Дзержинского, повседневный контроль за выполнением заданий Комитета обороны, поручений парторганизации, сумели большевики завода им. Дзержинского добиться значительных успехов в работе. На этом заводе коммунисты — подлинные вожаки и организаторы масс, показывающие пример лично.

За время войны улучшилась работа угольной промышленности, досрочно выполнен план значительным количеством шахт, но тем не менее, еще не все предприятия работают удовлетвори-

тельно, многие предприятия работают не только неудовлетворительно, но даже хуже мирного времени. Об этом я буду говорить ниже.

В колхозах в связи с войной произошли значительные и коренные изменения. Большинство колхозников в дни войны старались вложить все свои старания, все свои желания, как бы лучше помочь фронту. Многие парторганизации, колхозы на деле возглавили трудовой подъем колхозников и добились значительных успехов. Но, товарищи, значительная часть предприятий, очень значительная часть в колхозах и целым районом, которые раньше у нас были не на плохом счету: Кунгурский, Уинский, Березовский, Ординский стали работать отвратительно, преступно. В сельской местности сказалось также благодушие и беспечность. Многие наши партийные руководители переоценивали свои успехи.

Кого бы ни спроси из секретарей райкомов — но как дела в колхозах, отвечает — работают, все как полагается, а сами не видели за этим общим подъемом, который безусловно имелся в колхозах, не видели истинного положения в ряде колхозов, не видели назревавшего провала. Не видели, что в ряде колхозов колхозники работали по 6–8 часов, тогда как на предприятиях, заводах рабочие работают по 12–14 часов. Это позор, когда во многих колхозах выходили на работу в 10–11 часов дня. Этого руководители парторганизации не видели, допуская беспечность, близорукость в этом вопросе.

Товарищи, наша областная партийная организация послала в ряды Красной Армии около 8000 коммунистов, одна четвертая часть состава областной парторганизации находятся в Красной Армии.

Выполняя указание ЦК партии, мы провели ряд партийных и партийно-комсомольских мобилизаций. На фронт послали сотни лучших коммунистов, комсомольцев на политическую командную работу в Красную Армию. Посланные нами на фронт коммунисты, комсомольцы героически дерутся против обнаглевшей банды Гитлера. Получаемые с фронта известия говорят, что коммунисты и комсомольцы нашей области с честью оправдыва-

ют оказанное им доверие, хранят честь и боевую славу большевиков Урала. Мы получаем с различных фронтов высокую оценку уральцев. Я зачитываю Вам письмо начальника штаба армии Брянского фронта (читает).

Недавно получили письмо с Карельского перешейка, защитников Ленинграда. Командование пишет, что пополнение, которое пришло из нашей области, дерется храбро, и являются на фронте самыми почетными людьми. Много большевиков из Молотовской, Лысьвенской, Соликамской, Березниковской организации сейчас действительно заслуженно пользуются этим почетом и славой.

Я не буду зачитывать всех писем, которые мы получили, но это показывает, что пополнение мы давали неплохое, но нам нужно дать гораздо больше и еще лучшего качества. Война с сильным и опасным врагом требует большие пополнения. Наша армия должна пополняться партийными работниками. Партийные организации должны готовить коммунистов и комсомольцев для пополнения нашей армии, храбрых бесстрашных в бою, готовых умереть во имя победы над врагом, бесстрашных, которые считали бы лучше смерть в бою, чем длительное рабство.

Наряду с этими положительными сторонами, мы имеем много крупных недостатков в нашей мобилизационной работе, в частности по отбору специальных отборных частей.

Недавно мы формировали лыжные части, но многие районы отнеслись к этому делу по-чиновничьи, преступно^{VII}. Особенно такой район, как Кагановический, который свыше полсотни людей-калек дал, или без глаза, или хромых, или без какой-нибудь кишки. В Кагановическом районе в Райвоенкомате и Райкоме партии умудрились принимать вообще патриотов, независимо от того, годны они, или нет, лишь бы были патриоты. А то, что у него руки или ноги нет, это для него безразлично. Они никакой медицинской комиссии не проходили. Говорят — если желает — принимать и все. И напринимали. Ворошиловцы также поступили, отобрали в лыжные части не умеющих ходить на лыжах. Орджоникидзевский район и ряд других районов, которые отнеслись к этому делу просто преступно. Тем более отборные части. По-

лучилось это потому, что у многих еще ведомственные интересы часто стоят выше общегосударственных интересов. Я имею ввиду директоров оборонных заводов, о которых я буду говорить позже. Люди избалованные, привыкшие к тому, что на протяжении всего времени у них людей не брали. В мирное время у них даже не призывали никого в армию, а вот сейчас, как только малейшая трудность, они не в состоянии обернуться и заменить другими людьми. Об этом мы еще поговорим.

Нужно установить контроль над тем, чтобы все уходящие в Красную Армию были, во-первых, годными для войны, могли бы быть достойными защитниками нашей родины.

Вместе с тем сейчас нужно обращать внимание и на такие вопросы, чтобы людей отправлять одетыми. Что получается? В армию идет, надевает самую что ни на есть рвань. Так как мы сейчас не в состоянии ввиду того, что у нас огромнейшая армия, мы не в состоянии сразу одевать, а у людей то обуви нет, то одежды нет, и они не могут заниматься. Разве у отправляемого в армию нет пиджака, или полушубка, разве у него нет штанов, разве он все время без штанов ходил, хотя некоторых прямо в одних подштанниках посылают. На это дело, несмотря на предупреждения, райкомы партии и райвоенкоматы не обращают внимания.

Товарищи, нужно не только говорить на словах о том, что мы за победу над врагом и т. д. Нужно на деле сейчас, в каждом практическом, конкретном деле ковать победу, помогать обеспечить Красную Армию и пополнение и материально^{VIII}.

В связи с большим призывом, в сельской местности многие партийные организации не сумели сразу безболезненно подменить людей, а некоторые подменяли так, что подменят одного, он на завтра тоже уходит в армию. Проявили близорукость многие партийные руководители. Подменяют уходящих в армию такими людьми, которые обязательно также должны уйти в армию, не выдвигали взамен уходящих в армию людей, которые могут работать постоянно, особенно женщин. Я имею ввиду, главным образом, председателей райисполкомов и сельисполкомов. Эта робость, нерешительность, боязнь как бы чего не вышло, привели многие сельские организации к серьезным последствиям: провал

в деле уборки в ряде колхозов, благодаря тому, что по 3–4 раза менялись председатели. Возьмут у них рождения 1918 года, они взамен поставят работника рождения 1916 года. Потом этого с 16 года возьмут, тогда поставят 15 года, вот вам бирюльки играют.

Товарищи, сейчас мобилизационная работа будет проводиться очень большая. Мы должны сейчас сформировать новые крупные стрелковые части. И должна быть огромнейшая партийная прослойка. Скомплектовать такие части, которые бы пошли защищать Москву, по-настоящему защищать нашу родину. Если директора, руководители предприятий, наркоматы будут стоять на ведомственной позиции, будут бояться малейшего нарушения спокойствия, мы такие сильные части не сможем скомплектовать. У нас сейчас, главным образом, остались коммунисты на оборонной промышленности. Надо самым решительным образом двигать женщин в производство, надо чтобы буквально целые семьи работали на производстве. А то получается, как только возьмем одного-двух, сейчас завоюют — производство останавливается. Товарищи, надо остановиться.

У многих предприятий не останавливается дело, руководители которых руководят по-настоящему, остановится у тех директоров, которые бездельники, у которых ничего большевистского не осталось.

Мы сейчас будем брать с оборонной промышленности людей, потому что у нас там наиболее крепкие кадры и наиболее крепкая партийная прослойка.

Особенно плохо мы заменяем на предприятиях и сельском хозяйстве, благодаря чему многие районы провалились, провалились из-за того, что 2 года проболтали о подготовке женщин трактористок и комбайнерок, а когда дело дошло по-настоящему, то комбайны и трактора поставили на прикол. Потому, что не видели реальной угрозы в мирное время, а сейчас почувствовали по-настоящему, но уже поздно. Многие руководители хозяйственных предприятий научились и сейчас усиленно готовят кадры, главным образом из женщин. Нужно готовить кадры из женщин для промышленности и в сельском хозяйстве.

Те стрелковые части, которые сейчас планировать, они должны пойти, главным образом за счет обученного контингента, большой процент коммунистов.

У нас есть в нашей области уже подготовленная Уральская дивизия, несколько дивизий, надо их также пополнить коммунистами и комсомольцами и этим самым еще больше укрепить боевое качество этих дивизий.

Мы сейчас дали задание дополнительно послать в эти дивизии, в частности Кунгурскую, комсомольцев, коммунистов.

Товарищи, в связи с войной встал новый вопрос — это вопрос об эвакуированном населении, об эвакуированных предприятиях, трудоустройстве эвакуированного населения прибывших и прибывающих в нашу область. Это очень важная и большая задача. Многие наши партийные работники плачутся от разных кукол-орангутангов с длинными ногтями и накрашенных барынь. Плакаться можно, но надо заставить их работать, потому что паразитический образ жизни вести никому не позволительно, даже если они из числа семей ответственных работников. Надо, товарищи, твердо поставить, чтобы все работали, и кто в колхозах не работает, тому не оказывать никакой помощи.

Надо решительно сказать этим людям, что они должны работать. Но вся беда в том, что многие работники настоящим политическим языком не вели даже разъяснительной работы среди эвакуированных, а просто объявляют — ей, выходи на работу и все. Ясно, что есть люди, которые отвыкли работать, и эти дуньки, их немного, но значительная доля эвакуированных работает и хорошо работает, и задача парторганизации их приобщить к работе.

Все-таки, товарищи, надо понять, что нарушение мирной жизни в связи с эвакуацией — это не такое простое дело и у нас иногда из-за одной-двух барынь относятся ко всем эвакуированным неправильно. С этим нужно покончить, потому что эвакуация — бедствие народное. Вы думаете, приятно, что люди за 1000 километров вынуждены поехать с детьми, со стариками. Нет, это дело неприятное.

Нам надо уделить этим людям такое внимание, которое бы не создавало у них ненужного настроения. Ведь большинство из эвакуированных семей красноармейцев, командиров, политработников, и просто будет преступлением, если мы будем незаслуженно к этим людям относиться, создавать в них отрицательное отношение. Это сейчас важнейший участок в работе парторганизации, и все дуньки, которые там завелись, с ними просто надо повести усиленную работу, кроме того, выполнить указ и выселить из города Молотова и на паспорте делать запрещение проживать в городах, а там в колхозах запретить председателям колхозов оказывать помощь тем, которые ничего не хотят делать^{IX}. Конечно, это не относится к людям, которые обременены ребятишками.

Нужно так поставить, чтобы не было у нас ни одного сейчас трудящегося не работающего и могущего работать, но не работающего сейчас. Некоторые рассуждают, что я обеспеченный, что я за мужа получаю или муж обеспечивает, да дело не в том, что они не нуждаются, а дело в том, что это в интересах родины, в интересах победы над врагом, нужно, чтобы каждый человек работал.

Сейчас с 1 октября разворачивается обязательное военное всеобщее обучение, но это всеобщее военное обучение началось не везде одинаково, в одних районах лучше, в других хуже^X. Лучше дело организовано по военному обучению в Сталинском районе, хуже в Кагановичском районе. С самого начала военного обучения Сталинский райком партии проделал огромную работу по учету людей, по подбору состава, по учету материальной части, оружия, подбору наглядных пособий, по изготовлению собственными силами макетов, винтовок, пулеметов и др. учебного пособия.

В ряде районов относятся к этому как к какой-то игрушке и не уделяют всеобщему того внимания, какое он должен иметь, считая, что раз это дело возложено на райвоенкоматы, они и должны заниматься, но это неправильно. Только потому, что в ряде районов все возложили на райвоенкоматы, там плохо обстоит дело. Партийные и комсомольские организации должны быть

душой всеобуча, только тогда мы подготовим действительные резервы для Красной Армии, а их нужно усиленно и усиленно готовить.

Многие теряются, говорят — вот материальной части нет, того-то нет, в некоторых сельских районах не найдут кто бы обучал. Почему бы не привлечь работников НКВД, милицию. Их нужно привлечь самих учиться, а также заставить их обучать, а у нас есть такие, как например, начальник областного управления милиции т. Скрипник, ходатайствует, чтобы не загружали его работников, а то они уже вроде перестали нести милицейскую службу. Все это ерунда. Надо всех привлечь для всеобуча.

Оружие надо использовать для учебных целей, которое имеется в органах НКВД и милиции. Надо обучить всех людей. Надо использовать возможности, которые имеются там, где имеются военные части. Они также должны помогать всеобучу. У нас военных частей очень много. Можно организовать так, что оружие круглые сутки было бы использовано. Нечего тут теряться, а надо серьезно заняться и во главе этого дела должны встать райкомы партии.

Неважно проведена подготовка по всеобучу в Соликамском районе и ряде других районов. Особенно надо обратить внимание, чтобы обучались военному делу коммунисты. Опыт войны показал, что многие руководящие работники не только не могли организовать людей для отпора врага, а сами себя защищать не могли. Некоторые директора предприятий не могли организовать только потому, что они никогда в руках не держали винтовку. Это позор для многих коммунистов. Надо это дело исправить теперь во время всеобуча. Надо, чтобы независимо от чина и должности каждый обязательно прошел всеобуч. Обидно, что хотя бы служившие в армии отлынивали, а то отлынивают люди, которые никогда не служили в армии, они всю жизнь отлынивали от армии, отлынивают и сейчас. Все под флагом ответственности, что он ответственный работник. Надо заставить всех обучаться военному делу и как можно быстрее.

Пользуясь внезапностью нападения и имея превосходство сил на отдельных участках фронта, враг захватил значительную

территорию нашего союза и значительную часть промышленных областей. Сейчас в связи с этим продолжают эвакуироваться промышленные предприятия в глубокий тыл. Нарушение промышленности в прифронтовой полосе возлагает на нас большую задачу. Урал является арсеналом нашей армии, в связи с этим особая большая задача как можно быстрее пустить эвакуированные предприятия в ход. Это наше кровное дело, как можно скорее пустить эвакуированные предприятия, чтобы они быстрее выпускали продукцию для фронта. У нас считают, что или это дело Наркомата, или директора, приехавшего с предприятием, но бывает и наоборот — приехавший директор чувствует себя баринном, рабочие отлынивают. Но в большинстве недостаточно оказывают помощь в разгрузке. Нужно поставить дело так, как только на подходе предприятие, нужно чтобы были подняты на ноги и дирекция и советские организации, чтобы разгрузка была молниеносной. Никакие нормы не являются основанием руководствоваться, вагоны должны разгружаться быстро и направляться на фронт. Нужно, как только прибывает оборудование, организовать разгрузку, организовать строительные работы и установку оборудования. Особенно уделять внимание размещению рабочих прибывающих предприятий. У нас многие коммунисты даже настолько взвыли от уплотнения, настолько их задела мирную, тихую жизнь: «Как это на мою площадь вселяют, оставляют одну комнату». Это бесспорно недопонимание той обстановки, которая существует, или незнание что, в конце концов, такие последствия эта война несет. Мы не будем останавливаться вплоть до того, что будем выселять в деревню, будем людей, не связанных с оборонной промышленностью, если не будут помогать расселению, выселять в сельскую местность. Вопросом расселения людей эвакуированных с предприятиями и пуск этих предприятий должны заниматься все, это важнейшая задача. Демонтирование предприятия, дорога занимает дней 10, на установку 2 или 3 недели, а эти заводы делали авиабомбы, снаряды, это отражается на Красной Армии.

Товарищ Кожевников завод Днепропетровска три месяца пускал^{XI}. Предприятие, приехавшее с Днепропетровским заводом,

выполнило программу сентябрьскую и часть августовской программы, а 19-й завод 3 месяца пускал и сейчас еще продукцию как следует не дает. Нельзя так относиться к эвакуированным предприятиям, их нужно как можно быстрее пустить.

Мы, товарищи, имеем все возможности принять на себя выпуск значительно большей продукции, чем мы выпускали до сего времени. Мы сейчас должны исходить из того, чтобы возместить потери, которые вызываются эвакуацией предприятий. Родина требует от трудящихся нашей области увеличить выпуск продукции, особенно оборонной, следовательно, наши предприятия должны сейчас, как никогда, обеспечить выполнение заказов с фронта, бесперебойно обеспечивать Красную армию и Военно-морской флот вооружением и боеприпасами.

У нас в области имеются огромные резервы угля, нефти, металла. Мы должны их максимально дать для пользы страны. Однако, у нас есть отдельные предприятия, которые работают очень плохо, не выполняют заказы фронта, руководители их не перестроили работу на военный лад.

Почему, например, Лысьвенский, Чусовской металлургические заводы, завод имени Сталина, трест «Прикамнефть» до сих пор не выполняют задания, которое дает им Комитет Оборонны. Хозяйственные и партийные руководители этих предприятий не поняли всей глубины опасности, нависшей над нашей родиной, именно, не поняли, хотя они клянутся и божатся.

Мне товарищ Сталин в последний раз при беседе сказал следующее: «Если бы Вас побомбили, тогда бы вы лучше работали. И если этого не сделают фашисты, мы зашлем их вас побомбить»^{xii}.

Беспечность, соблюдение всех процедур и мирных порядков, которые укоренились на ряде заводов, дают еще себя чувствовать.

На самом деле, шумят о войне, каждый день склоняют и славословят войну, а работают не по-военному, на самом деле расхлябанность, распушенность, бесконтрольность работы ряда участков, бесконтрольность работы отдельных руководителей на ряде предприятий приводит к тому, что задания не выполняются.

Каждая партийная организация должна руководить и направлять работу таким образом, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы, с воспитанием патриотического отношения к труду, с неуклонным выполнением в связи с требованиями партийной, государственной и трудовой дисциплины. Это особенно необходимо в период войны, когда партийные организации как никогда должны быть связаны с массами, вести массы к победе над заклятым врагом.

Взять Лысьвенский металлургический завод. Этот завод систематически не выполняет задания фронта, особенно по механическому производству. Имеются огромные простои станков. Только по второму цеху простои в сентябре достигли 60 345 станков-часов. На этом заводе был зам. наркома, секретарь обкома партии сидел, ходили по заводу гурьбой, а Лысьва как была, так и осталась Лысьвой.

Запущенность партийно-политической работы на Лысьвенском металлургическом заводе просто трудно себе представить. Там на собрание рабочих так приглашают: становятся на лестницу и говорят рабочим: «Подожди, не ходи, сейчас будет собрание». Люди из-под рук, между ногами проскакивают и убегают.

Запущенность, на других предприятиях, если узнают, что доклад собрание — люди жаждут послушать, а на Лысьвенском заводе удержать не могут. Это запущенность партийно-политической работы.

Партийная организация завода и Лысьвенский ГК не приняли своевременно мер для устранения недостатков, мешающих заводу, в частности, для ликвидации брака, для помощи рабочим, не выполняющим план. У них огромное количество не выполняющих плана, даже на Лысьвенском заводе есть 40 коммунистов, которые не выполняют производственного задания из 256, находящихся на производстве. Это показатель, насколько поставлена партийно-политическая работа.

Крайне неудовлетворительно идет дело на заводе им. Сталина. Завод в течение 3-х месяцев не выполнял заданий по новой машине, но техническая оснащенность такого же рода, я уже го-

ворил — он первоклассный завод. А вот это первоклассное оборудование, огромная производственная мощность используется на 60–70%. На заводе есть немало командиров производства, которые одержимы мирным настроением. Это особенно нетерпимо теперь, когда родина в опасности, когда продукция 19 завода играет огромную роль, задача, которую должны немедленно решать коммунисты завода им. Сталина — это безусловно начать выполнять заказ фронта, ужесточить техническое требование. Там работа сложная, требовательная для авиационного производства, малейшее нарушение технологии нарушает весь процесс и держит всю машину. Ослабление, которое допустили, привело к тому, что в течение 2–3-х недель работа шла впустую из-за какой-нибудь маленькой детали^{xiii}.

Парторганизация и хозяйственные руководители завода имени Сталина должны в конце концов принять все меры к тому, чтобы работать по-настоящему, работать по-военному.

Особенно беспечность проявил Майкорский завод, бывший директор завода Чертулов сорвал подготовку завода к зиме, поставил завод под угрозу остановки. Бюро Обкома сняло Чертулова с работы и отдало его под суд. Этот человек даже после вынесения постановления в июле м [еся] це о благодушии и беспечности не сделал выводов. Когда нужно было делать разгрузку, запасать руду и топливо, этот директор ходит на охоту, пьянствует, систематически справляет выходные дни. По-видимому, и секретарь райкома Меламед сам справлял выходные дни. Безусловно преступления, которые выявились на Майкорском заводе, в них целиком и полностью повинен райком т. Меламед^{xiv}. Не может быть такого положения, чтобы парторганизация не могла исправить.

Опасность, которая нависла над нашей родиной, требует строжайшего порядка и безусловного выполнения постановления партии и правительства, и государственных органов.

Тем не менее, такой завод как 98, директор, руководители, как партийные, так и хозяйственные, не хотят навести порядок и дисциплину на своем заводе, иногда даже потворствуют этим беспорядкам, которые есть на 98 заводе^{xv}.

Ведь это надо же себе представить, что в течение всей войны об этих беспорядках и с директором, и с парторганизацией говорили, нет порядка, распустили людей. Дошло дело до аварий целых агрегатов. Нарушения происходят самые элементарные. Вот последняя авария произошла на 98 заводе из-за того, что рабочий Прохоров включил бегуны, а сам пошел в баню мыться, пока мылся, произошла авария и крупная авария. Такую, с позволения сказать, работу и такое руководство в условиях военного времени надо расценивать, как преступление перед родиной.

Мы сейчас по 98 заводу посадили некоторых людей и думаем, что не напрасно посадили, сперва так сомневались, сажать или не сажать, и видим не напрасно — сволочи сидели, гитлеровские представители, поэтому и такая распушенность^{xvi}.

Много, товарищи, еще у нас благодушия, беспечности, которые нужно выжигать каленым железом и на других предприятиях.

Несколько вопросов по железной дороге. Коллектив Пермской дороги в дни войны с самого начала действовал неплохо по продвижению воинского состава, многие бригады, участки показали действительно военные образцы работы. Но, товарищи, с теми требованиями, которые сейчас предъявлены транспорту, наша дорога не справляется и не справляется в значительной мере потому, что не все еще в порядке на дороге в смысле наведения порядка, организации дела.

Запущенность большая с перевозками таких важнейших народно-хозяйственных грузов. Правда, иногда мы вынуждены были приостанавливать перевозки их, но, тем не менее, можно было сделать больше. Дорога не обеспечила плана таких перевозок, как руда, по хлебу, по бумаге и нефтепродуктам.

Недостатки партийно-политической работы и на железной дороге значительно способствуют этой неудовлетворительной работе. Если политически заряжены люди, подняты, то безусловно дорога работала бы лучше.

Товарищи, я говорил по сельскому хозяйству о том, что очень неудовлетворительно мы работаем, вдвое хуже, чем в прошлом году. У нас еще тысячи гектаров неубранного хлеба остались под

снегом, зерновые, сотни гектар остались картошки не выкопанной, и не потому уж, что такое было безвыходное положение, что нельзя было выкопать, нет, только потому, что не было квалифицированного подхода к колхозам, вовремя не успели прийти на помощь наиболее слабым колхозам, только поэтому мы имеем такой огромный провал.

Я не знаю, что думают многие секретари, члены райкомов партии, особенно таких как Ординский, Лысьвенский, Б. Сосновский, Б. Усинский, Кунгурский, Уинский, Щ. Озерский, Березовский и Суксунский. Секретари этих районов должны сказать, как могло случиться, что тысячи гектар остались под снегом, причем даже не скошенными, я уже не говорю о том, что стоит в бабках суслонах.

Вместо того, чтобы использовать все имеющиеся машины, привлечь все население, добиться большевистской дисциплины в колхозе, многие руководители растерялись перед таким фактом, как уход трактористов, комбайнеров, нарушение трудовой дисциплины колхозниками не пресекалось, особенно это в Кунгурской группе. Они воем выли, что там дивизия стоит, потому, что как жена уйдет к мужу — проведать красноармейца, так 3–4 дня гуляет^{xvii}. Можно было и этот вопрос решить, если по-настоящему политически поработать. Конечно, нельзя ходить долго гулять, но если бы систематически велась политическая работа в колхозах, то таких прогулов не имелось бы в Кунгурской группе.

Надо спросить секретарей перечисленных районов, почему они допустили такое положение, почему они допустили, что такие огромные потери такой важной продукции сельского хозяйства, которая нужна для войны. Пусть ответят товарищи, как они называют такую, с позволения сказать, работу в условиях войны, когда каждый килограмм хлеба очень важен. Такую работу иначе, как преступление перед родиной, назвать нельзя.

Из позорных фактов провала работы некоторых районов по уборке урожая секретари райкомов партии и райкомы партии должны сделать политические выводы. Надо сейчас все усилия сосредоточить на окончании сельскохозяйственных работ на обмолоте зерна и сдаче хлеба государству.

Мы сейчас по сдаче хлеба государству идем вдвое хуже, чем в прошлом году. В прошлом году в это время около 90 процентов было хлебазаготовок, а сейчас 43–44 процента. Вдвое хуже.

Наши партийные, советские работники на селе должны понять, что родина находится в опасности, что хлеб и другие с/хозяйственные продукты как никогда необходимы для государства, и они имеют не менее важное значение для обороны, чем пушки, снаряды и другое вооружение.

Одной из важнейших причин слабости работы явилось то, что райкомы партии забросили партийную и политическую работу на селе. Такое недопустимое положение надо быстро устранить и поднять уровень партийной и политической работы в колхозах, совхозах и МТС. Надо всякое благодушие, в чем бы оно не проявлялось, расценивать как преступление перед родиной.

Наша организованность и бдительность должны быть подняты на такую высоту, чтобы никакой враг и его агентура, как бы она не маскировалась, везде и всюду получала сокрушительный удар, чтобы везде и всюду разоблачалась.

Коварный враг из кожи лезет вон, пытается... в тыл Красной армии. Он идет на все подлости, не останавливаясь ни перед чем. Одним из основных средств фашистских мерзавцев и провокаторов является распространение различных слухов и вымыслов.

Задача партийного и беспартийного большевика — ни оставлять не проверенным ни одного случая, вызывающего хотя бы малейшее подозрения к человеку.

Человеку несознательному надо убедительно разъяснять обстановку, что он неправильно разговаривает, неправильно освещает те или иные факты, а провокаторов незамедлительно предавать суду.

У меня есть некоторые факты, которые я хотел бы привести сегодня из материалов нашего Наркомвнудела. Вы часто читаете сегодня в «Правде» за последнее время, как вербуют шпионов и провокаторов, различных диверсантов и засылают их в тыл. Некоторые товарищи рассуждают, что это там делается в прифронтовой полосе, а к нам они не попадают. Чтобы вы поняли, как пролезают и какими методами вербуют, я приведу некоторые факты.

У нас в области есть шептуны и распространители различных слухов, а коммунисты проходят мимо или ждут партийного собрания, так было в Лысьвенском районе, там в открытую вели антисоветские дела, а коммунисты, которые видели это, молчали. Районный комитет партии не реагировал, как следует, по-настоящему.

Я зачту вам протокол допроса одного шпиона, засланного на нашу территорию (читает).

Другой вопрос: «Кто вместе с Вами был переброшен немецкой разведкой в тыл Красной Армии?» Он отвечает, называет 14 человек. Это сразу с одного места, и значительная часть попала к нам. Дальше он называет фамилии, кого помнит.

Вот как вербовали. Распространителями различных слухов главным образом является та категория людей, которые были завербованы, а многие наши несознательные люди попадают на эту удочку, на эту провокацию.

На сколько нам нужно еще серьезно работать над повышением бдительности служит хотя бы тот факт, что в наших предприятиях и учреждениях очень мало порядка в смысле надлежащей охраны предприятий. 29 сентября была проверка паспортов на туковом, содовом заводах, на заводе 237^{XVIII}. Проверка показала, что пропускались люди на завод с недействительными пропусками и не со своими пропусками. На заводе 237 часовой задержал одного человека с недействительным пропуском, в то же время этот часовой рассказал, какие на заводе цеха, что они делают и т. д.

Работник содового завода, не имея никакого отношения к заводу 237 имеет пропуск на этот завод. Надо привлекать к суровой ответственности за такую расхлябанность и беспечность. Сейчас грань между тылом и фронтом стерлась, все должно быть начеку. Создалась грозная опасность, нависшая над нашей родиной, мы должны поднять бдительность, зоркость, настороженность.

Товарищи, следующий вопрос один из важнейших вопросов, это вопрос о госпиталях, размах войны потребовал развертывание широкой сети госпиталей. Нами много создано госпиталей в наших городах и год войны показывает, что и в дальнейшем бу-

дем развертывать сеть госпиталей^{XIX}. Мы должны быть готовы, чтобы принять раненых и больных красноармейцев не только в госпиталях, но и у себя по квартирам. В связи с этим парторганизация должна взять под свой непосредственный контроль всю непосредственную работу в госпиталях. Мы большую работу провели по госпиталям, но вся беда заключается в том, как только организовали госпиталь, как только отдали людям с петлицами, так считаем: все в порядке. Считаем, что там военные люди, что эти военные люди — какие-то святоши, забросили это дело. Ответственность за работу госпиталей с горкомов, райисполкомов ни коем случае не снимается, они отвечают за состояние в госпиталях. У нас многие партийные организации не стали следить за состоянием. В Кизеле вшей развели в госпитале, секретарь горкома, как вам известно, Устинов. Шефы уже остыли, сначала приносили цветочки и все другое, а сейчас перестали ходить, видите ли им война приелась, ослабили работу. Такое положение нетерпимо. Мы должны заниматься повседневно, серьезно, способствовать быстрейшему выздоровлению и отправке на фронт товарищей, которые находились в госпитале на лечении. Это наиболее крепкий контингент, который будет лучше воевать, чем человек, не бывший на войне.

Товарищи, сейчас грозная опасность, когда вся наша страна болеет заботой о фронте — укрепление тыла решает войну и нам, коммунистам, членам партии Ленина-Сталина, чем тяжелее обстановка, тем мы должны более по-боевому работать.

Война еще сильнее сроднила, объединила ряды коммунистов, повысила их требовательность к себе и другим. Всякий раз, как нужно, в заводе, цехе собираться коммунистам, партийным руководителям, которые должны обсуждать и решать вопросы. Сейчас особенно необходимо собираться коммунистам для обсуждения вопросов парторганизации предприятия, колхоза, обсуждать вопросы текущего момента, а у нас часто люди теряются как разъяснять. Надо собраться и дотолковаться, как понимать то или иное событие войны, международного положения.

Без обсуждения вопросов на партсобрании коммунисты работают разобщенно, оторвано от парторганизации, а это сейчас

особенно опасно. Разобщенность коммунистов лишает возможности парторганизации руководить массами, стать во главе масс. В условиях военного периода, когда наша родина в опасности, парторганизация должна быть готова для руководства в самых тяжелых условиях, в самой сложной организации борьбы в партизанских отрядах, в тылу, в различных сложных трудностях.

Коммунисты, как никогда, сейчас должны находиться ежедневно, ежечасно в самой тесной связи с беспартийными, необходимо вести работу в самой гуще масс, мобилизуя эти массы на успешную работу. Успех работы в массах много зависит от участия коммунистов в политической жизни парторганизации. Однако, за последнее время в ряде парторганизаций партсобрания не собирались в течение 2-х месяцев. Парторганизация 98 завода собиралась три раза и только четвертый раз состоялось собрание, а три раза не могли собрать. В парторганизации Токинского сельсовета Черновского района, в Ныробском районе в конторе Уполнаркомзага, в Соликамском районе в парторганизации суда и прокуратуры, там совсем прекратили проводить партийные собрания (голос с места: «там некогда было») и некоторые райкомы партии считают это некоторой заслугой, перестраивают работу, так и считают, что они перестроились на военный лад. Вот, например, секретарь Кишертского райкома партии т. Лопатин пишет: «Изменились методы работы парторганизации, собрания проходят быстро, без особых прений». Это считают достижением, вы сократите заседательскую суетню на заседании в райкоме, а на партсобрании обязательно должны быть развернуты прения. Вы не путайте партийные собрания с заседаниями райкома, а на партийном собрании должны быть обсуждены текущий момент, злободневные вопросы местной жизни, о превращении авангардной роли коммунистов на производстве и сельском хозяйстве. Парторганизации этим самым недостаточно мобилизуют коммунистов на решение поставленных задач, на повышение революционной бдительности. Не надо забывать, что там, где поставлена идейно-политическая работа, партийная и производственная дисциплина, там успешно работают за промышленность и сельское хозяйство.

И наоборот: там, где партийно-политическая работа еще не развернута и коммунисты не являются в авангарде, там недостатков значительно больше и ликвидация их значительно труднее. Чтобы ликвидировать недостатки на производстве парторганизация обязана повседневно, систематически проводить партийные собрания. Нерегулярное проведение партийных собраний объясняется слабым руководством районных комитетов, райкомы слабо уделяют внимание вновь пришедшим работникам, отсюда и такая запущенность бывает.

Сейчас особенно необходимо проведение активов городских и районных парторганизаций. Горкомы и райкомы партии забросили активы, между прочим и городские активы. А как можно руководить в этой сложной обстановке, если Вы не проводили активов в течение трех месяцев, а в некоторых районах и по полугоду не собирали.

Некоторые партийные работники не уделяют достаточного внимания работе с партийным активом. Не обязательно собирать партийный актив на 6–8 часов, два дня заседать, это можно не делать, но собирать партийный актив, мобилизовать его, ориентировать, информировать, чтобы он был в курсе дела, это обязательно нужно.

В Бардымском районе собрание партийного актива было в марте месяце, в Б. Сосновском, Карагайском, Чусовском также в марте месяце, в Молотовском районе г. Молотова собрание партийного актива было в январе месяце.

Такое же положение мы имеем с проведением пленумов райкомов партии и горкомов. Некоторые считают, что они делают большое оперативное дело, что пленумы не проводят. Тут, правда, повинен и обком партии, что затянул. Мы в самый разгар войны хотели собрать пленум обкома, но ЦК нам рекомендовал его отложить и после этого мы очень поздно собрались.

Эти недостатки работы с активом, работы пленумов райкомов, партийных собраний надо быстро устранить и обсудить партийную работу.

Комсомол должен пользоваться лучшим вниманием, чем он пользуется сейчас. Но в результате того, что партийная рабо-

та запущена, такие вопросы как работа с комсомолом, работа с профсоюзом выпадает из поля зрения партийных организаций.

Вопросы роста партии. Многие товарищи не представляют того, что сейчас в отношении роста партии вопросы обстоят совершенно иначе, чем обстояли до войны. Некоторые не понимают изменившейся обстановки и подходят к вопросу роста партии со старыми методами. Война коренным образом изменила обстановку и отношения значительной части трудящихся к тем или иным вопросам.

Если в мирное время, когда состояние в партии использовалось как некоторая привилегия, возможность попасть на тепленькое местечко, давала возможность проникать карьеристам и людям, которые все хотели делать только с личной выгодой, сейчас обстановка совершенно иная. Быть коммунистом, это значит идти на фронт, работать на производстве так, как на фронте, идти в партизаны, в случае занятия фашистами той или иной местности — быть повешенным. Состояние в партии связано со смертью.

Сейчас такие элементы, которые в мирное время шли в партию, сейчас они ограничены, сейчас они в кусты попрятались. Сейчас, если уже человек идет в партию, так это прежде всего патриот нашей родины, который хочет себя связать с партией еще теснее, до конца своей жизни бороться вместе с партией.

Сейчас нужно еще шире ставить вопрос вовлечения в партию. Надо чтобы ряды нашей партии пополнились на производстве, в колхозе, частях Красной Армии. Но нельзя быть таким..., чтобы пролезали враги народа, но вопрос роста партии должен быть развернут шире. Это важнейший и политический вопрос.

Всегда в трудную минуту наша партия прибегала к передовым людям, призывала их в ряды партии. Настоящая обстановка сейчас также ставит необходимость шире вовлекать в партию патриотов нашей родины, людей, которые готовы идти на фронт, людей, которые готовы выполнять любое задание партийной организации.

Неправильно поступают те парторганизации, которые ослабили работу по росту партии и ослабили политическую работу

с беспартийным активом. Наша партия уделяла исключительное внимание всегда проверке исполнения, однако сейчас многие наши районные, городские парторганизации забывают этот участок работы, а между тем в военное время без строгого контроля проверки людей нельзя работать. В ряде районов имеем задание по производству лыж и благодаря отсутствию проверки состояния парторганизации это дело многие предприятия местной промышленности, промкооперации и лесозаготовительной организации проваливают. Лыжи нам нужны как воздух, т. к. громадная часть армии должна быть поставлена на лыжи. Ордынский, Верещагинский, Чермозский районы проявили слабость в выполнении заданий.

Решение ЦК партии по сбору теплых вещей для Красной Армии в ряде районов и городов проводится также неудовлетворительно^{XX}. Дело заключается в том, что многие наши даже партийные руководители не поняли для чего и почему нужна теплая одежда. Многие говорили, что это для партизан, а Красная Армия не нуждается. Другие думают, что только перчатки нужны. Некоторые коммунисты, с позволения сказать, носовым платочком хотят отделаться, отнесут носовой платочек, вышитый с инициалами, и думают, что довольно. Некоторые сбор теплой одежды превратили в благотворительность, принесет подшитые валенки и думает, что довольно, он сделал все. Некоторые отдают не то, что нужно, а то, что самим не надо. Газеты наши популяризируют это, так например, газета Звезда популяризирует, что один патриот на заводе 19 подшил валенки и принес их. Если есть две пары белья, отдай одну пару. Сейчас этот вопрос для нашей Красной Армии стоит остро. Эту работу нужно проводить по-государственному, с большим размахом. Хотели отделаться тем, что не нужно, в Очерском до такого хамства дошли, организовали сводку по сбору теплой одежды и популяризируют: один принес кошачью шкуру, сырую не выделанную, поймал кошку ободрал и принес. Вот патриоты собрались, черт вас побери. Как будто не видят, что делается. Надо населению говорить, что не милостыню собираем, а государственную компанию проводим, что от наших людей требуется поделиться вещами. У каждого найдется,

что дать, у колхозников в сундуках и мануфактура, и одежда найдется. А у нас даже идущий в армию надевает на себя то, что порваней.

Нужно шире поставить работу по сбору теплых вещей, особенно, в таких районах: Березовский, Ныробский, Бардымский, Кунгурский, Ординский, Соликамский, Чернушинский, где исключительно скверно обстоит дело по сбору теплых вещей, а также в целом в Коми-Пермяцком округе. Недостаток в этом деле тот, что в некоторых районах захотели все это дело централизовать это дело в одном месте. А в Коми-Пермяцком округе целых две недели дискуссировали, каким методом вырабатывать шубы. Там появился и окрплан, который начал говорить, что технические условия не подходят, что от этих технических условий полушубок не так будет пахнуть. Столько мудрецов появилось, что они во всякое дело суют свой нос и вносят путаницу. Вместо того, чтобы сделать колхозную шубу, свалить по-колхозному валенки, начали мудрить, а наши артели в районах имеют государственные задания и не в состоянии были переработать.

Кроме того, мы очень мало шерсти собрали, даже считая необработанную шерсть, мы не имеем на то количество валенок, которое должны дать Красной Армии. Следовательно, эту работу нужно поставить шире. Нужно это дело централизовать в каждом колхозе, стараться изготавливать и организовать это дело в каждом сельсовете. Нужно говорить с колхозником напрямую, почему он дает 50 грамм шерсти, старается отделаться этим количеством, а почему бы ему не дать фунт шерсти. Поговорить с колхозником по-настоящему политически.

Особенно я сейчас обращаю внимание на районы, из которых люди служат в Кунгурской дивизии. Нужно так организовать дело, чтобы жены красноармейцев ездили сюда не просто повидать мужика, погулять с ним, а чтобы жена обязательно привезла мужу полушубок и валенки.

(Тов. Галайдин: они там спрашивают, будет ли им это засчитываться, если она мужику валенки и полушубок привезла. Я говорю, что мы засчитывать не будем).

Дело не в этом. Они у себя в колхозе в порядке общего по-жертвования отдают чулками, а тут она мужику полушубок и валенки привезет. Как ей угодно, так и нужно сделать.

Нужно также разъяснить и повести работу и в Верещагинской дивизии, чтобы люди у нас с Урала приехали одетыми и обутыми и имели бы шапки-ушанки^{XXI}. Зачем нам самим одевать их в централизованном порядке, когда они с Урала могут поехать в теплой одежде. У каждого есть жилетка, полушубок или еще что-нибудь из теплого. Во всяком случае, самое необходимое — валенки и какая-нибудь теплая одежда имеется. Нужно разрешить женам, когда они поедут последний раз прощаться, чтобы привезли теплые вещи. И вообще работу по сбору теплых вещей нужно поставить гораздо шире.

У нас у многих настроение такое. Что вот придет зима и немцы померзнут. Как бы не получилось так, что если мы не будем собирать теплые вещи, наши красноармейцы померзнут^{XXII}. Немцы пришли в Орел, обобрали всех, оставили жителей голыми — и все.

Следующий вопрос о наших внутренних хозяйственных делах, которые также должны быть в центре внимания наших парторганизаций.

Это вопрос о том, чем снабжать и как кормить наше население. Многие товарищи, особенно в городах, еще лелеют надежду, что будут какие-то фонды, за счет этих фондов будут кормить. Некоторые лелеют надежду — вот мол у нас закрытая торговля, обязательно будет чем кормить. Торговля-то закрытая, но может быть и не быть чем кормить. Если серьезно и по-настоящему директора предприятий и руководители торговых предприятий не возьмутся за подсобное хозяйство. Это буквально большое революционное дело, надо, чтобы каждый райисполком, какое-нибудь учреждение имело подсобное хозяйство, а райпотребсоюз должен иметь обязательно. В каждом учреждении, в каждом предприятии мы должны иметь подсобное хозяйство, чтобы кормить рабочих. К этому надо подготовиться, чтобы весной это сделать. Это нужно широко организовать, потому что централизованные фонды пойдут на фронт для Красной Армии^{XXIII}. А у нас пока торговые организации так работают — не занима-

ются вопросами о рыбной ловле и лесозаготовками. Если будем так заниматься — ничего не получим и мы не сможем чем-нибудь удовлетворить наше население. Между прочим теперь все валят на трудности войны, иногда бывает плохо в столовых, не потому что война, а потому что или директор столовой не обратил внимание и не интересуется рабочими парторганизация, или совершенно не уделяет внимание профорганизация и все на войну валять не следует. Некоторые трудности созданы войной, но тем не менее рабочий иногда видит где война ухудшила снабжение, а где руководители — бездельники — и больше ничего, что зависит это от него. Иногда в столовой бывает плохо потому что не могут привезти продукты, не могут изыскать транспорт для подвозки на каком-либо заводе или учреждении.

Товарищи, в дни отечественной войны, когда над нашей родной нависла грозная опасность, исключительно важное значение приобретает агитация. За время войны с большим подъемом в городах и районах проводится эта работа, проведены антифашистские митинги женщин, собрание молодежи, собрание интеллигенции.

Современная обстановка требует сейчас от каждого коммуниста, от каждой партийной организации непрерывно вести работу с населением, вести работу с массами, возглавлять эти массы, руководить этими массами. Но не все парторганизации ведут эту систематическую агитационную работу.

Если, например, взять такой, как Очерский район, то на примере его можно сказать к чему ведет плохая агитационная работа, на Очерском заводе ни секретарь парторганизации, ни директор, ни главный инженер ни разу ни с каким докладом не выступили, а привыкли работать по-старому, как работали в мирное время. Агитаторов растеряли, осталось всего шесть агитаторов и такие, которые кошачьи шкурки сдают. И в результате этого агитационная работа сказывается на примере Очерского завода, где из 800 человек рабочих, только 153 человека участвовали в сборе теплой одежды. Это показатель того, что Очерская парторганизация завода в деле агитации, в этом важнейшем деле имеет существенные недостатки агитационной работы.

Существенным недостатком многих парторганизаций является то, что очень слабо ведут агитационно-пропагандистскую работу по разоблачению бандитской идеологии фашизма и многие наши пропагандистские агитаторы проводят беседы как псаломщики, которые читают сводки Информбюро. Многие наши партийные руководители и агитаторы не делают докладов по более глубоким вопросам. Это между прочим и к военным организациям относится. А чтобы сделать капитальный доклад и систематически воспитывать ненависть к фашизму, некоторые считают, что у нас и так фашистов не любят. Это не верно^{xxiv}. Надо со всей ясностью и со всей полнотой разъяснить нашему населению, что фашизм несет и какие цели он ставит.

Кроме того, недостатком у нас является то, что не выступают руководящие работники. Вот например в Лысьве ни тов. Чертулов ни тов. Трофимов ни тов. Гердинский никто не выступает с политическими докладами, а выступают они с накачкой, а с политическими докладами среди рабочих не выступают. Этот недостаток характерен для многих райкомов и горкомов и даже для такого горкома как Молотовский, товарищ Кулик тоже самое слабо выступает с докладами среди рабочих.

У нас много народу можно привлечь для выступления с докладами и политработники должны выступать с докладами, чтобы они действительно были вожаками масс. Если сейчас спросить у рабочего кто руководитель парторганизации, ну, фамилию он может и назовет, но как же партийный руководитель в бой поведет массу, как он организует отряд, когда бы с этими рабочими никогда не говорили^{xxv}.

Надо коренным образом изменить такое положение. Надо, чтобы партийные руководители были действительно вожаками масс. И несмотря на то, какие бы города не сдавали, все равно идти и выступать среди рабочих, рабочие любят, чтобы ему прямо сказали в чем дело и почему.

Правда у нас есть некоторые докладчики, которые делают доклады так, что от их докладов мухи дохнут. Но коли сами не умеют делать докладов, надо выискивать таких людей, которые умеют делать. У нас есть люди и на производстве и везде которые

могут красиво выступать, зажигательно говорить, а это сейчас и нужно. Раньше к этим людям относились — вот говорит, у него как язык привязан, только поболтать.

Товарищи, сейчас пламенные агитаторы нам нужны, но мы их часто не знаем, потому что они занимают маленькую должность. У себя в бригаде, цеха они еще выступают, а партийная организация часто их не использует, потому что не знает. Надо этих людей взять на особый учет, людей умеющих хорошо агитировать, пламенно зажигать людей, надо их взять на учет и использовать.

Надо, чтобы город помог деревне агитационными силами. То постановление, которое запрещало нам отрывать от производства, сейчас придется его нарушить. Надо, чтобы город помог деревне. Самое большое количество неясных вопросов, это прежде всего в деревне и тут надо городским организациям своими силами, агитаторами помочь. Надо чтобы наш город был в курсе настоящих событий, чтобы агитировали мы — большевики, а не кто-либо другой. Только тогда, когда мы обеспечим выдержку нашего народа, мы обеспечим готовность победить и наверняка победим. Если же мы народ пустим на самотек, не будем его зажигать, не поведем за собой, это будет оттягивать победу.

Сейчас фронт и тыл слились. Что значит война народная, отечественная война. Это именно то, что фронт и тыл кукут одно и то же. Сейчас всякие недоразумения, неполадки в тылу немедленно отражаются на фронте. Если вы обидели семью красноармейца, семью командира, незаслуженно оскорбили, не оказали содействие, это уже отражается на фронте.

Эта война народная. Не только сражается армия, а сражается весь народ. Чем крепче будет тыл, тем крепче будет фронт. Чем больше будем работать с народом, тем быстрее будем обеспечивать победу.

Отсутствие достаточного руководства агитмассовой работы со стороны ряда партийных организаций приводит к тому, что в агитационной работе очень много кустарщины, неправильных толкований в ряде важнейших вопросов. В Кишертском районе руководитель агитколлектива т. Валетаев, проводя семинар с агитаторами, на вопрос, почему Красная Армия оставляет города,

районы и области, ответил — не Москва людей делает, а люди Москву. Вот его и пойми, что он хотел сказать.

Или в Фокинском районе один агитатор, благодаря тому, что их не информируют, не направляют, на заданный такой же вопрос — почему отстают, отвечает, агитатор Никитина: мы не дорожим городами, а дорожим людьми, поэтому и отстаем, из этого выходит, что нам города не нужны, а нужны люди. Могут люди остаться целыми, но оказаться в Сибири, Якутии.

Мы говорим — для того, чтобы завоевать счастье для всего народа, надо идти на смерть людей, а тут разную филантропию разводят. Мы так продорожим, что Советского Союза не хватит, если так будем дорожить. Многие партийные организации не придают значения таким толкованиям, в результате чего создается неправильное понимание.

Серьезным недостатком следует считать и то, что не изучаются политические настроения людей.

Иногда очень плохо знают райкомы о тех или других людях, знают по информации НКВД, а так чтобы была повседневная систематическая информация, этого нет и партийные организации настроения не знают. А их надо знать и немедленно на них реагировать, выезжать разговаривать, разбивать те или иные настроения. Только так мы можем строить агитацию.

Учитывать по линии НКВД эти настроения недостаточно. НКВД само собой, а партийная организация должна реагировать. Один секретарь парткома на нефтесбыте вел антисоветскую агитацию, пораженческую агитацию. Где уж нам знать более низких людей, когда партийная организация не заметила этой антисоветской агитации со стороны секретаря парткома, узнали только через НКВД, потом уже обсудили. Он вел пораженческую агитацию и беспартийные начали его одергивать.

Товарищи, вопрос о парткабинетах в прошлом, а сейчас они называются агитпунктами. Но «хрен редьки не слаще», как были кабинеты, в которых по-кабинетски ковырялись, так и сейчас, ничего не изменилось с переменой вывески. Сейчас должна быть острая агитационная работа, нужно, чтобы этот был штат агитационной работы, как политотдел в дивизии, у райкома должен

быть политотдел-агитпункт, куда бы население приходило, чтобы получить справку, куда бы собирались агитаторы. У нас вывеску сменили, а содержание не изменилось. Плохо агитационной работой занимаются газеты. Правда, и размер меньше стал у газет, в частности у нашей «Звезды», но существенным недостатком у нашей газеты является то, что улетучилась критика. Мы не каждую критику можем пустить, та которая не в пользу Советской власти, разглашать для врага мы не можем, но то, что не носит оборонный характер, а является критикой отдельных людей, это нужно. У нас перестали критиковать председателей колхозов, председателей сельсоветов. Надо критику восстановить, правильно организовать, чтобы критика способствовала работе.

Заканчиваю свой доклад. Перед лицом смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной, в грозный час великих испытаний, которые переживает наша страна, наш голос, голос большевиков должен быть слышен всеми трудящимися нашей области.

Партийная организация Молотовской области должна решить, что она объявляет себя мобилизованной на войну с немецким фашистским нашествием, что она считает готовой встать на защиту наших городов Москвы, Ленинграда, на защиту нашей родины. Мы должны призвать патриотов нашей родины, трудящихся нашей области, к тому, чтобы вербовать новых людей, новых бойцов для Красной Армии, мы должны призвать вступить в партию лучших людей, готовых защищать советскую родину от врагов, вовлекать их в партию. Мы сейчас должны организовать работу так, чтобы все наши силы, вся наша воля, вся наша энергия была отдана священному делу — защите родине, все для фронта, для разгрома врага.

Дадим фронту новые и новые тысячи самолетов, пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и других боеприпасов. Оснастим нашу Красную Армию мощной военной техникой, способной сокрушить любую технику врага.

Мы должны также обратиться к нашим Уральским фронтовикам, которые защищают отважно и смело нашу родину и которые получают самые лучшие отзывы. Мы должны к ним обратиться от каждой партийной организации, от каждого города и села,

чтобы они еще крепче били врага, чтобы уральские большевики с честью носили традиции большевиков Урала, которые создавали советскую власть, отстаивали советскую власть.

Мы не сомневаемся в том, что Уральские большевики и сейчас постоят за нашу социалистическую родину.

Мы должны также обратиться к бойцам и командирам наших уральских частей, которые готовятся к отправке на фронт, чтобы они были достойными уральцев-фронтовиков, которые сейчас сражаются, чтобы они начали готовить более ускоренно и лучше новых отрядных и храбрых бойцов. Нужно, чтобы мы дали сейчас новые отряды для борьбы с фашизмом. Урал богат патриотами, рабочим классом и колхозным крестьянством. У нас найдутся новые тысячи и десятки тысяч людей, которые пойдут защищать нашу родную Москву, наш Ленинград, нашу социалистическую родину.

Товарищи, отдадим все свои силы, всю свою волю и свою энергию на разгром врага, на защиту нашей родины. Наш горячий привет уральским большевикам фронтовикам. Наш призыв к уральским частям, которые готовятся к отправке на фронт, наш призыв к бойцам всеобуча, которые должны готовить усиленно новое поколение.

Необходимо, чтобы наши коммунисты сейчас еще больше мобилизовали и работали, как на производстве по-военному, по-фронтовому, так, чтобы они были готовы идти сейчас на фронт. Создадим новые части для отправки на фронт с большим количеством коммунистов и комсомольцев.

Родина в опасности, поэтому нет сейчас более важной задачи, как встать каждому на защиту нашей родины. Лучше честная смерть в бою, чем позорное рабство. С этим лозунгом мы должны пойти в партийные организации, на фабрики и заводы, поднять наших рабочих на то, чтобы больше делали оружия, чтобы больше давали бойцов, чтобы спасти нашу родину от нашествия немецких фашистов (аплодисменты).

Стенограмма VI пленума Молотовского обкома. 20.10.1941.

ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 10. Л. 1–141.

Приложение

Резолюция VI пленума Молотовского обкома ВКП (б) по докладу тов. Гусарова «О текущем моменте и задачах партийной организации». 20 октября 1941 г. (правленный вариант)

Заслушав доклад тов. Гусарова «О текущем моменте и задачах партийной организации» VI пленум Молотовского обкома ВКП (б) призывает всех коммунистов и беспартийных трудящихся области перед лицом смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной, к объединению всех наших сил на борьбу до полного уничтожения заклятого врага всего человечества — немецкого фашизма.

В войне Советского Союза с фашистской Германией нет и не может быть середины — или мы разгромим гитлеровскую армию и она захлебнется в собственной своей поганой крови, или гитлеровцы разграбят нашу родину и на долгие годы поработят ее и зальют ее кровью миллионов советский людей советский народ.

«Дело идет, таким образом, о жизни и смерти советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу» (Сталин).

Напрягая все свои силы, подтягивая все свои резервы, злобный враг рвется к жизненным центрам нашей страны, стремясь захватить колыбель пролетарской революции — Ленинград и нашу прекрасную столицу нашей родины, сердце социалистического государства — Москву.

В эти грозные дни партийные организации должны еще теснее сплотить трудящихся нашей области на великие подвиги во имя защиты нашей родины советской страны, во имя свободы и счастья нашего народа.

Партийные организации обязаны, должны разъяснить всем трудящимся области создающуюся угрозу нашей родине, Советскому народу и призвать их к высокой организованности, мужеству и стойкости.

С удесятеренной энергией должны работать коммунисты и все советские люди на оборону нашего отечества, на разгром и уничтожение гитлеровских палачей.

В час грозной опасности, нависшей над нашей страной, Пленум обкома ВКП (б) объявляет всю парторганизацию мобилизованной для защиты отечества от немецко-фашистского нашествия.

От имени всей областной парторганизации Пленум обкома ВКП (б) призывает трудящихся Молотовской области, способных владеть оружием, вступать в ряды Красной Армии и с оружием в руках встать на защиту Москвы, на защиту нашей Родины, до последнего дыхания, до последней капли крови.

Обком ВКП (б) требует от парторганизаций промышленности и транспорта точного и быстрого выполнения всех заказов фронта, заданий государственного комитета обороны, мобилизации каждого рабочего и работницы, инженера и техника — работать за двоих и за троих, работать по-военному, как на фронте.

Нужно ни на одну минуту не забывать, что на нас возложена ответственнейшая задача давать как можно больше вооружения и боеприпасов, особенно в связи с эвакуацией промышленных предприятий с прифронтовой полосы.

Задача партийных организаций в самые кратчайшие сроки как можно быстрее и лучше восстанавливать эвакуированные предприятия, разместить рабочих эвакуированных предприятий и добиваться немедленного выпуска ими продукции, необходимой фронту.

Сельские парторганизации должны еще больше укрепить колхозы, в ближайшее время завершить с/х работы текущего года и лучше подготовиться к зиме. В сроки, установленные правительством, выполнить обязательства колхозов перед государством по всем видам с/хоз. продуктов, необходимых для фронта, для победы над врагом.

Райкомы и горкомы партии должны еще шире развернуть работу по сбору теплых вещей для Красной армии, неослабно вести разъяснительную работу среди населения о необходимости поголовного участия всех трудящихся в этом важнейшем государственном деле.

Бесперывно готовить резервы, новое пополнение рядов Красной Армии и Флота — важнейшая задача партийных организаций. Коммунисты и комсомольцы должны быть душой всеобщего военного обучения населения, оказывая практическую помощь районным и городским военкоматам в успешном проведении военной подготовки трудящихся.

В грозные дни опасности, нависшей над нашей родиной, парторганизации, как никогда, должны иметь тесную связь с беспартийными массами. Пленум обкома ВКП (б) требует от райкомов, горкомов партии вести повседневную агитационную работу среди всех трудящихся, разъясняя им текущий момент и мобилизуя рабочих, крестьян и интеллигенцию на отпор врагу, на победу над кровавым фашизмом.

Пленум обкома обязывает руководящих партийных работников систематически выступать с политическими докладами на массовых собраниях, разъяснять текущий момент и разоблачать бандитскую идеологию фашизма, идейно воспитывать и политически организовывать трудящихся вокруг партии Ленина-Сталина.

Пленум обкома ВКП (б) считает совершенно недопустимым ослабление внутрипартийной работы, когда в отдельных парторганизациях по 2–3 месяца не проводились партсобрания, собрания районных и городских активов, пленумы райкомов, горкомов партии, ослаблено внимание парторганизаций к таким вопросам, как рост партии, воспитание коммунистов, работа с комсомолом.

Пленум обкома ВКП (б) требует от райкомов, горкомов партии усиления внимания партийно-политической работы, повышения ее качества, усиления внимания парторганизаций к внутрипартийным вопросам (регулярное проведение партсобраний, собраний активов, пленумов райкомов, горкомов партии).

Необходимо шире вовлекать в партию смелых и стойких патриотов нашей родины, проявляющих свою самоотверженность

в работе и беззаветную преданность в борьбе за наше правое дело, готовых отдать свою жизнь за защиту отечества.

Пленум обкома ВКП (б) требует от всех партийных, советских и хозяйственных организаций решительной перестройки всей работы на военный лад, подчинения ее интересам фронта, задачам организации разгрома врага. Парторганизации обязаны беспощадно бороться с распущенностью, недисциплинированностью и малодушием, изгоняя из своих рядов трусов и неустойчивых элементов.

В дни тяжелых испытаний, когда истекающий кровью враг продолжает лезть на нашу землю, применяя различные коварные способы борьбы, бдительность коммунистов и всего советского народа должна быть, как никогда, высокой.

Пленум обязывает парторганизации решительно пресекать проявление ротозейства и беспечности на всех участках нашей работы, всемерно повышать революционную бдительность трудящихся нашей области, помня, что малейшая беспечность может стоить нам больших жертв.

Пленум обкома ВКП (б) напоминает парторганизациям, что только организованностью, сплоченностью, бесстрашием и огромным напряжением сил нашего народа, мы разобьем и уничтожим гитлеровских людоедов. Мы должны сделать все для того, чтобы враг был разбит и он будет разбит.

Победа будет за нами.

[Н. Гусаров /подпись чернилами/]

ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 16. Л. 64–68.

Примечания

¹ Здесь Н. И. Гусаров ссылается на речь Гитлера от 3 октября 1941 г., в которой он заявил: «В эти часы на нашем Восточном фронте начинается новая операция, представляющая собой громадное событие. Уже 48 часов она разворачивается в гигантских масштабах! С ее помощью мы разгромим противника на Востоке» (Rede Adolf Hitlers zur Eröffnung des 3. Kriegs-Winterhilfswerkes im Berliner Sportpalast am 3. Oktober 1941 //

- Völkischer Beobachter. Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Großdeutschlands. 04.10.1941). Можно предположить, что Гусаров узнал о содержании речи или из разговора со Сталиным, или из информационного бюллетеня, рассылавшегося членам и кандидатам ЦК по особому списку.
- II Этими словами Н. И. Гусаров изложил Постановление Государственного Комитета обороны от 16 июля 1941 г. о предании суду Военного трибунала «за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» генерала армии Д. Г. Павлова и других военачальников Западного фронта. См.: Постановление ГКО СССР №169сс. 16.07.1941 // 1941 год : в 2 кн. Кн. 2 / сост. Л. Е. Решин и др.; под ред. В. П. Наумова; вступ. ст. А. Н. Яковлева. М., 1998. С. 472–473.
- III Н. И. Гусаров неточно воспроизвел ленинское высказывание: «Побеждает на войне тот, у кого больше резервы, больше источников силы, больше выдержки в народной толще». (В. И. Ленин. Итоги партийной недели в Москве и наши задачи. [21 октября 1919 г.] // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 39. М., 1970. С. 237).
- IV Н. И. Гусаров во второй раз вольно процитировал Ленина. В этой части своего выступления он скомпилировал с ошибками и неточностями выдержки из ленинского обращения к партийным организациям РКП (б). Ср.: «Товарищи! Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции [...] Все коммунисты прежде всего и больше всего, все сочувствующие им, все честные рабочие и крестьяне, все советские работники должны подтянуться по-военному, переведа максимум своей работы, своих усилий и забот на непосредственные задачи войны, на быстрое отражение нашествия Деникина, сокращая и перестраивая, в подчинение этой задаче, всю свою остальную деятельность. Советская республика осаждена врагом. Она должна быть единым военным лагерем не на словах, а на деле». (В. И. Ленин. Все на борьбу с Деникиным! (Письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) // В. И. Ленин. ПСС. Т. 39. С. 44–45).
- V Имеется в виду Союзный машиностроительный завод им В. М. Молотова Наркомата оборонной промышленности СССР по производству артиллерийских систем. Директор — А. М. Быховский. См.: Оборонпром // https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-151-200&news_page=25.
- VI Пермский машиностроительный завод им. Ф. Э. Дзержинского Наркомата боеприпасов СССР по производству взрывателей для снарядов, мин, авиабомб. Директор С. А. Бодров. См.: Оборонпром // <https://oboron-prom.ru/page,41,predpriyatiya-6-10.html>.
- VII В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны от 2 сентября 1941 года №ГКО-613сс военным округам было предпи-

сано «для подготовки лыжных частей сформировать к 1 октября 1941 г. 67 запасных лыжных полков, каждый в составе: трех 8-ми ротных лыжных батальонов и одного учебного батальона. Общая численность полка 3 870 чел.» Уральский военный округ должен был выставить 14 полков, то есть около 60 000 чел., умеющих ходить на лыжах. См.: *Е. И. Горюшкин. История формирования лыжных батальонов в 1941–1942 гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. №4 (ч. 2). С. 446–449. Всего в Молотовской области было создано и отправлено на фронт 43 отдельных лыжных батальона. См.: Я. С. Адамсон // <https://www.nashapobeda.lv/4705.html>.*

- VIII Военкоматы учли критику секретаря обкома ВКП (б). В повестки призывникам вписали дополнительные требования. По воспоминаниям дочери красноармейца, ее отцу было предписано «иметь при себе теплую одежду, исправную кожаную обувь, две пары чистого белья, два полотенца, два носовых платка, кружку, ложку, вещевой мешок для собственных вещей и продукты питания на пять дней» (Летопись Орджоникидзевогo района. Глава 2. 1941–1942 гг. Между жизнью и смертью // <https://raion.godopdperm.ru/upload/versions/15930/11109/Glava2.pdf>.)
- IX Имеется в виду директива народного комиссара внутренних дел и народного комиссара государственной безопасности СССР от 4 июля 1941 г. «О мероприятиях по выселению социально-опасных элементов с территорий, объявленных на военном положении». В ней предусматривалось в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., п. 3, «з», право военных властей «на территориях, объявленных на военном положении, принимать решения о выселении лиц, признанных социально опасными». См.: Директива народного комиссара внутренних дел и народного комиссара государственной безопасности СССР, 4 июля 1941 г. // *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 г. М., 2000. С. 176.*
- X В соответствии с постановлением ГКО от 4 июля 1941 г. в областных центрах европейской части СССР, в том числе и в г. Молотове, начали формировать из добровольцев части народного ополчения. Бойцы без отрыва от производства после смены проходили военное обучение: маршировали, бросали деревянные гранаты, рыли щели, осваивали штыковой бой. В соответствии с постановлением ГКО от 17 сентября 1941 г. было предписано с 1 октября начать работу по всеобщему военному обучению всех взрослых граждан СССР. См.: Приказ о формировании Главного управления всеобщего военного обучения и объявлении положения о нем. 18.09.1941 // *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. М., 1997. С. 88–89.*
- XI Герман Васильевич Кожевников (1907–?) — военный инженер 2-го ранга, в 1941 г. директор завода №19. После освобождения от должно-

- сти в мае 1942 г. служил в Управлении заказов самолетов и моторов ВВС. См.: Из автобиографии Германа Васильевича Кожевникова // Подвиг пермских чекистов / под ред. Н. П. Козьма. Пермь, 1982. С. 47; Сведения о Германе Кожевникове из учётно-послужной картотеки: <https://poisk.re/person/officers/3416798>.
- ^Имеется в виду завод №462 Наркомата авиационной промышленности СССР по производству поршневых колец для авиадвигателей, эвакуированный из Днепропетровска на площадку завода №19. См.: Оборонные предприятия // <https://oboron-prom.ru/page,44>, [predpriyatiya-11-20.html](https://oboron-prom.ru/page,44).
- xii Беседа в служебном кабинете И. В. Сталина состоялась 12 октября 1941 г. в течение часа. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / Авт.-сост. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев. М., 2008. С. 353. Позднее Гусаров вспоминал, что «беседа шла в непринужденной, располагающей обстановке». (Цит. по: *Гусаров Н.* Герой своего времени: статьи, воспоминания, документы. Пермь, 2008. С. 22). Саркастическое высказывание Сталина свидетельствует об обратном: тональность разговора была отнюдь не благойной.
- xiii Остановка работы промышленных предприятий в зоне военных действия и на оккупированных территориях привела к разрывам в системе производственной кооперации. Завод №19 не получал необходимых деталей и материалов, в том числе поршневых колец, но также и карбюраторов. Без них двигатели собирать было невозможно. Сборочные цеха простаивали. Завод работал неритмично. Следует учитывать, что завод №19 к сентябрю 1941 г. остался едва ли не единственным в стране предприятием, выпускавшим авиадвигатели для истребителей. См.: Пермский моторный завод: малоизвестные факты из истории в годы Великой Отечественной войны Опубликовано 02.05.2007 // Портал машиностроения: https://www.mashportal.ru/news/company/company_news-7765.aspx.
- xiv Яков Исаевич Меламед (1907–?), в октябре 1941 г. — первый секретарь Чермоозского РК ВКП (б). См.: <https://www.permgaspi.ru/leaders/index.php?id=872>.
- xv Завод №98 им. С. М. Кирова Наркомата боеприпасов. С началом войны завод №98 НКБ перешел на выпуск порохов и зарядов для крупнокалиберной артиллерии и РС. Директор М. В. Бушмелев. См.: https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-61-100&news_page=54.
- xvi Областным управлением НКВД в начале 1941 г. были произведены аресты инженеров завода №99 В. Г. Ивановского, А. Л. Сарваша, Г. Г. Манна и др. После начала войны из них была сфабрикована «созданная немецкой разведкой контрреволюционная шпионская организация, руководимая бывшим немецким посольством в Москве, действовавшая на ряде заводов оборонного значения Урала». Все участники сфабрикованной органами НКВД «организации» были приговорены к расстрелу, впо-

- следствии посмертно реабилитированы. См.: Наблюдательное производство прокуратуры Молотовской области по следственному делу №603 // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 25. Л. 83–108.
- ^{xvii} Речь идет о 379-й стрелковой дивизии, формируемой в г. Кунгуре с 24 августа 1941 г. См.: Шаг в бессмертие: 379-я стрелковая Режицкая дивизия в Битве за Москву. Пермь, 2020. С. 36. «К декабрю 1941 года 379-я стрелковая дивизия входила в состав 30-й армии на Западном фронте». (Боевой состав Советской армии. Часть 1 (июнь–декабрь 1941 года). М.: Военно-научное управление Генерального штаба, 1963. С. 74).
- ^{xviii} Завод №237 Наркомата химической промышленности СССР образован 18 августа 1939 г. в результате разделения Березниковского химкомбината. См.: https://oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-201-250&news_page=44.
- ^{xix} Всего в Молотовской области было создано более 160 эвакуогоспиталей. См.: Эвакуационные госпитали, располагавшиеся на территории Молотовской области в 1941–1945 гг. // <https://www.permgaspi.ru/db/evacohosp> (дата обращения 30.01.2023).
- ^{xx} Имеется в виду постановление ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1941 г., которое обязывало «обкомы, крайкомы, ЦК компартий союзных республик начать сбор среди населения теплых вещей и белья для Красной армии: полушубков, овчин, выделанных и невыделанных, валенок, фуфаяк, теплого белья, шерсти, рукавиц, шапок-ушанок, ватных брюк, курток и др. Организовать на местах окончательную обработку овчин и пошивку из них полушубков, а также переработку шерсти на валенки, варежки, носки и др. на государственных и кооперативных предприятиях. Допустить в необходимых случаях приемку от населения теплых вещей, овчины, шерсти и др. за небольшую плату» («О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной армии». Постановление ЦК ВКП (б) 05.09.1941 // КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: документы. 1917–1981 / сост.: Н. И. Савинкин, К. М. Боголюбов. М., 1981. С. 310–311).
- ^{xxi} Имеется в виду 359-я стрелковая дивизия, формировавшаяся с 28 августа 1941 г. на ст. Верещагино Молотовской области. К октябрю формирование дивизии было закончено. В ноябре 1941 г. ее личный состав был передислоцирован в район Рыбинска. 10 декабря дивизия была направлена на Калининский фронт. См.: 359-я Ярцевская Ордена Ленина Краснознаменная стрелковая дивизия // <https://www.rkkawwii.ru/division/359sdf1> (дата обращения 14.04.2023).
- ^{xxii} В то же самое время бывший подполковник императорской армии, а ныне осужденный в Усольяге Алексей Климентьевич Гайко заметил в разговоре с соседями по бараку: «Немцы в 1914 г. воевали крепко, морозов не боялись, и надо полагать, что они и сейчас также будут крепки, так что напрасно большевики мечтают в зиму морозить немцев». Кто-то донес. Следовательно нашел в этих словах все признаки контрреволюционного

- преступления. Военный трибунал со следователем согласился. Н. К. Гайко был приговорен к расстрелу. См.: Обвинительное заключение по следственному делу №1166 по обвинению з/к Гайко Алексея Климентьевича (Усолялаг НКВД) 26.12.1941 // ГАПК. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 704. Л. 2–4 об.
- xxiii Н. И. Гусаров ссылается здесь на постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР от 7 сентября 1940 г., предписавшее директорам предприятий и местным советским организациям создавать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления, земельные участки для которых выделять из государственного фонда. См.: Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности : монография / под общ. ред. И. В. Караваевой. М., 2015. С. 252.
- xxiv Здесь Н. И. Гусаров ссылается на сводки и информационные записки НКВД, поступавшие в адрес партийных инстанций. В них «наряду с положительными откликами органами НКВД были зафиксированы отрицательные высказывания и факты пораженческой и изменнической агитации, угрозы о расправе с коммунистами. [...] Всего с начала войны по 1 декабря 1941 г. органами НКВД были арестованы за вражескую работу и антисоветские выступления 45 тыс. 722 человека, в том числе по Москве — 4 тыс. 904 человека». (В. С. Христофоров. Общественные настроения в СССР: июнь–декабрь 1941 г. // Великая Отечественная война. 1941 год : исследования, документы, комментарии / отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2011. С. 468–474).
- xxv Хотя линия фронта была отдалена от г. Молотова на тысячу километров, у Н. И. Гусарова — и не только у него — были опасения, что враг захватит и этот город. И тогда придется уходить в леса, создавать из ополченцев партизанские отряды, сражаться на своей территории с оружием в руках. В штабной землянке одной из многочисленных строительных колонн командиры обсуждали возможность создать партизанский отряд «и громить немцев [...] Отряд нужно создать в чисто русском духе, только это может спасти положение, если захотят, то и попа нужно в отряд взять». (Сведения о состоянии 683-й стройколонны на 1 декабря 1941 г., 22.12.1941 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 38. Л. 9).

П. М. Полян

ОБРЕЧЕННЫЕ ПОГИБНУТЬ, НО СУМЕВШИЕ УЦЕЛЕТЬ:

заметки о миграционной истории
и Холокосте горских евреев¹

Горские евреи в Российской империи и во время Гражданской войны²

Горские евреи (самоназвания «джугур», «джухури», или «яхуды», то есть иудеи) — малюсенькая веточка персидского еврейства, долго сохранявшаяся на территории бывшего СССР. В проблематику их миграций на Северном Кавказе в XX веке пишущий эти строки уткнулся во время занятий совершенно другой темой — Холокостом на Ставрополье³. Оказалось, что существенной части горско-еврейского населения Орджоникидзевского⁴ края, оказавшегося летом или осенью 1942 года под не-

¹ Сердечно благодарю В. Дымшица, Я. Златкис, В. Коваленко, М. Куповецкого, О. Романько, А. Цуциева и М. Членова за щедрую помощь.

² Принятые сокращения: ГАРК — Государственный архив Республики Крым; ГАРО — Государственный архив Ростовской области; ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации; ГАСК — Государственный архив Ставропольского края; ОКРЗУ — окружное земельное управление; СГПУ — Ставропольский государственный педагогический университет (ныне часть Северо-Кавказского государственного федерального университета); ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ; ЦДНИСК — Центр документации новейшей истории Ставропольского края.

³ Мною, в частности (при участии В. Бельтрана), написаны все статьи об этом в энциклопедии «Холокост на территории СССР» (М., 2009).

⁴ Современного Ставропольского.

мецкой оккупацией, каким-то полу-чудесным образом удалось избежать уничтожения. После чего с неизбежностью встал вопрос: а как горские евреи оказались столь далеко на западе от ареала своего исконного проживания на Кавказе?

Ареалом этим являлся Восточный Кавказ, конкретнее — южный Дагестан и северный Азербайджан (в прошлом — территория бывшего Кубинского, а отчасти и Шемахинского и Шекинского ханств). Жили горские евреи в горных аулах и в обособленных городских кварталах в селениях на равнине. Обязанность жить в черте оседлости на них не распространялась, и их крупнейшие общины издавна базировались в мусульманских городах — в частности, в тюркских Баку, Кубе и Огузе (бывшем Варташене⁵) и дагестанских Дербенте, Махачкале и Буйнакске (Темир-Хан-Шуре). Их расселение еще в XIX веке была смешанным — сельско-городским. Ярмо обязанности жить в черте оседлости, как и прочие прелести своей антисемитской политики, русский царь на них милостиво не распространил⁶.

Гражданская война повсюду оставила после себя не только руины и могильные холмики, но и вырванное из своего довоенного уклада и раскиданное по городам и весям погорелое, беглое и пришлое население. Самыми крупными из разоренных и уничтоженных тогда горско-еврейских общин были две — в Джегонасе и Хасавюрте, испытавшие в 1918 году весь ужас тотальных погромов и равнодушия соседей. Уцелевшие тогда члены этих общин переселились из восточных в центральные области Северного Кавказа, в частности, в общины Пятигорска, Нальчика или Моздока.

⁵ По мнению В. Дымшица, варташенские евреи образуют самостоятельную группу неашкеназского еврейства, восходящую к ширванским (персидским) евреям и более нигде на территории СССР не представленную. Тем самым относить их к горским евреям было бы неточно.

⁶ Этно-антропологическое отличие их от «ашкеназим» (восточно-европейских евреев) было настолько очевидно, что на них «были распространены нормы, принятые в Российской империи для «горцев», в частности, право подсудности не общим судебным установлениям, а собственным горско-еврейским судам (М. Членов. Между Сциллой деиудаизации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX веке // Диаспоры. М., 2000. №3. С. 183).

Готовность советского государства помогать горско-еврейским жертвам погромов в этой ситуации — организационно и с помощью льгот — в немалой мере зависела от «контингентности» погорельцев, то есть выраженности у них группового, а не индивидуального характера. При этом государство не было заинтересовано в возрождении привычных им ремесла, торговли, посредничества и прочей «мелкобуржуазности», а поспособствовать соглашалось только в одном — в аграрном оседании горских евреев.

29 августа 1924 года постановлением Президиума ЦИК был образован Комитет по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ), главными задачами которого являлись: выделение свободных земель для евреев, желающих заниматься аграрным трудом, переселение евреев и размещение их на отведенных землях, обеспечение хозяйственного развития новоселов, содействие хозяйственному устройству еврейских переселенческих колхозов. В решении задачи еврейской сельскохозяйственной колонизации и аграризации самого еврейства у него нашлись весьма серьезные еврейские партнеры — американский «Агроджойнт» и советское Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ), просуществовавшее с 1925 по 1938 г.

Со временем горские евреи широко расселились по Северному Кавказу и Крыму, в том числе в 1930-е годы, когда в ходе еврейского колхозного строительства и, отчасти, в порядке планового переселения они появились в Ставропольском и Краснодарском краях. Значительные общины горских евреев сформировались тогда в Пятигорске, Нальчике и Моздоке. Параллельно зачинался процесс добровольного переселения безземельных и перенаселенных горных, в том числе и горско-еврейских, аулов Дагестана на равнину (или «на плоскость», как тогда говорили): для горских евреев центрами аккумуляции стали Дербент и Куба.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. горские евреи из Моздока, ряда городов и аулов Северного Дагестана, а также из Нальчика и Грозного переселялись на земельные фонды КОМЗЕТа на территории современного Курского района Ставропольского края — одного из самых отдаленных и глухих сельскохозяй-

ственных районов на востоке нынешнего Ставрополя, но в непосредственной близости от Моздока, до 1934 года бывшего их райцентром, впоследствии переданным из Ставропольского края в состав Северной Осетии. Там в 1927 году были созданы горско-еврейские переселенческие поселки (по сути — хутора) Богдановка и Ганштаковка⁷, основу населения которых составили выходцы из Джегонаса и, через Моздок, Хасавюрта. В частности, в Богдановке для этого было построено 120 новых домов⁸.

Аналогичные процессы шли в это время и в Дагестане, где в 1927 году был создан Дагкомзет. Так, в Кизлярском районе из выходцев из Южного Дагестана было создано два еврейских колхоза — им. Калинина и им. Ларина⁹, по 120 хозяйств каждый. Но имена видных политических деятелей из центральной номенклатуры не уберегали в то время от провала: уже в 1929 году Совнарком ДАССР рассмотрел вопрос о положении переселенцев в этих поселках и счел его неудовлетворительным, а борьбу с проявлениями антисемитизма слабой.

Горские евреи и Холокост

Пишущий эти строки «уткнулся» в проблематику довоенной миграции горских евреев на Северном Кавказе во время исследования совершенно другой темы — Холокоста на Ставрополье и, в частности, спасения от уничтожения большей части горско-еврейского населения Орджоникидзевского края, оказавшегося летом 1942 года под немецкой оккупацией.

⁷ На карте 1932 г. она подписана с неточностью: Генштаковка.

⁸ История городов и сёл Ставропольского края. Ставрополь, 2002. С. 572; ГА РФ. Ф. Р-7541. Оп. 1. Д. 202. Л. 47, 156.

⁹ В честь Юрия Михайловича Ларина (настоящее имя Михаил Александрович Ларин, при рождении Ихил-Михл Залманович Лурье; 1882–1932) — российского революционера, советского хозяйственника, экономиста и публициста, инициатора проекта по созданию еврейских земледельческих поселений в Крыму, на Украине и в Белоруссии, первого председателя ОЗЕТа и одного из руководителей КОМЗЕТа.

Но еще раньше — весной 1942 года — в Крыму прошли первые «акции» против горских евреев СССР. В поселке колхоза им. С. Шаумяна Сакского района, что в 2 км от деревни Порфирьевки (в районе Евпатории), проживало 114 горских евреев, переселившихся сюда в 1939 году. Колхоза даже не было на картах, и в маршрутах айнзатцгрупп СД его долгое время тоже не было. Но в марте 1942 года, после того как от одного из односельчан поступил соответствующий «сигнал», «упущение» было исправлено. 1 марта 1942 года в Евпатории полевой жандармерией и СД было расстреляно 15 колхозников-мужчин, а 4 марта, — предположительно во рву близ села Воробьевки¹⁰, — еще 98 чел.¹¹ Лишь одному удалось бежать, но дальнейшая его судьба неизвестна.

В результате оккупации вермахтом Крыма и западных областей Северного Кавказа, под их властью оказалась территория со значительным горско-еврейским населением, часть которого пала жертвами нацистского геноцида евреев в годы Второй мировой войны. Полностью погибли горско-еврейские общины трех селений — Шаумян в Крыму и Богдановка и Менжинский в Орджоникидзевском (ныне — Ставропольском) крае¹². Во всех этих местах горские евреи проживали сравнительно недолго — лишь последние 10–15 лет перед войной.

Но бóльшая часть горских евреев все же смогла тогда спастись. И дело тут в том, что само понятие Холокоста тесно связано с национал-социалистической интерпретацией еврейства как расово-этнической, а не религиозной общности. Это погружает нас в проблематику и заставляет заново переосмысливать многообра-

¹⁰ Эту локацию в 2014 г. установил Д. Бахшиев, опираясь на свидетельства жителей Порфирьевки.

¹¹ Горские евреи: история, этнография, культура / Под общ. ред. И. Бегуна. Сост. и науч. ред. В. Дымшица. Пер. с ивр. Ю. Мурадова. Вступ. ст. М. Членова. Иерусалим-Москва, 1999. С. 89. Источник сведений, согласно О. Романько, — сообщение Евпаторийской районной комендатуры от 16 марта 1942 г. (ГА РК. Ф. 1389. Оп. 1. Д. 31. Л. 7).

¹² После освобождения эти поселения оказались в составе Ставропольского края.

зие еврейской самоидентификации, в особенности отношение между этнической и конфессиональной идентичностями. Конечно, на практике убийцы из айнзатцкоммандо не слишком интересовались теоретическими тонкостями научного расизма, но тем не менее иранского — и, стало быть, не-еврейского! — происхождения горских евреев оказалось достаточно для того, чтобы хотя бы часть из них, оказавшихся на Северном Кавказе под немецкой оккупацией буквально на волосок от гибели, все же смогла уцелеть.

В общем же плане важно еще раз подчеркнуть своего рода «последовательность» палачей: верные расистским установкам антисемитизма, они должны были бы признать носителей «всего лишь» конфессиональной еврейской идентичности не подлежащими уничтожению. И — как это произошло в случаях не только с горскими евреями, но и с караимами и субботниками, — признавали.

Происходило это, однако, не автоматически и потребовало своевременного подключения экспертов-этнографов, что имело место не везде и не всегда, чему подтверждением — жертвы в Крыму и на Ставрополье!

Горские евреи под оккупацией: убитые

Что касается «акций» в Богдановке и Менжинском, то оба эти хутора, напомним, возникли как расселенческая база новообразованных переселенческих еврейских колхозов в 1927 году и располагались в современном Курском районе на отдаленной восточной периферии Ставропольского края и, в то же время, в непосредственной близости от Моздока.

Возможно, именно их удаленностью и периферийностью объясняется то обстоятельство, что в сельской местности со сравнительно малочисленным и разрозненным еврейским населением карательные операции против евреев часто проходили с бóльшим «опозданием» против сроков городских зондераций.

Горско-еврейское население села Богдановка, оккупированного 22 августа 1942 года, насчитывало несколько сот человек,

это около 90% населения села¹³. Все они были колхозниками колхоза имени Кагановича Эдиссейского стансовета.

Каратели прибыли сюда 24 сентября на пяти автомашинах и оцепили село. Комендант собрал всех вместе с ценностями и вещами в клубе и отправил мужчин ремонтировать старые колодцы в 1,5 км к северу от села.

Логистика убийства была такой. Первыми, на глазах обезумевших детей и женщин, расстреляли мужчин, вторыми — на глазах детей — женщин, детей убивали последними и иначе: смазывая им губы отравляющим веществом¹⁴, отчего они погибали от удушья; грудных детей сбрасывали в яму еще живыми. Живыми закапывали и недобитых раненых: «очевидцы рассказывают, что на месте этой казни еще на второй день земля словно дышала, как живая, то поднимаясь, то опускаясь ...»¹⁵

По другому свидетельству, расстреливали прямо за околицей села, у вырытой евреями-мужчинами ямы, причем убито было 470 человек, а несколько десятков человек спаслись. После освобождения Богдановки те, кто спаслись, установили на месте казни памятник и навсегда покинули это место.

Менжинское было оккупировано на два дня раньше Богдановки — 20 августа. Здесь проживало около 40 горско-еврейских семей и еще по десятку семей армян и сектантов-субботников, за

¹³ Кишеевы, Шамилевы, Мордахаевы, Мотаевы и др. — всего, согласно списку, 316 чел. (ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 5–9).

¹⁴ Детям, согласно отчетам Чрезвычайной государственной комиссии, смазывали губы неустановленным веществом — по всей видимости, стрихнином. Загадка этого способа умерщвления детей до сих пор не разгадана: никаких инструктивных материалов с такого рода предписаниями в архивах не обнаружено. Тем не менее, игнорировать эти немалочисленные свидетельства тоже нельзя: кроме Ставрополя, этот или сходный способ детоубийства (например, пропитанные ядом марлевые повязки) применялся в Ростове-на-Дону и Каменске-Шахтинском, Элисте и Керчи (см.: *И. А. Альтман. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 г. М., 2002. С. 275, 276, 287, 378*).

¹⁵ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 г.). Документы и материалы / Сост. В. А. Володажская, М. И. Кривнева, Н. А. Мельник. Ставрополь, 2000. С. 81–82, документ №40, со ссылкой на: ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 359. Л. 13–15, 20.

нятых так же сельским хозяйством¹⁶. Операция по уничтожению евреев была проведена 19 октября, то есть почти месяцем позже, чем в Богдановке. Евреев (а поначалу и субботников) собрали и объявили, что их везут в райцентр, станицу Курскую, для последующей отправки в Кисловодск и что с собой им можно взять до 40 кг лучших вещей и продуктов на семью. В тот же день 75 человек действительно перевезли на подводах в райцентр (некоторым по пути, правда, удалось бежать)¹⁷.

В Курской было собрано около 250 евреев из райцентра и прилегающих сел, здесь им снова было заявлено о Кисловодске, только допустимый вес пожитков несколько ниже — 32 кг. Собранные вещи были складированы в одном месте, а их бывших хозяев погрузили в автомашины и отвезли к кирпичному заводу Политотдельской МТС — это в 1,5 км от станицы. Там их всех расстреляли, малых детей закапывали живыми.

Всего в двух селениях проживало и трудилось в колхозах около 850 горских евреев. Строго документированным, однако, является убийство половины из них — приблизительно 425 человек¹⁸. Несколько человек смогли не только уцелеть, но и записать свои свидетельства.

Некоторое время в литературе циркулировало неправильное представление о Ганштаковке (колхоз «КИМ») как о третьем горско-еврейском поселении в этом районе, уничтоженном немецкими палачами. Так, К. Феферман сообщал, что приблизи-

¹⁶ См. полный список из 75 имен в: ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 89. Л. 3–4 об. Среди убитых — семейства Розиева, Соломонова, Нусуева, Насимова, Гялядова, Измаилова и др.

¹⁷ По другим сведениям (в частности, краеведа А. Печеева из поселка Садового Моздокского района Северной Осетии; нам передано А. Цуциевым), количество евреев, вывезенных в Курскую и из Менжинского, было несколько большим — около 130 человек.

¹⁸ См. также интервью 1995 г. с Н. П. Болдыревым, главой Богдановской сельской администрации, в отчете о Терско-Кульской экспедиции СГПУ. В задачи экспедиции входил сбор информации о ситуации в восточных районах края во время Великой отечественной войны (Ставропольский государственный объединенный музей им. Г. Н. Прозрителева. Ф. 231. Оп. 1. Д. 118. Л. 30).

тельно в сентябре-октябре 1942 года там погибло, по одним данным, ок. 300 чел., а по другим (с которыми солидаризовался и он сам) — 1 400 чел.¹⁹

Несмотря на неточность в сигнатуре у К. Фефермана, источник первой из цифр удалось разыскать: «Гитлеровцы установили систему поголовного уничтожения еврейского населения. Немцы расстреляли 300 человек евреев, жителей хутора ГАНШТАКОВКА. Убивали всех от мала до велика, вначале детей, затем отцов, матерей и стариков. Такая же трагедия была повторена гитлеровцами в с. Степное, расположенном в 50 км от Моздока, где все еврейское население тоже было расстреляно...»²⁰ Источником второй цифры оказалась книга И. Альтмана²¹.

Но наша главная поправка все же не в прояснении источников. Главная в том — что селение Менжинское, центр колхоза им. Менжинского, и хутор Ганштаковка, центр колхоза КИМ — это одно и то же селение, что требует внесения соответствующих корректив и в приводимую коллегой статистику жертв²². КИМ, собственно, и означает «Колхоз им. Менжинского»!

Как нам представляется, из около 4 200 горских евреев, оказавшихся в оккупации, жертвами Холокоста, с учетом единичных рассеянных семей, стали как минимум 1 100 человек²³, остальные 3 100 (в основном, в Нальчике и Моздоке) спаслись, апеллируя к немцам с тезисом о том, что этнически они — таты и, стало быть, расово не евреи, а персы. А иудаистов любых мастей, если они этнически не евреи (например, караимов или субботников)

¹⁹ K. Feferman. Nazi Germany and Mountain Jews: was there a policy? // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21. No 1 (Spring). P. 112, fn. 57.

²⁰ Акт о гитлеровских злодеяниях на хуторе Русский Первый Моздокского р-на Орджоникидзевского края от 7.1.1943 (ЦАМО. Ф. 51. Оп. 958. Д. 52. Л. 51).

²¹ И. А. Альтман. Жертвы ненависти... С. 284.

²² Предстоит еще разбираться, например, с вопросом о колхозе им. Кагановича Эдисейского станичного совета, упоминавшемся в ходе послевоенных судебных преследований бывших членов юденрата.

²³ М. С. Куповецкий, П. М. Полян. Горские евреи // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М., 2009. С. 233–235.

немцы после проверки на расу, пусть и из чистого педантизма, но оставляли в живых.

Горские евреи под оккупацией: спасшиеся

Приглядимся теперь к тем, кто в конце концов все-таки спасся. Спасся — благодаря немецкой дотошности и дисциплинированности, доказав, что они таты и, стало быть, расово персы, а не евреи. Это горские евреи — члены двух больших городских общин на оккупированной немцами территории — в Моздоке²⁴ и Нальчике.

Моздок был оккупирован 23 августа, а Нальчик — 28 октября 1942 года. Освобождены оба города были почти одновременно — соответственно, 3 и 4 января 1943 года. Нальчик находился под оккупацией два месяца с небольшим, а Моздок — почти 4,5 месяца. Не приходится сомневаться в том, что в обоих городах первым делом были уничтожены все еврей-ашкеназы и те из горских евреев, кто были советскими активистами.

В Моздоке во время оккупации функционировал кожевенный цех, обслуживавший по скорняцкой части нужды вермахта. Работали на нем исключительно горские евреи — большие мастера этого ремесла. К цеху были приписаны члены всех без исключения 38 семей горских евреев в городе, включая тех, кто о скорняцком промысле ни малейшего понятия не имел. В общей сложности это 38 семей, или 180 человек, из них 101 ребенок.

Возглавляли цех опытные артельщики и мастера: Иосиф Агаевич Бакшиев (1892, Хасавюрт — ?), в кожевенном деле с 1920 года, — директор²⁵ и Виктор (Иватор) Шахманович Шубаев (1891–?) — бухгалтер. О существовании в Моздоке юден-

²⁴ Ныне в Республике Северная Осетия, до весны 1944 г. — в составе Орджоникидзевского (совр. Ставропольского) края.

²⁵ См. его автобиографию в наблюдательном производстве по его делу: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 19. Благодарю Яну Златкис, обратившую мое внимание на этот уникальный источник (см.: П. М. Полян. Сумевшие уцелеть: горские евреи на Северном Кавказе // П. М. Полян. Между

рата ничего не известно, но по функционалу эти двое как бы заменяли его собой.

Благодаря этим шагам горские евреи Моздока уцелели и дождались прихода Красной Армии. Они даже сохранили часть выработанной ими кожаной продукции — зарыли в землю — и 27 февраля 1943 года сдали ее по акту новому директору кожзавода Г. С. Яковлеву²⁶.

Это фактическое ядро ситуации, но вокруг нее сформировались два нарратива.

Нарратив самих горских евреев — оправдательный и следующий. Во-первых, они не сумели эвакуироваться из Моздока из-за нехватки транспорта. Во-вторых, некто Тупицын, назначенный немцами бургомистром Моздокского района и его помощник Гальцев уже в сентябре вызвали к себе представителей горских евреев и пригрозили расстрелом, если те немедленно не приступят к своей традиционной деятельности — выделыванию кож. После чего, собственно, и был восстановлен кожевенный цех.

Второй нарратив — обвинительный и чекистский, под него следователи правдами и неправдами собирали или выбивали «доказательную базу». Горские евреи, мол, сами — в обмен на сохранение жизни — предложили немцам свои услуги и напросились в поставщики армии врага. При этом они якобы написали два воззвания, в которых восхваляли немецкую власть и хаяли советскую как антисемитскую. Воззваний этих никто не видел, но один свидетель (Матаев) тому нашелся, после чего сознаться попросили и тех, на кого он указал как на авторов, и тех, на кого он указал как на сборщиков подписей. И все они — представляете? — артачились, но сознавались! После чего «второй нарратив» обернулся чудовищными гулаговскими сроками для тех, на кого свидетелем было указано.

В Нальчике горские евреи имели примерно такие же занятия, как и в Моздоке: кожевенники-скорняки, портные и сапожники.

Аушвицем и Бабым Яром. Размышления и исследования о Катастрофе. М. : РОССПЭН, 2010).

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 18.

И ситуация в нем выглядела бы примерно такой же, как в Моздоке, когда бы не то, что под оккупацией Нальчик был на целых два месяца короче. К тому же сам Нальчик гораздо крупней и столичней Моздока, отчего в нем попыталось осесть несколько организаций, таящих в своем функционале неприкрытую угрозу жизни евреев. Интересно, что та скудная эмпирика, что дошла до нас, дошла из немецкого ракурса — из ракурса палачей, а не из ракурса жертв, как это было в случае Моздока.

Вот как описывает ситуацию российский этнограф-востоковед немецкого происхождения Николай Николаевич Поппе (1897–1991), застигнутый немецкой оккупацией в Микоян-Шахаре, он служил у немцев переводчиком. В ноябре 1942 года его вызвали в Нальчик в качестве эксперта; там же и в том же качестве он встретил профессора Дитерса из Боннского университета, специалиста по Кавказу. Речь тогда шла о судьбе нальчикских горских евреев. Столкнулись две точки зрения: первая — оберштурмбанфюрера СС Алоиса Перштерера (1909–1945), командира зондеркоманды 10b, предлагавшего не делать различий между горскими и прочими евреями и расстрелять и тех и других, и, вторая, капитана Теодора Оберлендера (1905–1998): горских евреев оставить в живых²⁷.

Н. Поппе написал заключение, в котором подтвердил, что в царской России горские евреи рассматривались не как евреи, а как прочие горцы, и что этнографически их надо рассматривать как разновидность татов — народа иранского происхождения²⁸.

²⁷ До войны Т. Оберлендер был профессором университетов в Данциге, Кенигсберге и Грайфсвальде. В 1943 г., после увольнения из вермахта, он некоторое время был профессором в Пражском университете. После войны на государственной службе: госсекретарь правительства Баварии (1950–1953) и федеральный министр по делам изгнанных, беженцев и пострадавших от войны (1953–1960).

²⁸ См. также: R. Löwenthal. The Judeo-Tats in the Caucasus // *Historica Judaica*. Vol. XIV (April 1952). P. 61–82; A. J. Dallin. *Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik*. Düsseldorf, 1958. S. 259. Интересно, что того же мнения придерживался и генерал СС Кестринг, курировавший армию Власова и все добровольные соединения вермахта и СС, частично состоящие из советских граждан. Свою позицию он аргу-

Дополнительные аргументы принес праздник с горскими песнями и плясками, на который горские евреи пригласили немцев: после этого даже эсэсовец не возражал против того, чтобы не отнимать у танцоров жизнь²⁹.

В изложении самого Теодора Оберлендера³⁰ вся история выглядит иначе: ни Поппе, ни Дитерса он не упоминает. Незадолго до Рождества 1942 г., примерно на третьей неделе декабря, к нему обратился Перштерер с просьбой выделить роту особого войскового соединения «Бергман» для участия в расстреле 2 000 нальчикских горских евреев. Оберлендер пригласил Перштерера и его заместителя Германа Рашхофера на ужин, во время которого убедил их отказаться от расстрела горских евреев. Помимо главного аргумента, а именно того, что они являются евреями лишь по религиозным убеждениям, а во всем остальном ничем не отличаются от других горских народов, фигурировал еще и другой — практический: польза от горских евреев, известных своим искусством шитья обуви, одежды и папах — головных уборов из овчины. Кроме того, Оберлендер предложил Перштереру и его начальнику бригадефюреру СС Вальтеру Биркампу, с июля 1942 года командиру айнзатцгруппы D, совершить инспекционную поездку и ознакомиться с ситуацией на месте. Такая инспекция состоялась буквально накануне Рождества, ее кульминацией стал зажигательный концерт горно-еврейских танцоров и музыкантов, а ее

ментировал тем, что горские евреи в царской армии имели право служить офицерами, что категорически не допускалось по отношению к остальным евреям (см.: *Herwarth Hans v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945.* Frankfurt am Main, 1989. S. 270 ff.).

²⁹ Перштерер, в передаче Поппе, якобы сказал: «Нас не интересует их смешная религия. Если они хотят следовать еврейской вере, не наше дело. Мы против только этнических евреев» (*N. Poppe. Reminiscences / Ed. By Henry G. Schwarz. Bellingham, Washington, 1983. BSB 4 Orient, 39 t-16. P. 166*). См. в пересказе также: М. Членов. Кто такие — эти «горские евреи»? Предисловие к кн.: *Горские евреи...* С. 10–11.

³⁰ Сохранились его дневники и письма жене (благодарю профессора Эрвина Оберлендера, сына Теодора Оберлендера, за это и другие ценные сообщения).

следствием — указание Биркампа более горских евреев не трогать³¹.

Существует и иная версия той же истории. Салим Тагирович Шадов, нальчикский адвокат и председатель созданного 6 декабря 1942 года «Представительства интересов народа Кабардино-Балкарии»³², рассказывал после войны американскому историку А. Даллину о том, как к нему приходила делегация горских евреев из Еврейской Колонки³³ во главе с Маркелом Шабаевым (1907–1978)³⁴, портным по профессии, и рассказала об опасениях за жизни горских евреев. Тогда Шадов обратился в Кисловодск, к командующему группой армий «А» фельдмаршалу фон Клейсту, и заявил, что горские евреи — это таты, то есть такая же горская народность, как кабардинцы или балкарцы. Была создана комиссия, которая в конце концов согласилась с этим утверждением и даже освободила нальчикских горских евреев от обязанности носить нашивку с еврейской шестиконечной звездой³⁵. Тем не менее был создан еврейский совет (юденрат), в который вошли Шабаев и Ханукаев³⁶.

³¹ О посещении Биркампом района Нальчика и, в частности, горских евреев сообщается в письме Бройтигама Розенбергу от 26.12.1942 (P.-C. *Wachs*. Der Fall Oberländer (1905–1908). Ein Lehrstuhl deutscher Geschichte. Frankfurt-am-Main; Campus Verlag, 2000. S. 121–122, со ссылкой на: Bundesarchiv Ludwigsburg (BAL), R 6/65, Nr. 233; ZStl 213 AR 1899/66, J. Persterer u. a.). См. также приводимое М. Альтшудером свидетельство В. Рейнольдса, данное им на суде (P.-C. *Wachs*. Der Fall Oberländer... S. 120).

³² Что-то вроде Национального совета Кабардинской области. Состоял из 7 человек.

³³ Традиционный горско-еврейский район в Нальчике. Название происходит от Горско-Еврейской автономной колонии — уникального внутригородского (уровня квартала) административно-территориального образования, в 1925–1938 гг. официально существовавшего внутри Кабардино-Балкарской автономной области (с 1936 г. — Кабардино-Балкарской АССР). Это была национальная автономия уровня квартала, тем не менее милиция и фельдшерская служба подчинялись не городу, а именно кварталу.

³⁴ См. о нем в заметке: <https://www.jewishheroes.live/heroes/shabaev>.

³⁵ См.: А. Даллин. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. М., 2021. С. 64.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 90–94.

Но именно это обстоятельство — принадлежность к юденрату как к организации, подчинявшейся оккупантам и, что неизбежно, сотрудничавшей с ними, — привело к тому, что его члены — руководители спасшейся таким образом еврейской общины советскими органами правосудия были привлечены к ответственности как коллаборанты.

Всего же уцелело и спаслось около 3 200 горских евреев, оказавшихся в оккупации, а жертвами Холокоста стали около 700 чел.

Горские евреи после освобождения: предатели и пособники

12 сентября 1951 года, когда после окончания войны прошло уже более шести лет, в Дзауджикау (нынешний Владикавказ) МГБ арестовало бывшего директора кожевенного цеха Иосифа Бакшиева. Позднее по этому же делу были арестованы и осуждены еще трое — уже упоминавшийся Виктор Шубаев, а также Минтула Нафталиевич Левиев (? , Хасавюрт — ?) и Михаил Давидович Соломонов (1884, Хасавюрт — 1957, Моздок).

Основным фигурантом являлся, разумеется, Бакшиев. Следователь и судья сочли, что в Моздоке он остался добровольно, а, обратившись за разрешением на открытие кожевенного цеха, стал пособником немецких властей. Кроме того, клеветал на советскую власть, арестовавшую четверых его братьев, и восхвалял власть немецкую. 21 декабря Верховный Суд Северо-Осетинской АССР осудил Бакшиева по статьям 58-3 и 58-10 к 25 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)³⁷ — с последующим поражением в избирательных правах на 5 лет и конфискацией имущества. Была подана кассационная жалоба, но, разобрав ее 10 января 1952 года, Верховный Суд РСФСР утвердил приговор.

Отбывать «четвертак» 60-летнего Бакшиева направили в район Воркуты — в город Печору, в Печорский железнодорожный

³⁷ Срок отсчитывался почему-то не от 12, а от 15 сентября 1951 г.

ИТЛ. Оттуда его перевели в самую Воркуту, где врачи зафиксировали у него туберкулез шейной железки, склероз сердца и грудную жабу, но в переводе на юг для излечения ему все равно отказали.

23 января 1952 года Агай Бакшиев, отец осужденного, обратился в высшую инстанцию в стране — лично к товарищу Сталину. К своему письму он приложил акт от 27 февраля 1943 года о передаче И. А. Бакшиевым новому директору кожзавода Яковлеву Г. С. кожевенной продукции и оборудования, а также коллективное письмо тому же адресату от 38 семей горских евреев г. Моздока, датированное 25 января 1952 года и заканчивавшееся словами: «Мы, граждане, прилагая свои подписи, уверены, что Вы, наш вождь, с присущей Вам справедливостью, вынесете правильное свое решение»³⁸. 31 января это обращение поступило в Генеральную Прокуратуру СССР³⁹.

2 июля 1952 года сам Иосиф Бакшиев обратился из лагеря к председателю Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову письмом убористым почерком на семи страницах⁴⁰. Заканчивалось оно так: «Прошу Вас искать правду и спасти меня от неправды. Учтите, нас казнили и расстреливали везде. Неужели смерть не является уважительной причиной?» Но и на это обращение заместитель начальника отдела по спецделам, государственный советник юстиции 3 класса А. Сучков 24 августа и 5 октября дважды, отвечая, оставил без удовлетворения: мол, проверкой установлено, что заявитель осужден правильно.

Интересно, что 8 апреля 1952 года датирована и жалоба И. Бакшиева Генеральному прокурору СССР Сафонову. В ней он начисто отрицал все обвинения и утверждал, что свои признательные показания дал под пытками: следователь МГБ СО АССР в Дзауджикау старший лейтенант Агаджаков бил его до потери сознания и сажал на 40 суток в сырой подвал со льдом⁴¹. В конце мая аналогичную жалобу Бакшиев отправил и Берии.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 1–3.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 192–196.

⁴¹ Там же. Л. 97.

Все эти жалобы в конечном счете поступили в Прокуратуру СО АССР по спецделам, к помощнику прокурора СО АССР младшему советнику юстиции Лесневскому и заместителю прокурора СО АССР советнику юстиции Дубцову, и те раз за разом не находили ни малейших оснований для протеста.

Между тем, к 27 февраля 1952 года подоспел приговор и трем другим арестованным: Шубаев, как и Бакшиев, получил «четвертак», а Соломонов и Левиев получили свои «десятки», по 10 лет лишения свободы по статье 58-10.

Кстати, родственники и других осужденных позднее еще не раз обращались наверх, и не только к Сталину, но и к Берии, Кагановичу, Маленкову, Ворошилову Швернику и др. Но все — совершенно безрезультатно. Тот факт, что во время немецкой оккупации был открыт кожевенный цех, работавший на немцев, в котором работало около 180 евреев, однозначно вменялось им в вину: «Обвинение доказано показаниями ряда свидетелей и признанием Бакшеева. Оснований для пересмотра дела нет»⁴². Или даже: «... Зверская расправа фашистского командования с населением не может служить оправданием для ШУБАЕВА, его пособническая деятельность в пользу немцев и антисоветская агитация по отношению к советской власти»⁴³.

8 апреля 1952 года свое заключение по одному из коллективных писем дала Прокуратура РСФСР по спецделам, то есть Лесневский и Дубцов⁴⁴. Лесневский нашел, что изложенные в жалобах родственников утверждения не соответствуют действительности и опровергаются показаниями как свидетелей, так и самого осужденного. Поэтому в ходатайстве об опротестовании приговора отказано за отсутствием оснований для протеста⁴⁵.

⁴² Из письма генерала-майора юстиции Н. Хохлова в Секретариат заместителя председателя Совета Министров СССР А. М. Кагановича от 24 июня 1952 г. (Там же. Л. 126).

⁴³ Из заключения помощника прокурора Северо-Осетинской АССР по спецделам, советника юстиции Лесневского от 11 июня 1952 г. (Там же. Л. 130–132).

⁴⁴ Там же. Л. 75–76.

⁴⁵ Там же. Л. 88–89.

Так же без удовлетворения оставлена была и жалоба самого Шубаева, 29 апреля 1953 г. об этом ему сообщил заместитель начальника отдела по спецделам, старший советник юстиции Сучков. Таким же был ответ и от Генпрокурора: 20 мая 1953 г. официальный ответ подписал исполняющий обязанности начальника отдела по спецделам государственный советник юстиции 3 класса Камочкин. Он же 2 июня подписал и ответ на жалобу, адресованную Ворошилову.

После смерти Сталина жалобы родственников осужденных возобновились. Попадали они теперь в Комиссию по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных на территории СО АССР за контрреволюционные преступления. 14 июля 1954 года старший ревизор Министерства внутренних дел СССР Воробьев предложил, а генпрокурор Руденко утвердил это предложение, — нет, не оправдать Шубаева, что Вы! — а лишь смягчить его приговор, убрав из него статью 58-11 и снизив срок до 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества⁴⁶.

Послабления снизились и на остальных троих: с применением указов об амнистии от 27 марта 1953 года и от 17 сентября 1955 года и с учетом их преклонного возраста всем им изменили формулировку (вместо «пособничества немецким оккупантам» — «действия с элементами пособничества») и снизили срока с 10 до 5 лет ИТЛ без поражения в правах. А 21 августа 1954 года Генпрокурор Р. Руденко внес в порядке надзора протесты, которые спустя 7 месяцев, 24 марта 1955 года, были удовлетворены, что для осужденных стариков означало освобождение из-под стражи вместе со снятием судимости.

Первым хотя бы частичного успеха добился Шубаев, которому в июле 1954 года снизили меру наказания, 25 лет срока заменили на 19⁴⁷, а 7 апреля 1955 года дело и вовсе прекратили. При-

⁴⁶ Там же. Л. 239–242.

⁴⁷ См. решение Комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных на территории Северо-Осетинской АССР за контрреволюционные преступления от 14 июля 1954 г.

говор Левиева смягчался в несколько этапов: сначала располовинивание срока (вместо 10 лет пять), а 30 августа 1956 года и полное прекращение дела, без конфискации и поражения в правах. Тем же днем датировано и смягчение приговора по делу самого старшего по возрасту из числа осужденных — Соломонова: вместо 10 лет он получил 5. Вскоре после выхода на свободу 72-летний Соломонов скончался.

Наличие объединенного надзорного производства по делам четырех моздокских горских евреев имеет еще и лингвистическую специфику и порождает тем самым дополнительный аспект — процессуально-стилистический. Поэтому мы сочли целесообразным отобрать четыре документа из множества — по два со стороны фигурантов дела и со стороны юристов — и вынести их в отдельное *Приложение*. Содержащиеся в нем жалобы фигурантов и заключения юристов документируют полное бесправие и беззащитность первых и политическую ангажированность, беспредел и безапелляционность вторых.

Что касается репрессий против самоспасшихся горских евреев города Нальчика, то аресты и репрессии, разумеется, были и там. Так, Маркел Шабаета после освобождения Нальчика «СМЕРШ» арестовал как коллаборанта. Однако репрессии эти прошли, по-видимому, гораздо мягче, чем в Моздоке. Того же Шабаета быстро освободили, в Нальчике помогло то, что не работало в Моздоке: письмо остальных горских евреев наверх — не то Сталину, не то Молотову. В 1955 году его и вовсе реабилитировали: «До конца своих дней в 1978 году Шабаета был уважаемым членом горской общины. Он не только шил одежду всему городу, но и рисовал карикатуры, которые посылал в журнал “Крокодил”. Не расставался и с музыкой и танцами. Ни одна свадьба не проходила без Шабаета, который, как правило, возвращался домой голодным — так веселил гостей, что не было времени на угощения»⁴⁸.

⁴⁸ Ф. Ротман. Маркел Шабаета (1907-1978) // Jewish Heroes. 2020. 26 марта. В сети: <https://www.jewishheroes.live/heroes/shabaev>.

После войны: урочище Менжинка

О том, что произошло с евреями-ремесленниками после войны, уже было сказано. А что произошло с селениями, где погибли еврей-колхозники в 1942 году?

Как таковые они исчезли с лица земли.

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 мая 1950 года населенные пункты Агабатырский, Богдановский, Горячевский, Калпашский, Менжинский и Пиевский сельсовет Курского района исключены из учетных данных по АТД, как фактически не существующие⁴⁹.

Спустя 14 лет, 7 июля 1964 года, хутор Менжинский, отнесенный уже к Эдиссейскому сельсовету, будет де юре ликвидирован вторично: решением крайисполкома на эту дату он исключен из числа населенных пунктов как «слившийся»⁵⁰.

«Слился» же он исключительно с природой: подобно случаю с Джегонасом в 1918 году, речь там может идти разве что о диком биоценозе — об урочище, носящем несколько видоизмененное и потому облагороженное за счет отрыва от своего первоисточника имя «Менжинка».

Попытка иного рода «слияния» — мифологического, но вместе с тем и с практическими последствиями — наблюдалась в позднем СССР применительно к горским евреям в целом. Одной из мифологем, навязывавшихся горским евреям в советское время, было записывание их в «таты» (кавказские персы-шииты), точнее причисление первых ко вторым, то есть симуляция единого народа, с единым языком, но исповедующего две разные религии.

Такой подход был грубо, несмотря на протесты, реализован при проведении и обработке Всесоюзной переписи населения 1979 года. Она зафиксировала около 20 тысяч татов, но в большинстве своем — это горские евреи. Перепись 1989 года за-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. А-385 (Архив Президиума Верховного Совета РСФСР). Оп. 4. Д. 25. Л. 4; Оп. 48. Д. 34. Л. 6.

⁵⁰ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 16. Д. 289. Л. 174.

фиксировала 18,5 тыс. горских евреев, — начавшиеся эмиграция в Израиль и миграции в Москву не давали этой цифре расти. К этому времени около трети горских евреев насчитывалось в Азербайджане, а остальные — в России, при этом перевес Дагестана (3600 чел.) над Кабардино-Балкарией (3200 чел.) и даже Чечено-Ингушетией (2600 чел.) был уже не так значителен.

И сегодня горские евреи еще заметны в России, в частности, в Москве, Санкт-Петербурге и Пятигорске, но большинство их уже все-таки в Израиле.

Приложение

**Заключение и. о. прокурора отдела по спецделам
Прокуратуры РСФСР, младшего юриста Суховия
на уголовное дело Соломонова М. Д. в связи с жалобой его
племянницы Соломоновой Л. А., 17 апреля 1954 г.⁵¹**

Секретно

«УТВЕРЖДАЮ»

И. о. нач. Отдела по спецделам

Государственный Советник

юстиции 3 класса (БЛИНКОВ)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

гор. Москва

17 апреля 1954 г.

И. о. прокурора отдела по спецделам Прокуратуры РСФСР, мл. юрист Суховий, проверив в порядке надзора уголовное дело по обвинению Соломонова М. Д. по ст. 58–10 ч. 2, 58–11 и 95 ч. 2 УК РСФСР в связи с жалобой его племянницы Соломоновой Л. А.

УСТАНОВИЛ:

Соломонов Михаил Давыдович, 1884 г. рождения, уроженец гор. Хасавьюрт, Дагестанской АССР, б/п., еврей, гр. СССР, ма-

⁵¹ Здесь и далее грамматика и пунктуация сохранены.

лограмотный, из рабочих, правительственных наград не имеет в 1948 г. судим по ст. 99 УК РСФСР на 1 год условно, до ареста проживал в гор. Моздоке С. О. АССР, не работал.

Приговором Верховного суда Северо-Осетинской АССР от 27 февраля 1952 г. по ст. 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР осужден на 10 лет заключения в ИТЛ с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет и с конфискацией имущества по ст. 95 ч. 2 УК РСФСР на 2 года лишения свободы без поражения в правах, а по совокупности — к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет и с конфискацией имущества.

Верховный суд РСФСР определением от 8 апреля 1952 г. приговор оставил в силе.

Суд признал Соломонова виновным в том, что он в августе 1942 г., оставшись проживать на временно оккупированной немцами территории гор. Моздока, совместно с немецким ставленником Бакшеевым, Шубаевым, Ливиевым и другими жителями еврейской национальности гор. Моздока подписал в адрес немецкого военного командования письменное обращение антисоветского характера, в котором возводилась злобная клевета на советскую власть и выражалась готовность оказать всемерную помощь немецким захватчикам.

Кроме того, 22/ХП-1951 г. в судебном заседании по делу Бакшиева в корыстных целях, желая выгородить преступника Бакшиева отказался от ранее данных им показаний на предварительном следствии.

В своей жалобе на имя Председателя Совета Министров СССР тов. Маленкова племянница осужденного — Соломонова Л. А. указывает, что Соломонов осужден неправильно, что он ни в чем не виновен, является потерпевшим от немцев, имеет преклонный возраст 70 лет и просит направить дело на доследование.

Каких-либо конкретных доводов против обвинения она в жалобе не приводит.

Доводы, которые ею приведены являются неосновательными, т. к. виновность Соломонова в суде доказана его личным признанием и показаниями свидетелей.

Соломонов М. Д. в судебном заседании виновным себя признал и показал, что в 1942 г. во время оккупации Моздока немцами

«Бакшиев и Шубаев организовали открытие кожзавода. Они написали заявление об открытии кожзавода. Потом было написано второе заявление антисоветского характера. Оба эти заявления я подписал. В заявлении было написано о том, что нас евреев Советская власть притесняла и не давала работать и мы обязуемся честно работать для немецкой армии. Я это заявление носил по дворам и Ливиеву и Бакшиевой, чтобы подписать и они подписали. Правильные показания на суде по делу Бакшиева я не мог дать потому, что у меня болела голова». (Л. д. 97).

Свидетель Шубаев В. Ш. (осужденный):

«В период оккупации немцами гор. Моздок в 1942 г. Соломонов работал на кожзаводе мастером, он же собирал средства на подарки и подписал одно заявление антисоветского характера на имя немецкого командования и нося это заявление по дворам для сбора подписей под заявлением». (Л. д. 97 об.)

Свидетель Ливиев М. Н. (следственно-заключенный):

«Я знал, что Соломонов при немцах в Моздоке работал в кожевном заводе, который был открыт по просьбе группы евреев. Он мне приносил на дом заявление для подписи и сказал, что заявление надо подписать и идти на работу, но что было написано в заявлении я не знаю, т. к. я неграмотный и не читал заявление» (Л. д. 97 об.).

Свидетель Матаев Р. А.:

«Во время оккупации немцами гор. Моздока в 1942 г. Соломонов работал на кожзаводе, который был открыт немцами по просьбе горских евреев. Соломонов работал мастером. Он же подписывал заявление, которое было написано на имя немецкого командования, где писалось, чтобы, евреи обязуемся честно работать на немцев, что Советская власть притесняла нас и не давала нам работы.

Подписывал ли Соломонов какое-либо другое заявление и было ли такое заявление, я не знаю». (Л. д. 98).

Матаев далее показал, что знает, что были убиты некоторые члены семьи Соломонова, но кто именно не знает (л. д. 98).

При таких обстоятельствах, не находя оснований к принесению протеста.

ПОЛАГАЛ БЫ:

Жалобу Соломоновой Л. Д. оставить без удовлетворения.

И. о. прокурора отдела по спецделам

мл. юрист

(Суховий)

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 290–292. Машинопись

Жалоба осужденного М. Н. Левиева Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко на несправедливость судопроизводства, 8 мая 1958 г. (с приложением аналогичной жалобы от 6 сентября 1955 г.)

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

Тов. РУДЕНКО

От гр-на ЛИВИЕВА Минтува Нафталиевича, прожив. в г. Моздоке, Северо-Осетинской АССР, ул. Ермоленко № 42

ЖАЛОБА

Обращаясь к Вам и надеюсь, что лично у Вас я могу добиться справедливого решения, а именно: от 6 сентября 1955 года мною лично Вам было написана жалоба, которое сейчас я приобщаю к данной жалобе для наиболее ясности дела. Но как видно из проверки уголовного дела по обвинению меня не было рассмотрено Вами, поэтому я вынужден напомнить Вам посланное отношение мне прокуратурой РСФСР, отдел по специальным делам от 14/V–56 г. за №9/11654–54, где в этом отношении было изложено следующее, что прокуратура РСФСР, проверив уголовное дело по обвинению Вас не находит оснований к опротестованию постановления Президиума Верховного суда РСФСР, коим снижена Вам мера наказания до 5 лет ИТЛ со снятием судимости, поэтому жалоба Ваша оставлена без удовлетворения. Как видно из этого отношения не было ясно изложена предыдущая моя жалоба или же не то, что

просил я адвоката писать. Ведь не просил я о снижении мне меры наказания в предпоследней моей жалобе, написанное от 6/IX–55 г.

Я пишу, что я абсолютно не был виновен и только благодаря полнейшего вымогательства с насилием оружия, где Матаев устроил от себя, тем самым я и Шубаев без вины стали виноватыми, ведь это еще яснее стало тогда, когда прежде чем писать данную жалобу я обратился к Матаеву и спросил: «Скажи-ка Матаев дело прошлое, что тебя заставило на нас клеветать тогда, когда я и Шубаев совершенно не заслуживаем и подобных явлений отнюдь отсутствовало?» Матаев отвечает, что видишь ли меня принуждали вымогательство сила оружия я и вынужден был строить вымышленное компроментацию по отношению Вас, т. е. на меня, на Шубаева и на Соломонова, который умер в 1957 году, мне кажется Вам понятно теперь будет, причем это факт о нашей абсолютной невинности еще могут подтвердить следующие товарищи:

1. Алхазов Николай Александрович, прожив. в г. Моздоке по ул. Салгонюк № 38.

2. Бахшиев Язгиил Ирмиевич, прожив. в г. Маздоке, по улице Шаумяна № 19.

3. Шубаев Виктор Шахманович, прожив. в г. Моздоке, по улице Орджоникидзе № 37.

Все выше упомянутые лица действительно подтвердят этот факт и на сегодняшний день, что со стороны меня и Шубаева и покойника Соломонова абсолютно вины отсутствовало, причем нужно сказать, что следствия велись по методу Берия. Причем надо упомянуть еще то, что мало того, что незаконно и ничем не обосновано просидел 3 года, 3 месяца и 8 дней, но ведь учтите одно сколько бы не применяли ст. 5 указа от 28/III–53 г., но ведь я же не был виновен и такое не стирающее пятно осталось на мне, ведь я не для этого боролся в Нальчинском партизанском отряде с 1917 г. по 1920 г., где хотел чтобы молодая советская власть окрепла и росла, а сейчас значит я должен носить такую компроментацию, которая никогда не сотрется с меня, мне это очень обидно и я не заслуживаю. О пребывании в партизанском отряде имею соответствующий документ, который подтверждает и этот факт, поэтому я приобщаю этот документ к данной жа-

лобе. И только благодаря такому явлению, мало того, что не обосновано, не законно просидел 3 года, 3 месяца и 8 дней, да еще незаконно отобрали половина дома, который принадлежит моей жене Ливиевой Ирине Натаниловне, рождения 1886 года и последняя является юридическим владельцем дома. Что я хочу сказать здесь, что если допустим я даже и был виновен мне кажется, конфискацию должны произвести лично мне принадлежащие вещи. Поэтому я не хочу долго задерживать Ваше внимание, учитывая, что все выше изложенное Вам будет ясно и понятно, как подчас люди бывают без вины виноватые.

Исходя из вышеизложенных исключительных не опровержимых фактах, я прошу Вашего личного справедливого решения, тем самым по установлении факта о моей невинности снять этот незаслуженный мною пятно, т. е. полной реабилитации меня, тем самым вернуть мне незаконно конфискованные полдома. В чем прошу не отказать в моей законной просьбе, руководствуясь ст. 15 и 16 закона о судеустройстве СССР и Союзных автономных республик. Я уверен, что все вышеизложенное должно заслуживать вашего внимания.

К сему (Ливиев)

8/V-58 г.

Приобщаю предыдущую жалобу к данной жалобе для наиболее ясности дела

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ СОЮЗА ССР

тов. РУДЕНКО

От гр. Ливиева Минтува Нафталиевича,

прожив. гор. Моздок СО АССР, ул. Ермоленко № 42-а

ЖАЛОБА

Я Левиев М. Н., являюсь уроженцем Кабардинской АССР, гор. Нальчик, но сам житель гор. Моздок СО АССР, по национальности горский еврей, неграмотный, рабочий.

До начала Великой Отечественной войны работал при Райздравотделе конюхом, когда подходили немецкие войска к наше-

му городу, Райздравотдел с обслуживающим персоналом эвакуировался в тыл, эвакуировал и я свою семью. Мне и другим было приказано сжечь все архивы, а затем также эвакуироваться. При выполнении задания, я не смог уехать, так как немецкие войска зашли, и я остался на временно оккупированной территории. Будучи, как еврейская нация, над которой жестоко издевались фашистские изверги, мне пришлось перенести тяжелые трудности скрываться от издевательств. Необходимо было прибегнуть к крайности, дабы выйти с тяжелого положения.

В гор. Моздок остались еще и другие евреи не успевшие эвакуироваться — Бакшиев, Шубаев, которые предложили организовать что-то навроде кожаной мастерской с той целью, чтобы показать будто мы работаем и не попасть под истребление фашистских извергов.

На это Бакшиеву и Шубаеву удалось достать у немецкого ставленника в гор. Моздок Тупицина разрешение на изготовление кустарным способом кож. Несмотря на то, что разрешение было, фактически мы ничего не делали.

Основное обвинение меня на предварительном следствии в том, что якобы я подписывал в числе других евреев заявление на имя немецкого командования, будто нас евреев до Отечественной войны при Советской власти притесняли и будто это заявление взял Шубаев и передал немецкому командованию с просьбой, чтобы нас евреев не трогали.

В действительности я такого заявления не подписывал и в жизни такого заявления я не видел и нужно принять во внимание, что я совсем неграмотный.

Во время следствия и судебного разбирательства, кроме подставного свидетеля Матаева, который форменным образом сочинял очевидно по указанию следователя МГБ, больше никаких данных в деле по обвинению меня не было.

Правда свидетель Соломонов 70-летний старик, дал показания, что и он и я такое заявление подписывали. После суда я спросил Соломонова зачем он говорил неправду, то последний заплакал и сказал, «что если бы на его месте кто-либо побывал и что с ним делали, то каждый бы это сказал».

Соломонову в сказанном я поверил, ибо во время следствия меня с 22 до 26 января вызывали на допрос с вечера, а затем глубокой ночью выгоняли на улицу, затем снова заводили и так в течении указанного времени совершенно не давали спать и был голодный.

Кроме указанного меня пугали разными угрозами, сажали в карцер и в конечном итоге вынудили меня совершенно уже при полном моем непонимании в обессиленном состоянии, подписать ложные показания на меня.

Сам я с бедной семьи, остался сиротой и не смог учиться. В 1918–19 гг. в Нальчике в партизанском отряде Крутова, который и сейчас жив здоров. Отряд этот вел борьбу с белыми бандитами.

Своим приговором Верховный суд Северо-Осетинской АССР от 27 февраля 1952 г. осудил меня по ст. 58–10 ч. II и 58–10 УК РСФСР. Считаю себя совершенно безвинным, а потому на основании вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 15 и 16 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, прошу Вас истребовать уголовное дело и опротестовать его с целью полной реабилитации меня.

6 сентября 1955 г.
(Ливиев)

Входящий (17.5.1958) и исходящий (24.5.1958) штемпели Прокуратуры СССР. Помета в начале: «Разборка. 17.V.1958. [Подпись нрзб.]».

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32217. Л. 295–299. Машинопись

**Ответ прокурора отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности старшего советника юстиции
Ефремова на жалобу осужденного М. Н. Левиева от 6 мая
1958 г., 12 июня 1955 г.**

12 июня 1958

13/3-964-58

Северо-Осетинская АССР, гор. Моздок,
ул. Ермоленко д. 42

ЛИВИЕВУ Минтгува Нафталиевичу

Сообщаю, что Ваша жалоба поступила в Прокуратуру СССР, где и она рассмотрена.

Установлено, что Постановление Президиума Верховного суда РСФСР от 24 марта 1955 года о снижении Вам срока наказания до 5 лет лишения свободы вынесено правильно, оснований для пересмотра этого постановления нет. Жалоба Ваша оставлена без удовлетворения.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности

старший советник юстиции

(Ефремов)

11.VII.[1955] рс

Верно:

ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 32 217. Л. 306. Машинопись

Литература:

Алхазов Р. Проблема этнического выживания горских евреев в современной республике Дагестан // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 1. М., 2010. С. 401–404.

Альтман И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М. : Ковчег, 2002.

Войтенко Е. А. Холокост на Юге России в годы Великой Отечественной войны. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь : Ставр. Гос. ун-т, 2005. 239 с.

Горские евреи: история, этнография, культура / Под общ. ред. И. Бегуна. Сост. и науч. ред. В. Дымшица. Пер. с ивр. Ю. Мурадова. Вступ. ст. М. Членова. Иерусалим ; Москва : Даат ; Знание, 1999.

Ибрагимова А. Ш. Решение Дагестанским правительством экономических проблем горских евреев (1927–1930 гг.) // Региональная научная конференция «История, историография и этнография горских евреев». Тезисы докладов / сост. И. Г. Семенов. Дербент, 2009. С. 26–27.

Илишаев Н. Не забудем, не простим ... // Н. Илишаев. С Кавказа в Иерусалим. Тель-Авив, 1981. С. 102–106.

История городов и сёл Ставропольского края. Ставрополь, 2002.

Исход горских евреев: разрушение гармонии миров / Сост. С. А. Данилова. Нальчик, 2000.

Ихилор М. М. Горские евреи (опыт монографического исследования). Дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1949.

Ихилор М. М. Горские евреи // Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.

Кагазежев Ж. Из истории черкесо-еврейских взаимоотношений // Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. Т. 1. М., 2010. С. 394–400.

Калоев Б. А. Моздокские осетины. (Историко-этнографическое исследование). М. : Наука, 1995. 245 с.

Каракетов М. Антропонимика горских евреев // <http://www.gorskie.ru/istoria/antropon.htm>.

Коваленко В. Ю. Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX — первой трети XX века (на материалах Ставрополья и Кубани) / Дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. Ставрополь, 2009. 306 с.

Колесов В., Сень Д. Недолгая история горских евреев северо-западного Кавказа // Диаспоры. М., 2000. №3.

Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области, с этнографической картой. Тифлис, 1876.

Куповецкий М. Социокультурный анализ формирования коллективной памяти и мифологем о происхождении евреев Восточного Кавказа до 80-х годов XIX века // Этнографическое обозрение. 2009. №65. С. 58–73.

Куповецкий М. К исторической демографии этнотерриториальных групп горских евреев Азербайджана в XVII–XIX вв. // *Studia antropologica*. Сборник статей в честь М. А. Членова. М., 2010. С. 145–175.

Куповецкий М. С., Полян П. М. Горские евреи // Холокост на территории СССР. Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2009. С. 233–235.

Лугуев С. А. Горские евреи // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 132–133.

Мосолова Е. С. Джегонасский // Российская Еврейская энциклопедия. В сети: <http://www.rujen.ru/index.php/Джегонасский>.

Мурзаханов Ю. И. Холокост и горско-еврейские общины // Кавказология. 2017. №3. В сети: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/murzahanov_kavkazologija_2017_3.pdf

Нефёдов С. А. Истоки 1905 года: «Революция извне»? // Вопросы истории, 2008. №1. С. 47–60.

Полян П. Под прикрытием татов. Холокост и горские евреи // Еврейская Газета (Берлин). 2007. №5. С. 22.

Полян П. М. Сумевшие уцелеть: горские евреи на Северном Кавказе // Полян П. М. Между Аушвицем и Бабьим Яром: размышления и исследования о Катастрофе. М. : РОССПЭН, 2010. С. 135–166.

Полян П. М. Сумевшие уцелеть: горские евреи и Холокост // П. Полян. Между Аушвицем и Бабьим Яром: размышления и исследования о Катастрофе. М. : РОССПЭН, 2010. С. 137–145.

Полян П. М. К реконструкции миграционной истории горских евреев на Северном Кавказе в 1920-е — 1940-е гг. // Миграции и пространственная мобильность в сельско-городском континууме России в XX веке: управляемость, адаптивность и стратегии преодоления. Российско-немецкая научная конференция (Ставрополь, 15–19 июня 2011 г.) : сб. рабочих материалов. Ставрополь ; Фрайбург : СГУ, 2011. С. 98–106.

Полян П. М. В Крыму определилась стратегия Холокоста / Евреи в Крыму. На четыре вопроса отвечают: Максим Гаммал, Михаил Кизилов, Геннадий Костырченко, Павел Полян. Беседу ведет А. Мамедов // Лехаим. 2014. №4. С. 71–72.

Прайсман Л., Зиссерман-Бродская Д., Барановский С., Чарный С., Хазанов А., Петрухин В., Кипнис М. История евреев России. Учебник. М. : Лехаим, 2005. 726 с.

Рафаилов А. А. Заживо погребенные. Кисловодск : Северо-Кавказское издательство «МИЛ», 2004. 196 с.

Ротман Ф. Маркел Шабаев (1907–1978) // Jewish Heroes. 2020. 26 марта. В сети: <https://www.jewishheroes.live/heroes/shabaev>.

Сень Д. В. Новые материалы о горских евреях Кубанской области: проблемы формирования «новой» идентичности // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами / Ма-

териалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2007.

Сообщение ЧГК «О злодеяниях фашистских оккупантов в Ставропольском крае» // Правда. 1943, 5 августа.

Справочник по автономным областям, районам и городам Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону : Северный Кавказ, 1932.

Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 г.) Документы и материалы / Сост. Володажская В. А., Кривнева М. И., Мельник Н. А. Ставропольское книжное издательство, 2000.

Форум «Аланы: кто они?» // <http://wap.karachays.borda.ru/?1-1-0-00000027-000-3600-0>.

Членов М. Между Сциллой деиудаизации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX веке // Диаспоры. М., 2000. №3. С. 174–197.

Angrik A. Die Einsatzgruppe D. Struktur und Tätigkeit einer mobilen Einheit der Sicherungspolizei und des SD in der deutschbesetzten Sowjetunion. Bd. 2. Berlin, 1999.

Dallin A. J. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1958. 727 S.

Feferman K. Nazi Germany and Mountain Jews: was there a policy? // Holocaust and Genocide Studies. 2007. Vol. 21. №1 (Spring). P. 96–114.

Herwarth H., von. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931–1945. Frankfurt am Main, 1989.

Kunz N. Die Krim unter deutscher Herrschaft 1941–1944. Germanisierungstoptie und Besatzungsrealität. Darmstadt, 2005.

Löwenthal R. The Judeo-Tats in the Caucasus. // Historica Judaica. Vol. XIV (April 1952). S. 61–82.

Poppe N. Reminecsences / Ed. By Henry G. Schwarz. Belingham, Wash.: Western Washington University, 1983. XIII, 331 S. BSB 4 Orient, 39 t-16.

Wachs P.-C. Der Fall Oberländer (1905-1908). Ein Lehrstuhl deutscher Geschichte. Frankfurt-am-Main; Campus Verlag, 2000.

О. В. Эдельман

НАДЗОРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА ПРОКУРАТУРЫ СССР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Владимир Александрович Козлов, придя работать в Государственный архив РФ и возглавив деятельность архива по публикации документов, инициировал ряд масштабных проектов, открывших ранее неизвестные стороны советской истории. Среди них был проект по изучению антисоветских выступлений в после- сталинский период на материалах надзорных производств Прокуратуры СССР, хранящихся в ГА РФ (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31, 36), в котором автор настоящих строк принимала самое непосредственное участие. Результатом стали наши книги «58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Аннотированный каталог, март 1953–1991»; «Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953–1982 гг.»¹. На тех же материалах был написан знаменитый труд самого Владимира Александровича о мас-

¹ 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: Аннотированный каталог // Под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской и О. В. Лавинской. М., 1999; Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / Под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. М., 2005; Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev / Edited by Vladimir A. Kozlov, Sheila Fitzpatrick, and Sergei V. Mironenko. Compiled by V. A. Kozlov and O. V. Edelman with assistance from E. Yu. Zavadskaia. English edition edited and introduced by Sheila Fitz-

совых беспорядках в СССР². Идея обратиться к тогда только что рассекреченным надзорным делам³, которые вел отдел по надзору за следствием в органах государственной безопасности (спецотдел) Прокуратуры СССР в послесталинский период, принадлежала В. А. Козлову.

Материалы архивов органов прокуратуры представляют собой весьма информативный и ценный источник по истории политических репрессий в СССР. Попытаемся здесь обобщить наблюдения источниковедческого порядка, накопившиеся при работе с надзорными производствами.

Органы прокуратуры, как известно, обязаны были осуществлять надзор за всеми следственными делами и санкционировать аресты, обыски, изъятие почтовой корреспонденции, продление сроков следствия и иные следственные действия. Каждое заведенное следственное дело, независимо от того, каким ведомством оно заводилось, должно было сопровождаться надзорным производством соответствующих органов прокуратуры — местного, республиканского или союзного уровня. Мотивом для заведения надзорного дела могло также послужить поступление жалобы осужденного, его родственников или адвокатов. Срока давности в таких случаях по советскому законодательству не существовало. Отсюда проистекает та особенность, что надзорные дела как в делопроизводстве, так затем и в архиве, нумеруются и хранятся в порядке их заведения, но не в хронологической последовательности собственно осуждений по ним. То есть, например, дела по реабилитации в хрущевскую эпоху жертв политического

patrick. Translated by Olga Livshin. English edition annotated by Andrew Janco. Yale university press. New Haven & London. 2011.

² В. А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999; Переиздания: В. А. Козлов. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти, 1953–1985 гг. М., 2006; В. А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. М., 2010.

³ Следует отметить, что указанные издания увидели свет до принятия федерального закона от 1 июля 2017 г., ограничившего публикацию сведений, содержащих персональные данные.

террора сталинского времени отложились в фондах Прокуратуры за 1950-е годы, вперемешку с текущими делами. Это немало осложняет поиск.

Органы прокуратуры вели алфавитные картотеки лиц, на которых имелись надзорные дела, но эти картотеки, в отличие от самих дел, не подлежат передаче в государственный архив, а могут оставаться для текущего использования в делопроизводстве или ведомственном архиве. Картотеки Прокуратуры СССР в ГА РФ не поступали. Архив располагает лишь описями, где указаны фамилии и инициалы осужденных либо состав обвинения («об антисоветской агитации», «о контрабанде» и т. п.), причем оба варианта могут чередоваться даже в пределах одного и того же фонда: до определенного года в описях указывается состав обвинения, затем он сменяется фамилиями, причем в первом случае к описи может прилагаться именной указатель. Дела в описи сгруппированы по годам. Надзорные производства главных транспортных прокуратур⁴, действовавших до 1957 г. (когда транспортные суды и прокуратуры были упразднены), по делам политического характера хранятся вместе с материалами спецотдела, обычно они располагаются в конце описи за каждый год.

Как известно, Прокуратура СССР была создана в 1933 г. и получила окончательное оформление в 1936 г. Однако, материалы надзорных производств спецотдела сохранились лишь с конца 1930-х гг., причем в описях за эти годы они крайне малочисленны, буквально по несколько дел за год. Более или менее систематически они имеются в фонде начиная с 1940-х гг. Надзорные дела спецотдела сгруппированы в две описи, опись 31 (1938–1965), опись 36 (1966–1991). Всего по обеим описям числится более 100 тысяч дел⁵. Материалы фонда рассекречены, доступ ис-

⁴ Транспортные прокуратуры имели отраслевой характер, по видам транспорта: железнодорожного, морского и речного.

⁵ Примерную оценку того, какая доля всех дел по антисоветским осуждениям с 1953 г. отразилась в фонде спецотдела Прокуратуры СССР, см.: 58-10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. С. 6.

следователей к ним ограничивается 30-летним сроком давности и соображениями охраны личных тайн граждан.

По правилам комплектования архивов в СССР материалы секретных производств отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности (спецотдела) Прокуратуры СССР подлежали полной передаче на постоянное хранение без каких-либо изъятий. В то же время несекретные надзорные производства из других структурных подразделений Прокуратуры подвергались экспертизе ценности и отбору, на хранение оставялась выборка в 9–12% дел. Характер этой выборки должен был быть оговорен в предисловии к описи, но как правило предисловия эти составлялись крайне небрежно и формально, и теперь из них можно узнать, какой процент дел за каждый год попал в архив, но неясно, ни каким образом осуществлялась выборка, ни почему из года в года процент аналогичных (из одной структуры) дел колеблется. В итоге состояние фондов таково, что у исследователя антисоветских выступлений есть гораздо больший шанс обнаружить нужное надзорное дело, чем у того, кто попытается найти материалы по делам общеуголовного характера.

Тем не менее, хотя формально абсолютно все дела спецотдела Прокуратуры СССР должны были поступить в государственный архив, в реальности простое сравнение количества делопроизводственных номеров (эти номера включали номер спецотдела — 13, и через тире порядковый номер дела в течение года, каждый год нумерация начиналась заново) с числом дел по архивной описи показывает, что на хранение попало далеко не все. За 1950-е гг. в наличии есть порядка 60% дел, затем процент увеличивается и для 1970–1980-х гг. составляет 80–90%. Попытка выяснить у сотрудников прокуратуры (в годы, когда шла работа над нашим проектом, еще несложно было найти прокуроров с советским стажем), отчего в архив поступили не все дела и по каким принципам они отобраны, особым успехом не увенчалась. Удалось лишь узнать, что некоторый процент дел аннулируется самими прокурорами как «пустые», в случае, если дело было заведено (и ему был дан номер), а затем не получило реального продолжения.

Отчасти объяснять разницу между количеством дел и количеством делопроизводственных номеров может следующее обстоятельство. В принципе, если на человека однажды заводилось надзорное производство, то при повторных его привлечении к уголовной ответственности новые материалы должны были приобщаться к тому же делу. Но иногда (в отдельных случаях, видимо, по небрежности), заводилось и новое надзорное производство. В ходе же реабилитации 1950–1960-х гг. довольно часто надзорное дело заводили заново, а в него подшивали целиком, вместе с обложкой, старое надзорное дело, синхронное осуждению. Таким образом, старое дело сохранилось в составе нового, но перестало существовать как самостоятельная делопроизводственная единица.

Кроме дел по антисоветской агитации и пропаганде, в ведение спецотдела Прокуратуры СССР попадали и иные категории дел, находившихся в компетенции органов госбезопасности: о незаконном переходе границы, контрабанде, сотрудничестве с оккупантами во время Великой Отечественной войны, бандитизме (в первую очередь, об участниках националистических банд в Прибалтике и на Украине). С 1960 г. спецотдел стал заниматься и делами об особо крупных преступлениях экономического характера («валютчики», «цеховики», «спекулянты»). Дело о шпионаже в фонде мало, и только очень незначительные; важными делами этого рода занимался, очевидно, не спецотдел КГБ. Изредка встречаются надзорные производства по нетипичным вопросам: крупный падеж скота, покушение на советское или партийное должностное лицо, насильственная смерть высокопоставленного сотрудника госбезопасности, нарушение советской воздушной границы иностранным самолетом (отметим дело Матиаса Руста). Наконец, ощутимую долю составляют дела религиозных сектантов разных толков (особенно много иеговистов, баптистов, адвентистов).

Состав документов в надзорном деле зависит от повода, по которому оно было заведено. Если начало положило спецсообщение о возбуждении уголовного дела, то в дальнейшем прокуратура отслеживала основные формальные этапы его ведения, и в надзорное производство подшивались копии ордеров

на арест и обыск, постановления следователя о продлении сроков следствия (в нем он давал своего рода отчет о проделанной работе, сообщал о достигнутых результатах и указывал, для каких следственных действий требуется дополнительное время). Затем поступали копии постановления о передаче дела в суд, обвинительного заключения и приговора. В отдельных случаях к делу могли быть приобщены копии протоколов допросов, копии инкриминируемых антисоветских документов и проч., но их наличие необязательно.

Если же дело заводилось по жалобе на неправильное осуждение, то помимо нее (и других жалоб, поступавших в дальнейшем, некоторые заключенные писали их в больших количествах) надзорное производство обычно содержит справку или заключение прокурора, изучавшего дело и решавшего, подлежит ли приговор опротестованию; могут также наличествовать копия приговора, справки и характеристики из мест заключения, выписки из следственного дела и иные понадобившиеся прокурору материалы. Когда принималось решение о необходимости пересмотра приговора, то к надзорному производству приобщались копии протеста прокурора и последующего судебного определения. Во многих случаях дело заводилось по спецсообщению, а затем продолжалось по жалобе, тогда в нем собирались все перечисленные документы. И, конечно же, в надзорные дела попадала и вся попутная канцелярская переписка: запросы в местные органы следствия и прокуратуры о высылке в Прокуратуру СССР следственного и надзорного дел, сопроводительные письма, сообщения о назначенных датах судебных заседаний, формальные ответы жалобщику и т. п.

Состав дела мог значительно варьироваться в зависимости от его содержания, от того, какие документы оказывались присланы с мест, от мнения прокурора насчет необходимости тех или иных сведений. Например, дела о незаконном переходе границы очень часто ограничиваются одним спецсообщением⁶, а дела по эконо-

⁶ Кстати, неясно, почему Прокуратура СССР не отслеживала дальнейший ход следствия и суда над нарушителями границы. Видимо, это входило

мическим преступлениям обычно весьма обширны, содержат данные экспертизы, анализы бухгалтерских документов и т. д.

Наиболее содержательный из официальных документов надзорного дела (и центральный по существу) — это заключение, постановление или справка прокурора. Они составлялись после ознакомления со следственным или надзорным производством по уголовному делу. Структура этих разновидностей документов практически совпадает, и разница между ними не столько содержательная, сколько сугубо формальная. Составленные более-менее сходным образом, они различались по своей функции в процессе. Сначала в них указывается, когда и каким судом вынесен приговор, затем приводится стандартная объективная справка об осужденном (осужденных, если дело групповое), содержащая год и место рождения, национальность, сведения об образовании, партийности, наличии прежних судимостей, участии в Великой Отечественной войне и боевых наградах, месте жительства и работы перед арестом по данному делу. Вслед за этим указывается, по каким статьям уголовного кодекса вынесен приговор, кратко излагается суть дела. Затем следует более подробный анализ обстоятельств дела, причем могут цитироваться показания свидетелей и обвиняемого, тексты инкриминируемых документов, признанных антисоветскими. При этом прокурор мог отметить противоречия в показаниях, достаточную или недостаточную доказанность вины подсудимого. В итоге сотрудник прокуратуры делал вывод об обоснованности осуждения. Если он решал, что приговор вынесен правильно, то жалобщику отправлялось формальное сообщение об отказе в пересмотре дела (последующие жалобы подшивались в то же надзорное дело, но далеко не всегда сопровождалась повторными прокурорскими заключениями). Если же прокурор находил дело недостаточно доказанным, а приговор несоответствующим вине, то он постановлял войти в судебные инстанции с протестом.

в компетенцию других структур; однако спецотдел Прокуратуры СССР все же получал спецсообщения, в отличие от других неподведомственных ему случаев (например, шпионаж).

Особенно важно, что в качестве сопутствующих или рабочих материалов к заключению прокурора в некоторых случаях выступают подробные выдержки из показаний с описанием «антисоветского деяния», например, с пересказом разговоров, а также копии или фрагменты «документов антисоветского содержания» (листовок, стихов, анонимных писем, рукописей). Наличие этих текстов — существенное достоинство прокурорских заключений, т. к. в несекретных документах, каким являлись обвинительное заключение, приговор, протест и судебное определение, цитировать антисоветчину запрещалось.

Изредка на полях документов можно найти рабочие пометы, приоткрывающие «кухню» дела, обрисовывающие позицию сотрудников прокуратуры, подчеркивания, вопросительные и восклицательные знаки, отмечавшие ошибки и несуразности в присланных с мест документах.

Следует заметить, что содержание разных видов документов, входящих в состав надзорного производства, во многих случаях дублируется. Это неудивительно, т. к. мы имеем дело с документами, созданными со сходной целью и для сходных нужд, подчиняющимися более-менее однообразным делопроизводственным стандартам. Так, стандартный набор сведений об обвиняемом/осужденном («объективка») в обязательном порядке присутствует, помимо заключения (справки, постановления) прокурора, также в спецсообщении; в постановлениях об аресте, обыске, продлении сроков следствия, изъятии почтовой корреспонденции; в обвинительном заключении, приговоре, судебном определении; в протесте прокурора. По большей части содержание объективов повторяется, однако, в некоторых документах они могут быть чуть более подробными или, напротив, небрежными, а иногда и расходятся друг с другом (редко, но встречаются расхождения в датах рождения, чаще — в написании фамилий, особенно нерусских при попытке их русифицировать, имен и отчеств). Часто отсутствуют или крайне небрежно указаны место жительства (только область, или населенный пункт без указания административной принадлежности), место работы, вместо которого может быть проставлено самое общее указание на про-

фессию (рабочий, колхозник, слесарь, счетовод и пр.) Наш опыт работы с надзорными делами показывает, что как правило удобнее всего обращаться к прокурорским заключениям: они составлены зачастую более добросовестно, в них объективки могут быть дополнены сведениями, существенными для понимания сути дела (участие в войне, социальное происхождение, факт послевоенной репатриации, прежние судимости и т. д.)

Равным образом в документах дублируется и информация о предмете дела, т. е. совершенном преступлении (обвинительное заключение, приговор, судебное определение, заключение, справка, постановление прокурора, прокурорский протест). В этом отношении, как мы уже отмечали, внутренние документы прокуратуры гораздо полнее и содержательнее, т. к. в нескретных документах, фигурировавших в ходе рассмотрения дела в суде, суть антисоветских действий и высказываний излагалась в общих чертах и иносказательно. То же самое можно сказать и о показаниях свидетелей по делу: если в заключении прокурора или рабочих материалах к нему они могут обильно цитироваться, то в обвинительном заключении и приговоре, как правило, лишь содержится ссылка на то, что они подтверждают материал обвинения. Впрочем, встречается немало заключений прокуроров, из которых неясна подлинная суть дела (в этом отношении, несомненно, наиболее информативным должно быть архивное следственное дело).

Сам характер изложения сути дела в различных документах варьируется. Обвинительное заключение и приговор излагают содержание преступления в констатирующей форме⁷. В обвинительном заключении после описания каждого эпизода с постоянной формулой «что подтверждается показаниями свидетелей» приводятся имена свидетелей и ссылки на листы следственного дела, но сами показания как правило не цитируются. Обвини-

⁷ Работая с этими видами документов, исследователь должен иметь в виду, что, как правило, из союзных республик поступали копии приговоров и обвинительных заключений на языках этих республик, переводы их не делались.

тельное заключение гораздо обстоятельнее и подробнее приговора (определения суда), где содержание обвинения указывается гораздо более сжато. Совсем иначе составлялось заключение (справка, постановление) прокурора при надзорном рассмотрении дела. В нем сначала повторялось краткое изложение преступления, затем после стандартной фразы, что прокурор ознакомился с содержанием дела, оно же описывалось более подробно, с изложением или цитатами из высказываний осужденного, показаний свидетелей, фигурировавших в деле антисоветских текстов. К этому добавлялись не подвергавшиеся (в отличие от обвинительного заключения, приговора, судебного определения) жесткой формализации сведения о контексте преступного деяния, характере и жизненных обстоятельствах осужденного. Прокурор мог отметить его семейное положение, факты каких-либо притеснений и несправедливостей, толкнувшие его на антисоветский поступок, привести доводы в защиту или, напротив, усугубляющие вину. Особенности интерес могут представлять сообщения самого прокурора насчет обоснованности осуждения, доказанности вины; в них можно прочесть иногда довольно нелицеприятные оценки действий местных властей. Протест прокурора, составленный на основании его заключения, был уже гораздо более сжатым, лапидарно излагал суть дела и основания к его пересмотру.

В целом ряде документов надзорного дела находятся формальные сведения о судебной истории фигуранта: дата ареста, статьи уголовного кодекса, по которым он привлекается, даты направления дела в суд, судебного заседания, содержание приговора (статьи, срок заключения по каждой из статей и совокупный, приговор к ссылке, лишению прав, конфискации имущества и пр.), дата кассационного рассмотрения дела, решение кассационной инстанции, даты и решения в случае последующих судебных пересмотров данного дела. Эти сведения содержатся, разумеется, в приговоре, прокурорском заключении, протесте, последующих судебных определениях, а также (частично) в обвинительном заключении, постановлении следователя о передаче дела в суд (если таковое имеется в надзорном производстве),

справке на заключенного из мест лишения свободы. Могут они также приводится в жалобах заключенного⁸, его родственников или защитника, в переписке по делу.

Гораздо сложнее со сведениями о дальнейшей судьбе осужденного. Надзорное дело заканчивается с последними поступившими жалобами и ответами на них, и в большинстве случаев не содержит никакой информации о том, где именно и сколько времени человек отбывал наказание, когда освобожден. Такого рода данные могут содержаться в жалобах или официальной переписке, возникшей по особым поводам (скажем, найдет отражение в надзорном производстве факт смерти во время следствия одного из обвиняемых), но присутствуют они в надзорных делах лишь спорадически.

Интересны документы, которые прокуратура получала при возбуждении уголовного дела и в ходе следствия. Они рисуют начальный этап дела, позволяют хотя бы в общих чертах проследить его развитие, начиная со спецсообщения о факте антисоветского преступления, поисках (иногда довольно долгих) виновного, разнообразных экспертизах, описании места происшествия (как делалось в случае массовых беспорядков). Постановления о возбуждении уголовного дела, об арестах и обысках, о продлении сроков следствия содержат изложение имевшихся на тот момент в руках следователя данных, его дальнейших планах (он обязан был показать прокурору законность и обоснованность своих действий). В то же время, эти документы позволяют судить и о мере осведомленности прокуратуры насчет текущего следствия: очевидно, что она была как правило сугубо формальной. Иногда прокурорам представлялись копии протоколов допросов, актов экспертиз, но это было скорее исключением, нежели правилом.

Своеобразным преимуществом надзорных производств, облегчающим доступ к ним исследователей, является как раз их относительная неполнота: в этих делах содержится весьма мало сведений, охраняемых как личная тайна заинтересованного лица

⁸ Многие заключенные прилагали к жалобе собственноручно сделанную рукописную копию приговора.

или как секреты агентурной работы. Последняя (за единичными исключениями) в надзорных делах не отражена вовсе; что же касается до не подлежащих огласке сведений частного характера, то и они попадают нечасто. В первую очередь тут следует назвать акты психиатрических экспертиз, на основании которых выносилось судебное определение о прекращении дела и направлении обвиняемого на принудительное лечение. Другие частные сведения встречаются редко и обычно в жалобах. Главным образом личные сведения фигурантов дел сводятся к имени, дате рождения, месту жительства и собственно составу обвинения.

Жалоба осужденного — чрезвычайно интересный вид документа, постоянно присутствующий в надзорных производствах. Если официальные документы обвинения рисуют одну и, разумеется, тенденциозную картину событий, а заключение прокурора изредка позволяет взглянуть на них в ином ракурсе, то жалоба во многих случаях предоставляет совершенно иной угол зрения и часто существенно дополняет образ осужденного антисоветчика. В жалобе он излагает свою версию происшедшего, приводит аргументы в пользу своей невиновности. Вместе с тем, жалоба, как документ «авторский», несет в себе дополнительные штрихи к портрету: уровень грамотности, осмысления и понимания событий. Одно дело — жалобы, исходящие от образованных, интеллигентных людей, которые, помимо прочего, ищут и язык общения с властью, обращаясь к ней подчеркнуто формально или же с развернутой речью, апеллирующей к здравому смыслу и чувству справедливости; интонационно они могут писать нейтрально, заискивающе, гневно, саркастически и т. д. Другое дело, когда жалоба написана человеком малограмотным, содержит характерные для своего времени речевые клише и зачастую неожиданные аргументы (нам попадались жалобщики, которые в качестве доказательства, что у них не могло быть антисоветских взглядов, приводившие именно собственную малограмотность: «Какой же я антисоветский человек, ведь у меня всего два класса образования»). Такие жалобы могли бы служить ценным источником по истории повседневного массового сознания.

Во многих случаях информация жалобы столь сильно расходится с информацией официальных документов, что исследователь вынужден решать, которая из сторон была ближе к истине. Не всегда, надо признаться, вывод бывает в пользу заключенного: нам встречалось достаточно много случаев, когда рисующий себя невинно обвиненным жалобщик на поверку оказывается уголовником-рецидивистом, умалчивающим в жалобе о криминальной составляющей своей биографии. Существует и еще один, малоисследованный момент: видимо, многие жалобы писались не самим осужденным, а по его просьбе кем-то из товарищей по заключению, считавшимся в той среде умелым составителем жалоб. Это явствует как из лагерной мемуаристики, так и из ненормально часто встречающихся жалоб, написанных старательной школьной каллиграфией. Все заключенные просто не могли обладать такими почерками. Но в каких случаях жалоба написана самим фигурантом, в каких — посредником, и какова роль посредника при составлении документа (от полного авторства до роли переписчика), судить бывает трудно. В любом случае, можно говорить о жалобах заключенных как об особом жанре, испытывавшем воздействие лагерных традиций.

Несколько проще анализировать жалобы, исходящие от родственников осужденных: они как правило написаны ими самостоятельно. В них также могут содержаться важные и существенные сведения о сути дела, доказательства несправедливости осуждения, да и просто сведения о домашних обстоятельствах осужденного (наличие детей, престарелых родителей, часто род их занятий, трудовые заслуги и т. д.) Однако, родственники естественно излагают события в пользу обвиняемого, и часто бывают не слишком осведомлены об обстоятельствах дела. Кроме того, зачастую жалобы родственников оказываются эмоциональными, но мало информативными, не затрагивая сути дела как такового. Они составлялись примерно по той же схеме обращения ко власти, какую бывалые советские люди практиковали и по другим поводам, добиваясь льгот, решения квартирного вопроса и т. д. Аргументация выстраивалась примерно так: «Я пожилая женщина, больна, всю жизнь трудилась на благо родины, имею та-

кие-то заслуги, одна растила единственного сына, он всегда был хорошим мальчиком, хорошо учился и работал, состоял в комсомоле, он полностью осознал свою вину (или по отношению к нему допущена несправедливость), верните мне сына».

Жалобы, составленные адвокатом, встречаются в надзорных производствах сравнительно редко, они написаны более отчужденно, строго и формально, в них могут наличествовать замечания процессуального характера (которые, впрочем, бывают свойственны также жалобам осужденных и их родных).

Выше мы уже упоминали виды документов, встречающихся в надзорных делах, но не составляющих их обязательного, постоянного костяка: копии инкриминируемых антисоветских документов, выдержек из показаний обвиняемого и свидетелей, актов экспертиз. Не будем специально останавливаться на важности этих документов, она очевидна. Заметим, что, поскольку состав надзорного производства не был жестко регламентирован законом, в них иногда, в связи с особыми обстоятельствами дела, попадали документы достаточно неожиданные. Например, стенограмма собрания трудового коллектива по месту работы матери девушки, осужденной в конце 1950-х гг. за антисоветские высказывания, где мать из-за этого подверглась яростному шельмованию со стороны коллег. Или переписка в связи с прокурорской проверкой по жалобе жены осужденного, что по месту его бывшей работы его имя задним числом исключили из коллективного научного труда. Вырезки из лагерных газет, подтверждающих активное участие заключенного в общественной и культурно-просветительской деятельности. Газетные публикации по следам нашумевшего политического дела. В нескольких, особо громких случаях (массовые беспорядки, дела известных диссидентов) в надзорных делах встречаются проекты информационных сообщений для печати, иногда со следами правки и согласований. Письма в защиту диссидентов от отечественной и международной общественности, от «Международной амнистии».

Отдельно следует отметить докладные записки Прокуратуры СССР в высшие советские инстанции: Верховный Совет СССР, ЦК КПСС, руководителям партии и правительства. Они состав-

лялись в случаях, когда жалоба осужденного (его родных) поступала в высшие органы и оттуда направлялся соответствующий запрос в Прокуратуру. Иногда за этим следовал пересмотр дела, о чем затем также подавалась докладная записка.

Заметим также, что ряд надзорных дел имел красный штамп «особый контроль». В значительном количестве случаев его появление было обусловлено как раз тем, что дело заводилось по жалобе, адресованной в высшие советские органы и оттуда поступившей в Прокуратуру СССР.

Заканчивая обзор основных видов и разновидностей документов надзорного производства, заметим, что если для основательного изучения дела необходимо внимательное знакомство со всеми его документами (при том что информация в них в немалой мере дублируется), то для беглого ознакомления с существом дела удобнее всего обратиться к заключению (справке, постановлению) прокурора, а в поисках биографических данных осужденного — сначала к заключению, а затем сверить сведения с объективками в прочих документах и ознакомиться с жалобами (биографическая информация чаще всего находится в них в начале или ближе к началу, после сведений об осуждении).

Опыт работы также показывает, что мера обстоятельности и внятности документов надзорных производств зависит не только от процессуальных норм, но и от того, где и кем конкретно они создавались. Для 50–60-х годов XX века характерен сравнительно невысокий уровень грамотности работников низовых и периферийных правоохранительных структур. Зачастую прокуроры союзного уровня подчеркивали в присланных с мест документах орфографические и грамматические ошибки коллег, а содержательно такие бумаги могли грешить явной несуразницей. Особенной небрежностью отличаются дела транспортных прокуратур, в которых обычно наличествует самый минимум документов.

Документы в надзорных производствах могут быть как машинописными, так и рукописными. Как правило, делопроизводительная переписка, копии приговоров, обвинительных заключений, судебных определений, протестов имеются в машинопи-

си, причем копии основных документов, исходящих из судебных органов (обвинительное заключение, приговор, определение), часто отпечатаны на кальке и являются далеким от первого в машинописной закладке экземпляром⁹, а значит, трудночитаемым. Материалы работы проверяющего прокурора (справка, заключение, постановление, вспомогательные заметки и выписки) встречаются как в машинописном, так и в рукописном виде. Жалобы чаще всего написаны от руки, а жалобы заключенных рукописные как правило.

Надзорное производство может иметь внутреннюю опись, но встречаются они нечасто и главным образом в объемистых делах.

Остается сказать несколько слов об особенностях очень близких по составу к прокурорским надзорным производствам Верховного Суда СССР. Они заводились по жалобам осужденных в случаях, когда Верховный Суд выступал в качестве высшей судебной инстанции, пересматривавшей дело. По видам документов они аналогичны делам прокуратуры, но, как правило, значительно

⁹ Следует, видимо, напомнить, что при перепечатавании документов на пишущей машинке листы бумаги прокладывались листами копировальной бумаги («копирки»), это позволяло изготовить сразу несколько копий, причем качество печати для каждой последующей копии, естественно, ухудшалось. Вставляемая в машинку пачка бумаги, переложенной копиркой, именовалась «закладкой». На обычной механической пишущей машинке с обыкновенной бумагой первая копия получалась качественной (она шла основному адресату), вторая читалась вполне хорошо, третья была еще достаточно четкой для чтения, четвертая получалась почти слепой. Как правило, в делопроизводстве закладка и состояла из 3–4 листов. Если копий требовалось больше, обычную бумагу заменяли прозрачной тонкой калькой, тогда машинка пробивала до 10–12 копий, однако, большинство из них получались трудночитаемыми, слепыми. Надо заметить, кстати, что ровно так же поступали и распространители самиздата, они тоже делали максимальное количество листов кальки в закладке, стремясь получить как можно больше копий. У электрических пишущих машин сила удара литеры была больше и читаемых копий получалось тоже больше, но электрические машины встречались реже, ими обладали канцелярии и машинописные бюро крупных учреждений. В быту использовались машинки механические, их можно было купить в магазине наряду с другой бытовой техникой.

менее обстоятельны. Они включают в себя обычно жалобу (жалобы) осужденного, родственников или адвоката, копию приговора, протест прокурора и копию вынесенного по делу определения. В отличие от органов Прокуратуры, Верховный Суд не входил в детальное рассмотрение обстоятельств дела, довольствуясь итоговыми материалами прокурорского надзора. Как видно из состава документов, надзорные производства Верховного Суда дублируют прокурорские, включая в себя копии тех же самых документов. Различаться могут лишь жалобы, да и те обычно писались сходно в различные инстанции. Если к сказанному добавить, что, как показывает проведенное нами выявление, лишь небольшому проценту надзорных дел спецотдела Прокуратуры СССР соответствуют парные дела Верховного Суда, станет ясно, что материалы архивного фонда Верховного Суда СССР (ГА РФ. Ф. Р-9474) исследователю разумно рассматривать как вторичные и дополнительные, ориентируясь в первую очередь на материалы органов прокуратуры.

В целом следует сказать, что несмотря на явную неполноту информации надзорных производств по сравнению с архивными следственными делами, они имеют и ряд важных достоинств, делающих их удобным для использования источником. Помимо того, что, как мы уже отмечали, формальный доступ к ним гораздо легче, они еще и являются своеобразным экстрактом, выжимкой из следственного дела, гораздо более компактной и позволяющей исследователю сэкономить время при работе над такими проектами, в которых детальное, пристальное изучение каждого дела не требуется, а речь идет о выявлении персоналий осужденных, создании всевозможных типологий, обзоров, более-менее масштабном обзоре тех или иных аспектов истории народных настроений и политических репрессий в СССР.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. А. КОЗЛОВА

Книги

1. В. А. Козлов. Культурная революция и крестьянство, 1921–1927: (По материалам Европейской части РСФСР). М., 1983. 215 с.
2. В. А. Козлов. Культура и человек на этапе совершенствования социализма. М., 1985. 41 с.
3. В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. Первые пятилетки: люди, темпы, свершения. М., 1987. 63 с.
4. В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. Начинается с человека: Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1988. 251 с.
5. П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. 237 с.
6. Исторический опыт и перестройка. Человеческий фактор в социально-экономическом развитии СССР / В. А. Козлов (рук.), Г. А. Бордюгов, Е. Ю. Зубкова, О. В. Хлевнюк. Отв. ред. С. Ю. Борисов. М., 1989. 302 с.
7. История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории советского государства / Сост. В. А. Козлов. М., 1991. 364 с.
8. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М. : Политиздат, 1992. 350 с.
9. Неизвестная Россия. XX век : альманах / Сост. В. А. Козлов. Кн. 1. М., 1992. 347 с.; Кн. 2. М., 1992. 379 с.; Кн. 3. М., 1993. 411 с.; Кн. 4. М., 1993. 508 с.

10. «Особая папка» И. В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1953 гг. : каталог документов // под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Сост. М. Е. Колесова, Е. Д. Гринько, Л. С. Кудрявцева, О. В. Эдельман. М., 1994. 358 с. (Архив новейшей истории России. Т. 1).
11. 58¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг. : аннотированный каталог / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской и О. В. Лавинской. М. : Демократия, 1999. 942 с. (Россия. XX век. Документы).
12. В. А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1999. 416 с. (Архив новейшей истории России. Серия «Исследования». Т. 1).
Переиздания, расширенные и дополненные:
 13. В. А. Козлов. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). М. : РОССПЭН, 2010. 462 с.
 14. Mass Uprisings in the USSR. Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years. М. Е. Sharp: Armonk, New York, London, 2002.
 15. В. А. Козлов. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 446 с.
 16. Непознати СССР: сукоби народа и власти: (1953–1985) / Владимир Александрович Козлов; превод са руског Драгиња Рамадански — Београд : Association for Social History, 2007 (Београд : Чигоја штампа). (Библиоотека Rossica; књ. 2).
17. В. А. Козлов. «Где Гитлер?»: Повторное расследование НКВД—МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М., 2003. (SELECTA. II). 228 с.
Переиздание:
 18. В. А. Козлов. «Где Гитлер?»: Повторное расследование НКВД (МВД) СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера (1945–1949). М. : РОССПЭН, 2016. 180 с.

19. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов : в 7 т. / М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федеральное архивное агентство, ГА РФ, Гуверовский ин-т войны, революции и мира ; ред. совет: Ю. А. Афанасьев, П. Грегори, Е. Даниелсон, В. А. Козлов и др. М. : РОССПЭН, 2004–2005.
Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных / Отв. ред. и сост. В. А. Козлов. Сост. О. В. Лавинская. М., 2005. 735 с.
Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации: аннотированный указатель дел / отв. ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко ; отв. сост. А. В. Добровская ; сост. Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, В. П. Наумов, В. И. Широков. М., 2005. 712 с.
20. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953–1982 гг.: Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под ред. В. А. Козлова, С. В. Мироненко ; отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской. М. : Материк, 2005. 432 с.
21. Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev / edited by Vladimir A. Kozlov, Sheila Fitzpatrick, and Sergei V. Mironenko. Compiled by V. A. Kozlov and O. V. Edelman with assistance from E. Yu. Zavadskaja. English edition edited and introduced by Sheila Fitzpatrick. Translated by Olga Livshin. English edition annotated by Andrew Janco. Yale university press : New Haven & London. 2011.
22. Заключенные на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР : собрание документов и фотографий / отв. ред. О. В. Хлевнюк, В. А. Козлов, С. В. Мироненко ; отв. сост. О. В. Лавинская, Ю. Г. Орлова ; сост.: Д. Н. Нохотович, Н. Д. Писарева, С. В. Сомонова. М. : РОССПЭН, 2008. 448 с.
23. Вайнахи и имперская власть: Проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / авт. коллектив: В. А. Козлов (рук.), Ф. Бенвенути, М. Е. Козлова, П. М. Полян, В. И. Шеремет ; сост. И. А. Зюзина (отв. сост.), В. А. Козлов, М. Е. Козлова и др. М. : РОССПЭН, 2011. 1094 с.

24. В. А. Козлов, М. Е. Козлова, Ф. Бенвенути. Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 — начало 1960-х гг.). СПб. : Нестор-История, 2016. 124 с.
25. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Маленький СССР и его обитатели: очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии, 1945–1949. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 286 с.

Статьи

26. В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. Человеческий фактор в развитии экономики // Коммунист. 1985. №2. С. 55–64.
27. В. А. Козлов, О. В. Хлевнюк. Уметь перестраиваться: опыт первой пятилетки // Вопросы истории КПСС. 1987. №1. С. 78–92.
28. В. А. Козлов. Историк и перестройка // Вопросы истории КПСС. 1987. №5. С. 110–122.
29. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. Время трудных вопросов. История 20–30-х годов и современная общественная мысль // Правда. 1988, 30 сентября. № 274. С. 3; 3 октября. № 277. С. 3.
30. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопросы истории КПСС. 1988. №8. С. 15–33.
31. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. Николай Бухарин // Политическое самообразование. 1988. № 13. С. 91–109.
32. V. A. Kozlov. The historian and perestroika // Soviet Studies in History, 1988. V. 27. N 3. P. 65–84.
33. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов, В. Т. Логинов. Послушная история, или новый публицистический рай // Коммунист. 1989. № 14. С. 74–87.
34. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. Диалектика теории и практики социалистического строительства // История СССР. 1989. №6. С. 3–21.
35. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов, В. Т. Логинов. Куда идет суд? // Родина. 1989. № 10. С. 71–76.
36. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов, В. Т. Логинов. Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. №5. С. 60–76.

37. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. Историческая развилка весны 1918 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. №8. С. 32–49; №9. С. 50–66.
38. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. Поздний Бухарин: представления о социализме // Бухарин: человек, политик, ученый : сб. ст. / сост. А. Н. Солопов. М., 1990.
39. В. А. Козлов, Е. Г. Плимак. Концепция советского термидора // Знамя. 1990. №7. С. 160–172.
40. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения: Очерки истории советского государства. М., 1991. С. 49–117.
41. Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. от «чрезвычайщины» к «тоталитаризму». Как укреплялась большевистская диктатура // Диалог. 1991. №5. С. 84–87; №6. С. 85–92.
42. В. А. Козлов. «Кризис жанра» или канун методологической революции? // Вопросы истории КПСС. 1991. №9. С. 4–15.
43. Vladimir Aleksandrovich Kozlov, Evgenii Grigorievitch Plimak. Le Thermidor sovietique // Cahiers Leon Trotsky. Revue trimestrielle. 1992. № 48.
44. В. А. Козлов. Дело «Миф»: расследование НКВД/МВД СССР обстоятельств исчезновения Гитлера. (Ноябрь 1945–1949 год) // Отечественная история. 1996. №1. С. 121–138; №2. С. 80–106.
45. В. А. Козлов. Российская история: обзор идей и концепций, 1992–1995 годы // Свободная мысль: теоретический и политический журнал. 1996. №3. С. 99–113; №4. С. 104–120.
46. Vladimir A. Kozlov. Denunciation and its functions in Soviet governance: A study of denunciations and their bureaucratic handling from Soviet Police Archives, 1944–1953 // The Journal of Modern History, 1996. V. 68. N 4. P. 867–898.
47. Vladimir Kozlov. „Post-Kommunismus“ und die Erfahrung der russischen Geschichte im 20. Jahrhundert. Ideen und Konzeptionen (1992-1995) // Deutsch-russisches Monitoring der Sozialwissenschaften in Rußland. 1996. T. 1. P. 219–246.
48. В. А. Козлов, О. К. Локтева. «Архивная революция» в России (1991–1996) // Свободная мысль: теоретический и полити-

- ческий журнал. 1997. №1. С. 113–121; №2. С. 115–124; №4. С. 116–128
49. В. А. Козлов. Феномен доноса // Свободная мысль: теоретический и политический журнал. 1998. №4. С. 100–112.
50. V. A. Kozlov. Denunciation and its functions in Soviet governance // Stalinism: New Directions, 2000.
51. В. А. Козлов. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. №4. 2003. С. 81–97.
52. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в сталинской ссылке (1944–1953 гг.) // Вестник архивиста. 2003. №3–4 (75-76). Май–август. Ст. 225–265.
53. В. А. Козлов. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. №5. С. 95–109; №6. С. 122–136.
54. В. В. Захаров, В. А. Козлов, В. А. Тюнеев. Разработка и изучение фондов Советской военной администрации в Германии, хранящихся в ГА РФ // Археографический ежегодник за 2002 год. М., 2004. С. 32–36.
55. В. А. Козлов. Корпоративная социальная политика в России // Федерализм: Теория. Практика. История : ежеквартальный журнал. 2010. №3 (59). С. 203–213.
56. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. Иллюзия очевидности. Проблемы превращения документов высших органов государственной власти и управления Российской Федерации в исторический источник // Проблемы методологии изучения и преподавания современной истории. Ч. 2: Доклады международной конференции, 29 сентября 2009 г. М., 2010. С. 82–105.
57. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. «Бесчинства» как управленческий концепт. К пониманию военно-бюрократической культуры советского оккупационного режима в Германии (1945–1949 гг.) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XIV. М., 2013.

58. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Жилище как трофей: квартирный вопрос в бюрократических практиках и личных стратегиях сотрудников Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XVI. М., 2014. С. 375–416.
59. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Операционные коды советской кадровой политики эпохи позднего сталинизма. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. XXI. М., 2017. С. 368–430.
60. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии // Исследования по истории русской мысли. [14]. Ежегодник за 2018 год. М., 2018.
61. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы (по материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. №2. М., 2018. С. 5–31.
62. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. №5. М., 2018. С. 130–152.
63. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. Советские потребительские практики в «маленьком СССР», 1945–1949 (по материалам Советской военной администрации в Германии) // Русский Сборник. Исследования по истории России. Т. XXVII. М., 2020. С. 308–393.
64. В. А. Козлов, М. Е. Козлова. На излете позднего сталинизма: культ бдительности и ритуалы секретности (по материалам Советской военной администрации в Германии, 1945–1949) // История. Научное обозрение OSTKRAFT. №1 (13). М., 2020. С. 107–147.

ИСТОРИЯ С С С Р И РОССИИ архивная революция

Научный сборник памяти В. А. Козлова

Редактор-составитель О. В. Эдельман

Корректор Е. В. Романова

ISBN 978-5-905040-98-6

Издатель Модест Колеров

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 23.02.2025. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»
150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2
тел.: (4852) 200-121. www.yarcmik.ru